

730
1757

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

№

МОСКВА
КРЕМЛЬ.

ПЕТРОГРАД
СМОЛЬНЫЙ.

18

УСТАВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

В 1864 году в Лондоне было создано первое Международное Товарищество Рабочих—Первый Интернационал. В уставе этого Международного Товарищества Рабочих говорилось:

«Что освобождение рабочего класса может быть завоевано только самим рабочим классом;

что, борясь за свое освобождение, рабочие должны стремиться не к созданию новых привилегий и монополий, но к установлению равных для всех прав и обязанностей и к уничтожению всякого классового господства;

что экономическое подчинение рабочего монопольному владельцу средств производства, т. е. всех источников жизни, является главной причиной разложения во всех его формах, всего социального зла, всего духовного вырождения и политического подчинения рабочего класса;

что экономическое освобождение рабочего класса является той великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство; что все стремления к достижению этой цели оставались до сих пор безуспешными, вследствие недостатка солидарности между рабочими различных профессий в каждой отдельной стране и отсутствия братского союза между рабочими различных стран;

что освобождение труда, являясь задачей не местной, но национальной, а социальной, затрагивает интересы всех стран, в которых существует современный общественный строй, и для своего разрешения требует теоретического и практического взаимодействия наиболее передовых стран;

что перенесение одновременное возрождение рабочего движения в промышленных странах Европы, с одной стороны, возбуждает новые надежды, с другой стороны, серьезно предостерегает от повторения старых ошибок и требует немедленного объединения до сих пор несвязанных друг с другом движений.

II Интернационал, основанный в 1889 году в Париже; обязался продолжать дело I-го Интернационала, но в 1914 году, в начале мировой войны, он потерял полный крах. II Интернационал погиб, подчиненный оппортунизму и сраженный изменами вождей, которые перешли на сторону буржуазии.

III Коммунистический Интернационал, основанный в марте 1919 г., в столице Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в городе Москве, торжественно перед всем миром заявил о том, что он берет на себя продолжение и завершение великого дела, начатого первым Международным Товариществом Рабочих.

III Коммунистический Интернационал сложился в момент, когда заканчивалась империалистская война 1914—1918 гг., в которой империалистская буржуазия различных стран принесла в жертву 20 миллионов человек.

— Помни об империалистской войне!— вот первое, с чем обращается Коммунистический Интернационал к каждому труженику, где бы он ни жил, на каком бы языке он ни говорил.— Помни о том, что, благодаря существованию капиталистического строя, небольшая горсточка капиталистов имела возможность в течение четырех долгих лет заставлять рабочих различных стран резаться между собою! Помни о жуткой войне вверху Европы и весь мир шивший голод и нищету! Помни о том, что

капитализма повторение таких разбойничьих войн не только возможно, но и неизбежно.

Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание международной советской республики, как переступки на ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает советскую власть исторически данной формой эпохи диктатуры пролетариата.

Империалистская война особенно тесно связала судьбы рабочих одной страны с судьбами пролетариев всех стран. Империалистская война лишит раз подтвердила то, что говорилось в уставе I-го Интернационала: освобождение рабочих является задачей не местной или национальной, а задачей международной.

Коммунистический Интернационал раз навсегда порывает с традицией II-го Интернационала, дающего право на деле существовали только люди белой кожи. Коммунистический Интернационал ставит себе задачей освобождение тружеников всего мира. В рядах Коммунистического Интернационала братски объединяются люди белой, желтой, черной кожи,—труженики всей земли.

Коммунистический Интернационал целиком и беззаветно поддерживает завоевания великой пролетарской революции в России, первой победоносной социалистической революции в мировой истории, и зовет пролетариев всего мира идти по тому же пути. Коммунистический Интернационал обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где она ни создается.

Коммунистический Интернационал знает: для того, чтобы скорее добиться победы, Международное Товарищество Рабочих, борющееся за уничтожение капитализма и создание коммунизма, должно иметь стройную централизованную организацию. По существу дела, Коммунистический Интернационал должен действительный и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отделенными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать трудящихся каждой страны возможностью в каждый нужный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран.

С этой целью Коммунистический Интернационал утверждает следующие пункты Устава:

Ст. 1. Новое Международное Товарищество Рабочих основано для организации совместных действий пролетариев различных стран, стремящихся к одной цели: низвержению капитализма, созданию диктатуры пролетариата и Международной Советской Республики для полного уничтожения классов и осуществления социализма, этой первой ступени коммунистического общества.

Ст. 2. Новому Международному Товариществу Рабочих присвоено название *Коммунистический Интернационал*.

Ст. 3. Все партии, входящие в Коммунистический Интернационал, являются коммунистическими.

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ВЫХОДИТ ОДНОВРЕМЕННО НА РУССКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ,
НЕМЕЦКОМ и АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Журнал выходит под редакцией Г. Зиновьева и при
близжайшем участии Бухарина, Каменева, Деминга, Луначарского, Покровского, Раковского, Рыжкова, Троцкого (Россия); Кууликена, Малиера, Сирона (Финляндия); Гримланд, Исмаило, Стрела, Хегланд, Чаббула (Швеция); Греша, Троннеса, Фрииса, Шеффа (Норвегия); Блинкина, Вавешкина, Роланд-Хольста, Рунгерса (Польша); Гомана, Штейнграда, Штраусера (Австрия); Пика, Радека, Тавизиовера, К. Цеткин, Хеккерта (Германия); Г. Кесача, Моканна, Панкхерста, Рашштейна (Англия); Гавбо, Асанбера, Дормо, Джон Рид, Моната, Суварина, Кашера, Перикк, Садум, Фригера (Франция); Домбаччи, Бордига, Грамши, Геррочини (Италия); Герцога, Мюценберга, Шалттера, Эмбер-Дрозд (Швейцария); Альвари, Вела-Куна, Рудаша, Рудашевского (Бельгия); Мархлевского (Польша); Дзюгосла, Кабакчиша, Коларова (Югославия); Джон Рид, Диня Доркина, Хенбуа (Америка) и др.

№ 18

ГОД ИЗДАНИЯ

ТРЕТИЙ

контора издательства:
петроград. смольный, комната 32-33 телефон 161-20 и 1-19
редакция: петроград. смольный, нав. Г. Зиновьева

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ.

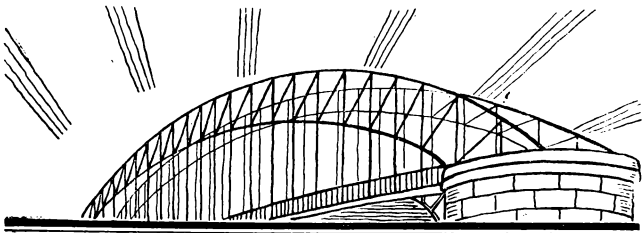
С настоящего номера журнал „Коммунистический Интернационал“, по постановлению Исполкома Коминтерна, начинает преобразовываться. После III Конгресса Коминтерна перед нашим журналом возникли новые задачи. Литературная работа центральных органов Коминтерна также должна начать дифференцироваться. Согласно постановлению III Конгресса, Исполком Коминтерна делает первую попытку выпускать в Западной Европе „Еженедельную Коммунистическую Корреспонденцию“ (потом и чаще). Эта „Корреспонденция“ будет носить, главным образом, информационный характер. Все партии обязаны наметить своих постоянных корреспондентов для этого органа и периодически посылать туда отчеты обо всем происходящем в стране. То же самое относится и к коммунистам, работающим в профсоюзах. Таким образом, редакционная часть отойдет, главным образом, к этой „Корреспонденции“. Это даст возможность до некоторой степени разрушить наш журнал „Коммунистический Интернационал“, который в последнее время начал становиться все более и более обемистым.

Освободившись от этого информационного материала, редакция журнала сможет уделить больше места теории и тактике. „Коммунистический Интернационал“ должен стать исключительно руководящим органом Коминтерна по основным во-

просам теории, тактики и организации. Вместе с тем, редакция принимает все меры к тому, чтобы выход „Коммунистического Интернационала“ происходил совершенно регулярно один раз в месяц: по-русски первого числа каждого месяца, по-немецки—15 числа каждого месяца и, надеюсь, по-французски и английски, примерно, в те же самые дни.

Журнал вводит новые, важнейшие отделы, например, обзор рабочей прессы по всем странам, библиографический отдел, организационный отдел и т. п. Для руководства каждым из ранее существовавших и вновь вводимых отделов назначены специальные товарищи из числа лучших литераторов коммунистического движения.

Редакция Коминтерна обращается ко всем коммунистическим партиям, ко всем отдельным коммунистическим литераторам с просьбой наладить как можно более регулярно сотрудничество в реорганизуемом журнале. Редакция просит присылать не только статьи и заметки, но и отзывы о выходящих номерах „Коммунистического Интернационала“, пожелания, критику и т. п. Редакция особенно настойчиво просит все партийные организации позаботиться о более тщательном снабжении нашего журнала всеми выходящими брошюрами, газетами, листовками и т. л.

ТАКТИКА КОМИНТЕРНА.

Решения III Всемирного Конгресса Коминтерна похищаются вкривь и вкось. Не только противники, но и некоторые друзья не поняли еще значения III Конгресса. А между тем, каждому коммунисту, для того, чтобы сознательно участвовать в внешней борьбе, необходимо с полной ясностью понять роль и значение III Конгресса и его место в освободительной борьбе мирового пролетариата.

Что иным представителям буржуазии позиция, занятая III Конгрессом, показалась неожиданной, — это понятно. Не менее понятно и то, что некоторые из крупных буржуазных органов мирового капитала закричали о нашем минимом отречении от «чистого» коммунизма. Очень хотели бы эти господа, чтобы мы были «чистыми» коммунистами в том смысле, какой они вкладывают в это слово. «Чистый» коммунист в представлении этих господ — это нечто вроде Дон-Кихота. «Чистый» коммунист это тот, который не считывается с реальной обстановкой, с условиями времени и пространства. «Чистый» коммунист это тот, который легко ловится на каждый крючок, закидываемый буржуазией, и с легкостью попадаете в каждую западню, расставленную классовыми врагами.

«Чистый» коммунист это тот, который предпринимает решающую борьбу не тогда, когда этого требует сознательный расчет и когда есть надежда победить; «чистый» коммунист это тот, который принимает борьбу тогда, когда это нравится буржуазии, который попадаете на каждую провокацию, в каждую ловушку. Одним словом, в представлении буржуазии такие «чистые» коммунисты недалеки от чистых... дураков.

Третий Конгресс Коминтерна в этом отношении жестоко разочаровал мировую буржуазию. Он показал ей, что коммунисты, организованные в Коммунистическом Интернационале, совсем не похожи на тех дурачков, которых она хотела бы видеть в качестве своих противников и которых она награждает кличкой «чистых». Вот почему с плохо скры-

той досадой представители буржуазии трыбят о том, что коммунисты будто бы поправили и их III Конгресс якобы отошел от коммунизма.

Герои и вожди II-го и III-го Интернационала, разумеется, и в этом отношении считают своим долгом не отставать от буржуазии. Г. Мартов кричит о «сумерках» Коминтерна, задним числом подтверждая, что в 1919-20 г.г. Коминтерн действительно вел за собою громадные массы рабочих, — что не мешало тому же Мартову в тех же 1919-20 г.г. кричать о том, что Коминтерн представляет только маленькую кучку. Г. Гримм в газете «Berliner Tagwacht» от 23 июля с торжеством возвещает, что III Конгресс «разбавил водой крепкое вино коммунизма», «отрекся от упрямых 21 пунктов», и в заключение ничтоже сумняшеся провозглашает: «это не больше и не меньше, как приближение к тактике Венского Интернационала». В таком же духе истолковали работы Конгресса и «Freiheit», и «Vorwärts», и «Populaire», и Брантинговский «Социал-Демократ», и Вельгийский «Peuple».

Что *вот* таким образом истолковали работы III Конгресса, в этом нет ничего удивительного. Объяснять им действительный смысл и значение III Конгресса было бы делом бесполезным. Но на непонимании, проявленном некоторыми *друзьями* Коминтерна, остановиться необходимо. Наш шведский товарищ Стрем, давья отчет о III Конгрессе, писал: «правое крыло на Конгрессе было представлено русской партией и партией французской». И тов. Стрем так же, как тов. Хеглунд, с радостью констатирует победу на Конгрессе этого «правого» крыла. Уже одно это сопоставление двух партий ясно показывает, что т. Стрем и т. Хеглунд не вполне ясно отдают себе отчет в том, что произошло на III Конгрессе. Победа линии французской партии на III Конгрессе! Но представители французской партии на III Конгрессе сами десятки раз признавали, что их партия только еще развивается в коммунистическую партию. В этом нет ничего плохого и ничего удивительного. III Конгресс с величайшей радостью отпелител тот громадный шаг вперед, который предела французская партия в

своем развитии за последний год. Но вместе с тем, тот же Конгресс в полной солидарности с лучшей частью французских делегатов констатировал, что французская партия должна еще многое и многое исправить для того, чтобы стать действительно коммунистической партией.

С другой стороны, вести, приходящие из Германии, показывают, что и там далеко не все товарищи правильно поняли значение III Конгресса. В письме одного из новых членов Центрального Комитета Германской Коммунистической Партии, писанном во время пребывания в Вене (24 авг. 1921 г.), товарищи пишут нам:

«III Конгресс здесь вызвал такое впечатление, что вся осудил не только теорию офензивы, но и борьбу тем рабочих, которые участвовали в мартовских битвах. Это без сомнения впечатление неправильное, но, вместе с тем, с этим психологическим фактором приходится считаться, чтобы правильно понять внутреннюю борьбу в рядах Германской Коммунистической Партии».

Само собою разумеется, что те «левые» германские товарищи, которые предполагают, будто III Конгресс осудил не только теорию офензивы, но и борьбу рабочих в марте, столь же ошибаются, как и те пронацистельные шведские товарищи, которые увидели на III Конгрессе победу линии французской партии.

Что же, в конце концов, произошло на III Всемирном Конгрессе Коминтерна? Каков действительный смысл его решений? В чем содержание нынешней тактики Коминтерна?

Ларчик открывается очень просто. Содержание работ III Конгресса выражается в том, что Коминтерн приспособил свою тактику к новым условиям. Коминтерн идет к прежней цели — и в основном — прежними путями. Но, считаясь с новыми препятствиями, он, где нужно, умеряет шаг, обходит овраги, отступает сегодня, чтобы завтра лучше организовать наступление, охлаждает чрезмерную горячность авангарда там, где слишком отстают арвергарды.

Элемент *организованности* в рабочем движении за два года существования Коминтерна, несомненно, возрос необычайно. Коммунистические партии представляют в 1921 году, несомненно, большую организованную силу, нежели в 1919 г. Но элемент спонтанности в борьбе масс, элемент *стихийности* подъема в течение этих же двух лет стал слабее; пропавши за эти два года окреп, буржуазия консолидировалась, организовалась, оправилась от первой растерянности после войны, перестроила свои ряды и стоит перед нами опять, как серьезный, жесткий грозный противник. Социал-демократы, сторонники второго и двухполовинного Интернационала в течение двух лет, 1919—1921, сделали все от них зависящее, чтобы *помочь буржуазии консолидироваться*. В те времена, когда буржуазия была беспомощной, в те месяцы, когда вожди капиталистов прислабь, как в Ахихраке, когда буржуазные партии колебались, как биваночки, в это время очень

многое, почти все, зависело от субъективного фактора: от степени готовности рабочих, от революционной воли и решимости партий и профсоюзов. В это решающее время социал-демократы II-го и III-го Интернационалов все, что имели, бросили на чашу весов буржуазии. Вот почему то, чего в 1919 году можно было достигнуть одним ударом, теперь достается нам с большим трудом. Вот почему и III Конгрессу Коминтерна пришлось устанавливать свою тактику применительно к новым обстоятельствам.

Нигде этот процесс не протекает так наглядно, как в Италии. В 1919 и особенно в 1920 годах в Италии были все предпосылки для победоносной революции, кроме одной; организованности и революционности социалистической партии и профсоюзов. Буржуазия бессильно металась, не имея никакой серьезной вооруженной силы против рабочих. Массовый стихийный революционный подъем среди итальянского пролетариата был гигантский. Большая часть крестьянства и большинство дезобитавшейся армии, несомненно, были на стороне рабочих. Это был критический пункт. Одним ударом итальянские рабочие могли достигнуть решающих побед. Не хватало только одного: партии итальянского рабочего класса, создавшейся десятилетиями, в решающий момент оказалась не на высоте своего революционного призвания. Итальянская партия сползала перед погрязшими во времени; изданная реформами через реформизм, она в решающую минуту оказалась гнилой. Победение партии и профсоюзов в сентябре 1920 года, когда рабочие перешли к захвату фабрик и заводов, показало и самому, что Итальянская Социалистическая Партия начинала играть в Италии такую же контр-революционную роль, как германская социал-демократия в Германии. Разумеется, всего этого нельзя объяснить случайностью или только злой волей той или другой группы вождей; разумеется, нынешнее состояние Итальянской Социалистической Партии само есть результат исторического развития. Но от этого рабочему классу не легче. Ведь и крепостное право в России, и царское самодержавие, и Вильгельм, и Покке, и Вриан — все это результаты известного исторического развития.

Решающий момент был пропущен. Шпие Италия как бы отброшена назад. Она в известном смысле стоит дальше от победы пролетарской революции, чем в 1919 году. Итальянским коммунизмом, разумеется, не виден этого факта нельзя. Итальянским коммунизмом *приходится* учинившись этим кардинальным моментом, вырабатывать свою тактику не в 1919, а в 1921 году. Это вовсе не значит, что итальянские коммунисты должны перестать быть коммунистами, что они должны опознаться от идеи пролетарской революции, что они должны приблизиться к III Интернационалу. Нисколько! Но это значит, что новая обстановка должна прину-

длит их маневрировать осторожнее, считаться с необходимостью более длительной полосы подготовки, понять неизбежность значительного переходного периода и работать, не кладя рук, над тем, чтобы в течение этого переходного периода завоевать на свою сторону подавляющее большинство италийских рабочих.

И приблизительно то же самое, *tuftati tuftandi*, на III Конгрессе пришлось сказать себе коммунистам всех других стран, т. е. всему III Интернационалу.

В статье, помещенной в Миланской «Аванти» от 9 июля, Ливии Агостини выражена это очень ясно. Он писал:

«Но мы обманывали бы себя самих, если бы продолжали утверждать, что партия переживает в настоящий момент памятные дни 1919 года. Тогда коммунизм, уже одержавший победу в России и в Венгрии, бушевавший в Германии и представлявший содрогаться всю Европу в суеверных зловещих се новой будущности, побуждал нас, которых так же привлекало вокруг себя слышать мятежные крики молды, ненастоящей против сторонников и зачинщиков войны, и наблюдать выражение крайней покорности со стороны неспособной и беспомощной буржуазии, — побуждал нас добиваться немедленной победы и в нашей стране. И тогда единственным нашим стремлением было преодоление того небольшого сопротивления, оказав которое был способен тогда еще буржуазия? Нообшот, в настоящее время наше положение совсем иное. Мы обманули бы массы, если бы сказали, что считаем революцию у нас близкой. И мы не можем признать за фашистами право приписывать изменение положения вещей торжеству их насилия. Оно даже не является одним из факторов этого изменения. Фашисты стали применять насилие против нашего движения тогда, когда оно уже начало слабеть под влиянием глубокого разочарования, вызванного нашими колебаниями и ошибками, и когда буржуазия, создав новое средство и усовершенствовав старое, в достаточной степени успела организовать свою защиту для подавления всякой новой попытки к восстанию.» («Аванти» № 164).

Здесь вполне правдиво описаны причины кризиса италийского рабочего движения. Автор, пишущий в органе Серрати, вполне искренно указывает на то, что именно «наши колебания» (т. е. колебания Италийской Социалистической Партии) вызвали разочарование масс, и что буржуазия, прекрасно использовав момент, сумела отбросить италийский рабочий класс назад. Автор неправ только в своих выводах. Он видит великий вред, принесенный «колебаниями» 1919—20 г.г., а исцеления ищет... в новых колебаниях.

Цитируемый нами автор далее пишет:

«В своей последней московской речи тов. Зиновьев высказывался за усиление борьбы для того, чтобы в том кризисе, который переживает буржуазия и из которого она неспособна выйти, пролетариат обрел силы для осуществления своей диктатуры. Если эта программа должна направлять всю нашу партийную деятельность, то мы вполне согласны с тов. Зиновьевым, ибо она совершенно совпадает с нашими воззрениями. Но если она хочет быть выражением того, что необходимо для данного момента, то достаточно сравнить наши силы и силы противников в сфере их борьбы между собою для того, чтобы признать невозможность успеха подобной по-

пытки. И достаточно рассмотрение экономического положения нашей страны для того, чтобы признать, что в настоящий момент оно весьма неблагоприятно. Но мы скажем еще больше. Мы не только не признаем возможности, но также и не видим смысла и возможности усиления классовой борьбы... Поскольку мы будем настаивать на усилении борьбы, мы уничтожим источники богатства буржуазии, но вместе с тем мы уничтожим также источники существования рабочих... Молчание фабрик и заводов и отсутствие на них всякого спроса на рабочую силу также отражаются в домах рабочих. Всякое стремление к лучшему будущемуступает свое место болевой насущной потребности: сохранению и только сохранению хлеба для себя и для своей семьи; это слышно безнадёжная борьба для того, чтобы при ней не распалась рабочая организация и чтобы не разбилось усилие, направленное к новым завоеваниям... Но если историческая действительность не позволяет в настоящий момент сделать крайнюю попытку к установлению нашей диктатуры и если также, по нашему мнению, она делает совершенно невозможным обострение классовой борьбы, то в таком случае перед нашей партией встает ясная и определенная задача: защита исключительно при помощи своих сил и до последних возможностей завоевания позиций, своего духовного достояния и духа своей организации».

Это рассуждение дает нам не только ключ к пониманию психологии лучших сторонников внешнего большинства Италийской Социалистической Партии, но и позволяет нам взглянуть всего усилить действительный смысл нашей тактики, как ее наметил III Всемирный Конгресс. Агостини прав, указывая на то, что италийский рабочий класс отброшен назад. То же самое можно сказать и о рабочем классе ряда других стран. Германский рабочий класс также отброшен назад и — по тем же причинам; не будь сильной германской социал-демократии, использовавшей весь организационный капитал, накопленный германским пролетариатом в течение более чем четверти века для помощи буржуазии, не будь той социал-демократии, которая сама собственными руками разогнала рабочие советы и под руководством Носке перерезала десятки тысяч лучших германских рабочих, германская революция могла бы победить в 1919 году. То же самое с известной модификацией можно сказать и о таких странах, как Венгрия, как Австрия, даже как Голландия и Швеция.

Агостини далее прав, когда он говорит о том, что немедленное победоносное восстание в Италии силами одних коммунистов невозможно. Это и хотел сказать III Конгресс Коминтерна не только по отношению к Италии, но и по отношению к другим странам, когда он требовал сосредоточить все усилия на завоевании большинства для коммунистических партий. Всеми своими работами III Всемирный Конгресс и хотел сказать: спонтанность массовых взрывов и стихийность движений уменьшились, консолидация сил буржуазии увеличилась и, хотя организованность коммунистического пролетариата также возросла за это время, но, тем не менее, не в такой мере, чтобы этот рост мог покрыть неблагоприятное влияние

двух предыдущих факторов; поэтому: *осторожность*, *всесторонне*, *в сто раз лучшая* *предварительная подготовка* каждого, в особенности, *вооруженного выступления*; *ближе к массам*; *возвращение* *большинства* *для коммунистов*, и для этого — *длительная и упорная*, *быть может*, *довольно продолжительная* *посредственная* *работа*.

Но Агостини тысячу раз неправ, когда из конспирирования вышеуказанного факта усматривает буржуазии и ослабления массовых стихийных движений пролетариата он делает вывод, что обострения классовой борьбы вообще не последует, что победа пролетарской революции отодвинута чуть ли не на десятилетия, если не навсегда, что слабость пролетарского движения было бы исчезнет, если революционеры будут продолжать работать вместе с реформистами. Агостини тысячу раз неправ, когда из правильно конспирированного факта экономического кризиса и роста безработицы он делает неправильный вывод, будто в такое время никакая революционная борьба невозможна. III Конгресс Коминтерна в своих тезисах показал, что, как неправильно было бы связывать массовое революционное движение исключительно с полосою экономических депрессий, так неправильно было бы и обратное толкование. И эти указания III Конгресса Коминтерна имеют значение не только для Италии, но и для рабочего движения всего мира.

Да, в Италии и в ряде других стран комбинированными усилиями буржуазии и социал-демократов II-го и III-го Интернационала массовое революционное пролетарское движение опброшено назад. Да, и в Италии, и в ряде других стран мы находимся в периоде *подготовки* *решающих битв*, а не непосредственно в самом процессе этих битв. Но, однако, отсюда не только не вытекают необходимости оставаться в одной партии с реформистами, но вытекают прямо противоположные. Да, буржуазная реакция неспуляла голову почти во всей Европе. Да, наступление капитала идет по всей линии. Но отсюда опять-таки не только не вытекают необходимости мирного сожительства в рядах единой партии с международным меньшинством, а вытекают прямо противоположные. В эпоху реакции, в эпоху упадка духа реформизма являлись еще гораздо более опасным врагом, чем в эпоху подъема. Опортунизм на по и оппортунизм, чтобы спастись, *быть всегда* *с большинством*. В момент, когда волна пролетарской революции поднимается особенно высоко, она увлекает за собой и часть реформистов. Несомненно, например, что и итальянские реформисты не все лукавили, когда они в 1919 году выскльзывались за III Интернационал и за пролетарскую революцию. Но зато, когда волна спадала, когда буржуазия берет за горло рабочих, тогда даже самые лучшие из реформистов сплываются наиболее опасными врагами рабочего класса. Ибо они всегда и везде

попешивают ослабленному рабочему: «сдавайтесь». Ибо они всегда и везде доканчивают путем внутреннего разложения эту работу, которую проделывает капитал, прямо беря рабочего за горло.

Возможно, что нынешнее крайне неустойчивое полуравновесие сорвется несрочно раньше, чем мы думаем. Горючего материала повсюду более, чем достаточно. Но Коминтерн должен быть *подкован* *на обе ноги*. Он должен сплнить свою тактику так, чтобы она годилась и на случай более зыбкого кризиса. Перейти к более быстрой темпу, если этого потребует ход событий, мы всегда успеем.

Ни одного шага, который может сейчас помочь пропивику удержат влияние над рабочими массами! Капитализм правит теперь *при помощи* *железных профсоюзов*, *при помощи* *Амстердама* *и Интернационалов II и III*. Уже по одному этому необходимо завоевать профсоюзы, вырвать их из-под влияния «железных». А если обострится всеобщее революционное кризиса поидет быстрое, — тем легче будет нам перейти к непосредственно решающим боям.

Итак, новая тактика Коминтерна характеризруется прежде всего следующим: *к массам*, *в самую гущу* *пролетарских и полупролетарских масс*. *Участие во всей* *булничной и мелкой борьбе* *пролетариата*, хотя бы за самые ничтожные улучшения его жизни. *Участие во всех организациях рабочих*, начиная от советов рабочих депутатов и кончая спортивными обществами и музыкальными кружками. *Неустанная пропаганда идей* *пролетарской диктатуры* *в каждой из этих организаций*. *Завоевание большинства рабочего класса на сторону коммунизма*. *Систематическое, упорное, неукающее* *подготовление рабочих масс к предстоящим битвам*. *Кропотливая работа над созданием* *нелегальных организаций*. *Терпеливая* *настоятельная работа по вооружению рабочих*. *Создание* *сильных самостоятельных коммунистических партий*, очищенных от оппортунистов, центристов и полуцентристов. *Завоевание прежде всего рабочих профсоюзов*.

Это и только это хотел сказать III Конгресс в различных решениях II Всемирного Конгресса Коминтерна. III Конгресс сумел сделать надлежащие практические выводы из изменившихся обстановки, он сумел приспособить тактику коммунистов к новой обстановке, он сумел призвать и подготовил партии к деловой работе на основе этой новой обстановки. В этом его великое историческое значение.

Выше мы приводили отрывок из письма германского товарища, который говорил, что III Конгресс соверг «теорию официаль» и что в Германии это кое-где было принято, как осуждение не только этой теории, но и практической борьбы рабочих в мире. В 1921 году. На III Конгрессе, действительно, много спорили относительно теории официаль. Необ-

хотимо точно уяснить, что именно в самом деле отверг Конгресс. На этом вопросе надо остановиться подробнее, тем более, что спор этот имел вовсе не только германский, но, несомненно, международный характер.

Сначала установим самые понятия, о которых спорили.

С точки зрения марксизма нет и не может быть коренной принципиальной разницы между понятиями «наступательная борьба против капитализма» и «оборонительная борьба против капитализма». Само это различие понятий весьма и весьма условно.

Вспомним, хотя-бы, как ставили революционные марксисты в 1914—17 годах вопрос о наступательной и оборонительной войне между государствами. Социал-патриоты и кауцкианцы, как известно, проповедывали ту мысль, что в каждой оборонительной борьбе социалисты должны быть на стороне «своего» отечества — и кстати, при этом всеми правдами и неправдами доказывали, что в данной войне «их» отечество ведет несомненно оборонительную борьбу. Доказательство: противная держава послала «нашему» правительству такую то провокационную ноту, противная держава на полтора часа раньше начала мобилизацию, войска противной державы сделали первый выстрел и т. п. Революционные марксисты в корне отвергали такую постановку вопроса. Они говорили: любая война может быть по внешности, с точки зрения стратегической и т. п., войной наступательной и в то же время — в более глубоком историческом смысле слова — быть войной справедливой, войной оборонительной. Таковы были, например, некоторые из национальных войн в XIX столетии, когда дело действительно шло о борьбе против иноземного гнета за создание национальных государств *).

И наоборот, легко представить себе любую войну, которая по внешности, с точки зрения стратегической и т. п., может носить характер оборонительный и которая в то же время — в более глубоком историческом смысле слова, т. е. по содержанию своему — будет на деле войной несправедливой, войной грабительской, войной наступательной.

Так обстоит дело с точки зрения войн между целыми странами или государствами. Вульгарная классификация никогда не годится в этой сфере. Тем более — в сфере борьбы между классами. С точки зрения социал-патриотов восстание, ну, скажем, хотя бы к примеру, финляндских рабочих в 1918 году против конституционной финляндской буржуазии является борьбой, несомненно, наступательной. Рабочий класс без всяких оснований «наступает» на беденных буржуазных конституционалистов — стало быть, сочувствие социал-патриотов всего мира беденным господам буржуа обеспечено уже с самого начала. Это не значит, конечно, что для нас вовсе не существует классификации на оборони-

тельные и наступательные битвы между трудом и капиталом. Но даже в экономической области одно часто переходит в другое. Возьмем пример хотя бы недавней стачки углекопов в Англии. Она началась потому, что владельцы копей решили понизить заработную плату рабочих, стало быть, началось — как борьба типично оборонительная. Но раз начавшись, она в течение некоторого времени имела стремление превратиться в стачку наступательную, а затем, в силу целого ряда факторов, закончилась опять таки — как типично оборонительная стачка. Классификация нужна. Мы знаем, что в экономической области в общем и целом эпоха экономической депрессии является эпохой локаутов и оборонительных битв; эпоха промышленного подъема — эпохой стачек и битв наступательных. Все это так. Эти различия мы делаем и будем делать. Но вместе с тем мы говорим: тот, кто «принципиально» отказывается от наступления против капитализма, тот не социалист, тот лакей капитализма. Это подтвердил и не мог не подтвердить и III Конгресс Коминтерна. В этом смысле III Конгресс не отверг и не мог отвергнуть наступательную борьбу.

Что же в таком случае отверг тогда III Конгресс?

Споры относительно тактики частью начались еще перед вторым Всемирным Конгрессом Коминтерна в 1920 году, но тогда споры носили иной характер, нежели перед III Конгрессом: мы говорим о русско-польской войне.

Начавшись, как война в стратегическом отношении для советской России оборонительная, она затем превратилась в войну со стратегической точки зрения наступательную — все время оставаясь в более глубоком, историческом смысле слова оборонительной войной российского пролетариата против польской и всемирной буржуазии. Война советской России с буржуазной Польшей в 1920 году поставила ребром вопрос о том, допустимо-ли, чтобы победоносный рабочий класс одной страны «на остриях своих штыков» понес социализм в другую, еще угнетаемую буржуазией страну. Летом 1920 года это был вовсе не праздный и вовсе не только теоретический вопрос. Когда советские армии приближались к Варшаве, вопрос этот имел глубочайшую актуальность. Ядро Коминтерна, и прежде всего русские большевики — ответили на вопрос, поставленный таким образом, вполне утвердительно: не только допустимо, но и необходимо, если только соотношение сил допускает это. Такая война, будучи по внешности иногда даже наступательной, будет в глубоком историческом смысле справедливой, оборонительной войной угнетенного класса против международных хищников капиталистов, — говорили мы. Против этого взгляда невольно до II Конгресса появился в берлинской «Die Rote Fahne» статья одного польского коммуниста, встретившая тогда сочувствие со стороны Пауля

*) См. нашу книгу «Война и кризис социализма», т. I.

Левы и, повидимому, не его одного. По сути вещей устами названного польского автора говорил ограниченный, хотя и умноченный национализм. Вся его мотылька доказывала это с наглядностью. Второй Конгресс не вынес по этому поводу официальной резолюции, но из всех его прений и всех решений было ясно, что Коминтерн целиком сполна за допустимостью такой наступательной тактики.

Ход военных событий и развитие общественной жизни в Европе вообще, с сожалением, слишком быстро сняли с очереди эту проблему, по крайней мере, как вопрос чисто практический. Развитие Европы пошло по другому пути, чем это намечалось летом 1920 г. и чем этого хотели и ожидали лучшие из партий Коминтерна. Перед Третьим Конгрессом вопрос о наступательной тактике стал уже в совершенно другом аспекте.

Независимо до III Конгресса, в особенности, в связи с мартовскими событиями в Германии, стало складываться и оформляться направление, которое пыталось выдвинуть целую «теорию наступления». Тут дело шло уже не о допустимости наступательной борьбы рабочего класса против капиталистов вообще, не о допустимости на остриях штыков рабочего класса победившей страны нести социализм в буржуазную страну, — тут дело шло о чем то совсем другом.

Со второй половины 1920 года массовое стихийное революционное движение явно начинает замедляться в своем темпе, по крайней мере, в некоторых странах Европы. Разумеется, это будет не надолго. Уже сейчас, когда мы пишем эти строки, через каких-нибудь полтора месяца после III Конгресса, массовое движение вновь пробуждается. Мы видим громадную стихийную волну, охватывающую Францию, Польшу, Чехо-Словакию, Италию, ту же Германию и некоторые другие страны. Но, во всяком случае, с указанным замедлением приходится считаться.

И вот тут по у наиболее исперпелывых, в высокой степени преданных революции, но не всегда достаточно дальновидных элементов Коминтерна возникло такое направление умов.

— Спешу пассивности должно-де пробить активное меньшинство смельчаков. Как раз теперь меньшинство, организованное в коммунистической партии, должно перейти в наступление. Тогда леда-де протрется и смеае меньшинство увлечет за собою всю массу.

Вместо конкретного анализа фактов, вместо трезвого учета всей обстановки, эти поворици выдвигали в первую очередь субъективный фактор. Не желая и не умея выкинуть во все пуродности обстановки, являющиеся производными от глубоко исторических факторов, эти исперпелывые поворици начали сначала робко, а потом и более громко проповедывать ту мысль, что именно теперь будто бы началось эпоха наступления *par excellence* и что для «активизации» движения надо только поскорее «начать», а нам уже дело пойдет.

Весною этого года, как это теперь, при взгляде назад, уже вполне ясно, уклон эпохи начал складываться в целом ряде стран. Он был даже вполне естественен на первом этапе от бурных 1919—20 г.г. к 1921 году, когда обстановка на короткое время начала складываться иначе. Он был, быть может, неизбежен — этот левый уклон. Но, тем не менее, он стал бы крайне опасен, если бы Коминтерн во время не принял соответствующих мер против него.

В Германии по целому ряду обстоятельств, о которых мы еще будем говорить ниже, уклон эпохи выразился особенно выпукло. Там расцвела и так называемая «теория наступления», как мы ее охарактеризовали выше.

Воп именно эту-то теорию к «теории», и только ее, и отверг III Конгресс Коминтерна.

Он отверг эту неверную теорию, будто именно теперь мы наступили уже в эпоху перманентного наступления. Он отверг ту мысль, что заведомое меньшинство может в любое время и, в особенности, в такое время, как ныне переживаемое нами, сменой попыток воспитания уничтожить пассивность масс, преодолеть все опасные затруднения и победить в вооруженной схватке. Он отверг теорию «активизации» рабочего движения путем применения «сильно действующих» средств в обстановке, когда предпосылки для восстания отсутствуют.

В этом и заключается борьба III Конгресса против так называемой «левой».

Это отнюдь не значит, что III Конгресс согласился с теми коммунистами, которые ставят задачу всех наших партий в настоящее время только в чистой пропаганде. Нет, Конгресс превосходно отдавал себе отчет в том, что наши наиболее крупные партии должны готовиться к прямым боям, что бои эти неизбежны и необходимы в ближайшее время, и что никакие частные поражения в этих частных боях, в конце концов, не ослабят нашей победы. Конгресс указал в своей тактической резолюции на то, что при нынешнем неустойчивом «равновесии» в Европе, любая большая стачка и даже любой крупный парламентский конфликт могут послужить увертюрой к революции, к непосредственной борьбе за власть. События, как они развиваются после Конгресса, вполне подтверждающ этот прогноз. Одного шального выстрела германского белогвардейца в депутата Эрцбергера оказалось достаточно для того, чтобы нарушить все равновесие в Германии. И никто не удивится, если начинающаяся кризис в более или менее коротком времени приведет в Германии к почти решающим битвам. Ничего невозможного нет и в том, чтобы громадная стихийная волна, начинающаяся в Польше, привела бы и здесь к такому кризису, который поставит ребром вопрос о переходе власти к рабочему классу. А начало пролетарской революции в Польше или в Германии, естественно, сразу обострит по силе

край все положение и ставит на очередь все вопросы мировой пролетарской революции.

Все это предвидела, предсказала и учел III Конгресс Коминтерна. Но именно потому, что устойчивого равновесия в Европе нет, именно потому, что «стена пассивности масс» есть только воображаемая стена, именно поэтому особенно опасны необдуманные вооруженные выступления и авантюры, которые при нынешнем положении вещей могут только повредить коммунистам в глазах рабочих масс и, стало быть, помочь буржуазии.

Борьба против так называемых левых уклонов вовсе не новость для Коминтерна. Уже на II Конгрессе Коминтерна мы повели решительную борьбу против этих уклонов, как они выразились в Коммунистической Рабочей Партии Германии, у Индустриальных Рабочих Мира, у Фабрично-заводских Комитетов Англии и у синдикалистов Франции и Испании. Эта борьба на II Конгрессе была проведена правильно и, поэтому, дала успех, приведший в наши ряды лучшие элементы вышеуказанных организаций. На III Конгрессе нам пришлось вести борьбу против левых уклонов внутри самих коммунистических партий, и, мы уверены, успех будет не меньший.

— Но, говорили нам на III Конгрессе, стоим ли так страстно воевать против левых уклонов, когда эта «левая» вовсе не так велика и когда правая, напротив, еще очень сильна? Направо от себя Коминтерн имеет, говорили нам, и германскую социал-демократию, и Амстердам, и весь второй Интернационал, и Интернационал II^{1/2}, и ипальвиное большинство и т. д. А налево — налево только махэвские группы и, притом, воодушевленные самыми горячими желаниями и необычайной преданностью Коминтерну. Это рассуждение слышном упрощено. Нам приходилось на это указывать уже в нашей речи по тактическому вопросу на самом Конгрессе. Дело не в том, сколько организаций стоят еще направо от нас и сколько заражены «левым» уклоном, дело в том, какие опасности заложены по их внутренней тенденции в том и другом уклоне. Конечно, главный враг стоит направо, конечно, всем своим фронтом Коминтерн всегда ведет борьбу направо против буржуазии, против Амстердама, против Интернационала II и II^{1/2}, против Гомперсов, Шейдеманов и К°. Но именно для того, чтобы победить в этой основной борьбе, Коминтерн должен иметь тактику, свободную и от «левых» уклонов. Конечно, правая является основным, главным врагом. Это, как выражаются немцы, der Feind. Борьба против буржуазии есть вместе с тем борьба против ее агентов из II и II^{1/2} и Амстердамского Интернационалов. Все это так. Но в том то и дело, что «левый» уклон, сам того не желая и не подозревая, помогает правому, мешает нам побороть его.

Дело, говорим мы, не в количестве сторонников так называемой крайней левой, дело в тенденции. Малейший пример лучше всего пояснит дело. На II Всемирном Конгрессе Коминтерна мы определяли свое оп-

ношение к профсоюзам. Всякий разумный коммунист теперь понимает, что, не завоевав изнутри профсоюзов, мы не можем победить и буржуазии, стало быть, и социал-патриотов. Но уже на втором Конгрессе сложилась группа, которая боролась против нашего участия в профсоюзах и более или менее отчетливо выдвигала лозунг выхода коммунистов и революционеров вообще из профсоюзов. За этот мимолетный «левый» лозунг на II Конгрессе Коминтерна стояли некоторые немцы, англичане и американцы. Их было немного, они были маленькой группой на II Конгрессе. В смысле количественного эта крайняя «левая» была совсем неопасна. Но представим себе на одну минуту, что II Конгресс не учел бы опасности этой мимолетной тенденции в вопросе о профсоюзах, не заметил бы ее, прошел бы мимо нее, или отнесся к ней с некоторой терпимостью. Что бы получилось? Губительные последствия для Коминтерна были бы неисчислимы. Вместо того, чтобы начать действительное завоевание профсоюзов, как мы его начали и за год все же продвинули сильно вперед, вместо этого мы представили бы профсоюзы Гомперсам, Жуо, Драгонам, Фимменам и К°. Количественно эта мимолетная на II Конгрессе была ничтожна, но тенденция, которую она представляла, была в высшей степени опасна для будущих судеб Коминтерна.

То же самое в еще большей мере происходит сказать о так называемом левом уклоне, как он сформировался перед III Конгрессом.

Налицо — очень сложное и трудное положение в рабочем движении всего мира. Коммунистам надо суметь точно и ясно отделить себе отчет в сложности положения и найти новые пути подхода к массам. Вместо этого, нетерпеваемая «левая» действовала так, что могла выпустить в трубу весь накопленный организационно-партийный капитал, но, наоборот, надолго оттолкнувши их именно в лагерь социал-патриотов и центристов.

III Конгресс Коминтерна, безусловно, обязан был выпрямить линию и, поскольку это было неизбежно, объявить решительную борьбу «левому» уклону. Ряд товарищей, в том числе и руководители Объединенной Германской Коммунистической Партии, несомненно, погрешили только в одном: они неправильно учли момент. И поскольку они не настаивают на своей ошибке и открыто делают фальшивую «теорию наступления» (а мы имеем все основания утверждать, что значительная часть германских товарищей от этой ошибки действительно отказалась), постольку вопрос может считаться исчерпанным, и Коминтерну остается только учесть и использовать уроки сделанных ошибок. Но поскольку в Германии (группа т. Маслова и, может быть, также в других странах ¹⁾ найдутся пова-

¹⁾ Образец того, как не следует вести коммунистическую пропаганду, дает газета «Борьба», орган Коммунистической Партии в Люксембурге. В номере

рищи и группа товарищей, желающих возвести в теорию совершенную ошибку, сделать из нее перл создания, заупрямиться на этой «дешине», постольку пропихи этого «направления», очень похожего на русский оптозвизм, Коминтерн придется повести самую упорную борьбу.

Что такое был оптозвизм в русском рабочем движении?

Иностранцами товарищами, которым сперва очень хорошо известно направление, характеризующееся словом меньшевизм, придется более детально ознакомиться с другим направлением, которое характеризовалось словом оптозвизм. В разгар конпр-революции в России, в 1903 году, оп большевиков откололась группа крайних «левых» товарищей, которые обвиняли нас, большевиков, в оппортунизме и которые преобладали «оптозвизм» членов с.-д. думской фракции из Государственной Думы (отсюда и название «оптозвисты»). Еще до этого, еще же группа «левых» большевиков пропандировала бойкот выборов в прельбю Государственную Думу, нахотя, что участие в выборах в такую Думу будет равносильно измене рабочему классу.

Иностранцы «левые» товарищи иногда полагают, что оптозвизм исчерпывался бойкотизмом. И так как эти иностранцы товарищи бойкота парламентских учреждений в настоящее время не предлагают, по эти иностранцы «левые» считают, что они будто бы ничего общего с оптозвизмом не имеют и что мы возводим на них напрасную, сравнивая их с оптозвистами. Дело обстоит в действительности не так просто. Бойкотизм в самом деле был одной из характернейших черт оптозвистского направления, но бойкотизмом не исчерпывалось это направление.

Оптозвизм в России родился и расцвел как раз в те годы, которые лежали между двумя волнами революции. В 1906—7 гг. окончательно улеглась революционная волна, так высоко поднявшаяся в 1905 году. В 1911—12 гг. уже начинался новый подъем, который со времени Ленской стачки начинал нарастать очень бурно. Между 1907 и 1911 годами лежал целый тяжелая полоса злешней реакции,

от 20 июля 1921 г. передавая статью под заглавием «Пуль Революции» кончается следующими словами, непечатаемыми крупными, на подобие финиш, буклями:

«Потому, рабочие Лаксеибурга, в союзе с нашими братьями соседних стран, прежде всего собираете вашу волю к борьбе, собираете оружие всех сортов:

- винтовки!
- ручные гранаты!
- пулеметы!
- пушки!

Усправляйте негалежные боевые организации

- на всех улицах!
- на всех заводах!
- во всех колониях!
- во всей Европе!

Провышающиеся и слабские рабочие, готовьтесь к гражданской войне!»

(«Der Kampf», № 35).

Если, что на одной пушки и даже на одной ружьиной гранаты от такой крикливой «вспышки» у рабочих не прибавится. А над такими «левыми» коммунистами справедливо послышится.

упадка также и среди рабочих, росла меньшевистская (ликвидаторская, как тогда выражались) настроений, измен, частичных поражений и т. п. В эти четыре года царизм и буржуазия пивались уничижительный большевизм раз навсегда. Они дали известную монополию легальности меньшевикам и преследовали всякими бичами и скорпионами нас, большевиков. Они вызвали нас на преждевременную борьбу — с тем, чтобы заполнить в крови рабочих большевистское движение и лишит нас каких бы то ни было корней в рабочем классе. Между Столыпинным, русской либеральной буржуазией (кадетами), меньшевиками и правыми эсерами установилась довольно сложная и тонкая кооперация, направленная именно к тому, чтобы лишит большевиков всякой базы в массовом рабочем движении, превратит их в окостенелую секту, засыпав их вродитесь в бессмысленных и бесплодных крикунов. В это время нашей задачей было — во что бы то ни стало — удержат тесную связь с рабочими массами, сохранив в то же время верность революционному знамени. Мы должны были научиться, не хиткая и не фондороспину, принимать участие во всех хопя бы самых будничных легальных и полулегальных организациях рабочих; мы должны были разоблачать на каждом шагу предательство меньшевиков. Но вместе с тем мы должны были ни в коем случае не ограничиваться фразой, а быть в первых рядах в меской кропопальной будничной работе и в парламентской думской фракции, и в легальных и полулегальных профсоюзных, и в кооперативных, и в рабочих клубах, и в гимнастических и музыкальных обществах, и в подпольной рабочей печати, и т. д. и т. д. В рядах оптозвистов тогда было не мало превосходных, глубоко преданных революции рабочих. Да и среди руководившей оптозвистов было не мало старых партийных работников, интеллигентов-большевиков, которые впоследствии вернулись в наши ряды. Но в эти, хопя и пыжались, переходные мрачные годы, когда по-исине репалась будущая судьба большевистской партии, крайне «левые» оптозвисты на деле губили большевизм и помогали меньшевикам. Своей революционной неперпендикулярностью, своим забеганием вперед, своей попылкой postponить партию под удары тогда, когда масса еще не была готова к борьбе, своим глумливый бойкотизмом, своей революционной фразой, своей неслезной теорией, будто можно «активизировать» движение тем, что небольшая партия попынется «вменить» собою больше рабочие массы — всем этим оптозвизм в указанный эпоху был чрезвычайно опасен для революции.

И мы, большевики, и вынуждены были провести длительную и очень ожесточенную борьбу против оптозвистского «левого» уклона. Дело дошло до прямого раскола. Официально расколовшись с нами, оптозвисты очень скоро логикой вещей и логикой своей внутренне правдивой позиции пришли к тому, что стали блокироваться с меньшевиками

против нас. Чем ближе становился новый подъем революции, тем больше уявдал отзовизм, тем решительнее лучшие рабочие, подержавшие раньше отзовистов, стали возвращаться в наши ряды—в ряды большевиков. Они увидели, как правы были мы против левых крикунов. Они убедились в том, что, только благодаря нашей тактике, связь с массами была сохранена и партия наша уцелела, не как секта левых фразеров, а как руководительница масс. Вторая революция в России фактически началась уже до войны 1914 года. Война только ускорила ее. Сила большевистского ядра заключалась в том, что партия удержала связь с массами в самое тяжелое время, а потом через несколько лет повела весь рабочий класс в решительный бой против буржуазии и в октябре 1917 года одержала победу.

Мы хорошо сознаем, что переживаемая международным рабочим классом эпоха в целом и очень много разнится от той эпохи, которую переживала русская революция в 1907—1910 гг. Мы ни на минуту не забываем, что империалистская война и последовавшие за ней революционные события очень и очень многое изменили. Мы вовсе не хотим проводить полную параллель, мы не ставим знака равенства, мы не оперируем с упрощенными сравнениями, но мы говорим: при всем различии есть и черты сходства между той эпохой в русской революции, о которой мы говорим, и нынешним международным положением.

В общем и целом международный рабочий класс сейчас так-же, несомненно, переживает полосу между двумя революционными подъемами. Массовый стихийный подъем, который начался к концу империалистской войны и который похоронил всю Европу в течение 1—2 лет, теперь кое где улегся и, во всяком случае, принял более спокойные формы. В целом ряде стран буржуазия перешла в наступление против рабочих. Буржуазная реакция неистовствует во всю. Фашизм, Ортеги, и т. п. белогвардейские буржуазные организации не сплусут, конечно, капитализм от гибели, но эти организации и их расцвет все таки стали возможны только теперь, когда буржуазия окрепла и когда она местами отбросила нас в дефензиву.

Это вовсе не значит, что революция кончилась, как думают Глябфердинги и К°, это вовсе не значит, что 1919—20 г. были высшим пунктом революционного подъема и что далее предстоят только уже революционные будни, во время которых рабочие должны будто бы придерживаться трезвой пред-юнионистской, или, что то же, социал-демократической тактики. Нисколько! В 1908—9 г. Столыпинская реакция в России была в апогее своих успехов. Меншевики проповедывали, что революция кончена, что мы должны начать бороться за конституционную монархию, стать умеренной и аккуратной, прилизанной, благонадежной, «европейской» социал-демократической партией.

Мы же, большевики, борясь против «левого» уклона, ни на минуту не упускали из вида того, что объективные задачи, поставленные революцией 1905 года, не разрешены, что накопляется новый горючий материал и что ход общественного развития неизбежно приведет к новой, гораздо более могучей, революции, чем в 1905 году.

То же и теперь—в международном масштабе. Германская социал-демократия печатает проект новой программы, который даже слепому показывает, что из социалистической партии германская социал-демократия на глазах у всех открыто превратилась в буржуазно-демократическую партию мирных реформ. Сслорожденные «вожди» германской социал-демократии тщательное избегают употреблять в своем проекте новой программы даже слово «классовая борьба», они боятся классовой борьбы, как чорт—ладона. Они до глубины души убеждены в том, что буржуазия уже полностью преодолела все послевоенные трудности, и что буржуазный строй будет жить еще 100 лет, постепенно «обновляясь» и «демократизируясь». Из этой же перспективы, в сущности говоря, исходят независимые социал-демократы Германии и весь вдохновляемый ими 11½ Интернационал. Когда Крипсин еще в Гааге сравнивал нынешнее положение с положением вещей в Европе в 1849 году, он и хотел этим сказать, что, как тогда воана революция завершилась 1848 годом, так и теперь воана революционного движения окончательно завершилась 1919 годом. Совершенно так же рассуждают и итальянские реформисты, а вместе с ними и Сerratи. Постановка вопроса, опять таки во многих отношениях напоминающая ту постановку, которую давали русские меньшевики в указанные годы реакции. Мартов и Дан уже тогда ставили вопрос: что переживаем мы—1847 г. или 1849? И, не занимаясь, отвечали: разумеемся, 1849-ый год, 1847 год—это должно было означать канун революции, 1849 год—конец революции. Большевики ошиблись тогда в темле, когда они полагали, что новая революция начнется гораздо скорее, чем она в действительности началась. Никто не мог знать, что контр-революция в России, после 1905 года продлится целое десятилетие. Большевики не могли предсказать точно, два, или четыре, или десять лет продлится создавшееся тогда неустойчивое равновесие. Но они, как марксисты, вполне могли предвидеть и предвидели, что вторая революция неизбежна, и в этом смысле были правы, когда отвергли гипотезу о «1849 году».

То же и теперь. Не будучи пророком, никто из нас не может сказать точно, сколько месяцев или лет пройдет до первой победы пролетарской революции в первой из тех крупных стран, которые действительно определяют судьбы мировой революции. Но одно мы знаем твердо, и новый учет экономического положения Европы на III Конгрессе нас еще и еще раз убедил

в этом: революция не кончена; не так далеко время, когда начнутся новые бои, которые потрясут Европу и весь мир гораздо больше, чем все предыдущие бои, вместе взятые.

III Конгресс Коминтерна на основе самого трезвого учета всех основных факторов развития пришел к непоколебимому убеждению, что она не за горами...

В разгар конпр-революции в России, в 1907—11 гг., большевики говорили: объективно положение продолжает оставаться революционным. Задачи революции не разрешены. Наша основная перспектива, наша путеводная звезда, обуславливающая всю нашу программу и всю нашу тактику, эпоха — неизбежность новой революции. Сейчас временно создается крайне неустойчивое полуравновесие. Но именно потому, что новая революция неизбежна, мы, как партия, мы, как авангард рабочего класса, продолжаем класть нашу гибкую на, чашу весов революции, и раньше или позже, наша чаша весов пересянет.

Такова же, в основном, та постановка вопроса, которую III Конгресс Коминтерна принял теперь в международном масштабе. Всякий, кто хоть отдаленно отрекся от самой перспективы новой революции, тот перестал быть коммунистом, тот перешел в лагерь II-го или III-го Интернационала, тот нам не товарищ. В этом смысле борьба против правых остается доминирующей над всем остальным. Но именно для того, чтобы наша подготовка победоносной пролетарской революции не превращалась в фриз, мы должны провести такую же идейную борьбу против «левого» уклона, которую в свое время большевики провели против оппортунистов.

Сравнение — оппортунизм не принятое за полосу! Мироб оппортунизм носился в воздухе.Neo-оппортунизм должен был родиться в пакуку! трудную мучительную полосу, которую переживали сейчас международное рабочее движение. И лишь в том случае, если наиболее передовая часть коммунистов сумеет своевременно учесть уроки прошлого, мы сможем, так сказать, сократить издержки производства и сэкономить Коминтерну внутреннюю борьбу.

Эпо и только эпо хотел сказать III Конгресс Коминтерна своей борьбой против так называемой «левой». Когда т. в. Хеглуна в газете «Politiken» (№ 149) пишет, будто Центральная Комитет Российской Коммунистической Партии на III конгрессе представляла «более умеренное» направление, когда он говорит, что «главная мысль этого направления, коротко говоря, заключается в том, что мировая революция потребует более длительного периода революционных битв и что, поэтому, наша тактика должна быть установлена на более дальний прицел («på længre sikte») и не должна исходить из перспектив непосредственно предстоящего переворота», — когда тов. Хеглуна говорил это, — он смешивал правильное с неправильным. Что мировая революция займет целую длительную эпоху революционных битв, эпо коммунисты знали еще до победы русской революции, об этом Циммервальдская левая говорила еще в 1915 году. В этом смысле нашей тактике вовсе неzechем браться «более дальний прицел». «Прицел» можем оставить прежним...

Г. ЗИНОВЬЕВ.

III КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

(РЕЧЬ Г. ЗИНОВЬЕВА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ОТКРЫТИИ КОНГРЕССА 22/VI—1921 г. В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ В МОСКВЕ).

Товарищи, наше первое слово, как на всех международных пролетарских съездах, и на этот раз должно быть посвящено тем нашим братьям, которые пали в борьбе за коммунизм. К именам, которые за прошлые годы вписаны в синодик нашей борьбы, — к именам Карла Либкнехта, Розы Люксембург и др. — за последний год прибавилось не мало столь же славных имен. Мы потеряли нашего дорогого товарища Джона Рида, лучшего вождя американских пролетариев. Не так давно берлинские рабочие хоронили одного из лучших своих вождей, убитого палачами германской буржуазии, товарища Сильба. Недавно от руки убитой погибла группа турецких коммунистов, во главе с нашим товарищем Субхи, который принимал участие в I Конгрессе Коммунистического Интернационала. За этот год мы потеряли целый ряд товарищей и недалеко от нашей Советской России. Так, надвях латвийской буржуазией была рассылана группа наших славных товарищей, из которых наиболее деятельное участие в нашей борьбе принимали товарищи Шильф и Берг. Не так давно такие же расстрелы происходили в Литве. В Италии не проходил не день без того, чтобы наши товарищи не потеряли или другого из своей среды в борьбе с наемными агентами итальянского капитала. В мартовские дни в Германии погибли сотни лучших германских товарищей. Мы не досчитываемся также и других делегатов II Всемирного Конгресса. Все вы помните о трагической гибели трех лучших наших французских товарищей: Раймона Лефевра, Алемти и Вержа, которые уплыли в Северном море. Такой же трагической смертью погибла группа греческих коммунистов: тов. Алексакис и др., когда они направлялись из России к себе на родину. Погиб также за дело пролетариата наш финляндский товарищ Иван Рахья и группа его друзей. Умерла тов. Инесса Армана, принимавшая деятельное участие во II Всемирном Конгрессе Коминтерна, и недавно мы похоронили К. Н. Самойлову. На юге Европы и в Югославии, свирепствующей волне белого террора вырывают из наших рядов десятки и десятки товарищей. Прежде чем приступить к нашей работе, я приглашаю III Все-

мирный Конгресс Коммунистического Интернационала вставанием почтить погибших товарищей...

Мы обращаем слово приветствия оптимистически II Всемирному Конгрессу Коммунистического Интернационала к тем многим тысячам, а может быть и десяткам тысяч, которые в разных странах в данную минуту сидят за решеткой. В той же Германии наши товарищи потеряли в связи с мартовскими днями сотни людей: 400 человек приговорено в общей сумме к 2.000 с лишним годам тюрьмы или каторги за последние только недели. Около 6—7 тысяч рабочих помнятся в германских тюрьмах. Мы знаем давшие, что не пустуют тюрьмы Венгерской республики, не опустели и тюрьмы Финляндии. В самых демократических буржуазных странах, как, напр., в Америке, тысячи коммунистов сидят в тюрьмах. В Англии многие вожди нашей молодой партии в данное время находятся за решеткой вместе с целым рядом других английских товарищей. В Чехо-Словакии в тюрьмах сидит немалое количество рабочих, и среди них многих из вас известные передовые борцы коммунизма Чехо-Словакии: Муна, Запотоцкий и целый ряд других товарищей, которые несомненно душой с нами. Мы уверены, что недалеко то время, когда все без исключения капиталистические тюрьмы будут разрушены восставшим народом, и наши братья и лучшие сыны международного рабочего класса вйдут на волю и станут во главе пролетарских масс, штурмующих твердыни капитализма.

Нынешний год в истории Коммунистического Интернационала был нелегким годом. Мы имели за это время вооруженную борьбу в целом ряде стран. В некоторых из этих стран вооруженная борьба принимала размер очень крупных битв. Вы помните, что не успели мы закрыть II Конгресс Коммунистического Интернационала, как в Италии — в той стране, которая была тогда ближе всех других к пролетарской революции, — мы увидели массовое пролетарское движение, выдвинувшее новую форму борьбы: захват фабрик и заводов пролетариями. Рабочие Италии в продолжение двух недель удерживали в своих руках некоторые фабрики, приступили к организации

красной армии и готовились развить свою борьбу и дальше...

В это время итальянские реформисты — те самые, которые удостоили нас своим посещением и которые, чтобы лучше втереть очки рабочим, хотели принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, эти люди оказались в лагере буржуазии и предали дело рабочего класса. [Итальянская Конфедерация Труда во главе со старыми оппортунистами, в решающую минуту сделала все, от нее зависящее, чтобы движение рабочих свести на нет. Итальянские центристы, во главе которых был человек, которому мы в прошлом году еще верили (Серрати), не наши ничего лучшего, как изобразить великое пролетарское движение, как простое профессионалистское, мирное, прадоунистическое, цеховое движение. Ценою тяжелого урока итальянские рабочие должны были понять, что многие из их так называемых вождей являются худшей помехой в их борьбе.

Мы имели в декабре 20-го года большие массовые, частично вооруженные, выступления чехо-словацкого пролетариата, захватившие более миллиона человек, движение, непосредственно организованное, движение, которое непосредственно потерпело поражение, но которое закалило чехо-словацкий пролетариат, которое дало ему возможность быстрее пройти необходимую школу, которое помогло ему выковать массовую коммунистическую партию, впервые присутствующую здесь среди нас в лице своих представителей.

Наконец, мы имели весной этого года выступления германских рабочих, воплотившие, по меньшей мере, миллион человек, также потерпевшие поражение, но сыгравшие немалую роль в истории германского революционного движения, закалившие рабочих, давшие большие уроки нашей массовой коммунистической партии Германии и явившиеся, несмотря на поражение, значительную ступеньку в историю освободительной борьбы германского пролетариата.

Мы имели рядом с этими большими движениями целый ряд мелких выступлений пролетариата в разных странах. Все эти выступления закалили наши молодые коммунистические партии, дали им неоценимые уроки, помогли им увидеть свою слабость и помогли им в дальнейшем избежать тех ошибок, которые не следует повторять, но в то же время помогли нам вселить в наши партии боевой дух и сознание того, что мы не можем ограничиться только мирной пропагандой, а должны, подготовившись, вести наши партии в один бой за другим и сделать одно нападение на наших капиталистических врагов за другим.

Наши провинники, указывая как раз на эти три массовые выступления, подпадали такой иллюзии, что будто бы Коммунистический Интернационал терпел в течение этого года только поражение за поражением. Да, те близорукие люди, которые не видят дальше своего носа, могут рассматривать итальянское,

чехо-словацкое и германское движения, как простое поражение. Мы же знаем, что из таких поражений состоит вся цепь борьбы международного пролетариата. Мы знаем, что целый ряд таких поражений претерпел и российский пролетариат, прежде чем он дошел до своей победы. И мы убеждены, что борьба, которая велась в Италии, Чехо-Словакии и Германии и которая непосредственно не привела к победе пролетариата, тем не менее являлась громадным шагом вперед по пути сломания наших сил.

Когда собирался наш II Всемирный Конгресс, мировой капитализм переживал подобие под'ема. Теперь, когда собрался наш III Конгресс, общепризнанным явлением стало то, что мировой капитализм переживает более или менее тяжелейший запятой кризис. Мы видим миллионы, а пожалуй десятки миллионов безработных в Европе и в Америке и, кроме того, массы таких рабочих, которые работают только половину недели. Мы видим, как нищета растет в целом ряде стран. Мы наблюдаем изумительную стачку английских углекопов, которая является несомненно одним из важнейших событий в истории международной пролетарской революции. Стачка эта изумительна по своему упорству и героизму. Тем более эта изумительна, что вожди старых прадоунистических, как и полагаются этим господам, предали в решающую минуту английских рабочих. Английские углекопы, несмотря на отсутствие достаточной поддержки со стороны других слоев пролетариата, окруженные врагами со всех сторон, тем не менее выдерживают вот уже вторую неделю эту невиданную в истории английского рабочего движения стачку. Сегодня, когда мы открываем наш Конгресс, мы получили новые сведения о развитии революционного движения в Италии, — там началось стачка железнодорожников и почтowo — телеграфных служащих. Италия явно входит опять в полосу крупных битв, Германия, где еще не смолкли последние залпы расстрелов по приговорам белых судов, пережила на днях трехдневную всеобщую стачку в Баварии. Германия явно опять идет навстречу революционным битвам. Во Франции кипит борьба внутри профессионального движения, борьба, закончившаяся во многих важнейших профсоюзах победой революционного направления над направлением оппортунистическим. Эта борьба имеет гигантское, принципиальное значение для судеб международного пролетарского движения.

Наши партии за год выросли необычайно. Взгляните только на решающие страны. На II Конгрессе мы имели от Франции лишь небольшую группу наших единомышленников, которые выступали пропагандистами и заместителями первых коммунистических групп во Франции. На нынешнем съезде мы имеем от Франции представительство партии, насчитывающей уже 120.000 человек, разбившей на голову старую оппортунистическую партию, вожди которой отошли на

перв в лагерь III/4 Интернационала. Взгляните на Чехо-Словакию. На II Конгрессе мы имели представительство небольшой группы пропагандистов-коммунистов. На III съезде мы имеем представитель организации коммунистической партии, насчитывающей более 400 тысяч организованных рабочих, если считать и чехов, и немецких поваращей. Взгляните на Англию, — во время II Конгресса мы имели представительство 8-и сравнительно небольших разрозненных групп, частью враждовавших друг с другом. На III съезде мы имеем представительство единой партии, насчитывающей 40 тыс. членов, выравнявших свою линию и готовых теперь внести сознательное коммунистическое влияние в массовое пролетарское движение в Англии.

Взгляните на Америку. Мы имели на II Конгрессе лишь слабое представительство отдаленных групп. За этот год мы добились объединения всех коммунистических сил в Америке в единую партию, загнанную, нелегальную, но завоевывающую себе все большее влияние на поднимающееся массовое пролетарское движение Америки.

Итак, товарищи, во всех странах, всюду наша партия возмужала. Белый террор, который пытался уничтожить нашу партию в Югославии, не смог этого добиться, несмотря на поддержку сторонников II-го и III/4 Интернационалов.

Мы понесли вместе с тем и потери. На II съезде была представлена единая многочисленная Итальянская Социалистическая Партия, а на III съезде мы имеем представительство только новой молодой Коммунистической Партии Италии, объединяющей сейчас вместе с молодежью примерно сто тысяч членов. Филистеры считают, что в Италии Коммунистический Интернационал потерял очень много, потерпел большое поражение. Мы этого не считаем. Мы потеряли некоторые иллюзии в Италии и некоторые отрицательные величины. Мы потеряли элементы, которые лишь по недоразумению принадлежали к Коммунистическому Интернационалу. Мы потеряли все те группы, которые думали, что можно принадлежать к Коммунистическому Интернационалу так, что это не будет влечь никаких серьезных обязанностей. Тем лучше для Коммунистического Интернационала, что он потерял этот балласт. Рабочие Италии, которые еще не вошли в Коммунистический Интернационал, мы зовем в наши ряды, и мы уверены, что недалеко то время, когда все итальянские рабочие с их великодушным революционным темпераментом будут в наших рядах. По тех господ «вождей», которые предавали итальянское рабочее движение, когда рабочие захватили фабрики и заводы, тех господ, которые одним глазом смотрят в Москву, а другим в Амстердам, — этих людей нам не надо. И мы не считаем, что мы потерпели поражение от того, что отрицательные величины от нас отпали. Мы имеем в Италии

молодую коммунистическую партию, неостаточно еще многочисленную, но мы глубоко убеждены, что будущее принадлежит этой партии. И недалеко то время, когда эта молодая Коммунистическая Партия Италии соберет в своих рядах все, что есть лучшего, честного, революционного в итальянском пролетарском движении.

За этот год произошла консолидация враждебных нам элементов в международном масштабе. В прошлом году к нам приезжали представители правых независимых Германии и родственных им групп. Они хотели быть принятыми в наши ряды с тем, чтобы потом саботировать пролетарское движение изнутри, как делают это их братья по духу повсюду. Мы их не приняли. Сейчас они объединились в международном масштабе, консолидировались, образовали Интернационал III/2. Мы не имеем оснований сетовать по этому поводу. Все дальнейшие мешанские оппортунистические и полу-оппортунистические элементы, не желавшие серьезной борьбы, все стянулись в одно место — в III/2 Интернационал и освободили нас от элементов неустойчивых, ненадежных и шатких. Коммунистические Интернационалы выиграли от этого, что эти элементы от него уходят и концентрируются в другом месте, в другом полосе.

Посмотрите, что стало со Вторым Интернационалом. Ко времени нашего II Конгресса, год тому назад можно еще было быть может, сомневаться на счет того, каковы ближайшие судьбы II Интернационала. А теперь? Теперь лучше всего судьбы II Интернационала символизирует судьба почетного председателя этого «Интернационала», Томаса. Когда началась стачка угленосов, этот Томас, являющийся председателем II-го Интернационала и виднейшей фигурой Амстердамского Интернационала, предал углескопов... Предательство было настолько позорно, и возмущение рабочих было настолько велико, что ему пришлось на время уехать в Америку. И не так давно мы читали, что когда он высаживался с парохода на американский берег, то американский революционный пролетариат встретил его враждебной демонстрацией, — этого бывшего представителя II-го Интернационала, этого почетного вождя Амстердама. Разве это, т.п., не характерно для нынешнего состояния II-го Интернационала, который сгнил на корню, который стал организацией, явно враждебной пролетариату? Наша главная борьба происходит сейчас с Амстердамским Интернационалом, который объединил в своих рядах II-й и III/2 Интернационал. И главная схватка теперь произойдет именно с этим врагом.

После нашего Конгресса в Москве произойдет первый Всемирный Съезд Красных Профсоюзов. Этот съезд будет иметь громадное значение, потому, что мы на нем впервые объединим те профессиональные союзы, которые сознательно идут на борьбу

против Амстердама, которые хотят разбить эту последнюю пиверадию капитализма. Международный Совет Профсоюзов, начало которому было положено во время II-го всемирного Конгресса Коминтерна, за этот год объединил 1 1/2 десятка миллионов организованных рабочих профессиональных союзов. И теперь на предстоящем Конгрессе мы можем еще более солидное основание этой организации...

В связи с нашим Конгрессом, работала в Москве международная конференция женщин-коммунисток, выполнявшая свою работу превосходно. После нашего Конгресса в Москве будет заседать Всемирный Съезд Коммунистической Молодежи — наша молодая пролетарская гвардия, которая в ходе войны и немедленно же по окончании войны превосходно работала, и которая особенно хорошо работала за последний год, которой удалось весь цвет пролетарской молодежи поставить под наше красное коммунистическое знамя и которую мы особенно горячо приветствуем.

Нашему съезду, п. м., предстоит провести громадную принципиальную теоретическую работу: еще раз тщательно анализировать экономическое и политическое мировое положение; еще раз взвесить и испытать нашу тактику; еще раз закалить все наши партии для более успешной борьбы против всякого оппортунизма, против всякой половинчатости, против всякого централизма, проникающего, к сожалению, и в наши ряды, даже в таких закаленных странах классического рабочего движения, как Германия. Наш съезд найдет в себе в этом отношении силы, чтобы положить железный барьер по отношению к тем течениям, которые пытаются подменить железное коммунистическое единство изнутри. Наш съезд найдет достаточно силы воли, чтобы дать самый суровый отпор всем тем, как бы они ни назывались, какие бы заслуги в прошлом они ни имели, всем тем, кто пытается в молодую коммунистическую партию внести яд старого централизма и полу-централизма.

Наш съезд еще раз наметит конкретную, ясную и четкую линию, которая должна быть рассчитана и на более быстрый темп пролетарской революции и на более затяжной, если окажется, что развитие революции пойдет по этому менее желательному для нас пути.

Наш съезд даст более законченное организационное построение Коммунистического Интернационала, потому что именно теперь встанет целый ряд организационных, в высшей степени важных вопросов перед отдельными партиями и Коминтерном в целом. Наш съезд поднимет результаты работы за этот год — год ценнейших уроков.

По неполному списку, который лежит передо мной, на нашем съезде присутствующих представляли 43 страны, в всего, вероятно, будет представлено не менее, чем 30 стран.

На этом поместиме гигантском всемирном конгрессе коммунистического пролетариата, мы сумеем подожить по нецензурный опыт, который накопили наши братья в целом ряде стран.

Мы ставим одним из важнейших пунктов порядка дня нашего Конгресса внутреннее и внешнее положение Советской республик, той, пока единственной, стран, где власть находится в руках пролетариата, принесшего так много жертв, испытывшего так много страданий за эту власть. Мы обяжем — и сделаем это с чрезвычайной охотой — рассказать нашим братьям, приехавшим с разных концов света, о наших трудностях, сообщить им истинное положение вещей, показать им наши слабости и слабые стороны, нарисовать перед ними картину героической борьбы пролетариата, надрывающегося в борьбе за сохранение власти рабочего класса.

Товарищи, приехавшие из всех стран мира, превосходно отдадут себе отчет в том, что русская революция есть добрая часть — есть, так сказать, не менее половины — мировой пролетарской революции. Все понимают, насколько рабочие всех стран заинтересованы в том, чтобы власть пролетариата в нашей стране удержалась и чтобы он мог теперь, по окончании гражданской войны и после демобилизации Красной Армии, наконец, перейти к мирному хозяйственному строительству.

Товарищи, наш Конгресс уже сейчас, еще до того, как он приступил к работе, окружен бешеной ненавистью всей мировой буржуазии. Нет уже той кавальерии и той славы, которая сейчас не гуляла бы по всей мировой буржуазной прессе по поводу нашего съезда. Мне сообщили сегодня, что польские буржуазные газеты со злорадством сообщали несколько дней тому назад, что в Москву прибыло только 17 делегатов, между тем, как мы знаем, в Москву прибыло почти тысяча делегатов, представляющих почти все рабочие организации всего мира. Немало будет еще рассказаний по поводу нашего съезда. Но вместе с тем мы в полном праве скажем, что наш съезд будет работать окруженный с другой стороны добрым вниманием и поддержкой всего того, что есть сознательного, честного, революционного во всем мире. Мы убеждены, что вслед за II Конгрессом, который выработал устав Коммунистического Интернационала и заложил элементарные основы нашей тактики, III Конгресс сумеет окончательно сформулировать организацию и тактику Коммунистического Интернационала, поможет братским партиям прежде всего таких стран, как Англия и Америка, где поднимается могучее рабочее движение, но где слаб еще пока коммунизм, поможет им проникнуть в массы, поможет партиям, которые имеют уже за собой большинство рабочего класса, — как чехо-словацкая, болгарская и некоторые другие, — спуститься для подготовки непосредственных связей

бита; поожожд другим партиям учесть свои ошибки и слабости, выправить линию, изгнать из партии оппортунистические элементы, закалит все партии так, чтобы мы в каждой стране, как того хотел II Конгресс, имели бы действительную секцию единой братской Всемирной Коммунистической Партии.

Приветствуя всех приехавших к нам товарищей, я хотел бы еще особо приветствовать группу делегатов, приехавших к нам из стран Ближнего и Дальнего Востока.

Товарищи, во всей истории рабочего движения не было еще ни одного такого конгресса, который имел бы такое многочисленное представительство народов Ближнего и Дальнего Востока, как наш с'езд. Вы помните наш с'езд в Баку, состоявшийся после II Конгресса. С тех пор влияние Коммунистического Интернационала в странах Ближнего и Дальнего Востока возросло и растет с каждым днем. В присутствии здесь многочисленных делегаций от стран Ближнего и Дальнего Востока мы видим залог того, что наша организация является не только евро-

пейской, не только международным рабочим товариществом Европы, но и международной организацией рабочих всего мира. Мы видим в этом залог того, что революция, в победу которой все мы с вами находящиеся здесь твердо верим, будет не только европейская революция, но революция действительно мировая в подлинном значении этого слова. Вот почему представители передовых пролетарских партий Европы и Америки и должны с особенным братским вниманием отнестись к представителям, приехавшим к нам с Ближнего и Дальнего Востока, оказать им всю возможную поддержку, солидарись с ними в единый братский союз и показать всему миру, что мы умеем объединять не только передовых пролетариев Европы и Америки, но что мы сумеем объединить также и множество народов Ближнего и Дальнего Востока. Приветствуя все прибывшие к нам делегации, мы обращаемся к ним с возгласом: Да здравствует мировая революция, да здравствует Коммунистический Интернационал!

III Конгрессе Коминтерна. Представительница женщин Востока произносит речь на Красной Площади.

ТАКТИКА РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

(РЕЧЬ НА III ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА.)

Чтобы обосновать тактику нашей партии, нужно, мне кажется, начать с освещения *международного положения*. Мы уже подробно обсудили экономическое положение капитализма в международном масштабе и Конгресс принял уже по этому поводу определенную резолюцию. Я лишь слегка касаюсь этого вопроса в моих тезисах, исключительно с политической точки зрения, не затрагивая экономической основы. Я думаю, что в международном положении нашей республики политически приходить считаться с тем, что *бесспорно теперь наступило известное равновесие сил*. Конечно, это надо понимать лишь в весьма ограниченном смысле: равновесие сил, которое вела между собой открытую борьбу с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса; равновесие между членами буржуазного общества, международной буржуазией в целом с одной стороны и Советской Россией — с другой. Только в отношении этой воюющей борьбы я утверждаю, что наступило известное равновесие в международном положении. Конечно, необходимо подчеркнуть, что речь идет лишь об *относительном равновесии*, о весьма неустойчивом равновесии. В капиталистических странах накопилось столько горячего материала, точно так же, как и в тех странах, которые до сих пор рассматривались лишь как объекты, а не субъекты истории, — т. е. во всех колониальных и полуколониальных странах, — что, бесспорно, вполне возможно, что в этих странах рано или поздно, совершенно неожиданно, вспыхнут революционные восстания, великие бои и революции. За последние годы мы видели прямую борьбу международной буржуазии против первой пролетарской республики. Эта борьба была центральным пунктом всего мирового политического положения, и именно в этом мировом политическом положении теперь наступило изменение. Поскольку попытка международной буржуазии удушить нашу республику не удалась, постольку наступило равновесие, конечно, весьма неустойчивое.

Конечно, мы прекрасно понимаем, что международная буржуазия сейчас горько страдает нашей республикой и что лишь совершенно своеобразное сочетание условий препятствует этой международной буржуазии продолжать войну против нас. Уже в течение последних недель, последних дней мы могли снова наблюдать на Дальнем Востоке попытку возобновить нашествие, и не подлежит никакому сомнению, что подобные по-

пытки будут повторяться и далее. На этом счет в нашей партии не существует никаких сомнений. Для нас важно открыто установить, что мы видим это неустойчивое равновесие и что мы должны использовать эту передышку, принимая во внимание характерные признаки настоящего положения и применяя нашу тактику к особенностям этого положения, но не забывая ни на одну минуту, что внешне снова может возникнуть *необходимость вооруженной борьбы*. Организация Красной Армии, ее усиление — попрежнему остается нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы попрежнему в первую очередь должны думать о нашей Красной Армии. В данном международном положении, теперь, когда мы все еще должны ждать новых нападений, новых попыток нашествия международной буржуазии, мы в этом отношении не можем испустить ни другой пухляк. В отношении же нашей практической политики тот факт и признание того факта, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только по значению, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции в этом году не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали.

Когда мы в свое время начинали международную революцию, мы это делали не из убеждения, что мы можем превратить развитие революции, по плану, что целая ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, — тогда наши победы вполне обеспечены; либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции, победа пролетарской революции в России невозможна. Мы еще до революции, а также и после нее, думали, что либо сразу, или по крайней мере очень быстро, наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, либо мы должны погибнуть. Несмотря на это сознание, мы делали все, чтобы при всех обстоятельствах, во что бы то ни стало сохранили Советскую власть, *так как мы знали, что мы работаем не только для себя, но и для международной революции*. Мы это знали, мы неоднократно выражали это наше убе-

ждение до октябрьской революции, точно так же как и непосредственно после нее, и во время заключения Брест-литовского мира. Это было, конечно, правильно,—правильно, говоря вообще.

Но в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых странах революция еще до сих пор не наступила. Правда, революция развивается—мы с удовлетворением можем это установить—во всем мире, и только благодаря этому обстоятельству международная буржуазия, хотя она в экономическом и военном отношении во сто раз слабее нас, не в состоянии задушить нас.

Я расматриваю в § 2 предлагаемых мною тезисов, каким образом наступило такое положение и какие выводы мы должны из этого сделать. Прибавлю, что окончательный вывод, который я делаю из этого, следующий: *развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед.* Но это наступательное движение не так прямолинейно, как мы того ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох этот мир ни был, не удалось вызвать революцию, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны, гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали. Сейчас начинают появляться брошюры, которые нам рассказывают, что за последние годы и месяцы в Европе эпиле революционные симптомы были гораздо значительнее, чем мы подозревали. Что же мы должны теперь делать? Сейчас необходима основательная подготовка революции и основательное изучение конкретного развития в более развитых капиталистических странах. *Это первый урок, который мы должны вывести из международного положения.* Для нашей *Российской Республики* мы должны использовать эту крайнюю передышку для того, чтобы *приспособить нашу тактику к этой вылазкообразной линии истории.* Политическое это равновесие важно потому, что мы ясно видим, что именно в Западной Европе, где широкие массы рабочего класса во многих странах—а весьма вероятно и громадное большинство населения—организованы, главную опору буржуазии составляют как раз враждебные нам организации рабочего класса, примыкающие ко II и III Интернационалам. Я говорю об этом в § 2 тезисов и думаю, что здесь мне достаточно коснуться только двух пунктов, которые были освещены уже в нашей дискуссии по вопросу о тактике. Во-первых, *завоевание большинства пролетариата.* Чем организованнее пролетариат в развитой капиталистической стране, тем больше основательности пребудет от нас история в подготовке революции и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса. С другой стороны, главной опорой капитализма в промышленно-развитых капиталистических странах является как раз часть рабочего

класса, организованная во II и III Интернационалах. Не опираясь на эту часть рабочих, на эти контр-революционные элементы внутри рабочего класса, международная буржуазия была бы совершенно не в состоянии удержаться.

Я хотел бы подчеркнуть здесь также значение *движения в колониях.* В отношении этого вопроса мы видим во всех старых партиях, во всех буржуазных и мелко-буржуазных рабочих партиях II и III Интернационалов остатки старых сантиментальных воззрений; они полны сочувствия к угнетенным колониальным и полуколониальным народам. Движение в колониальных странах все еще рассматривается ими, как незначительное национальное мирное движение. Это не так. С начала 20 столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: *миллионы и сотни миллионов,—фактически громадное большинство населения земного шара,—сейчас выступают, как самостоятельные активные революционные факторы.* И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции, первоначально направленные на национальное освобождение движение большинства земного шара обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы все ожидаем. Важно подчеркнуть, что мы в первый раз, в нашем Интернационале, подошли к подготовке этой борьбы. Конечно, в этой громадной области затруднений гораздо больше, но во всяком случае движение идет вперед, и массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отстают, сыграют *очень большую революционную роль* в последующих фазах мировой революции.

Что касается внутреннего политического положения нашей республики, то я должен начать с точного рассмотрения классовых отношений. За последние месяцы наступило изменение, поскольку мы наблюдаем образование *новых направлений против нас организаций эксплуатируемого класса.* Задача социализма состоит в том, чтобы уничтожить классы. В первых рядах класса эксплуататоров стоят крупные земледельцы и капиталисты-промышленники. Здесь работа разрушения довольно легка и может быть доведена до конца в несколько месяцев, а иногда даже в несколько недель или дней. Мы в России экспроприровали наших эксплуататоров, крупных землевладельцев точно так же как и капиталистов. Во время войны у них не было своей собственной организации, и они действовали лишь, как прихвостни военных сил международной буржуазии. Теперь, после того, как мы отбросили наступательную волну международной контр-революции, образовалась *заграничная организация русской буржуазии и всех русских контр-революционных партий.* Можно считать число русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам, в полтора или два миллиона. Почти в каждой стране они выпускают ежедневные

гастэй, и все партии, помещичьи и мелкобуржуазные, не исключая и социалистов-революционеров и меньшевиков, имеют многочисленные связи с иностранными буржуазными элементами, по-есть, — они получают достаточно денег, чтобы иметь свою печать; мы можем наблюдать за границей солидарную работу всех оптимистов без исключения, всех наших прежних политических партий, и мы видим, как «свободная» русская печать за границей, начиная с социалистов-революционеров и меньшевиков и кончая реакционнейшими монархистами, занимается крупное землевладение. Это до известной степени облегчает нашу задачу, потому что мы легче можем обзавестись силами врага, его организованности, политические печения в его лагере. С другой стороны, это конечно, затрудняет нашу работу, потому что эти русские контр-революционные эмигранты пользуются всеми средствами для подготовки борьбы против нас. Эта борьба снова доказывает, что в общем и целом классовая инстинкт и классовое сознание господствующих классов спонсор все еще выше самосознания угнетенных классов, несмотря на то, что русская революция в этом отношении сделала больше, чем все прежние революции: в России нет ни одной единственной деревни, где бы народ, где бы угнетенные не подверглись встряске. Несмотря на это, если мы хладнокровно оценим организованность и политическую ясность взглядов живущей за границей русской контр-революционной эмиграции, мы убедимся, что классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных. Эти люди делают всевозможные попытки, они очень ловко используют каждый случай, чтобы в той или иной форме напасть на Советскую Россию и раздробить ее. Был бы весьма поучительно, — и я думаю, что иностранные повара это сделают, — систематически проследить за важнейшими спределениями, важнейшими тактическими приемами, важнейшими печениями русской контр-революции. Она работает, главным образом, за границей, и иностранные повара не особенно трудно будет проследить за этим движением. В некоторых отношениях мы должны учиться у этого врага. Эти контр-революционные эмигранты очень хорошо осведомлены, великолепно организованы, они очень хорошие стратеги, и я думаю, что систематическое сравнение, систематическое изучение того, как они организуются, как они используют тот или иной случай, должно было бы оказать громадное пропагандистское воздействие на рабочий класс. Это не общая теория, это — практическая политика, и здесь видно, чему враг научился. Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение. Существует слово кричащее слово о том, что разбитая армия многому научилась. Разбитая реакционная армия многому научилась, великолепно научилась. Она училась с величайшей жаждой, и она дей-

ствительно добилась больших успехов. Тогда, когда мы взяли власть одним написанием, русская буржуазия была неорганизована, политически неразвита. Теперь я думаю, что она спонсор на высшем современном западно-европейского развития. Мы должны считаться с этим, мы должны учиться и наши организации и методы и будем этого добиваться всеми силами. Нам было сравнительно легко и я думаю, что и для других революций будет сравнительно легко справиться с этими двумя эксплуататорскими классами.

Но кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах, может быть — за исключением Англии, имеется класс мелких поварах производителей и мелких земледельцев. Главный вопрос революции теперь заключается в борьбе против этих двух классов. Чтобы освободиться от этих классов, нужно применять другие методы, чем в борьбе против крупных земледельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать, — так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным же образом. В большинстве капиталистических стран эти классы представляют очень большое меньшинство, приблизительно 30—45% населения, а если мы присоединим к ним мелкобуржуазный элемент рабочего класса, то даже больше 50%. Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иным образом. Значение периода, который начинается сейчас в России, с международной точки зрения, — если рассматривать международную революцию как единый процесс, — по существу спонсор на том, что мы практически должны разрешить вопрос об отношениях пролетариата к последнему капиталистическому классу в России. Теоретически все марксисты хорошо и легко разрешают этот вопрос, но теория и практика две вещи разные, и разрешить этот вопрос практически или теоретически это не одно и то же. Мы определенно знаем, что мы делаем при этом большие ошибки, но задача очень трудна. С международной точки зрения представляется громадный прогресс то, что мы спремимся определить отношение пролетариата, держащего государственную власть в своих руках, к последнему капиталистическому классу, к глубочайшей основе капитализма, к мелкой собственности, к мелкому производству. Этот вопрос сейчас практически встал перед нами. Я думаю, что мы сможем разрешить эту задачу. Во всяком случае, опыт, который мы проделаем, будет полезен для грядущих пролетарских революций и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса.

Я впихнул проанализировать в моих тезисах вопрос об отношении пролетариата к крестьянству. Впервые в истории существующих государств, где имеются только эти два класса, только пролетариат и крестьянство.

Крестьянство образует громадное большинство населения. Оно, конечно, очень отсталое. Как выражается практически в развитии революции отношение пролетариата, держащего в своих руках власть, к крестьянству? Первая форма — форма союза, тесного союза. Это очень трудная задача, но во всяком случае экономически и политически возможная.

Как мы практически подошли к этому вопросу? Мы заключили союз с крестьянством. Мы понимаем этот союз так: пролетариат освобождает крестьянство от эксплуатации со стороны буржуазии, освобождает его от рабства и влияния буржуазии. Он привлекает его к себе, чтобы совместно победить эксплуататоров.

Меньшевики говорят так: крестьянство составляет большинство, мы — чистые демократы, — большинство должно решать. Но так как крестьянство не может быть самостоятельным, то практически это означает не что иное, как восстановление капитализма. Лозунг тот же самый: союз с крестьянами; но когда мы об этом говорим, то мы понимаем под этим усиление и укрепление пролетариата. Мы пытались осуществить этот союз между пролетариатом и крестьянством, причем первым этапом был военный союз. Трехлетняя гражданская война создала огромные затруднения, но она в известном отношении облегчила нашу задачу. Это, может быть, звучит странно, но это так. Война не являлась чем то новым для крестьян; война против эксплуататоров, против крупных землевладельцев была им вполне понятна. Огромные массы крестьян были за нас. Несмотря на большое расстояние, несмотря на то, что большинство наших крестьян не умеет ни читать, ни писать, наша пропаганда очень легко воспринималась. Это является доказательством того, что широкие массы — также и в наиболее передовых странах — гораздо легче учатся из своего собственного практического опыта, чем из книг. И у нас практический опыт для крестьянства был облегчен тем, что Россия так исклониительно велика и различные части России могли в одно и то же время пережить различные стадии развития. В Сибири и на Украине контр-революция могла временно побеждать, потому что буржуазия в Сибири и на Украине имела за собой крестьянство, потому что крестьяне были против нас, против большевиков. Крестьяне нередко заявляли очень просто: мы большевики, а не коммунисты. Мы большевики, потому что они прогнали помещиков, но мы не коммунисты, потому что коммунисты против индивидуального хозяйства. На известное, короткое время контр-революция могла победить в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян, но достаточно было короткого времени, чтобы открыть крестьянам глаза. Спустя короткое время, они могли неопишет практический опыт, и вскоре они сказали: да, большевики довольно неприят-

ные люди. Мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и учредительное собрание. Учредилка у нас — ругательное слово, но только у развитых коммунистов, но и у крестьян. Они знают из практической жизни, что учредительное собрание и белая гвардия означают одно и то же, что вслед за учредительным собранием неминуемо приходит белая гвардия. Меньшевики также используют факт военного союза с крестьянством, но не думают о том, что этого союза недостаточно. Военный союз не может существовать без экономического союза. Мы живем ведь не одним воздухом, наш союз с крестьянами никоим образом не смог бы продержаться в течение продолжительного времени без экономического фундамента, и без этого экономического фундамента мы не смогли бы победить в войне против нашей буржуазии. Ибо ведь наша буржуазия объединилась со всей международной буржуазией.

Основа этого экономического союза между нами и крестьянством была, конечно, очень проста, очень груба. Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного землевладения. Мы должны за это получить продовольствие. Этот союз был чем то совершенно новым и не покоился на обычных взаимоотношениях между товаропроизводителями и потребителями. Наши крестьяне понимали это гораздо лучше, чем герои II и III Интернационалов. Они говорили себе: эти большевики суровые воины, но это все же наши люди. Мы во всяком случае создали, таким образом, основы нового экономического союза. Крестьяне давали Красной Армии свои продукты и получали от нее поддержку при защите своих владений. Это всегда забывали герои II Интернационала, которые, подобно Отто Бауэру, совершенно не понимают настоящей обстановки. Мы сознаемся, что первоначальная форма союза была очень примитивна и что мы допустили очень много ошибок. Но мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение. Во время гражданской войны мы были отрезаны от всех хлебных местностей России. Наше положение было ужасно, и кажется почти чудом, что русский народ и рабочий класс перенес и мог перенести столько страданий, нужды и лишений, поддерживаемый всегда лишь своим стремлением к победе.

По окончании гражданской войны наша задача была во всяком случае иная. Если бы страна не была до такой степени разорена, как это имело место после 7 лет непрерывной войны, то был бы, пожалуй, возможен более легкий переход к новой форме союза между пролетариатом и крестьянством. Но и без того уже тяжелые условия в стране осложнялись еще неуражаем, недостатком фуража и т. д. Лишения крестьян вследствие этого стали невыносимыми. Мы должны были немедленно предпринять что либо, чтобы ясно показать широким массам крестьянства, что мы

безусловно готовы революционным путем изменить нашу политику в том смысле, что крестьяне смогут скатать себе: большевики — это люди, которые хотят немедленно улучшить наше невыносимое положение, чего бы это ни стоило.

Таким образом и пришла к изменению нашей экономической политики: на место рентамины стал натуральный налог. Это не было придумано сразу. В большевистской прессе вы можете в течение ряда месяцев найти подобные предложения, но prospect, действительно обещающий успех, не был придуман. Однако, это важно. Важен факт, что это изменение нашей экономической политики мы провели, повинувшись исключительно практическим обстоятельствам, вытекавшим из положения необходимости. Неурожай, недостаток фуража, к тому же еще недостаток полновья, — все это имело, разумеется, решающее влияние на хозяйство в целом, в том числе и на крестьянское хозяйство. Если крестьянство забастует, то мы не получим и дров. А если мы не получим дров, то фабрики вынуждены будут стать. Экономический кризис, вследствие огромного неурожая и недостатка фуража, весной 1921 года принял, таким образом, гигантские размеры. Все это было последствием прехлебной гражданской войны. Неудожливо теперь показать крестьянству, что мы можем и хотим быстро изменить нашу политику, чтобы немедленно облегчить нужду крестьянства. Мы постоянно говорим, — на VI-м Конгрессе об этом тоже говорилось, — что революция претерпит жертв. Существуют иностранные товарищи, которые в своей пропаганде аргументируют следующим образом: мы готовы произвести революцию, но она не должна быть слишком тяжелой. Если не ошибусь, это положение было высказано товарищем Шмералем в его речи на Чехо-Словацком партийном съезде. Я прочел об этом в отчете, помещенном в рейхенбергском «Форверсте». Там имеется, повидному, слегка левое крыло. Этот источник, стало быть, не может считаться совершенно беспристрастным. Во всяком случае я должен заявить, что если Шмераль сказал это, то он неправ. Некоторые ораторы, выступившие на упомянутом съезде после Шмерала, говорили: да, мы пойдем за Шмералем, так как мы избавимся этим от гражданской войны. Если это все правда, то я должен заявить, что такая агитация не коммунистична, не революционна. Естественно: каждая революция несет с собою огромные жертвы для класса, который революцию производит. Революция отличается от обыкновенной борьбы тем, что в движении принимает участие в десять раз, в сто раз больше людей, и в этом отношении каждая революция обозначает жертвы не только для личности, но и для целого класса. Диктатура пролетариата в России принесла такие жертвы, такую нужду и лишения господствующему классу, пролетариату, как никогда в истории, и весьма вероятно, что ни в какой иной стране дело не пойдет иначе.

Возникает вопрос, как мы распределим эти лишения? Мы являемся государственною властью. Мы до известной степени в состоянии распределить лишения, возложив их на несколько классов и таким образом относительно облегчить положение отдельных классов. По какому принципу должны мы действовать? По принципу справедливости или большевизма? Нет. Мы должны действовать практично. Мы должны произвести распределение таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом. В начале революции рабочий класс вынужден был претерпеть невероятные лишения. Я консолидирую теперь, что наша продовольственная политика из года в год достигнет все больших успехов. И в общем положении несомненно улучшилось. Однако, безусловно крестьяне выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывается, что наша революция в известной степени была революцией буржуазной. Когда Каутский выдвигал против нас этот аргумент, мы смеялись. Естественно, что без экспроприации крупного землевладения, без изгнания крупных землевладельцев и без раздела земель, это была бы только буржуазная, а не социалистическая революция. Однако, мы были единственной партией, которая смогла вывести буржуазную революцию до конца и облегчить борьбу социалистическую революцию. Советская власть и советская система являются институтами нашего государства. Мы уже осуществили эти институты, однако, проблема экономического взаимоотношения между крестьянством и пролетариатом еще не разрешена. Многие еще не сданы, но многое уже проведено, и результаты этой борьбы будут зависеть от того, сможем ли мы разрешить эту задачу, или нет. Итак, практичное распределение лишений является одной из труднейших задач. В общем, произошло улучшение в положении крестьянства, и тяжчайшие лишения выпали на долю рабочего класса, именно потому, что рабочий класс осуществлял свою диктатуру.

Я уже говорил о том, что недостаток фуража и неурожай принесли весной 1921 г. страшнейшую нужду крестьянству. Не будучи в хороших отношениях с этими массами, мы не можем существовать. Поэтому нашей задачей была немедленная помощь крестьянству. Положение рабочего класса чрезвычайно тяжело. Он ужасно страдает. Однако, политически наиболее развитые элементы, — и даже среди них лишь самые лучшие, — понимают, что мы должны в интересах диктатуры рабочего класса сделать величайшее усилие, чтобы помочь крестьянству какой угодно ценой. Авангард рабочего класса понял это, но существовал чуждый рабочего класса, даже из его авангарда, который не понимал этого, которые самым упорным, чтобы понять это. Они увидели в этом ошибку, они стали употреблять слово

«оппортунизм». Говорилось, что большевики-де помогают теперь крестьянам. Крестьянин, который эксплоатирует нас, получает все, что ему угодно, рабочий же голодает.

Разве это оппортунизм? Мы помогаем крестьянам по той причине, что *без союза с крестьянством невозможно политическая власть пролетариата, невозможно удержание ее*. Эти мотивы целесообразности были для нас решающими, а не справедливое распределение. Мы помогаем крестьянам, так как это безусловно необходимо для удержания нами политической власти. Высший принцип диктатуры — это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть.

Единственное средство, которое мы для этого нашли, был *переход к натуральному налогу*. Это стало практически неизбежным следствием борьбы. В ближайший год, мы впервые испробуем натуральный налог. Практически этот принцип еще не применялся, еще не испробован. *От военного союза мы должны перейти к экономическому, и теоретически единственной основой этого экономического союза может явиться введение натурального налога*. В этом заключается единственная теоретическая возможность прийти к действительному солидарному экономическому базису социалистического общества. Социализированная фабрика дает крестьянину свои продукты, а крестьянин за это дает хлеб. Это единственная возможная форма существования социалистического общества, единственная форма социалистического строительства в стране, где мелкий крестьянин составляет большинство или, по крайней мере, очень значительное меньшинство. Одну часть крестьянин дает в виде налога, другую часть в обмен на продукты социалистической фабрики или через товарообмен.

И здесь мы подходим к самому трудному пункту. Натуральный налог обозначает, само собою разумеется, свободу торговли. Крестьянин вправе свободно выменивать остаток своего хлеба после выполения натурального налога. Эта свобода обмена обозначает свободу капитализма. Мы говорим это открыто и подчеркиваем это. Мы этого элюндю не скрываем. Дело обстоит бы с нами очень печально, если бы мы вздумали скрывать это. *Свобода торговли обозначает свободу капитализма, но это обозначает новую форму капитализма; это значит, что мы до известной степени заново создаем капитализм*. Мы делаем это совершенно открыто. Это есть государственный капитализм. *Но государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия*. В капиталистическом государстве государственный капитализм обозначает, что капитализм принадлежит государству и контролируется государством на пользу буржуазии и против

пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще слишком сильной буржуазии и бороться против нее. Итак, мы должны предоставить чужеземной буржуазии, иностранному капиталу, концессии без малейшей денационализации мы передаем рудники, леса, нефтяные источники иностранным капиталистам, чтобы получить от них продукты промышленности, машины и т. д. и, таким образом, восстановить нашу промышленность.

Относительно государственного капитализма мы, разумеется, не все сразу были согласны. Но по этому поводу, мы с большой радостью могли констатировать, что наше крестьянство развивается, что оно вполне поняло историческое значение борьбы, которую мы в настоящее время ведем. Совсем простые крестьяне из отдаленнейших мест приходили к нам и говорили: «Как? Наши капиталисты, которые говорят по-русски, прогнали, а теперь придут к нам иностранные капиталисты!» Разве это не указывает на развитие наших крестьян? Экономически образованному рабочему не нужно объяснять, почему это необходимо. Семилетней войной мы так разорены, что восстановление нашей промышленности потребует многих лет. Мы должны заплатить за нашу отсталость, за нашу слабость, за то, чему мы сейчас учимся, и чему мы должны учиться. *Кто хочет учиться, тот за учение должен платить*. Мы должны всем и каждому практически уяснить это и если мы практически докажем это, то огромные массы крестьян и рабочих будут с нами согласны, так как этим немедленно будет улучшено их положение, так как это обеспечит возможность восстановления нашей промышленности. Что вынуждает нас к этому? Мы не одни на свете. Мы существуем в системе капиталистических государств, как член мирового хозяйства. На одной стороне колониальные страны, они не могут еще помочь нам, на другой — капиталистические страны, они наши враги. Получается известное равновесие. Правда, очень плохое равновесие, но мы все же должны с этим фактом считаться. Мы не должны закрывать глаза на этот факт, если мы хотим существовать. *Либо немедленная победа над всей буржуазией, либо выплата дани*. Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем этого: *концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму*. Но мы выигрываем время, а выигрывать время — это значит выигрывать все, особенно в эпоху равновесия, когда наши иностранные товарищи основательно готовят свою революцию. Чем основательнее мы ее подготовим, тем вернее будет победа. До тех пор мы вынуждены будем платить дань.

Несколько слов о нашей продовольственной политике. Наша продовольственная политика несомненно была очень приемлива и плоха. Но мы можем указать на успехи. В связи с этим я еще раз должен подчеркнуть, что

нельзя забывать, что единственной возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист. Мы должны конкретно разработать этот вопрос. Мы не можем ставить вопрос так, как это делают теоретики старого социализма. Мы должны ставить их практически. Что значит современная крупная промышленность? Это значит—электрификация всей России. Швеция, Германия и Америка уже близки к осуществлению электрификации, хотя они еще буржуазные страны. Один товарищ из Швеции рассказывал мне, что значительная часть промышленности там электрифицирована, а также 30% сельского хозяйства. В Германии и в Америке, как в еще более развитых капиталистических странах, мы встречаемся с этим явлением в еще большем масштабе. Крупная машинная индустрия обозначает, не что иное, как электрификацию всей страны. Мы уже назначили специальную комиссию, в составе лучших экономистов и технических сил. Эти экономические и технические силы почти все настроены против Советской власти. Эти специалисты, несомненно, позже придут к коммунизму, но не так, как мы, через двадцатипятилетнюю подпольную работу, во время которой мы непрерывно изучали, повторяли и переживали азбуку коммунизма.

Почти все органы Советской власти бьются за то, чтобы мы пошли к специалистам. Специалисты, инженеры придут к нам, когда мы им практически докажем, что таким путем повышались производительные силы страны. Недостаточно доказывать им это теоретически. Мы должны им это доказать практически. И мы привлечем этих людей на нашу сторону, если мы поставим вопрос иначе, не теоретической пропагандой коммунизма.

Мы говорим: *крупная промышленность—это единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода.* С этим, все согласны. Но как сделать это? Восстановление промышленности на старой основе пребудет слишком много труда и времени. Мы должны придать промышленности более современные формы, именно перейти к электрификации. Электрификация пребудет значительно меньшего времени. Планов электрификации нами уже разработаны. Более 200 специалистов—почти все без исключения—противники Советской власти—с интересом работали над этим, хотя они и не коммунисты, но с точки зрения технической науки они должны были признать, что это единственный путь. Конечно, от плана до осуществления путь еще очень длинен. Осторожные специалисты говорят, что первый ряд работ пребудет не менее 10 лет. Для Германии профессор Виллод высчитал, что для электрификации достаточно трех-четырёх лет. Для нас *десяти лет слишком мало.* В моих тезисах я привожу фактические цифровые данные, чтобы вы видели, как мало до сих пор мы могли

сделать в этой области. Приводимые мною цифры до такой степени скромны, что сразу уясняется их более пропагандистское, чем практическое значение. Однако, мы должны начать с пропаганды. Русский крестьянин, принимавший участие в мировой войне и проживший несколько лет в Германии, видел в Германии, как нужно вести хозяйство по современному, чтобы победить голод. Мы должны вести обширную пропаганду за это. Эти планы до сих пор сами по себе имеют небольшое практическое значение, но зато их пропагандистское значение очень велико.

Крестьянин видит, что должно быть создано нечто новое. Крестьянин понимает, что над этим должен работать не каждый сам за себя, но все государство в целом. В германском плане крестьянин увидел и узнал, в чем реальная основа жизни, культурной жизни. 12 тыс. килоуатт—это очень скромное начало. Быть может иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Да, скромное начало. Но массы крестьянства начинают понимать, что над этим предстоит—и в огромном масштабе—новые работы и что они уже начинают. Предстоит преодолеть громадные трудности. Мы попытаемся войти в сношение с капиталистическими странами. Не следует жалеть о том, что мы предоставим капитализму несколько сот миллионов килограммов нефти, под условием, чтобы они помогли нам электрифицировать нашу страну.

А теперь, под конец, несколько слов о «чистой демократии». Я цитирую то, что Энгельс писал 2 декабря 1884 года в письме к Бебелью: «Чистая демократия приобретает значение в момент революции, как последняя буржуазная партия, каковой она являлась уже во Франкфурте, как последний якорь спасения всего буржуазного, даже феодального хозяйства. Так, вся бюрократическая масса в 1848 году от марта до сентября поддерживала либералов с целью подавления революционных масс... Во всяком случае, в день кризиса и на следующий день нашим единственным пропихивком является *группирующаяся вокруг чистой демократии реакция*, и этого, думаю мне, не следует упускать из виду».

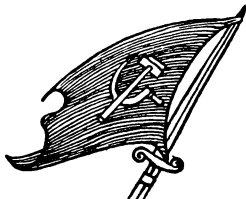
Мы не можем сплести наши вопросы так, как это делают теоретики. Вся реакция целиком, не только буржуазная, но также феодальная, группируется вокруг «чистой демократии». Германские товарищи лучше всех других знают, что обозначает «чистая демократия», так как Кауцкий и проч. вожди второго и двухсполовинного Интернационала защищают эту «чистую демократию» против злых большевиков. Если мы будем анализировать русских социалистов-революционеров и меньшевиков не на основании их слов, а на основании их дел, то они окажутся не чем иным, как мелко-буржуазной «чистой демократией». В нашей революции они с классической чистотой показали, что обозначает

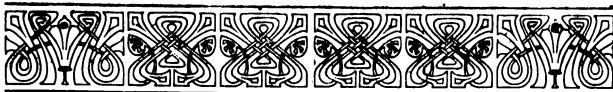
чистая демократия, также и во время последнего кризиса, во время *кринштадтского восстания*. Брожение в крестьянстве было огромно, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы человеческих сил. Три года они голодали, — нельзя голодать в течение четырех или пяти лет. Голод, естественно, оказывает огромное влияние на политическую активность. Как поступили социалисты-революционеры и меньшевики? Все время они колебались и своим колебанием усиливали буржуазию. Организация всех русских партий за границы показала, как обстоит сейчас дело. Умнейшие вожди русской крупной буржуазии сказали себе: мы не можем победить в России немедленно. Поэтому нашим лозунгом должно стать: *советы без большевиков*. Лидер кадетов, Милюков защищал Советскую власть против социалистов-революционеров. Это звучит очень странно. Но такова практическая диалектика, которую мы в нашей революции изучаем своеобразным путем, на практике нашей борьбы и борьбы наших противников. Кадеты защищают советы без большевиков, так как они хорошо понимают положение и так как они надеются поймать на эту удочку часть населения. Так говорят умные кадеты. Не все кадеты умны, но часть их умна и почерпнула некоторый опыт из французской революции. Лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало. Вся буржуазия помогает теперь меньшевикам и социалистам-революционерам. С.-р. и меньшевики являются сейчас авангардом всей реакции. Нынешней весной мы имели случай ознакомились с плодами этого контр-революционного содружества.

Поэтому мы должны продолжать беспощадную борьбу против этих элементов. Диктатура — есть состояние обостренной

войны. Мы находимся в состоянии обостренной войны. Военного нашествия в настоящий момент нет. Однако, мы изолированы. Но с другой стороны мы и не вполне изолированы поскольку вся международная буржуазия мира не в состоянии тотчас же открыто повести войну против нас, ибо весь рабочий класс — хотя большинство его еще не коммунистично, — все-же настолько сознательен, что не допускает интервенции. Буржуазии приходится уже считаться с этим настроением масс, хотя они еще и не развились до полного коммунизма. Поэтому буржуазия не может тотчас же перейти в наступление против нас, хотя это и не исключено. Пока нет общего окончательного результата, будет продолжаться состояние ужасной войны. До тех пор мы постоянно будем находиться в состоянии ужаснейшей войны, и мы говорим: *на войне мы поступаем по военному, мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии. Мы объявляем крестьянам совершенно открыто — выбирайте: либо власть большевиков, — мы сделаем им все возможные уступки до тех пределов, при которых возможно удержание власти, а затем поведем их к социализму — это трудный путь; или же — буржуазная власть.* Все остальное обмен, чистейшая демагогия. Самая ожесточенная борьба должна быть объявлена этому обману, этой демагогии. Наша точка зрения такова: пока — большие уступки, величайшая осторожность, именно потому, что налицо некоторое равновесие, потому что мы слабее, чем наши объединенные противники, потому что наш экономический базис слишком слаб, и мы нуждаемся в более сильном хозяйственном базисе. — Вот то, что я имел сказать товарищам о нашей тактике, о тактике Российской Коммунистической Партии.

Н. ЛЕНИН.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

(3—19 июля 1921 г.).

Первый международный конгресс революционных рабочих союзов собрался через одиннадцать месяцев после того, как было создано, для собрания революционных сил, организационное ядро в виде временного Международного Совета Профсоюзов. За это короткое время мировое профессиональное движение претерпело глубокие изменения. Даже там, где безраздельно царил амтердамизм, оформилось, сложилось и выросло оппозиционное движение, проводившее на практике принципы, выдвинутые временным международным центром. Обострение классовой борьбы, несмотря на брапание в военное и послевоенное время между буржуазией и руководителями профдвижения, поставило перед широкими массами вопрос о новых методах профессиональной борьбы. Буржуазия давала ежедневные предметные уроки рабочим, которые в одних странах быстрее, в других медленнее шли влево, т. е. в Москву—к социальной революции. Завладев заключательное не только в том, чтобы учесть это движение масс и подчинить свои силы, но и в том, чтобы выработать основы тактики для революционных союзов, собрать несбывшийся опыт отрицательный опыт борьбы во всех странах, выработать единую программу действий и организационно спаять левое крыло международного профессионального движения. Эти задачи съезда, как мы увидим, блестяще выполнены. Если мы внимательно ознакомимся с двухнедельной работой, которая проделана конгрессом, внимательно изучим спенограммы и протоколы этого съезда, мы увидим, как на конгрессе этом, на протяжении долгих и страстных прений, нашло свое отражение все плохое, чем живее, чем волнуется в настоящее время мировое рабочее движение. Наш конгресс объединил около половины организованных в профессиональные союзы рабочих всех стран. Мы не могли, естественно, установить для этого первого, учредительного конгресса совершенно однородное, нормальное представительство,—каковым является представительство на началах непосредственных выборов общенациональных центров профдвижения. В существующих условиях это было невозможно. И наш съезд объединял помимо, с одной стороны, представителей общенациональных профессиональных центров, как, напр., российское профессиональное движение, болгарское, югославянское и профессиональное движение ряда других стран, а с

другой—меньшинства внутри проф. движения, не меньшинства, которые в настоящее время ведут серьезную борьбу за свое освобождение, против старой идеологии, против старых навыков, против старых методов и против старых теорий и старой практики профессиональной бюрократии. Таким образом, состав съезда был двоякий: с одной стороны, официальные представители общенациональных центров, с другой—представители организованных меньшинств. Это неодинаковое и неравномерное представительство с самого начала давало повод тем организациям, которые почувствовали себя, уже с первых дней съезда, в меньшинстве, поднять даже вопрос о правомочиях данного съезда и заговорить (правда, робко) о том, что учредительный съезд Интернационала должен быть построен на других принципах.

На съезде было 380 делегатов, из них 336 с решающим голосом и 44 с совещательным, от 41 страны. Таким образом, почти все страны мира были представлены; среди делегатов мы имели представителей, помимо России и братских республик, от Англии, Франции, Германии, Италии, Швеции, Норвегии, Дании, Соединенных Штатов Америки, Аргентины, Мексики; затем были также представители из Кореи, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Австрии, Чехо-Словакии, Польши и даже представители от Нидерландских колоний—с острова Явы. По количеству стран, представленных на съезде, он был, пожалуй, полнее, чем все прошлые съезды старого Интернационала. Но из очень многих стран были представлены лишь революционные или оппозиционные меньшинства и коммунистические группы, организованные неодинаково—по разным типам и разным принципам—в зависимости от местных особенностей той или иной страны. Уже сам по себе такой состав конгресса—при отсутствии на нем делегатов из 41 страны, представляющих все левое крыло рабочего движения,—уже одно это должно было с самого начала поставить перед нами все вопросы, волнующие профессиональное движение разных стран.

В прежнее время, когда мы говорили: «левое крыло профессионального движения»,—мы этим определяли лишь тот «водораздел», где два мировоззрения, два взгляда противопоставят друг другу: с одной стороны—старое реформистское профессиональное движение, стоящее на точке зрения сотрудничества

классов, а с другой — продвижение революционное, стоящее на точке зрения социальной революции и революционной классовой борьбы. И только в этом смысле и говорилось о левом крыле рабочего движения. Когда же мы подошли к этому самому левому крылу вплотную, когда мы начали «шупать пульс» у его представителей, то мы нашли, что пульс этот бьется у них совершенно одинаково, потому что представляли различные левых групп совсем неодинаково представляли себе задачи рабочей организации, неодинаково оценивают момент, неодинаково определяют пути движения и неодинаково подходят к разрешению конкретных задач, стоящих перед ними. Таким образом, внутри левого крыла рабочего движения, объединенного безусловным, безоговорочным отрицанием реформизма и сотрудничества классов, имеются все оттенки мыслей, все цвета радуги. Мы имеем здесь чистых, твердых в своей идеологии анархистов, затем анархистов с некоторым наделом; далее революционных синдикалистов — непримиримых, старого закала, — и синдикалистов, уже отпрешившихся за последнее время от многих своих синдикалистских предрассудков; дальше идут коммунисты, за ними просто левые профессионалисты, еще не спархившие с себя унаследованные ими от реформистского продвижения пережитки. Таким образом, состав съезда, по своему идейному содержанию, по своим внутренним течениям, имел представителей всех существующих в левом, революционном, крыле оттенков. И в этом отношении работа его особенно интересна. Внимательно пересмотрев протоколы съезда, мы видим, как по каждому вопросу эти разные мировоззрения неоднократно сталкивались, и настроения их отражались на работе всего съезда.

Порядок дня нашего съезда был довольно обширен. Помимо отчета, который, совершенно естественно, должен был дать Временный Международный Совет Профсоюзов, мы имели перед собой наиболее острый для синдикалистов вопрос о взаимоотношениях между Профессиональным Интернационалом и Интернационалом Коммунистическим. Далее идут: вопрос о тактике и задачах союзов, вопрос организационный, устав, вопрос о безработице, вопрос о рабочем контроле, о фаб-завкомах, вопрос об увечных и о жертвах войны, о женщинах в промышленности и профсоюзах и целый ряд других, менее важных, с точки зрения принципиальной, но крайне существенных в практическом отношении, вопросов. Этим последним вопросам съезд должен был уделить не меньше внимания, поскольку он призван был стать не только съездом, где выработаются воззвания, манифесты и декларации, но съездом действия, намечающим определенную, твердую тактику, дающим

всему мировому продвижению определенные директивы для дальнейших боевых действий.

Наш съезд собрался, как было уже сказано, через 11 месяцев после того, как мы здесь же, в Москве, 15 июля 1920 года, создали Временный Международный Совет Профсоюзов. Временный Совет этот был построен, несомненно, на взаимных уступках и компромиссах и мог, в силу объективных условий, проявить лишь небольшую активность в течение первого года своей деятельности. Но, тем не менее, он стал очень популярным. Так бывает всегда, когда какая-нибудь организация отвечает незрелым требованиям эпохи. В самом деле: что представляла собой в 1920 году наш Временный Международный Совет Профсоюзов? Это был организационный центр, вокруг которого начали выкристаллизовываться, оформляться те течения мирового продвижения, которые шли вразрез со старым продвижением. Мировое продвижение за период послевоенный гигантски выросло. До войны во всех союзах мира было 9½ миллионов членов. Сейчас мы имеем уже 40 миллионов. Эта гигантская армия труда, охватывающая 40 миллионов пролетариев, неравноценно по своему составу. Члены союзов в разных странах неодинаково представляют себе повседневные задачи, неодинаково подходят к ним. В этой громадной армии имеются люди, проникнутые еще целиком старым духом. Буржуазный мир держит в своих руках рабочий класс не только путем физического угнетения и насилия, он держит его и в духовных цепях, сковывает, принижает его своим мирозерцанием. Если бы возмелте рабочую массу в целом, то увидите, сколько буржуазных предрассудков, сколько идейных пережитков сохранилось еще в ней от буржуазной культуры, от буржуазного мышления. Это влияние буржуазии на рабочее движение сказывается на различнейших течениях международного продвижения. Из этих 40 миллионов за 11 месяцев уже около 17 миллионов определило свои позиции: они начали высказываться против старой тактики, выступить против Амстердамского Интернационала с его идеологией и его философией сотрудничества классов. Они выступили против всей совокупности идей, которые выдвинул Амстердамский Интернационал, против проводимой его представителями теории и практики, сводящихся в общем и целом к тому, что рабочий класс может выйти из того тупика, в который загнал его война, только путем мирного развития, только путем соглашения с буржуазией. Эта точка зрения, которая выдвигалась Амстердамским Интернационалом Профсоюзов, повсеместно встретила в рабочих массах решительный отпор, и на этой почве создавалось революционное движение против Амстердама. Таким образом, на протяжении этих 11 месяцев во всем мировом продвижении, во всей профессиональной литературе, велась уже борьба под двумя флагами: «Амстердам или

Москва». Конечно, «Москва» и «Амстердам» здесь не понимая географические, означают те классы и идеи, которые выдвигались указанными мною двумя группировками: с одной стороны — сотрудничество классов, соглашение с буржуазией, с другой — беспощадная классовая, революционная борьба, социальная революция и диктатура пролетариата. Это были две системы, два мира, которые боролись внутри профессионального рабочего движения. Наш съезд явился как бы логическим выводом этого развития рабочего движения на протяжении 11 месяцев. Мы только подвели ему итоги... И так как история была за нас, п.с. международное рабочее движение развивалось в послевоенный период, имея уже за собой громадный урок войны, нарастающую нищету, закрытые фабрики и заводы, но та же история толкала всю рабочую массу влево, даже в том случае, когда рабочий не сознавал, что он идет влево. Очень много рабочих говорило нашим языком, не зная, что они говорят на языке Москвы, подобно известному герою Мольера, который всю жизнь говорил прозой, не зная, что это и есть проза.

Основной вопрос, который волновал съезд, который проходил красной нитью через все его работы, который вспыхивал все время по поводу различных пунктов порядка дня и больше всего обострял внутренние отношения, — это был вопрос о взаимоотношениях между Интернационалом Профсоюзов и Интернационалом Коммунистическим, или, иначе говоря, между коммунизмом и синдикализмом. Вопрос этот, на первый взгляд, может показаться отвлеченным, чисто теоретическим, ибо синдикалисты говорят, что их задача заключается в том, чтобы свергнуть капитализм, построить коммунистическое общество, — и, поскольку они связаны перед собой эту задачу, вы несколько спросите: почему же разделение? Почему же такая страстность спора? Почему с такой резкостью, с таким жаром мы в течение двух недель, со свойственными революционным людям темпераментом, отстаивали свои точки зрения, и только в результате двухнедельных дискуссий нашли общий язык и могли принять общие резолюции? В чем тут дело?

В мировом профдвижении до войны (первый была резкость делений смягчалась) было три основных типа профдвижения: чистый пред-юнионизм, революционный синдикализм и социал-демократическое реформистское или германско-американское профдвижение. На нашем съезде мы с чистым пред-юнионизмом дела не имели. Чистые пред-юнионисты находились в Амстердаме. Не имели мы дела на этом съезде и с чистым реформизмом, потому что он тоже полностью связан с Амстердамом; зато прежнее течение было ярко представлено на Конгрессе, перед нами был живой синдикализм со всеми

его предвсудудами, со всеми изгибами его идеологии и пактики.

Основная мысль революционного синдикализма, так ярко выраженная в знаменитой Амьенской Хартии, принятой в 1905 году на Конгрессе Всеобщей Конфедерации Труда, сводится к следующему: профессиональный союз есть основная боевая ячейка рабочего класса, союз сам совершил революцию, союз построил сам социалистическое общество, никакие политические группировки не могут и не должны вмешиваться в работу союза. Союзы автономны, они независимы, им нет никакого дела до политических сект, групп, философских систем и религиозных мировоззрений, или, как французцы выражались, le syndicalisme se suffit lui-même, п.с. «синдикализм сам себе доволен»; никаких других организаций, никаких партийных группировок не нужно, чтобы совершить революцию и использовать победу рабочего класса. Такова основная мысль революционного синдикализма. Вот с этой-то идеологией, с этой программой и с этой практикой нам пришлось по преимуществу иметь дело на нашем съезде.

Если признать, что это основная мысль синдикалистов верна, если профессиональный союз действительно сам себе доволен и никакая другая организация не должна вмешиваться в борьбу, которую ведет экономически организованный пролетариат против буржуазии; если союз способен сам провести в жизнь, без чего-либо содействия, социальные преобразования рабочего класса, — то взаимоотношения между союзами и политическими партиями, в том числе и Коммунистической партией, совершенно ясны, ибо, поскольку союз все делает, коммунистическая партия является совершенно излишней и совершенно никчемной. В этом смысле и по этой линии и шли прения у нас на конгрессе. И следует отметить, как одно из достижений конгресса, что революционный синдикализм в происходивших дискуссиях пошел на значительные уступки; он значительно отступил от чуждого и спротивности своей идеологии, вообще опосадал довольно далеко от старых традиционных положений, ибо в последнее 10 лет произошли немаловажные события, которые не могли не внести некоторого просветления или, выражаясь мягче, некоторого изменения в теоретическую и практическую систему революционного синдикализма. Произошла мировая война и Русинская Революция. Эти два факта поставили в порядок дня вопрос о мировой социальной революции, о практическом ее осуществлении. И, поскольку вопрос этот став практическим, нельзя уже было отмахиваться фразой, что синдикализм «сам себе доволен», надо было дать исчерпывающий ответ на вопрос относительно диктатуры пролетариата, относительно пролетарского государства, относительно коммунистической партии, — вопреки синдикалистской теории, прошедшей революцию в России, — и вообще на

ряд вопросов, поставленных Российской Революцией.

Конечно, весь наш российский, столь противоречивый синдикалистский теориям, опыт не совсем приятный факт, но это, все же, факт, а факты, как говорят англичане, упреждающе. И это привело очень многих синдикалистов к совершенно новым для них мыслям. Они пришли к выводу, что, хотя раньше они и были против диктатуры пролетариата и против государства, но Российская Революция показала, что в борьбе с буржуазией, с враждебным рабочему классу силами диктатура необходима. Но если признать диктатуру пролетариата, рушится, по существу говоря, вся система синдикализма; столь же целебно прежде миросозерцание их дает трещину. Эта трещина, эта нецелесообразность миросозерцания явственно вскрылась перед нами на толькo что закончившемся съезде; более того, целый ряд синдикалистов с трибуны съезда заявили определенно: мы признаем, что наше миросозерцание в такой-то и такой-то части было неправильно, и толькo незначительная группа их осталась «непримиримой».

Для того, чтобы показать, как эти «непримиримые» представляли себе социальную революцию, возьмем некоторые выдержки из речей, произнесенных представителями этой группы на съезде: «Наша система синдикалов—так говорил один из французских синдикалистов—по своим организационным формам, по своему административному аппарату, в силу своего происхождения по территории признаку, может хоть завтра через посредство своих производственных федераций и местных союзов установить в нашей стране пролетарский режим, при котором синдикальная организация станет распорядительницей ее судеб, сможет закрепить свою победу и найдет в своих собственных недрах все те силы, физические и моральные, которые обеспечат ей возможность дальнейшего развития».

Вы видите, таким образом, что, с их точки зрения, внутри современной Франции имеется уже готовая организация, которая способна установить пролетарский режим. Она уже приспособлена к будущему спору по всей своей структуре. Нужен толькo «маленький пусык»—революция, и тогда все пойдет как по маслу. При таком взгляде на наши профессиональные организации, естественно, отпадает вопрос относительно необходимости политической партии, ибо если организация готова, — к чему нам коммунисты и их политическая партия?

Спорники этой точки зрения, составлявшие, как я сказал уже, незначительную группу среди бывших на съезде синдикалистов, на протяжении всего съезда развивали эту мысль. Они доказывали, что профессиональное движение «независимо от политики», оно является многогранным, оно охватывает все стороны жизни рабочего и поэтому должно быть независимым, что про-

фессиональный союз есть единственное неподданное объединение пролетариата, т. е. он является союзом производителей, тогда как политическая партия есть смесь представителей разных классов. Этим определяется для них приоритет экономики над политикой, т. е. профсоюзов над политическими партиями. Основная, так сказать, теоретическая и практическая погрешность этой группы синдикалистов именно в том заключается, что они резко отдают политику от экономики. И характерно, что каждый раз, когда прения сосредоточивались на этом вопросе, на вопросе о взаимоотношениях политики и экономики и мы пытались заставить их дать определение того, что такое экономика,—нам давали очень красноречивые, прекрасно построенные, во все же, бессодержательные формулы; иначе и быть не могло, ибо нет на свете человека, который мог бы отделить политику от экономики, если толькo, конечно, под политикой не понимать политиканства и парламентской страпани, как это делают синдикалисты.

Парламентские выборы, на которые так часто ссылаются они, «обличая» политику, есть один из моментов политической борьбы, одно из проявлений политической борьбы, но отнюдь не вся политика. Политика это есть определенное противопоставление одного класса другому, определенная линия борьбы, организация масс, для того, чтобы один класс мог сбросить, низвергнуть другой класс. Вот что называется политикой. Все же остальное не политика, в мелочи, внешнее проявление, переходящая форма политической борьбы. А что такое экономика? Мы спрашивали синдикалистов: «Прекрасно, вы за преобладание союза над партией, вы за приоритет экономики. Но, скажем, стачка углекопов в Англии—что это, экономика или политика? Есть ли это толькo экономическая борьба, или в этой стачке мы имеем грандиозную политическую борьбу, по размерам своим еще не выданную в Англии ни буржуазией, ни рабочим классом». Они на это вразумительно ответить не могли, ибо, как давно сказал Маркс, всякая экономическая борьба есть, вместе с тем, борьба политическая. Там, где рабочие хотя бы из-за заработной платы выступают в борьбу организованной массой, противопоставляя себя государству и организованным предпринимателям, там это революционное выступление, ибо это выступление общеклассовое. Все миросозерцание синдикалистов, вся их идеология, вся их теория построены на этой раздвоенности политики и экономики, и, поскольку они продолжают настаивать на этой раздвоенности, постолюк им, конечно, невозможно свести концы с концами.

Если нужно экономикy отделить от политики, то и экономическую организацию пролетариата надо отделить от организа-

ции политической, и Интернационалу Профсоюзов не о чем разговаривать с Интернационалом Коммунистическим. По вопросу о взаимоотношениях этих двух Интернационалов мы чуть не три дня вели прения. Ораторов высказалось не менее 30. Все течение, все оттенки мысли, все, что имел хитб что-нибудь сказать по этому вопросу, высказались, и, суммируя эти взгляды, внимательно перечитывая все прения их теперь, мы замечаем, как и французские синдикалисты, и представители американских «Индустриальных Рабочих Мира», и представители голландских синдикалистов, и представители левых коммунистических групп Германии разнились словами; с разных концов, приходили к одному и тому же конечному выводу. Надо отделить профессиональное движение от политического, надо построить свой собственный дом, чтобы не было никакого сожительства с Коммунистическим Интернационалом, — вот основная мысль и лейтмотив всех синдикалистских речей, которые слышались на съезде. На одном из заседаний пишущий эти строки задал одному из синдикалистов следующие вопросы: «Вы утверждаете, что синдикализм имеет целью коммунизма, что и он идет к коммунизму?» — «Да, ответил он, мы коммунисты по цели». — «Коммунистический Интернационал и Коммунистическая партия тоже идут к коммунизму?» — «Да». — «Но если обе эти организации идут к коммунизму, идут к одной цели, — их пути не могут быть параллельными, они обязательно должны пересечься. С другой стороны, если вы, синдикалисты, признаете, что Коммунистический Интернационал борется с капитализмом, то нужно установить связь между этими двумя направлениями, — даже если допустить, что они параллельны. Надо установить между ними мост». «Какой мост?» — «Если мы хотим ходить по этому мосту, нужно строить железный мост». — «Нет», — отвечает синдикалист, — я стою за то, чтобы мы перешли не мост, а тонкую перекладинку». — «Но, ведь, если перешли перекладинку, — трудно будет ходить, по ней». Этот разговор на тему о мосте и перекладинке чрезвычайно характерен для самого миропонимания синдикалистов, для их подхода к вопросу, стоящему перед нами. «Независимость и автономия» — вот топ лозунг, который всего настойчивее описывался ими на съезде. «Мы — независимы, мы не позволяем, чтобы какая бы то ни было организация покушалась на нас, на нашу независимость, на нашу автономию». А как они эту независимость понимают, — о том говорили они нам с трибуны так: «Особенность революционного синдикализма заключается в том, что он предполагает освобождение рабочего класса, без всякой, открытой или замаскированной, опеки всех тех, кто провозглашает принцип гласности политики над экономикой. — Мы не можем допустить, чтобы буржуазная интеллигенция претендо-

вала на то, что она всегда будет думать за рабочий класс, будет всегда для него духовным пастырем, или мачулинком». Я думаю, что этой цитатой совершенно достаточно, чтобы дать представление об идеологии синдикализма. Я процитирую, впрочем, еще одно место из декларации другого представившего революционного синдикализма, представившего французской организации, которая носит достаточно громкое название: «Международная Конфедерация Рабочих», но объединяет во всей Франции не то 800, не то 900 человек. Вообще на съезде выяснилось, что множество мелких организаций имеет очень большую слабость к грандиозным названиям. И этот представитель очень маленькой организации с очень большим названием говорил следующее: «Государство после революции, и даже социалистическое государство, останется централизованной силой угнетения. Чтобы оградить себя от него, рабочие, дорожащие свободой, должны сохранить автономность своей организации». Горюха это делегат Буассон. Те, кто помнит наши домашние русские споры относительно независимости профдвижения, ясно почувствуют здесь некоторые меньшевистские нотки, которые нам уже доводилось слышать в России. В чем основа политической партии? — спрашивает делегат Буассон и отвечает: в смешении интересов: она систематически смешивает в своих рядах рабочих и хозяев, интеллигентов и торговцев, производящих и живущих испрошными доходами. Она несоборна, поэтому, вести последовательную борьбу и может держаться только при помощи лжи и недоумков. Таким образом, политическая партия есть местами все всяких пороков. Она может держаться только на лжи, в синдикалах, союзы — это местами все всяких добродетелей, и этот кристальный сосуд является единственным орудием как социальной революции, так, в дальнейшем, и построения социалистического общества. Но такие речи — только отголосок бывшего революционного синдикализма, того синдикализма, который заснул и сплоскнот, проспал 15 лет, — проспал не более и не менее, как мировую войну и Российскую Революцию. И поскольку революционные синдикалисты такого типа проспав эти два немаловажных события, неумудрено, что они выходящую створку шперику и преподносят ее теперь, после 4 лет революции, при обсуждении вопроса о взаимоотношениях между Коминтерном и Революционными Профессиональными Союзом, как нечто новое, что должно определить взаимоотношения в том мире борьбы, в котором мы живем.

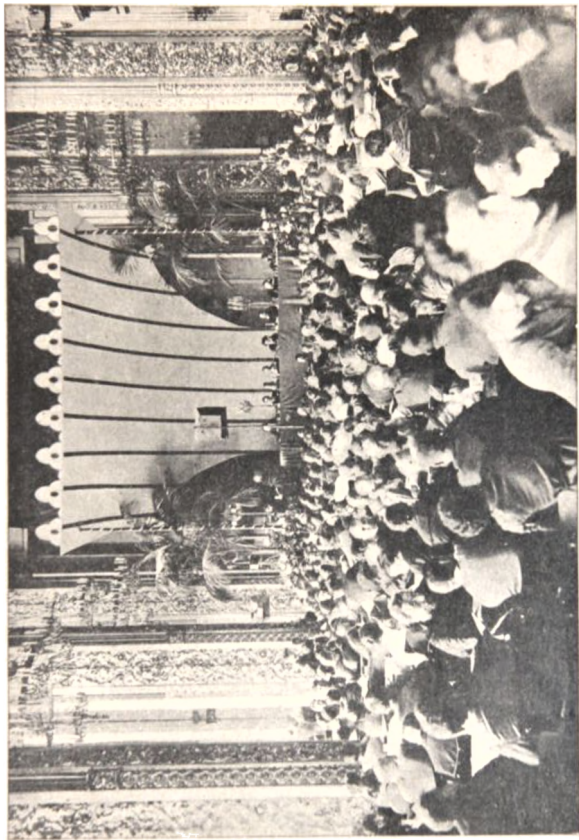
Другая часть синдикалистов — с испанскими делегатами во главе — стояла на другой точке зрения. Представитель их говорил так: «Мы, испанские синдикалисты, являемся последователями Бакунина, чистыми анархистами; на этой точке зрения мы стоим в течение долгих десятилетий, но

жизнь нас научила тому, что диктатура пролетариата является абсолютно необходимой. Кто принимает диктатуру пролетариата, тот принимает и все, что обуславливается ею, ибо диктатура пролетариата означает определенную, законченную систему, из которой нельзя выбросить ни одного звена.

Диктатура пролетариата есть псевдоним пролетарского государства. Анархисту принять «пролетарское государство» невозможно, потому что государство, как известно, по мнению анархистов, будь оно буржуазное или пролетарское, всегда есть аппарат угнетения трудящихся. А они — перешедшие анархо-синдикалисты, «диктатуру пролетариата» принимают и говорят: «поскольку мы ставим на почку зрения диктатуры пролетариата, постольку мы стоим за тесную связь с Коммунистическим Интернационалом, но при сохранении независимости и автономии». Таким образом, в их рядах имеются сторонники независимости и автономии без оговорок, — и «независимости и автономии» с оговоркой. Кроме того, имеется еще тρέмье течение среди синдикалистов, которые еще большему научились и потому признают необходимым пересмотреть, на основе внесенных Российской Революцией коррективов, все синдикалистское мировоззрение, всю синдикалистскую теорию и выработать новую программу для новых условий жизни. Таковы три течения, вскрывшиеся в среде революционного синдикализма, — и поскольку между ними происходит борьба, — она полностью нашла отражение в прениях и декларациях съезда. В результате странных и резких прений съезд принял решение о том, что Интернационал Профессиональных Союзов, являясь автономной, самостоятельной организацией, координирует свои действия с действиями Коммунистического Интернационала, стремясь объединиться с ним во всех выступлениях, дабы в борьбе оборонительной и наступательной вся революционная энергия рабочего класса всегда была собрана в один крепко сжатый, мощный кулак.

Какую позицию заняло в вопросе о взаимоотношениях между Красным Интернационалом Профсоюзов и Коммунистическим Интернационалом большинство съезда? И здесь были свои разногласия, но разногласия эти лежали совсем в другой области. Пишущий эти строки стоял на той точке зрения, что Интернационал должен быть один, ибо Интернационал не есть механическая сумма политических партий и политических групп, поскольку мы под Интернационалом разумеем мировое объединение для боевых оборонительных и наступательных действий. Интернационал должен включать в себя всю революционную энергию масс, в какой бы организационной форме данная энергия ни выражалась — будет ли это в партийной форме, будет ли это в форме союзов или в форме кооперативных организаций. Эта точка зре-

ний была принята и на 4-м Съезде Профсоюзов России, причем от имени всего российского профдвижения было провозглашено, что мы, как идеал, ставим себе создание единого Интернационала, воплощающего в себе все формы и виды рабочего революционного движения. С другой стороны, были у нас на Международном Съезде и такие коммунисты, которые стояли за совершенно определенное резкое ограничение профдвижения от коммунистического. Особенно упорно стояли на этой точке зрения представители французских коммунистов и коммунистов некоторых других стран, в которых коммунистическая партия слаба, а профдвижение — довольно сильно. Вообще, надо сказать, что разрешение этого вопроса на съезде было крайне затруднено тем, что едва ли не для каждой страны он ставился различно, в зависимости от взаимоотношений между профдвижением и местной компартией, относительной силой той и другой организации и т. д. Так, например, для норвежских рабочих этот вопрос не существует, так как у них почти все члены союза являются членами партии и наоборот. Не существует этот вопрос и для чехо-словаков, где отношения между партией и союзами крайне тесно сплетены. Явление это, к слову сказать, наблюдается и во многих реформистских союзах, которые у нас не были представлены, и в первую очередь, в Англии, где пред-юнионы создали Рабочую партию и являются ее членами. Таким образом, если бы перед английским пред-юнионизмом поставил вопрос о разрыве между политическим и профессиональным движением, то англичане на такой разрыв не могли бы согласиться, потому что между их союзами и партией существует органическая связь. Напротив того, совершенно другие взаимоотношения сложились во Франции и Испании. В Испании вопрос о взаимоотношениях между Коммунистической партией и союзами до сих пор почти не вставал. В Испании искони сильно синдикалистское движение. В конце 1919 г. и в начале 1920 г. оно насчитывало до миллиона членов. Коммунистическая же партия родилась лишь полгода тому назад и насчитывает всего около 10.000 членов. Может ли старое революционное движение поставить вопрос о взаимоотношениях с маленькой, недавно народившейся коммунистической партией, в тех же формах, в каких стоит он в странах, где имеется старая коммунистическая партия и молодое профессиональное движение? Этой-то разницы национальных условий и взаимоотношений партийных и профессиональных организаций в различных странах и объясняется прудность спящего перса съезда вопроса. Для всех нас было ясно, что нужно установить тесное сотрудничество с III Интернационалом, и даже самые крайние синдикалисты не отказывались время от времени встретиться с Коммунистическим Интернационалом, но они понимали эту встречу, как «случайный флирт», а не как деловые постоянные взаимоотношения. В результате

III Конгресс Коммуниста. Первое заседание Конгресса.

преждевзвешенных прений, в результате неизбежной обостренной борьбы, ряда ультиматумов и проч. и проч., съезд нашел, наконец, среднюю линию. Он не стал ни на почку зрения последнего русского Съезда Профсоюзов, ни на почку зрения крайнего крыла синдикализма, а высказался за организационное самостоятельное существование Красного Интернационала Профсоюзов, за тесное сотрудничество, за взаимное представительство при сохранении полной самостоятельности внутренней жизни обоих Интернационалов. Решением вопроса о взаимоотношениях этих Интернационалов был предшествен целой ряд других, более сложных, но практически легче разрешимых вопросов. В самом деле, поскольку синдикализм выдвигал против нас идею независимости, поскольку они объявляли ее условием ультимативным (французская делегация получала даже императивный мандат не присоединяться к Красному Интернационалу Профсоюзов, пока этот вопрос не будет разрешен в желательном для французских товарищей смысле), — поскольку, после принятия резолюции о взаимоотношениях с Коминтерном, мы имели перед собой уже принципиально решенную почву и могли уверенно идти дальше.

Второй вопрос, который особенно волновал съезд, был вопрос об итальянском профессиональном движении и Красном Интернационале. 15-го июля 1920 г. мы, совместно с Итальянской Конфедерацией Труда, подписали соглашение о создании Временного Совета Профсоюзов. Таким образом, зародился Красный Интернационал, и с этого момента, вместо того, чтобы сделать шаг вперед, руководители Итальянской Конфедерации сделали шаг назад. Характерно, что после того, как Итальянская Социалистическая Партия на конгрессе в Ливорно раскололась, реформисты, принадлежавшие к правому крылу итальянского рабочего движения, в вопросе «Москва или Амстердам» настаивали на той почке зрения, что нужно оставаться одновременно в обоих Интернационалах. Кроме того, надлежит отметить, что в апреле 1920 года Итальянская Конфедерация Труда обратилась в Амстердамский Интернационал с заявлением о погромах и убийствах, произведенных фашистами. Амстердам в ответ на это прислал 50.000 лир, на что Итальянская Конфедерация Труда ответила любезным посланием, и, таким образом, взаимоотношения возобновились, и Итальянская Конфедерация Труда окончательно успорилась в двух Интернационалах.

В Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда имелось более 2.000.000 организованных рабочих; кроме того, имелся ряд независимых союзов, моряков и железнодорожников, объединяющих около 600.000 рабочих, и союз синдикалистов, охватывающий до 400.000 рабочих. Накануне съезда мы получили от Всеобщей Конфедерации Труда телеграмму, в которой

нам предлагали перенести наш съезд в Рим или Стокгольм, под тем предлогом, что нам легче де будет конспирировать мандатом и п. п. Мы получили это предложение за 10 дней до открытия съезда и ответили, что нам безразлично, где будет съезд, при том, конечно, условии, что Всеобщая Конфедерация Труда обеспечит свободный проезд всем делегатам, но что открывавший съезд «мы не намерены». Они прислали своих делегатов с информационной целью, и представили эти — Арцимонди и Биянки — изложили на съезде почку зрения Итальянской Конфедерации Труда. Тов. Биянки защищал одновременное пребывание в двух Интернационалах, уверяя, что в Амстердаме они основаны только для того, чтобы вести революционную агитацию, организовать левое крыло, объединить вокруг себя все недовольные действиями Амстердамского Интернационала элементы и п. п. И, поскольку можно было понять, они в будущем предполагали продолжать это свое двойное поединство, вопреки прямому постановлению съезда в Ливорно, вынесенного как известно, резолюцию о присоединении к Красному Интернационалу, при условии сохранения существующих ныне договорных взаимоотношений между Конфедерацией Труда и Социалистической Партией. Излагавший все прения по этому вопросу было бы слишком долго. Суть их свелась к тому, что съезд заявил: «Одиннадцать месяцев вы были инициаторами и на Онуфрия и на Петра, в те перья вы должны сказать определенно и ясно, — с нами вы, или не с нами, ибо соединять эти два Интернационала нельзя, или, как пишущий эти строки сказал Биянки на съезде: «из ваших заявлений ясно, что вы хотите жить в законном браке с Амстердамом и в незаконном сожителстве с Москвой. Мы на такой «брак втроем» не согласны». Съезд был единодушен по этому вопросу и вынес решение апеллировать к рабочим Италии, и мы надеемся, что рабочие Италии присоединятся за Москву. Очень характерно было во время этих прений выступление тов. Арцимонди, который в своей речи о создании рабочего университета в Италии сказал: «Мы создадим институт, по окончании которого, рабочие освободятся от мечтаний о восстаниях и крадях знаменах и станут трезво смотреть на жизнь». Когда один из итальянцев спросил Арцимонди во время его речи: «Вы реформисты?» — он ответил: «Да, я реформист, но во время сентябрьских дней, будучи мэром города и получив предписание партии приготовить к вооруженному выступлению, я немедленно вооружил рабочих и выступил бы, если бы был подан сигнал». Товарищи его, впрочем, оспаривали правильность этих утверждений. Но, так или иначе, съезд предложил итальянским товарищам высказаться ясно: за Москву или за Амстердам?

Одним из наиболее сложных вопросов являлся вопрос о задачах и тактике союзов.

ибо вопрос, само собою разумеется, шел не о старых лозунгах, вроде «долгой буржуазии» и п. д., а о детальном указании методов и путей, способов и форм, о том, как подойти к тому разнообразию борб, которое предопределяется социальными особенностями различных стран в рамках мирового движения. Нам пришлось намечать общие вехи именно для всего мирового движения. Не удивительно, что это у нас отняло очень много времени и что все прения сосредоточились на нескольких основных вопросах.

Первый вопрос, который стоял в этой области перед нами, это—вопрос о том, как быть со «старыми» массовыми союзами: разрушать их или завоевывать? Мы имели на с'езде две непримиримо-противоположные точки зрения на этот предмет. Группа, состоявшая из представителей Всеобщего Рабочего Союза, Свободного Союза Гельзенкирхена, делегатов от синдикалистов Германии и делегатов И. Р. М. в Америке, стояла за то, что старые союзы необходимо разрушать, что это—организации контр-революционные и что всякие попытки революционизировать их только понапрасну отнимают силы и энергию, отнимают людей, чем пользуются профессиональная бюрократия. «Но что такое, в вашем представлении, союзы?»—спрашивали мы их. «Есть ли это верхушка, бюрократия, дом, касса, книжки, карточки? Или же, когда мы говорим о союзах, мы разумеем те миллионы рабочих, которые в них организованы? Что вы хотите разрушить? Форму или нечто другое? Не забудьте, что рабочие, которые создавали эти союзы, относятся к ним, как к своему дому. Правда, в этих союзах есть много людей, которые им изменили, но неужели же за это самый дом нужно обливать керосином и сжечь? Если вы думаете, что союзы нельзя революционизировать, что союзы неспособны ни на какое активное выступление, что десять миллионов организованных рабочих, скажем, Германии, всегда будут идти за профессиональной бюрократией,—значит, никакой революции вообще быть не может. Нам нужно завоевать союзы во что бы то ни стало, а не отмахиваться от них, как от вместилища всех зол». Вообще, все разговоры о том, что профсоюзы нельзя завоевать, что их нельзя привлечь на свою сторону, встретили самые серьезные возражения со стороны подавляющего большинства с'езда. Даже и синдикалисты—в значительной части—не стали на эту точку зрения. Этот вопрос, как я уже сказал, вызвал наиболее продолжительные прения, ибо по этому вопросу собственно и произошел раскол в Германии, по этому вопросу и сейчас происходит борьба внутри левого крыла рабочего движения.

Этим не исчерпываются, конечно, все вопросы тактики. Нужно было выработать основные методы и способы борб. На нашем с'езде нашлись также товарищи, которые серьезно думали, что задача заклю-

чается в том, чтобы возможно чаще устраивать стачки. В противовес этому «простому» подходу, с'езд с особой силой подчеркнул необходимость серьезно взвешивать каждое выступление и внимательно и точно учитывать обстановку, общие условия, силу врага и проч. Он указал, что нужно уметь также и отступать, при чем отступление в порядке является, в некоторых случаях, такой же заслугой, как и удачное наступление. Что же касается практических лозунгов и задач, то с'езд формулировал их в следующей программе действия: 1) в основу профессионального рабочего движения должен быть положен метод «прямого действия», т. е. резкое боевое противопоставление рабочего класса буржуазии; 2) лозунг перестройки старых профессиональных союзов по производственному признаку. Для нас это вопрос давно решенный, но в большинстве европейских стран к нему еще не подошли, и перестройка союзных организаций по производству является подлинной революцией.

Далее, с'езд выдвинул лозунг проведения рабочего контроля и еще целый ряд проблем, которые должны быть поставлены, как практические задачи дня. В основных чертах эту общую линию и общую программу действия с'езд принял единогласно; единогласие в этом вопросе следует особо отметить, так как достигнуто оно, конечно, взаимными уступками, уступками в том смысле, что борющийся на с'езде группировки старались не заострять те пункты, которые нас разделяют, а стремиться смягчить их, чтобы найти общую линию поведения. Объясняется это внутреннее соглашательство тем, что все одинаково сознавали, что создание единого революционного фронта есть абсолютная необходимость: не даром во имя установления этого единого фронта участники с'езда приехали за много тысяч верст в Москву. Прочтите эту программу действий и вы увидите, насколько подробно она охватывает все формы и виды классовой борб, поставив перед союзами те практические проблемы, которые не могут не привести к столкновению с буржуазным государством.

Вопрос о рабочем контроле, являющийся основным стержнем в этой программе действий, не вызвал больших разногласий на нашем с'езде. Здесь решающую роль играло то, что русские профсоюзы имели возможность предложить ряд конкретных и практических мер на основании опыта России. Те зародившиеся формы рабочего контроля, которые сейчас выдвигают в Западной Европе, все построены на соглашениях с буржуазией и при абсолютном преобладании интересов предпринимателя над интересами рабочих. Проекты о рабочем контроле, которые были выдвинуты итальянским правительством после эпохи захвата фабрик в Италии, проекты английские, проекты, выработанные французской федерацией металлистов,—все они не представляют собой, по существу, рабочего контроля, а это есть

не что вроде того государственного контроля с участием рабочих, который описывал в русских мемуарах на III Конференции Российских Профсоюзов (20—28 июня 1917 г.), предлагая привлечь к возрождению народного хозяйства все «производительные классы населения». Подробная резолюция о рабочем контроле дает не только картину существующих форм рабочего контроля, проследившие самой идеи этого контроля, но и конкретные указания—как рабочие должны вести борьбу за проведение в жизнь действительного контроля рабочих над производством, в противовес реформистской идее о том, что контроль над производством может быть проведен путем соглашения с буржуазией. Здесь подчеркивается со всей необходимой ясностью, что рабочий контроль может быть введен только в результате упорной и ожесточенной борьбы, против воли предпринимателей и, в той мере, в какой он будет введен против господствующих классов, он будет представлять собой ценность для рабочих.

Программа действий Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов—та же, что и III Конгресса Коммунистического Интернационала. Это лучше всяких резолюций доказывает то действительное единство, которое существует между этими двумя международными организациями. Для того, кто мало-мальски знаком с международным рабочим движением и с условиями борьбы, совершенно очевидно, что единственная организационная сила, на которую могут рассчитывать революционные профсоюзы при проведении в жизнь программы действия,—это коммунистические партии и их международный штаб, Коммунистический Интернационал. Это совпадение программ действий двух Интернационалов далеко не случайно; оно свидетельствует о том, что революционные, политические и экономические организации рабочего класса—не враждебные и конкурирующие друг с другом державы, а одно органическое целое.

В заключение, несколько слов об организационном вопросе. Казалось бы, что организационный вопрос является логическим введением из вопросов тактики, и, поскольку тактическая линия наша была твердо установлена предшествовавшими резолюциями, организационные вопросы должны были разрешиться быстро и легко. Тем не менее, у нас решение их отняло довольно много времени. Ибо, когда лишущий эти спороки в своих шпизиссах начал излагать организационные задачи в Англии, Германии, Италии, Америке и т. д., по получившей такой картина: представлялись Англии говорил: я вообще согласен с шпизиссами, но не согласен с тем, что говорится в них о нашей спироки; представлялась Америке говорил: я вообще согласен с шпизиссами, но не согласен с тем, что в них говорится об Америке. Это свидетельствует, что в каждой стране имеется ряд больных вопросов, требующих особого, специального разрешения.

Возьмем копию бы Америку. Там такое положение: мы имеем Американскую Федерацию Труда, имеем независимые профессиональные объединения, имеем маевскую организацию Индустриальных Рабочих Мира, и эти маевская организация претендуют на то, что она является единственной представительницей революционного профессионального движения Америки.

Когда мы двинулись согласовать работу И. Р. М. с принимающими к Красному Интернационалу Профсоюзов маевскими организациями Американской Федерации Труда, то индустриалисты подняли шум, ибо они считают ниже своего достоинства согласовать свои действия с теми, кто принадлежит к Американской Федерации Труда, для которой даже Амстердам кажется слишком легким.

Напрасно мы доказывали, что организации, о которых идет речь, идею уже оторвали от Американской Федерации, что они только формально принадлежат к ней. Но они перадали свое. На этом примере можно судить о сложности и запутанности организационного вопроса, стоявшего перед нами.

Другой пример—Испания. В Испании анархисты-синдикалисты, как противники централизации, уничтожили все центральные комитеты по производству, заявляя, что центральные комитеты только порождают бюрократию, и поэтому их надо уничтожить. Когда они явились в Москву, мы у них начали спрашивать о положении дел в Испании и об организационных принципах. Они нам ответили: «Мы за федерализм и поэтому мы были против всяких центральных комитетов».—«Но как же у вас идет борьба?» Они ответили, что у них есть в городах союзы, которые принадлежат к общей организации, к советам, а советы объединяются в Общую Конфедерацию Труда. «Как же ведется борьба? Ведь отдельные члены не могут рваться друг по другу».—«Да, мы за последнее время увидели, что это не очень удобно и создали комитеты для согласования борьбы в разных районах Испании». Поэтому мы ввели в шпизиссы для Испании восстановление центральных комитетов по производству. И если Испанская Конфедерация Труда вынуждена была теперь уйти в подполье, то уничтожение общенациональных производственных и профессиональных объединений несомненно уменьшило силу сопротивления организационных рабочих. Все эти общенациональные центры имеют очень и очень большое значение. Третий пример, на котором следует остановиться,—из практики той же Испании. В Испании имеется Национальная Конфедерация Труда, которая принимает к нам, и есть реформистский Всеобщий Союз Рабочих. Внутри реформистских союзов имеются коммунистические ячейки, которые объединяют революционно настроенных рабочих. Кроме этого, от реформистских союзов находилось ряд отдельных синдикатов, не входящих ни в реформистском

ибо вопрос, само собою разумеется, шел не о старых лозунгах, вроде «долгой буржуазии» и т. д., а о детальном указании методов и путей, способов и форм, о том, как подойти к тому разнообразию борьбы, которое предопределяется социальными особенностями различных стран в рамках мирового движения. Нам пришлось намечать общие вехи именно для всего мирового движения. Не удивительно, что это у нас отняло очень много времени и что все прения сосредоточились на нескольких основных вопросах.

Первый вопрос, который стоял в этой области перед нами, это — вопрос о том, как быть со «старыми» массовыми союзами: разрушать их или завоевывать? Мы имели на с'езде две непримиримо-противоположных точки зрения на этот предмет. Группа, состоявшая из представителей Всеобщего Рабочего Союза, Свободного Союза Гельзенкирхена, делегатов от синдикалистов Германии и делегатов И. Р. М. в Америке, стояла за то, что старые союзы необходимо разрушать, что это — организации контр-революционные и что всякие попытки революционизировать их только понапрасну отнимают силы и энергию, отнимают людей, чем пользуются профессиональная бюрократия. «Но что такое, в вашем представлении, союз?» — спрашивал мы их. «Есть ли это верхушка, бюрократия, дом, касса, книжки, карточки? Или же, когда мы говорим о союзах, мы разумем те миллионы рабочих, которые в них организованы? Что вы хотите разрушить: форму или нечто другое? Не забудьте, что рабочие, которые создавали эти союзы, относятся к ним, как к своему дому. Правда, в этих союзах есть много людей, которые им изменили, но неужели же за это самый дом нужно обливать керосином и сжечь? Если вы думаете, что союзы нельзя революционизировать, что союзы неспособны ни на какое активное выступление, что десять миллионов организованных рабочих, скажем, Германии, всегда будут идти за профессиональной бюрократией, — значит, никакой революции вообще быть не может. Нам нужно завоевать союзы во что бы то ни стало, а не отмахиваться от них, как от вместилища всех зол». Вообще, все разговоры о том, что профсоюзы нельзя завоевать, что их нельзя привлечь на свою сторону, встретили самые серьезные возражения со стороны подавляющего большинства с'езда. Даже и синдикалисты — в значительной части — не стали на эту точку зрения. Этот вопрос, как я уже сказал, вызвал наиболее продолжительные прения, ибо по этому вопросу собственно и произошел раскол в Германии, по этому вопросу и сейчас происходит борьба внутри левого крыла рабочего движения.

Этим не исчерпываются, конечно, все вопросы тактики. Нужно было выработать основные методы и способы борьбы. На нашем с'езде нашлись также товарищи, которые серьезно думали, что задача заклю-

чается в том, чтобы возможно чаще устранить стачки. В противовес этому «простому» подходу, с'езд с особой силой подчеркнул необходимость серьезно взвешивать каждое выступление и внимательно и почто учитывать обстановку, общие условия, силу врага и проч. Он указал, что нужно уметь также и отступать, при чем отступление в порядке является, в некоторых случаях, такой же заслуженой, как и удачное наступление. Что же касается практических лозунгов и задач, то с'езд формулировал их в следующей программе действия: 1) в основу профессионального рабочего движения должен быть положен метод «прямого действия», т. е. резкое боевое противопоставление рабочего класса буржуазии; 2) лозунг перестройки старых профессиональных союзов по производственному признаку. Для нас это вопрос давно решенный, но в большинстве европейских стран к нему еще не подошли, и перестройка союзных организаций по производству является подлинной революцией.

Далее, с'езд выдвинул лозунг проведения рабочего контроля и еще целый ряд проблем, которые должны быть поставлены, как практические задачи дня. В основных чертах эту общую линию и общую программу действия с'езд принял единогласно; единогласие в этом вопросе следует особо отметить, так как достигнуто оно, конечно, взаимными уступками, уступками в том смысле, что болевшие на с'езде группировки старались не заострять те пункты, которые нас разделяют, а стремились смягчить их, чтобы найти общую линию поведения. Объясняется это внутреннее соглашательство тем, что все одинаково сознавали, что создание единого революционного фронта есть абсолютная необходимость: не даром во имя установления этого единого фронта участники с'езда приехали за много тысяч верст в Москву. Прочтите эту программу действий и вы увидите, насколько подробно она охватывает все формы и виды классовой борьбы, поставив перед союзами те практические проблемы, которые не могут не привести к столкновению с буржуазным государством.

Вопрос о рабочем контроле, являющийся основным стержнем в этой программе действий, не вызвал больших разногласий на нашем с'езде. Здесь решающую роль играло то, что русские профсоюзы имели возможность предложить ряд конкретных и практических мер на основании опыта России. Те зародившиеся формы рабочего контроля, которые сейчас выдвигают в Западной Европе, все построены на соглашении с буржуазией и при абсолютном преобладании интересов предпринимателя над интересами рабочих. Проекты о рабочем контроле, которые были выдвинуты итальянским правительством после эпохи захвата фабрик в Италии, проекты английские, проекты, выработанные французской федерацией металлистов, — все они не представляют собой, по существу, рабочего контроля, а это есть

нечто вроде того государственного контроля с участием рабочих, который отстаивали русские меньшевики на III Конференции Российских Профсоюзов (20—28 июня 1917 г.), предлагая привлечь к возрождению народного хозяйства все «производительные классы населения». Подробная резолюция о рабочем контроле дает не только картину существующих форм рабочего контроля, происхождения самой идеи эпохи контроля, но и конкретные указания—как рабочие должны вести борьбу за проведение в жизнь действительного контроля рабочих над производством, в противовес реформистской идее о том, что контроль над производством может быть проведен путем соглашения с буржуазией. Здесь подчеркивается со всей необходимой ясностью, что рабочий контроль может быть введен только в результате упорной и ожесточенной борьбы, против воли предпринимателей и, в той мере, в какой он будет введен против господствующих классов, он будет представлять собой ценность для рабочих.

Программа действий Конгресса Красного Интернационала Профсоюзов—та же, что и III Конгресса Коммунистического Интернационала. Это лучше всяких резолюций доказывает то действительное единство, которое существует между этими двумя международными организациями. Для того, кто мало-мальски знаком с международным рабочим движением и с условиями борьбы, совершенно очевидно, что единственная организационная сила, на которую могут рассчитывать революционные профсоюзы при проведении в жизнь программы действия,—это коммунистические партии и их международный штаб, Коммунистический Интернационал. Это совпадение программ действий двух Интернационалов далеко не случайно; оно свидетельствует о том, что революционные, политические и экономические организации рабочего класса—не враждебные и конкурирующие друг с другом державы, а одно органическое целое.

В заключение, несколько слов об организационном вопросе. Казалось бы, что организационный вопрос является логическим выводом из вопросов тактики, и, поскольку тактическая линия наша была твердо установлена предшествовавшими резолюциями, организационные вопросы должны были разрешиться быстро и легко. Тем не менее, у нас решение их отняло довольно много времени. Ибо, когда пишущий эти строки в своих тезисах начал излагать организационные задачи в Англии, Германии, Италии, Америке и т. д., то получалась такая картина: представлятель Англии говорил: я вообще согласен с тезисами, но не согласен с тем, что говорится в них о нашей стране; представитель Америки говорил: я вообще согласен с тезисами, но не согласен с тем, что в них говорится об Америке. Это свидетельствует, что в каждой стране имеется ряд больших вопросов, требующих особого, специального разрешения.

Возьмем хотя бы Америку. Там такое положение: мы имеем Американскую Федерацию Труда, имеем независимые профессиональные объединения, имеем маленькую организацию Индустриальных Рабочих Мира, и еще маленькая организация претендует на то, что она является единственной представительницей революционного профессионального движения Америки.

Когда мы пытались согласовать работу И. Р. М. с примыкающими к Красному Интернационалу Профсоюзов местными организациями Американской Федерации Труда, то индустриалисты подняли шум, ибо они считали ниже своего достоинства согласовать свои действия с теми, кто принадлежит к Американской Федерации Труда, для которой даже Амстердам кажется слишком маленьким.

Вопрос мы доказывали, что организации, о которых идет речь, идею уже оторвались от Американской Федерации, что они только формально принадлежат к ней. Но они спорили свое. На этом примере можно судить о сложности и запутанности организационного вопроса, спящего перед нами.

Другой пример—Испания. В Испании анархисты-синдикалисты, как противники централизации, уничтожили все центральные комитеты по производством, заявляя, что центральные комитеты только порождают бюрократию, и поэтому их надо уничтожить. Когда они явились в Москву, мы у них начали спрашивать о положении дел в Испании и об их организационных принципах. Они нам ответили: «Мы за федерализм и поэтому мы были против всяких центральных комитетов».—«Но как же у вас идет борьба?» Они ответили, что у них есть в городах союзы, которые принадлежат к общей организации, к советам, а советы объединяются в Общую Конфедерацию Труда. «Как же идет борьба? Ведь отдельные части не могут равняться друг с другом».—«Да, мы за последнее время увидели, что это не очень удобно и создали комитеты для согласования борьбы в разных районах Испании». Поэтому мы внесли в тезисы для Испании воссоздание центральных комитетов по производством. И если Испанская Конфедерация Труда вынуждена была теперь уйти в подполье, то уничтожение общенациональных производственных и профессиональных объединений несомненно уменьшило силу сопротивляемости организованных рабочих. Все эти общенациональные центры имеют очень и очень большое значение. Третий пример, на котором следует остановиться,—из практики той же Испании. В Испании имеется Национальная Конфедерация Труда, которая примыкает к нам, и есть реформистский Всеобщий Союз Рабочих. Внутри реформистских союзов имеются коммунистические ячейки, которые объединяют революционно настроенных рабочих. Кроме этого, они реформистских союзов охватывает ряд отдельных синдикатов, не входящих ни в реформистский

союзе, ни в синдикалистском. Всюду во главе шапих отколовшихся союзов стоят коммунисты. Мы приняли решение, что те синдикалисты, которые откололись от реформистских союзов, должны войти в примыкающую к нам Национальную Конфедерацию Труда, в коммунистические ячейки должны остаться в реформистских союзах и координировать свои действия с синдикалистами. Может быть, эти подробности покажутся мелочными, но эти вопросы определяют судьбу продвижения каждой страны, они дают определенный тон, определенное направление их деятельности, и неудивительно, что организационный вопрос отнял у нас очень и очень много времени. Когда мы подошли к Германии, то мы потратили чуть не двое суток на одни только немецкие дела, ибо в Германии имеются свободные союзы, внутри свободных союзов коммунистические группы, ячейки и революционная оппозиция вообще. Кроме того, имеются синдикалистские организации, Свободный Рабочий Союз, Союз Гельзенкирхена и целый ряд других отраслевых объединений. Помимо всего этого, в Германии имеются еще союзы, исключенные из общего продвижения. И мы поставили вопрос о том, что если союзы исключаются, то надо объединить их и создать специальную федерацию исключенных союзов. Тогда некоторые немцы эпатировались: «Как мы будем создавать еще одну организацию, когда у нас и без того уже имеется пять»...

Не менее сложен был вопрос об Италии, где имеется три типа организаций. Менее сложен он во Франции и в Англии. Но во всех странах, когда мы поднимали какой-нибудь вопрос, мы видели, как разнообразно рабочее движение, как разнообразны его формы, как причудливо переплетаются все принципы, которые в общем и целом принимаются всеми, и какими зигзагами идет рабочее движение во всем мире.

Теперь мы лишь вскользь коснемся остальных рассмотренных съездом вопросов. Укажем, что съезд принял резолюцию по вопросу о женщине в производстве и в профсоюзах. Для нас, русских, этого вопроса не существует, но для многих союзов в других странах он стоит еще очень остро. Достаточно сказать, что в Англии, когда после войны начался экономический кризис, союзы взяли на себя инициативу исключения женщин с фабрик и заводов. И из фабрик и заводов Англии много сотен тысяч женщин было выброшено при содействии самих союзов. Таким образом, у рабочих «старых» союзов имеется своеобразное представление о «нормальном» составе членов союза. Они делают рабочих не по квалификации; не по производству, а по принадлежности к полу. Если бы мужского пола, бы остались работники, а если бы существовало женского пола, то шея выкинут из

производства. Этот старый феодальный взгляд на женский труд не мог не встретиться решительного отпора на таком съезде, как наш, и мы внесли особую резолюцию, предлагающую всем революционным союзам вести борьбу против такого унижающего рабочих, мужчин и женщин, взгляда, против такого деления по принадлежности к полу или другому полу. Съезд принял также резолюцию о безработице, о конкретной форме борьбы с нею. Перечислив в ней некоторые паллиативные меры, мы сказали в этой резолюции с совершенной определенностью и ясностью, что единственно верным, единственно действительным средством от безработицы является — социализм, целебное средство, которое буржуазное общество вряд ли примет по доброй воле; но необходимо заставить его принять, так как вне его — средств от безработицы нет, и попытки найти их заранее обречены на неудачу; ибо безработица — явление нормальное, неискоренимое при капиталистическом строе.

Еще на один вопрос съезда обратим внимание, — это вопрос о рабочем движении в восточных и колониальных странах. Надо отметить, что последние годы являются годами громадного расцвета и роста рабочего движения в наиболее отсталых дальневосточных странах. Если взять Японию, то мы увидим, как быстро, лихорадочно быстро идет рост рабочего движения в этой стране. В Индии мы видим стачки рабочих, в которых участвуют сотни тысяч. Нет ни одной восточной страны, где бы революционное и рабочее движение уже не проснулось. Наиболее любопытная сторона этого явления заключается в том, что с революционным движением сплетаются моменты чисто-национального движения, движения, направленного к освобождению своей страны от иноземного владычества: движение это революционно, так как оно направлено против угнетателей. Но это просыпающееся национальное сознание во многих местах, как в Индии, на Малайских островах, на Яве и т. д., часто противопоставляет желтую расу белой, и оно, таким образом, заметно окрашено в расовый цвет; движущим элементом его является расовая ненависть, ожившая на почве эксплуатации, ибо представителями эксплуатации являются белые капиталисты, которые привезли туда белых инструкторов и белых инженеров. Эта расовая ненависть является, несомненно, чертой глубоко реакционной, но само восстание против белых хищников несет уже в себе зачатки революционной, классовой ненависти. Представитель рабочих Явы, малец, сам указал в речи своей на конгрессе, что наша задача заключается в том, чтобы вышвырнуть расовую ненависть, которая нарастает в сознании желтой массы населения, превратив в ненависть классовую. Конечно, нельзя не спать на его точку зрения, ибо ни один революционный рабочий не может стоять на почве зрения расовой ненависти, а всегда будет стоять на почве зрения классовой борьбы, на

почке зрения противопоставления рабочего, как класса, предпринимателю, как классу.

В связи с этим вопросом, необходимо указать также, что съезд принял решение, касающееся союзов, организованных по национальностям или по расовым признакам. Такие союзы сохранились во многих странах. Так, в Чехо-Словакии есть союзы, где чехи организованы отдельно, а немцы отдельно; в Польше поляки имеют свои организации, а евреи тоже; в Америке существуют союзы белых и союзы чернокожих, ибо белые американские рабочие не желают принимать в свои союзы черных, так как это оскорбляет их «аристократическое» чувство. Наш съезд не мог обойти молчанием это влияние буржуазной идеологии, и мы вынесли по этому поводу очень резкую резолюцию.

В заключение мне хочется отметить следующее: работа данного съезда была настолько многообразна, что она захватила все спорные, все области рабочего движения, она выявила все оттенки мысли, и, при внимательном чтении протоколов, перед нашими глазами проходит целая историческая полоса. Перед нами проходит прошлое, настоящее и будущее. Старые предрассудки нашли свое теоретическое выражение в целом ряде деклараций отдельных, участвовавших на съезде, групп. Все, что мы пережили на этом съезде, все эти речи, резолюции, воззвания, постановления и проч., и проч., имеет великое историческое значение. Среди нас были делегаты отовсюду, даже из Австралии; представители 41 страны сошлись, воодушевленные одним желанием: приблизить социальную революцию, правильно наметить пути, проследить на русском опыте и опыте других стран, каким образом революция совершается. И сами постановления наши являются лишь введением, экстрактом, синтезом того опыта, который мы собрали от всех представителей разных стран. Каждый принес ограниченный опыт своей страны, но когда мы возмем из этого опыта все положительное, отбросим отрицательные спорные, то полу-

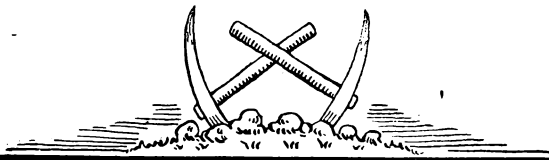
чимся тот синтез, тот вывод, к которому пришла съезд. На этом съезде основным революция по тактике была принята 337 голосами против 11-ти, при 3-ти воздержавшихся. На этом съезде не было победителей и не было побежденных. Те, кто остался в меньшинстве, не чувствовали себя побежденными, ибо наша общая задача заключалась не в том, чтобы механически подавить то или иное течение, а в том, чтобы объединить на единых формулах и на единых практических задачах максимальное количество революционных элементов рабочего класса... Впрочем, был один победитель—это был коммунизм.

Наш съезд является исходным пунктом для революционной борьбы во всех странах. От него кругами разойдутся его постановления и начнут волновать широчайшие рабочие массы. Съезд заставит их ответить: с кем они, с Москвой или с Амстердамом? Заслуга съезда в том, что он поставил все большие вопросы текущего момента, и не взирая на трудности, от рассмотрения которого бы уклонился съезд Красного Интернационала Профсоюзов. Но съезд не только дал ответы на волнующие рабочие массы вопросы,—он дал коммунистические ответы. Он осудил нейтралитет и независимость профсоюзов от коммунизма, он высказался за единый коммунистически-синдикалистский фронт, он дал твердую основу для союзам в их борьбе, выработал твердую и революционно-гибкую линию поведения, он создал, оформил, наконец, Красный Интернационал Профсоюзов, дав мировому рабочему движению новое мощное орудие для разрушения капитализма. В этом великое историческое значение закончившегося съезда.

О том шуме, который подняли против Красного Интернационала Профсоюзов наши классовые враги, и об оппозиции решительного съезда, расцветшей пышным цветом среди революционных синдикалистов на блэкшитской перрипориз Франции, нам придется поговорить особо. Этим вопросам мы займемся в следующем номере.

А. ЛОЗОВСКИЙ.

ВТОРОЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ.

В Советской России, в красной столице международного революционного движения—Москве, собрался на этот раз Конгресс юных коммунистов всего мира, дабы окинуть взором выполненную в течение последних двадцати месяцев работу, подсчитать свои наличные силы и определить свою будущую тактику. Вне всякого соприкосновения с прогнившим буржуазным миром, не опасаясь банкетов Москвы, под верной охраной штыков Красной Армии и всего пролетариата России, II Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи мог спокойно приступить к изучению революционного опыта всего международного—и в частности русского—пролетариата и вынести решения, соответствующие настоящей положению мирового революционного движения и все усиливающегося развитию коммунистического движения молодежи в минувшем году.

Когда в ноябре 1919 г. состоялся в Берлине I Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи, в самый разгар реакции, проводимой германскою социал-демократией против рабочего движения, только 14 стран прислали своих представителей. Все это были организации молодежи, с умевшей мужественно и с удивительной энергией противопоставить всем попыткам социал-патриотов, направленным к тому, чтобы подавить ненависть молодежи к войне и капиталистическому строю. Собрались те, что первыми, в самый разгар войны, осмелились нарушить «священный гражданский мир» и поднять бурный протест против мировой бойни. Представитель Красной России и ее доблестной коммунистической молодежи также прибыл на этот Конгресс, дабы тем самым теснее спаять надежные элементы единой революционной армии и призвать юных собратьев Западной Европы уволить энергию в борьбе против буржуазии, против реформизма, за Коммунистический Интернационал.

На этом Первом Конгрессе, из которого возник Коммунистический Интернационал Молодежи, союзу рассеянных сил революционной молодежи был спешно предложена программа, обусловленная тогдашним положением: борьба против социал-патриотов, против реформистов, за образование ком-

мунистических партий, за Московский Коммунистический Интернационал. С энтузиазмом, ей присущим, молодежь начала всюду распространять эти лозунги в пролетарских массах, и Интернационал Молодежи вскоре привлек к себе Федерации молодежи почти во всех странах, ускорив возникновение их там, где их еще не существовало, и широко способствуя быстрой организации и окончательному торжеству коммунистических партий в Западной и Центральной Европе.

Итак, главная задача, намеченная Берлинским Конгрессом, была достигнута уже несколько месяцев тому назад. Всюду возникли и взяли на себя политическое руководство всем рабочим движением мощные коммунистические партии. Центристы и реформисты были разбиты. Новые проблемы встали перед революционным пролетариатом и, в частности, перед молодежью.

Прения, происходившие в эти последние месяцы в Интернационале Молодежи, с очевидностью показали, что необходимо найти новые лозунги и установить новую программу, которые, сохранив основную задачу, возложенную на молодежь, более соответствовали бы новому положению. Коммунистический Интернационал Молодежи искал новых путей задолго еще до II Конгресса. Вопросы экономической борьбы и расширения области работы по воспитанию—в особенности составляли заботу преобладающего большинства юного революционного пролетариата, сгруппированного в Интернационале.

II Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи останется знаменательным событием в международном движении молодежи. Редко приходилось наблюдать столь огромный съезд: тридцать девять стран были представлены 135 делегатами, между прочим: Америка, Индия, Япония, Англия, Франция, Германия и т. д. В первый раз в истории революционного движения молодежи представители почти всех стран Востока принимали активное участие в международном Конгрессе наряду с их западными братьями, выходящая вместе с ними оружие совместной борьбы с империализмом и капитализмом. Великая революционная армия из 800.000 юных пролетариев всего мира была представлена на этом Конгрессе. Спаянная строгим дисципли-

планной, она стала искать лучшего способа, чтобы способствовать, по мере возможности, близкой и полной победе своего великого вождя, Коммунистического Интернационала, этого авангарда мирового революционного пролетариата. Конгресс был почти всецело поглощен этой заботой, которая одна была в состоянии дать ему возможность избежать заблуждений и принять решения, благоприятные для последующего развития коммунистических организаций молодежи.

Так как Конгресс молодежи прежде всего единогласно признал для себя обязательными постановления III Конгресса Коммунистического Интернационала в части, касающейся новой тактики и ближайших задач коммунистических партий, то из этого логически вытекает, что политическая автономия молодежи не может и не должна больше существовать. Сильное развитие коммунистических партий во всех странах, их полная победа над центристами требуют единого политического руководства, полной централизации, которая одна только может обеспечить поражение пролетариата. Конгресс единогласно пришел к тому заключению, что настало время прекратить бесконечные дискуссии об отношениях между партиями и молодежью и посвятить всю энергию вопросам, которые особенно интересуют широкие массы пролетарской молодежи, для привлечения их на свою сторону. С полным доверием к нашим коммунистическим партиям и под их политическим руководством, организации молодежи предприняли великий труд основательного революционного воспитания молодежи, дело до сего времени несколько заброшенное Интернационалом Молодежи, который был слишком занят борьбой против центристов и делом организации коммунистических партий.

Основная задача Коммунистического Интернационала Молодежи, провозглашенная II Конгрессом,—привлечение масс, установление во всех странах широких и многочисленных организаций пролетарской молодежи. Конгресс определил также методы и формы пропаганды, которые должны привести к намеченной цели. *Систематическую организацию* в первую голову борьбы на экономической почве, с тщательным изучением нужд повседневной жизни юных рабочих и обширной пропагандой в профсоюзных и ползузю члестичных действии для улучшения положения молодежи, работающей на заводах и в мастерских, сумели молодые коммунисты завоевать интерес большей части юного пролетариата. Конгресс высказался против учреждения отдельных секций молодежи в профсоюзах на «священной основе» революционного синдикализма, т. е. на принципе политической нейтральности. Коммунистические организации молодежи, с помощью усердных или членок, должны добиться полного преобладания в профсоюзах, организовать широкую агитацию за особые требования молодежи и добиться выступления в защиту этих требо-

ваний со стороны профсоюзов в целом. Это дело пойдет на лад, членки должны принять все меры к тому, чтобы руководить этим движением. Таким образом коммунистическая молодежь приобрела доверие профессионально организованных широких масс юных пролетариев и привлечет их в свои ряды. Там, где в профсоюзах существуют особые секции молодежи (Германия, Австрия и пр.), обязанности коммунистических организаций молодежи будут состоять в том, чтобы стянуть с их юных членов апатию, пробудить их честными выступлениями, словом, прервать их в коммунистические группы в полном смысле этого слова.

Другое обширное поле деятельности предстоит Коммунистической молодежи в деревне: Конгресс не оставил и этого вопроса без внимания. Он принял тезисы, в которых почва установлена, как именно следует относиться к различным слоям крестьянства, и призвал федерации молодежи приступить возможно больше внимания пропаганде среди крестьянской молодежи. До сих пор, если нельзя решительно утверждать, что деревня была в полном пренебрежении у Интернационала Молодежи, то, все же, приходится признать, что ни в одной стране наши товарищи не приспугали к методической и строго централизованной пропаганде среди деревенской молодежи. В этой области федерациям молодежи предстоит огромная и трудная работа. Во многих странах для успеха революции имеют величайшее значение привлечение на свою сторону большинства крестьянской молодежи, образующей в настоящее время ядро буржуазной армии.

Недавняя антимилитаристская кампания французской федерации дала возможность Конгрессу дополнить прежние тезисы и еще ярче подчеркнуть абсолютную необходимость пропаганды против милитаризма. Эта пропаганда весьма существенно облегчает нам проникновение в деревню и больше, чем всякая другая, помогает нам завоевывать симпатии крестьян. Кроме того, она дает нам возможность широко популяризировать идею вооружения пролетариата среди юных городских пролетариев. С великим лозунгом Русской Революции «против империалистических войн—за вооружение пролетариата», мы проникнем в последний оплот буржуазии.

Под мощным воздействием нашей пропаганды разложение международной капиталистической армии ствнен неизбежным, и наши федерации молодежи вскоре объединят в своих рядах все самые здоровые элементы крестьянских масс.

Централизация нашей пропаганды на Востоке, способы ее усиления и усовершенствования явились точно также предметом прений II Конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи. Кроме того, особое внимание было посвящено работе среди студентов и среди интеллигенции вообще. Были приняты

тезисы, применение которых облегчит пропаганду в этой среде, причем тезисы эти, обеспечивая этим кругам более тесный и постоянный контакт с пролетарскими массами, дадут им необходимый для их коммунистического воспитания элемент.

Опыт Русской Революции показал безусловную необходимость большего числа техников, вышедших из рядов пролетариата или вполне ему преданных. Пусть Коммунистический Интернационал Молодежи и его новый Исполнительный Комитет не пренебрегают этой работой, равно как и великим делом пропаганды среди детей! Все дети пролетариев должны организоваться с самых юных лет, дабы развить в себе дух интернационализма и воспитывать в себе ненависть к той буржуазии, на которой лежит вина за их нищезное существование. Буржуазному воспитанию нужно противопоставить другое: коммунистическое, если мы хотим, чтоб буржуазные предрассудки, приобретенные в капиталистических школах, не пустили слишком глубоких корней.

Вся эта работа усиленной пропаганды и агитации во всех направлениях и во всей пролетарской среде, которая даст нам возможность охватить самые широкие массы и вызвать у них живой интерес к нам, должна быть дополнена, когда они уже будут с нами, самым основательным коммунистическим воспитанием, которое сделает их окончательно нашими.

Поэтому II Конгресс принял тезисы, имеющие целью основательную реорганизацию работы воспитания на новых началах, приорованных к нуждам пролетарских масс, еще не затронутых нашей пропагандой.

С другой стороны, в самих организациях наших коммунистическое воспитание должно быть дополнено и усилено, дабы получить возможность в ближайшем будущем превратить любого юного сочлена в квалифицированного пропагандиста.

Так как II Конгресс возлагает на все федерации, примкнувшие к Коммунистическому Интернационалу Молодежи, и на его новый Исполнительный Комитет сложную и труд-

ную задачу, то является необходимостью в изменении существовавшей до сего времени формы организации. Демократическая централизация в необходимых пределах должна быть осуществлена всюду, но, с другой стороны, авторитет Исполнительного Комитета, равно как и других центральных органов, усиливается после II Конгресса. Образование ячеек на заводах, в мастерских, в школах и вообще всюду, где сосредоточены пролетарские массы, должно быть первой обязанностью всех Федераций, точно так же, как и реорганизация коммунистических секций молодежи всюду, где только возможно, полагая в основу мастерскую или завод; Только таким образом осуществится самое насущное дело — дело организации масс.

Делегаты II Конгресса уехали в свои страны, полные энергии и веры. Им удалось поставить коммунистическое движение молодежи на прочные основы, в соответствии с новым мировым положением. Перенеся местопребывание Исполнительного Комитета в Москву, они, с одной стороны, усилили его авторитет, а с другой, дали ему возможность тесного и полного сотрудничества с Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала, в интересах всего движения молодежи. С другой стороны, Коммунистический Интернационал, в лице своего председателя, товарища Зиновьева, отдал дань уважения международной коммунистической молодежи за выполненную ею работу и обещал ей необходимую для осуществления новой задачи моральную и материальную поддержку. Таким образом, мы уверены, что Коммунистический Интернационал Молодежи с честью выполняет свои новые обязанности, которые возлагает на него его особое положение на громадном фронте мирового революционного пролетариата, и пойдет вместе с своим старшим братом, под его политическим руководством, к конечной победе — мировой революции.

В. ВОЙОВИЧ

ИТОГИ II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ.

«Интернационалу Молодежи — серьезный звет... Отметая ложь компромиссов, одушевленно звать и строить новый, великий и мощный Интернационал».

Этим словам Карла Либкнехта, напечатанным в начале войны на страницах «Jugend-Internationale», не суждено было остаться только фразой. Они стали программой Интернационала Молодежи. Тогда, когда писалось эти слова, было необходимо в противовес гнилым, предвзвешенным социал-демократи-

ческим партиям выставить пребывание полной автономии для организаций молодежи, не потому, что освобождение человечества и рабочего класса есть дело молодежи, а для того, чтобы помочь воссоздаваемому вновь Интернационалу пустить первые ростки.

Вот в чем была историческая задача Интернационала Молодежи. С основанием Коммунистического Интернационала политическое руководство революционным пролетарским движением перешло к нему, но для

того, чтобы теория превратилась в действительность, было необходимо перейти к организации коммунистических партий в разных странах.

Промежуток между Первым, Берлинским, и Вторым Конгрессом Коммунистического Интернационала Молодежи был посвящен двоякого рода задаче: с одной стороны, организации и укреплению коммунистических партий, с другой — обновлению собственных своих рядов.

Тот факт, что Коммунистический Интернационал в настоящее время почти во всех странах мира организационно руководит массовыми партиями и ведет за собой пролетарские массы, стремящиеся к борьбе, требует и от Интернационала Молодежи шага вперед.

И вот 135 делегатов — представителей 35 союзов молодежи собрались в Москве для того, чтобы определить для Коммунистического Интернационала Молодежи линию его поведения.

Резолюции II Конгресса были приняты в полном сознании того, что с прежней болейшей о «роли авангарда молодежи» и со всеми связанными с этим ювима, синдикалистски смутными мечтами должно быть покончено раз навсегда. Единодушие, с которым принялись резолюции, показало, что каждая молодой товарищ готов принять новую тактику и, следуя ей, работать у себя в стране.

Важнейшей задачей организации молодежи является в настоящий момент сближение с широкими — индифферентными массами молодежи, фактическое превращение союзов молодежи в массовые организации. Организации молодежи должны стать боевыми школами для коммунистических партий. Когда это произойдет, наступит здоровый процесс обновления. Освобожденные таким путем молодые силы будут исполнять в партиях полезную работу, внося новую, свежую энергию.

Заслушав доклад тов. Троцкого, Конгресс Молодежи постановил сделать со своей стороны все, чтобы превратить резолюции III Конгресса в жизнь.

Важнейшим пунктом в порядке дня являлось установление вполне определенных отношений между коммунистической партией и коммунистической организацией молодежи. Необходимо было принципиально установить, что наше отношение к коммунистическим партиям существенно иное, чем к социал-демократическим.

Требование самостоятельности раньше было безусловно необходимо для революционной работы. Революционная молодежь не могла признать социал-демократическую партию своим вождем в борьбе; поэтому ее уход из старой партии был революционным лозунгом, а самостоятельность во время войны — революционным фактором. Но с момента основания коммунистических партий дело обстоит иначе. Молодежь сама по себе никогда не будет пролетариата считаться не будет. Своим мужеством и воуду-

шевением она может способствовать образованию коммунистических партий, ускорить их развитие, — но никогда не будет она в состоянии взять на себя духовное руководство массовым коммунистическим движением. Руководство им находится в руках партии, и революционный дух коммунистического Интернационала является гарантией того, что руководство это всегда будет движением вперед. Прошли те времена, когда молодежь боролась в одиночку. Боевой оывин, оспорожность, положительность и рассудительность взрослых товарищей и воудушевление, мужество, горячность молодежи должны слиться воедино. Подчиненность в политическом отношении коммунистической партии является основным принципом ведения самостоятельной борьбы, но она не исключает сохранения за организациями молодежи попрежнему их организационной самостоятельности. Организационная самостоятельность хороша и необходима не только в воспитательном отношении, но и потому, что, в силу новых заданий, организационные формы станут значительно шире форм замкнутых коммунистических партий.

Организации молодежи будут стремиться к теснейшей совместной работе с партиями, что организационно выразится во взаимном представительстве в Центральных Комитетах коммунистических партий и в Исполкоме Коммунистического Интернационала.

Совместная работа во время активных выступлений должна быть еще более централизованной; почто также важное значение имеет совместная работа в неактивных и в военных организациях. Организации молодежи будут систематически передавать своих более старших сочленов коммунистическим партиям, чтобы таким образом открыть доступ в Интернационал Молодежи более ювима товарищам и, с другой стороны, пополнять партию свежими силами.

При обсуждении тезисов об экономической борьбе имел место длительная и весьма плодотворная дискуссия. Никто не сомневался в необходимости экономической борьбы, разногласия возникли лишь по вопросу о том, как должна вестись эта борьба. Некоторые союзы склонялись к тому, что организации молодежи, как союзы «политические», должны предоставить экономическую борьбу профсоюзам. Австралийцы считали возможным согласовать экономическую организацию посредством картели молодежи объединить под экономическим лозунгом всю рабочую молодежь в одну беспартийную организацию. Таким образом удалось бы, с одной стороны, сорвать маску с социал-демократов, с другой — пойти в непосредственное сотрудничество с массами. Конгресс высказался против подобного рода организации. Задача коммунистических союзов молодежи состоит в том, чтобы в глазах масс всегда были носителями борьбы. Экономическая борьба молодежи должна послужить делу воспитания революционеров и борцов

Точно также по принципиальным соображениям, Конгресс отклонил создание особых отделов в профсоюзах. Понятно, что коммунисты не оставляют в руках буржуазии германских секций профсоюзов 200,000 человек молодежи, а войдут в эти организации и попытаются превратить их в коммунистов. Рабочая молодежь должна вникнуться в ряды революционного рабочего класса, в ряды своих старших собратьев.

Всякий сознательный юноша-пролетарий пришел к ясному выводу, что вести экономическую борьбу для коммунистических организаций молодежи—это вопрос жизни. Только эта борьба дает возможность быть в постоянной живой связи с массами. Эта борьба является лучшим воспитательным средством для создания действительно беспособной организации. Частичные выступления, несмотря на видимую свою незначительность, покажут, тем не менее, что выступления должны продолжаться, что невозможно реформами изменить буржуазный строй. Частичные стачки за повседневные пререживания молодежи должны стать составной частью широких экономических выступлений всего рабочего класса.

Практика экономической и политической борьбы должна быть восполнена в юношеских организациях *просветительной работой*. Конгресс строго разграничил просветительную работу в социал-демократических союзах молодежи и работу в коммунистических группах. В первых она лишь мост, перебрасываемый в целях примирения явного противоречия между буржуазным и пролетарским миром. Посещение музеев, прославление буржуазного искусства, театры, наука, все это имеет целью заставить молодежь забыть прозу жизни, заставить думать, что путем компромиссов классовая борьба станет ненужной. Конгресс твердо и определенно высказался в том смысле, что молодежь будет стремиться не «от знания к власти», а «от борьбы к образованию». Коммунистическая молодежь этим показала, что под социалистическим образованием она понимает просвещение и дисциплинирование рабочей молодежи путем активного участия в революционной борьбе. И вынесенное в этом смысле постановление гласит: все вопросы истории, экономики, техники, искусства, религии, естествознания, философии и т. д. должны разбираться лишь постольку, поскольку знание их необходимо для активного политического действия и политической агитации. Занятия спортом, гимнастикой, экскурсиями, борьба с алкоголизмом, уличная литература, протипудей, все это должно быть строго подчинено главной задаче — политической борьбе пролетариата. Воспитательная работа среди молодежи обусловлена практикой политической борьбы. Она—лишь средство к цели. Коммунистическое образование—только оружие в революционной борьбе.

Были также предложены меры для организации более интенсивного ведения просветительной работы.

Одной из важнейших задач в порядке дня было обсуждение вопроса о работе среди молодежи народностей колоний, а также о работе в деревне. Живой интерес, который вызвало обсуждение вопроса о работе в колониальных странах, является доказательством необходимости идеиного и организационного сближения молодежи Востока и Запада. Здесь особенно подчеркивалось важное значение постоянного общения с массами. Задача движения молодежи в колониях—это организация широких масс рабочей молодежи в городе и в деревне, вовлечение ее в национально-революционную борьбу и воспитание в духе социальной революции. Отмечалось, что различия между отдельными странами препятствуют выработке общей схемы работы, и потому было решено сохрнить постоянные сношения с каждой страной в отдельности.

Союзы социал-патриотической молодежи вообще не уделяют никакого внимания организации молодежи в деревне. Коммунистические же, наоборот, считают необходимым распространение идей коммунизма и классовой борьбы среди рабочих масс деревенской молодежи для того, чтобы создать неразрывную связь между городом и деревней. По поводу данных опыта состоялся обмен мнений. Такой обмен мнений может и в этой области организационно укрепить союзы разных стран.

Создавая важность привлечения интеллектуальных сил в организации молодежи и, тем самым, принципиально допуская студентов, Конгресс не упустил из виду опасности, связанной с тем обстоятельством, что подобные элементы с мелко-буржуазной идеологией волеются в движение. Именно потому он и отбросил мысль о всякой попытке создания коммунистической специально студенческой организации. Студенты должны влияться в общие ряды коммунистической молодежи и плечом к плечу бороться вместе с нею за освобождение рабочего класса.

Были также точно и определенно установлены методы работы в детских группах.

В соответствии с новыми принципами, была изменена линия поведения коммунистических организаций молодежи в вопросах антимилитаристской тактики. До войны проповедь антимилитаризма была главной задачей молодежи; во время войны эта проповедь была той разграничительной чертой, которая отделяла организации молодежи от социал-демократических. Так произошло не потому, что это являлось исключительным делом молодежи. Крайняя левая в свое время также была духовным вождем этого движения. Военный вопрос не касается специально молодежи, но он является одним из серьезнейших вопросов для пролетарской революции. Вооружение пролетариата противопоставляется здесь прежним лозунгам разоружения его. В старых социал-демократических партиях вопрос об антимилитаризме превратился в бесконечную войну; в коммунистической партии этого случиться не может. По-

этому Конгресс постановил, что в данном вопросе необходимо всецело подчиниться руководству партии, так как параллельные действия совершенно немыслимы в таком большом и оплотнившемся нелегальном движении. Обсуждение вопроса о разоружении показало, как гигантский шагнул вперед организации в течение года! В широких массах коммунистической молодежи разрушены последние остатки буржуазных социал-демократических пацифистских иллюзий; теперь приходится только вести определенную борьбу против элементов «путчизма», против всякого рода тенденций à la Эрве, думящего продолжать войну призывом: «Ne partez pas». Коммунистическая молодежь единогласно заявила, что ничего общего с подобными анархическими элементами она не имеет и в будущем иметь не желает.

Таким образом, все вопросы порядка дня были обсуждены с величайшей тщательностью.

Так как с прекращением политической самостоятельности организаций молодежи явилась возможность больше времени, чем прежде, посвящать вопросам, касающимся собственно молодежи, то перед нами встала задача привлечения широких слоев рабочей молодежи. Организационные формы должны, следовательно, приспособить так, чтобы войти в непосредственное соприкосновение с этими широкими слоями. Главной задачей текущего момента является планомерное устройство ячеек на фабриках, в мастерских, школах и т. д. Они-то в будущем, собственно, и должны стать опорой союза. Конгресс постановил держаться в пределах строгой централизации союзов, не исключаяющей однако самостоятельности молодежи. Напротив, она должна быть проявлена в высшей степени, чтобы вызвать таким образом к жизни новые свежие силы. Централизация необходима больше всего для нелегальных объединений, их демократическому социализму часто, в силу необходимости, приходится ставить препоны. Точно также необходима централизация в тех странах, где есть национальные меньшинства.

Конгресс разоблачил также мелкобуржуазный характер еврейских организаций

«Бунд» и «Повлей Цион» и решил объявить об этом членам названных организаций в особом воззвании. Двери Коммунистического Интернационала открыты лишь для тех товарищей и союзов, которые порвали со всеми сепаратистскими мелкобуржуазными «специальными» преобояниями и готовы, как коммунисты, как пролетарии, принять участие в общей борьбе.

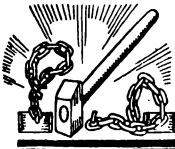
Точно также выяснено было наше отношение к немецкой Коммунистической Рабочей Молодежи. Члены этих малых групп, численно ничтожных групп должны теперь решиться, хотят ли они честно бороться в рядах коммунистов, или желают существовать лишь для того, чтобы своими сомнительными свойствами советами, вне пролетарского движения, впустили сорвать воздух.

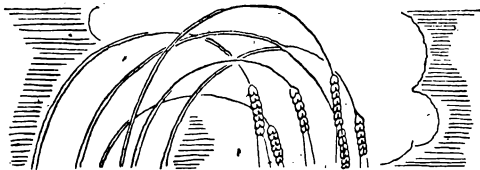
Полтора года тому назад Интернационал Молодежи был единственной международной организацией молодых рабочих. Теперь нашлись еще два «конкурента», дышащих объединить рабочую молодежь. И как ни ничтожно их значение в международном масштабе, но с тем большим основанием необходимо начать самую энергичную борьбу против этих врагов, дабы уничтожить их в самой их цитадели, в Австрии и Германии.

Во время первого Конгресса в Берлине, где правил Носке и его кровавые псы, мы заседали по разным закоулкам. Теперь же мы находимся в высоком Кремле, в золотом зале, и нашим хозяином был пролетарият. Другой Интернационал покровительствует буржуазия. Для них открывают школы, дарят помещения, они — любимцы правительства. нас травлят, выславляют, гонят из страны в страну, второй наш дом — тюрьма. Но наши могучие организации во всем свете проникнуты одним общим чувством — служить революции.

Организации молодежи всего мира будут теперь работать, опираясь на резолюции II Конгресса. Духовное руководство нашим движением перешло к партии, но организации молодежи с неслабой энергией будут бороться плечом к плечу с партией за торжество мировой пролетарской революции.

Иоган ЛЕКАЙ.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ МОЛОДЕЖИ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ.

I.

Международное коммунистическое юношеское движение, распространившееся в настоящее время на 48 стран всех частей света и объединяющее свыше 800.000 юных пролетариев и крестьян, приобретает все большее значение для Коммунистического Интернационала. В период создания III Интернационала коммунистические юношеские организации всех стран принимали самое активное участие в организации и укреплении коммунистических партий, чем оказали громадную важность историческую услугу всему коммунистическому движению. В настоящее время, в связи с рядом обстоятельств, дело коммунистического воспитания пролетарской молодежи приобретает еще большую важность, чем до сих пор.

Уже на III Конгрессе Коммунистического Интернационала при обсуждении вопроса о мировом экономическом и политическом положении указывалось на *возрастающую роль рабочей молодежи в капиталистическом производстве и политической борьбе*. Втянутые большими массами в производство во время мировой войны, юные пролетарии составляют в настоящее время весьма значительную часть провальной армии труда. Выросшие в бурные времена военной катастрофы и после военных революционных битв, они представляют благоприятную почву для революционной пропаганды и организации и фактически во всех выступлениях рабочего класса в настоящее время являются самой активной, подвижной частью рабочего класса.

На Конгрессе была также подчеркнута необходимость усиленной работы среди рабочей молодежи и в связи с выполнением основной задачи, поставленной III Конгрессом перед коммунистическими партиями всех стран: *завоевания большинства пролетариата*. Коммунистические союзы молодежи призваны путем особой работы среди масс рабочей молодежи, приспособленной к условиям ее труда и быта и к юношеской психологии, привлечь в ряды коммунистического движения новые

слои до сих пор индифферентных и чуждых коммунизму юных пролетариев.

Особое внимание со стороны коммунистических партий должно вызвать усиление работы среди молодежи со стороны II и III-го Интернационала. В то время, как в 1919 и 20 году существовал лишь один юношеский интернационал — Коммунистический Интернационал Молодежи, являющийся частью III Коммунистического Интернационала, в течение последнего года возникли желтый «Интернационал Рабочей Молодежи» и III-ое «Международное Объединение Социалистических Юношеских Организаций». По сравнению с Коммунистическим Интернационалом Молодежи эти обе организации в настоящее время в международном масштабе не пользуются большим влиянием среди рабочей молодежи, но поддержка, оказываемая им со стороны буржуазных правительств, социал-патриотических и центристских партий, а главное — со стороны желтого Интернационала Профессиональных Союзов (эта поддержка уже усилила социал-патриотические юношеские организации в Германии и Голландии), должна заставить всех коммунистов бить на чеку и с своей стороны усилить борьбу за молодежь, имеющую в эпоху пролетарской революции всемирно-историческое значение.

Предварительным условием для успешного выполнения Коммунистическим Союзом Молодежи своих задач по отношению к общему коммунистическому движению, т. е. для привлечения и коммунистического воспитания широких масс юных пролетариев в настоящих чрезвычайно трудных условиях, является *установление правильных взаимоотношений в политической и организационной области между ними и коммунистическими партиями, установление тесного повседневного сотрудничества и взаимной связи между этими организациями*. Этот вопрос был подробно обсужден III Конгрессом Коммунистического Интернационала и состоявшимся непосредственно после него II Конгрессом Коммунистического Интернационала Молодежи, и результатом работы этих конгрессов явилось принятие новых положений

нии, освещающих этот вопрос как с принципиальной, так и с практической стороны.

II.

Для того, чтобы вполне понять новые постановлены обоих конгрессов в области взаимоотношений между коммунистическими союзами молодежи и коммунистическими партиями, необходимо вкратце проследить за тем, как эти взаимоотношения развивались на протяжении всей истории международного пролетарского юношеского движения, насчитывающей уже свыше 35 лет.

Социалистические союзы молодежи, возникшие в конце 19 столетия почти во всех странах Европы, были созданы *самой молодежью*, пришедшей к мысли о создании собственной организации, ввиду ее невыносимо тяжелого положения в крупной и, особенно, мелко-ремесленной промышленности в буржуазном государстве, минитаризующем духовно и физически юных пролетариев и оправдающем их буржуазно-националистическим ядом через посредство школы, печати, церкви и буржуазных юношеских организаций. Эти первые союзы были созданы *без участия социалистических партий* (за редкими исключениями, как например в Чехо-Словакии), а часто и против воли этих партий и профессиональных союзов. Организации взрослых рабочих проявляли иногда по отношению ко вновь созданным юношеским организациям *равнодушие, недоброе отношение*, объясняемое крепко укоренившимся *консерватизмом* в отношении взрослого рабочего к его младшему брату, иногда и *враждебность*, обуславлившуюся отчасти наличием в первых рядах рабочей молодежи *слабых анархидекадистских тенденций*, которые во многих странах привели первые юношеские организации к расколу.

С установлением определенно-социалистического характера союзов рабочей молодежи и с ростом их влияния среди широких масс юных пролетариев, социалистические партии и профессиональные союзы должны были обратить больше внимания на социалистические организации молодежи и установить с ними определенные взаимоотношения, зафиксированные в уставах или в особых постановлениях партийных съездов и съездов профсоюзов. В большинстве случаев эти нормы остались пустой формальностью, как это доказывает хотя бы отношение к работе Карла Либкнехта среди пролетарской молодежи со стороны германской социал-демократии.

Фактически отношения между социалистическими союзами молодежи и социалистическими партиями определялись все возростающим реформистским влиянием в последних и соотношением сил между ними и более революционными союзами рабочей молодежи. Перед войной наметились два русла пролетарского юношеского движения, для одного из которых типичной страной была Германия, а для другого — Италия и Норвегия. В Германии профессиональные союзы и социал-демократические партии, использовав

фактически имперский закон о запрещении политической организации подростков и прикрываясь «педагогическими» аргументами о вреде политики для детей, уничтожили самостоятельные юношеские организации и заменили их сословными из представителей партии и профсоюзов, с ничтожным участием молодежи, коминетами. Юношеское движение было заменено *опекой над молодежью*. Новые коминеты придали работе среди молодежи почти исключительно обще-образовательный и увеселительный характер и не допускали никаких инициатив юных пролетариев на политический фронт. В какой бы то ни было партийной борьбе, будь то борьба за экономические интересы самой рабочей молодежи или обще-политическая борьба всего революционного пролетариата.

В Италии и в Норвегии социалистические союзы молодежи уже с первых же лет проникновении оппортунизма в социалистические партии заняли по отношению к нему решительно революционную позицию беспощадной борьбы. В Италии они поддерживали максималистов против реформистских и в минуты тяжелых испытаний, усилении ирредентистских тенденций и приполюнчанской войны, всем своим поведением поддержали революционное крыло социалистической партии Италии. В Норвегии они были горячими спорниками прагматистского направления. В обеих странах юношеские организации проявляли большую политическую активность и обладали как политической, так и организационной независимостью от социалистических партий.

Таковы были, в общих чертах, взаимоотношения между юношескими организациями и социалистическими партиями до мировой войны, которая и в этом отношении принесла большие изменения.

III.

Решающую роль в деле изменения взаимоотношений между союзами и партиями во время войны сыграла измена подавляющего большинства старой социал-демократии делу пролетарской борьбы. Она вызвала среди более революционных кругов пролетарского юношества решительную оппозицию. Война ударила особенно больно по рабочей молодежи — как увеличением ее эксплуатации путем оптимельных норм охраны труда и усиленного втягивания новых масс пролетарских детей в военную индустрию, так и путем непрерывных мобилизаций целых пролетарских молодежи на фронты империалистической войны и ростом популярности со стороны буржуазии милитаризованной так же и не затронутые, мобилизации слои рабочего юношества. Измена социал-демократии усилила политическую активность социалистических союзов молодежи в тех странах, где они до войны были независимы от партии политическую борьбу, и заставлял их всю их работу перевести на рельсы активной борьбы против войны и

социал-патриотизма. В тех странах, где реформистским партиям удалось всецело подчинить себе социалистические союзы молодежи, возникла оппозиция против социал-патриотической политики официальных инстанций юношеского движения, что привело в Германии к расколу и созданию в 1916 году новой «Свободной Социалистической Молодежи Германии» при участии Карла Либкнехта.

Создалось следующее положение: почти во всех странах существовали революционные юношеские организации, которые стояли лицом к лицу с реформистскими, социал-патриотическими социалистическими партиями. Отсутствие революционных интернационалистских партий в большинстве европейских стран неизбежно заставило революционные юношеские организации попытаться взять их роль на себя и таким образом фактически превратиться в «юные партии», которые стали центром сбора также и революционных элементов взрослых рабочих. Это обстоятельство с одной стороны и глубокая политическая пропасть, которая разделяла взрослых социал-патриотов и юных революционеров, с другой—создали условия, при которых не могло быть речи не только о подчинении социалистическим партиям, но и о каком бы то ни было политическом сотрудничестве с ними. Революционные интернационалистские группы взрослых рабочих были еще очень слабы и существовали большей частью в качестве групп внутри старых социалистических партий. Таким образом, во всех странах революционные социалистические союзы молодежи, из которых затем позникли коммунистические союзы молодежи, были во время войны как в политическом, так и в организационном отношении совершенно независимыми организациями. В их рядах возникла идеология абсолютной независимости юношеского движения, которая играла во время войны (по отношению к социал-патриотическим партиям) большую революционную роль.

В после-военные годы происходил процесс формирования новых коммунистических партий, в котором коммунистические союзы молодежи принимали самое активное участие, и вообще постепенно наблюдалось все большее сближение между коммунистическими союзами молодежи и коммунистическими партиями, объяснявшееся в первую голову общностью политической позиции. Но до последнего времени обе организации существовали в качестве равных независимых организаций, вследствие слабости и неформальности коммунистических партий — с одной стороны, и отщепков пережившей себя идеологии абсолютной независимости и вследствие сознания своего превосходства над партией в отношении стажа и революционной чистоты в рядах юношеского движения,—с другой стороны.

Первый Берлинский Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи в ноябре 1919 года сделал первый шаг к ускорению

этого процесса сближения, установив: во первых, обязательность для коммунистического союза молодежи признания программ Коммунистических партий в их странах, и во вторых, необходимость установления организационной связи между обоими организациями. Летом 1920 года Исполком Коммунистического Интернационала выпустил, по поручению II Конгресса Коминтерна, тезисы о юношеском движении, в которых отметил различные ступени развития взаимоотношений между Коммунистическим Союзом Молодежи и коммунистической партией в отдельных странах; от полной независимости до политической подчиненности (Россия) — указывал на необходимость постепенного установления во всех странах политического подчинения коммунистических союзов коммунистической партии, при условии сохранения первыми их организационной автономии.

Коммунистический Интернационал Молодежи уже с 1919 года, согласно постановления Берлинского Конгресса, является частью Коммунистического Интернационала и подчиняется всем его директивам. Эти отношения между обоими Интернационалами, а также взаимное представительство Исполкомов Коминтерна и К. И. М. с решающим голосом были закреплены в уставе Коммунистического Интернационала, принятом его II Конгрессом.

Во времени III Конгресса Коминтерна обстоятельства в обще-коммунистическом движении настолько изменились, и новый опыт в этом вопросе накопился в таких размерах, что потребовалось новое решение вопроса о взаимоотношениях между К. С. М. и К. П. как со стороны Коммунистического Интернационала, так и со стороны самой коммунистической молодежи.

IV.

Рабочая молодежь является частью рабочего класса. Ее движение является частью обще-пролетарского движения, поэтому роль пролетарских юношеских организаций зависит от условий, в которых находится обще-пролетарское движение, и меняется с изменениями в последнем. Это можно было наблюдать до и во время войны в связи с ростом оппортунизма в рабочем движении, это является обязательным и сейчас в связи с ростом коммунизма во всем мире.

В настоящее время Коммунистический Интернационал, основанный в 1919 году, является уже крепкой и мощной организацией угнетенных рабочих всех стран, которая руководит революционной борьбой пролетариата во всем мире. Во всех странах существуют уже сейчас коммунистические партии, а в некоторых они стали массовыми партиями. *Положение, по сравнению с положением во время войны и в первые после-военные годы, коренным образом изменилось, и если в прежние время роль революционных юношеских организаций в основном определялась отсутствием или лишь*

формированием коммунистических партий, то в настоящее время она определяется наличием и фактом укрепления этих партий, почему III Конгресс Коминтерна и II Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи и должны были пересмотреть этот вопрос заново.

Какую роль играют К. С. М., существующие наряду с коммунистическими партиями, по отношению к ним, чем они должны от них отличаться? Так подошли оба конгресса к решению вопроса о взаимоотношениях между коммунистическими союзами молодежи и коммунистическими партиями. Ибо сохранение прежнего положения, когда союзы молодежи отделились от партии лишь возрастом своих членов и были фактически «юными коммунистическими партиями», с ростом и укреплением коммунистического движения привело бы к абсурду. Совершенно ясно, что в настоящее время коммунистические союзы молодежи должны перейти от выполнения тех задач, которые по существу принадлежат коммунистическим партиям и которые они прежде принуждены были брать на себя в силу объективных обстоятельств, к выполнению функций, присущих специально юношеским организациям.

Коммунистические партии являются авангардом рабочего класса. Они определяют политическую линию, стратегию его революционной борьбы, что и составляет существо их работы. Эта роль коммунистических партий, даже массовых, ограничивает пределы их распространения и определяет их состав. Коммунистические союзы молодежи должны через свои организации привлекать к общему коммунистическому движению новые, еще индифферентные слои пролетарской молодежи, которые не могут быть непосредственно охвачены партией и которые должны быть в рядах К. С. М., на основе широкой самостоятельности в их собственной организации, воспитаны в коммунистическом духе. Это означает, что К. С. М., которые в настоящее время являются по сравнению с массовыми коммунистическими партиями лишь незначительными и сравнительно узкими группами (например, в Германии К. С. М. насчитывает 26.000 членов, а К. П. Г. около 300.000 членов), должны превратиться в большие массовые организации рабочей молодежи, объединяющие не только «чистых коммунистов», но также и сейчас еще не сознательных юных пролетариев. Это значит, что К. С. М., которые до сих пор центр тяжести своей деятельности переносили на воздействие внутри общего коммунистического движения, т. е. конкретно — на работу в рядах коммунистических партий, должны сейчас повернуться лицом к широким массам рабочих молодежи, на громадное значение которых для пролетарской революции мы уже указывали в начале этой статьи. Для этого повсюду необходимо также перенесение центра тяжести работы К. С. М. с политических — тактических вопросов на вопросы, непосредственно касающиеся жизни труда, бы-

тия, борьбы и воспитания самой рабочей молодежи. Одним словом, К. С. М. потеряли свою прежнюю роль в политическом руководстве всем рабочим движением в целом и должны завоевать себе новую роль в качестве организации для массового коммунистического воспитания молодых рабочих и рабочихниц.

Это ни в коем случае не означает, что К. С. М. должны стать, на подобие социал-патриотических организаций молодежи, организациями аполитическими. Основой коммунистического воспитания в отличие от воспитания социал-демократического являлось, и им продолжает, конечно, оставаться, активное участие в борьбе пролетариата. К. С. М. должны также и впредь принимать участие и в партийных дискуссиях. Они не должны однако превращаться в дискуссионные клубы и за дискуссиями забывать свои основные и непосредственные задачи по отношению к массам рабочей молодежи.

V.

Установив роль К. С. М. в общекommунистическом движении в настоящее время, оба конгресса пришли к установлению взаимоотношений между коммунистическими союзами молодежи и коммунистическими партиями в узком смысле этого слова. Основным вопросом является вопрос о политических взаимоотношениях между К. С. М. и К. П.

В годы войны необходимость политической самостоятельности юношеских организаций основывалась с одной стороны, на коренных политических разногласиях с социалистическими партиями и, с другой стороны, на необходимости — в виду этого — для К. С. М. вести самостоятельно политическую борьбу. Об исчезновении первого момента говорить излишне, ибо это ясно всем: относительно же того, что прежняя самостоятельная политическая роль К. С. М. с ростом и укреплением коммунистических партий приводит к абсурду, мы указывали в предыдущей главе.

Отказываясь от своей самостоятельной политической роли К. С. М. ни в коем случае не отказываются от активного участия в политической борьбе в качестве основы для коммунистического воспитания, следовательно они попрежнему являются частями общей боевой коммунистической армии в каждой стране и приобретают в этой армии, в ее непосредственной борьбе, тем большее значение, чем большие массы они сумели завлечь в свои ряды и воспитать коммунистически. Принцип централизма в коммунистическом движении был всегда в Коминтерне подтвержден и кровавой практикой поражения разрозненных рабочих восстаний последних лет. И еще II Конгресс Коммунистического Интернационала определил роль коммунистических партий в качестве единственного и единственного шпана, руководящего

борьбой всех частей революционного пролетариата. Сюда относятся, конечно, и коммунистическая молодежь.

Поэтому III Конгресс Коминтерна и II Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи признали необходимым установление политического подчинения К. С. М. коммунистическим партиям, т. е. их подчинение программе, тактике и директивам К. П. Этим не уничтожается возможность участия К. С. М. в партийной работе, она должна лишь проходить в рамках партии, внутри ее.

Признав необходимость выполнения К. С. М. общей партийной работы политической линии в их специальной работе среди специального слоя пролетариата, нельзя также, с другой стороны, ни в коем случае забывать об особенностях юношеского движения. Оба конгресса приняли эти особенности в расчет, когда признали необходимым сохранить организационную автономию К. С. М. Эта организационная автономия нужна коммунистическим юношеским организациям именно для того, чтобы иметь возможность привлечь в свои ряды еще чуждые коммунистическому движению слои рабочей молодежи и, что всего важнее, для того чтобы коммунистически воспитать их на основе их самостоятельности. Коммунистический Интернационал еще в первом своем воззвании по поводу Берлинского конгресса К. И. М. указал на то, что он относится резко отрицательно к методам опеки над молодежью, применяемым желтым интернационалом. В автономных К. С. М. должны воспитываться революционные коммунисты, приобретшие на опыте своей работы в юношеской организации организационные навыки и инициативу, умеющие самостоятельно решать сложные вопросы своей работы и нести ответственность за принимаемые решения. Организационная автономия означает самоуправление К. С. М. и самостоятельное решение ими вопросов, касающихся особых задач их организации.

VI.

Помимо установления взаимоотношений между К. С. М. и К. П. в политической и организационной области, перед ними во весь рост встает сейчас задача установления не формального, бумажного, а фактического настоящего сотрудничества и взаимной поддержки. Предпосылками к выполнению этой задачи являются:

1) Уничтожение в рядах К. С. М. последних пережитков устарелой идеологии абсолютной независимости по отношению к партии и так называемого, как выражаются в России, «союзного патриотизма», плетущего с высокого дуба на партию, а также усиление работы К. С. М. по воспитанию в своих членах чувства принадлежности к общему коммунистическому движению и сознания необходимости его централизации и дисциплины.

2) Уничтожение в рядах коммунистических партий последних все еще имеющих

остатков консерватизма со стороны отсталого взрослого рабочего в его отношении к ученикам или подручным и слухом «педагогического» т. е. по существу опекунского, отношения к молодежи оппортунистического и нового времени. Партийные работники должны научиться понимать психологию молодежи, ценить малейшее проявление ее самостоятельности и проводить партийное руководство умело и осторожно, избегая мелочного вмешательства в дела молодежи.

3) Взаимная информация К. С. М. и К. П., которая до сих пор почти отсутствовала в обеих организациях. Это значит, что К. С. М. должны упростить свою работу по разъяснению членам своих организаций и широким массам рабочей молодежи роли партии, ее истории, программы, организационного строения и тактики, с другой стороны, — в партийной прессе и на партийных съездах и собраниях необходимо регулярно освещать не только организационное положение К. С. М., но и их деятельность во всех ее областях (в первую голову экономическое положение и экономическую борьбу рабочей молодежи, школьный вопрос и политически-просветительную работу и т. д.).

Организационная предпосылка совместной работы К. С. М. и К. П. указана обоими конгрессами в виде взаимного представительства, которое до сих пор практически проведено в России и частично испытано в Германии. Это взаимное представительство должно быть проведено снизу доверху, т. е. начиная с фабрично-заводских ячеек и кончая центральными комитетами обеих организаций. Оно должно не ограничиваться лишь комитетами, но распространяться и на различные особые органы партии, ведущие повседневную работу или отдельную кампанию в той или другой области (образовательные комитеты, отделения по работе в деревне, центральные органы фракции профессиональных союзов, издательства и т. д.). Осуществление этого постановления встретит безусловно большие затруднения, которые однако не должны никого отпугивать. Самое важное заключается в подборе в процессе практической работы подходящих представителей с обеих сторон, способных выполнить предстоящую им большую и в достаточной мере сложную работу.

VII.

В чем может выразиться конкретно сотрудничество между партией и союзом и их взаимная поддержка? Прежде всего, — в координировании плана работы и в использовании сил в областях, в которых ведут работу как К. П., так и К. С. М. Мы уже выше вкратце перечислили эти области (профсоюзы, деревня, образовательная работа, печать и т. д.). Те небольшие (сравнительно со стоящими перед движением задачами) силы, которые имеются у обеих организаций, должны быть употреблены целесообразно и экономно без излишнего параллелизма.

Затем, коммунистические партии должны обратить особое внимание, в связи с приходом новых масс в К. С. М., на усиление их коммунистического ядра, которое при превращении юношеского движения в движение массовое может быть развито. Необходимо работа в К. С. М. всех членов партии до определенного возраста, устанавливаемого в каждой стране особо партийными съездами или центральными комитетами партии, причем эта работа должна производиться в порядке партийной обязанности, на основе партийной дисциплины.

Коммунистические партии должны взять на себя инициативу создания К. С. М. всюду, где таковых еще нет, но где имеются партийные организации. В последние время К. С. М. создавали партийные ячейки собственными силами; теперь, после того как они отдали свои лучшие силы партии и стали слабее, партии обязаны помочь им в деле расширения коммунистического юношеского движения.

Коммунистические партии должны активнее поддерживать работу К. С. М. во всех ее областях и при всех их выступлениях. Особенно необходимо отметить важность усиленной поддержки К. С. М. в их, для большинства стран только лишь начинающейся, деятельности по экономической борьбе рабочей молодежи и в их работе внутри профессиональных союзов. Не менее важное значение имеет политически-просветительная работа К. С. М. и их агитация, в которой партии могут помочь им посредством введения лекторов и агитаторов, создания юношеских страничек, регулярного издающихся всеми партийными органами (что уже проведено в России и в Германии), создания юношеских секций при партийных школах, привлечения всех членов юношеских организаций на общие партийные собрания и т. д.

Партии должны привлекать К. С. М. к планомерному участию во всех своих выступлениях и кампаниях. В этом отношении, коммунистические юношеские организации могут оказывать коммунистическим партиям неоценимые услуги, в особенности в моменты обострения революционной борьбы (как это доказал опыт России, Германии, Италии и других стран), в деле агитации и т. д.

Вот что сказали II Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи и — в своем особом циркуляре — Исполком Коммунистического Интернационала по поводу прак-

тического сотрудничества К. С. М. и К. П. В каждой стране в процессе практической работы можно будет выяснить и на опыте проверить еще сотни других возможностей совместной работы, способствующих росту и укреплению обеих организаций.

VIII.

В заключение — несколько слов по поводу взаимоотношений Исполнительных Комитетов Коммунистического Интернационала и Коммунистического Интернационала Молодежи. Международной коммунистической юношеской организации нужна теснейшая связь и всемерное сотрудничество с руководящим органом всего коммунистического движения, Исполкомом Коминтерна; для нее эта связь в десять раз нужнее, чем для любой национальной коммунистической партии, именно потому, что она является организацией международной и ведет интернациональную работу.

До последнего времени связь между обоими Исполнительными Комитетами была слишком слаба, что объяснялось в первую очередь нахождением Исполкома Коминтерна в Москве, а Исполкома Коминтерна Молодежи в Берлине. II Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи единственно постановил перенести Исполнительный Комитет К. И. М. в Москву, оставив на Западе лишь Бюро и представительства в отдельных странах для связи, информации Москвы и для руководства техническим аппаратом К. И. М. Опыт практической работы в течение полутора месяцев со времени II Конгресса доказал фактическую возможность теснейшего сотрудничества между обоими Исполнительными Комитетами и эту возможность фактически осуществил. То, что достигнуто во взаимоотношениях между Коммунистическим Интернационалом Молодежи и Коминтерном в международном масштабе, должно быть, путем упорной работы, приняв конечно в расчет особые условия работы в отдельных странах, достигнуто также и в национальном масштабе. Осуществление этого зависит как от коммунистических партий, так и от коммунистических союзов молодежи.

Лазарь ШАЦКИН.

Москва, 15 сентября 1921 г.

ИМПЕРИАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ.

(ПРЕДИСЛОВИЕ К ФРАНЦУЗСКОМУ И НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ: Н. ЛЕНИН. ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК НОВЕЙШИЙ ЭТАП КАПИТАЛИЗМА).

I.

Настоящая книжка написана, как указано в предисловии к русскому изданию, в 1916 году для царской цензуры. Я не имею возможности переделать весь текст в настоящее время, да это было бы, пожалуй, нецелесообразно, ибо основная задача книги была и остается: показать, по сводным данным бесспорной буржуазной статистики и признаниям буржуазных ученых всех стран, какова была *итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях, в начале 20-го века, накануне первой всемирной империалистической войны.

Отчасти будет даже небесполезно для многих коммунистов в передовых капиталистических странах убедиться на примере этой *книжки*, легальной с точки зрения царской цензуры, что в возможности — и необходимости — использовать даже те слабые остатки легальности, которые остаются еще для коммунистов в современной, скажем, Америке или во Франции после недавнего, почти поголовного ареста коммунистов, для разъяснения всей живости социал-пацифистских взглядов и надежд на «мировую демократию». А самые необходимые дополнения к этой подцензурной книжке я попытаюсь дать в настоящем предисловии.

II.

В книжке доказано, что война 1914 — 1918 годов была с обеих сторон империалистской (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.

Ибо доказательство того, каков истинный социальный, или вернее: истинный классовый характер войны, содержится, разумеется, не в дипломатической истории войны, а в анализе *объективного* положения командующих *классов* во всех воюющих державах. Чтобы изобразить это объективное положение, надо взять не примеры и не отдельные данные (при гро-

мадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных об основах хозяйственной жизни *всех* воюющих держав и *всего* мира.

Именно такие сводные данные, которые не могут быть опровергнуты, приведены мной в картине *раздела мира* в 1876 и 1914 годах (в § 6) и разделе *железорог* всего мира в 1890 и 1913 годах (в § 7). Железороги, это — итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железодобывательной, итоги — и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации. Как связаны железороги с крупным производством, с монополиями, с синдикатами, картелями, трестами, банками, с финансовой олигархией, это показано в предыдущих главах книги. Распределение железорожной сети, неравномерность ее развития, это — итоги современного, монополистического капитализма во всемирном масштабе. И эти итоги показывают абсолютную неизбежность империалистских войн на *такой* хозяйственной основе, пока существует частная собственность на средства производства.

Постройка железорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рвения, и в глазах мелко-буржуазных филантропов. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и несмысленных рабов капитала в «цивилизованных» странах.

Частная собственность, основанная на труде мелкого хозяина, свободная конкурен-

ция, демократия, — все эти лозунги, которыми обманывали рабочих и крестьян капиталисты и их пресса, оказались далеко позади. Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстием «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю.

III.

Брест-Литовский мир, продиктованный монархической Германией, а затем гораздо более эверский и подлый Версальский мир, продиктованный «демократическими» республиками, Америкой и Францией, а также «свободной» Англией, сосудили позднейшую службу человечеству, разоблачив как наемных чернильных кула империализма, так и реакционных мешани, хопя бы и называющих себя пацифистами и социальстами, которые воспевали «вильсонизм», доказывали возможность мира и реформ при империализме.

Десятки миллионов трупов и калек, оставленных войной, войны из за того, английская или германская группа финансовых разбойников должна получить больше добычи, и затем два этих «мирных договора» открывают глаза на невиданной прежде быстротой миллионам и десяткам миллионов забитых, задавленных, обманутих, одурченных буржуазией людей. На почве всемирного разорения, созданного войной, расстел, таким образом, всемирный революционный кризис, который, какие бы долгие и тяжелые перипетии он ни проходил, не может кончиться иначе, как пролетарской революцией и ее победой.

Везельский манифест II-го Интернационала, давший в 1912 году оценку именно той войне, которая наступала в 1914 году, а не войне вообще (войны бывают разные, бывают и революционные), этот манифест остался памятником, разоблачающим весь позорный крах, все ренегатство героев II-го Интернационала.

Я перепечатаваю поэму этому манифесту в приложении к настоящему изданию и обращаю внимание читателей еще и еще раз, что герои II-го Интернационала, так же заботливо обходя те места этого манифеста, где говорится точно, ясно, прямо, о связи именно этой грядущей войны с пролетарской революцией, — обходяи так же заботливо, как вор обходит то место, где он совершил кражу.

IV.

Особенное внимание уделено в настоящей книжке критике «каутскианства», международного идейного течения, которое представлено во всех странах мира «видней-

шими теоретиками», вождями II-го Интернационала (в Австрии — Отто Бауэр и К^о, в Англии — Рамсей Макдональд и др., во Франции — Альберт Тома и п. д. и п. л.) и массой социалистов, реформистов, пацифистов, буржуазных демократов, попов.

Это идейное течение есть, с одной стороны, продукт разложения, гниения II-го Интернационала, а с другой стороны — неизбежный плод идеологии мелких буржуа, которых вся жизненная обстановка держит в плену буржуазных и демократических предрассудков.

У Каутского и подобных ему подобные взгляды есть полное отрицание именно от тех революционных основ марксизма, которые этот писатель защищал десятилетиями, специально, между прочим, в борьбе с социалистическим оппортунизмом (Бернштейн, Мильбран, Гайндман, Голперс и п. л.). Не случайно поэму, что во всем мире «каутскианцы» объединились теперь практически-политически с крайними оппортунистами (через II-й или жалкий Интернационал) и с буржуазными правительствнами (через коалиционные буржуазные правительства с участием социалистов).

Распутое во всем мире пролетарское революционное движение вообще, коммунистическое в особенности не может обойтись без анализа и разоблачения теоретических ошибок «каутскианства». Это тем более так, что пацифизм и «демократизм» вообще, насколько не претендующие на марксизм, но совершенно так же, как Каутский и К^о, замусульняющие лабуду противоречий империализма и неизбежность порожденного им революционного кризиса, — эти течения распространены еще чрезвычайно сильно во всем мире. И борьба с этими течениями обязательна для партии пролетариата, которая должна отвесивать от буржуазии одурченных ею мелких хозяинок и миллионов трудящихся, поставленных в более или менее мелкобуржуазные условия жизни.

V.

Необходимо сказать несколько слов о главе V-й: «Империализм и загнивание империализма». Как уже отмечено в тексте книги, Гилбердинг, бывший «марксист», теперь соратник Каутского и один из главных представителей буржуазной, реформистской политики в Независимой С.-Д. Партии Германии, сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифизмом и реформизмом, английннном Гобсонем. Международный раскол всего рабочего движения теперь уже обнаружился вполне (II и III Интернационал). Обнаружился также и факт вооруженной борьбы и гражданской войны между обман течениями: поддержка Коцкина и Деникина в России меньшевиками и «социалистами-революционерами» против большевиков, Шедд-Миновича и Полеке в Германии с буржуазией против старшалоцев,

тоже в Финляндии, Польше, Венгрии и т. д. В чем же экономическая основа этого всемирноисторического явления?

Именно в паразитизме и загнивании капитализма, которые свойственны его высшей исторической стадии, т. е. империализму. Как доказано в настоящей книжке, капитализм выдвинул теперь *горстку* (менее одной десятой доли населения земли, при самом «щедром» и преувеличенном расчете менее одной пятой) особенно богатых и могущественных государств, которые грабят — простой «стрижкой купонов» — весь мир. Вывоз капитала дает доход 8—10 миллиардов франков в год, по довоенным ценам и довоенной буржуазной статистике. Теперь, конечно, много больше.

Понятно, что из такой гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих «своей» страны) можно *подкупать* рабочих вождей и верхнюю прослойку рабочей аристократии. Ее и подкупают капиталисты «передовых» стран — подкупают тысячами способов, прямыми и косвенными, открытыми и закрытыми.

Этот слой обуржуазившихся рабочих и «рабочей аристократии», вполне мешан-

ских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию, есть главная опора II-го Интернационала, а в наши дни главная *социальная* (не военная) *опора буржуазии*. Ибо это настоящие *агенты буржуазии в рабочем движении*, рабочие прикачки класса капиталистов (*labor lieutenants of the capitalist class*), настоящие проводники реформизма и шовинизма. В гражданской войне пролетариата с буржуазией они неизбежно становятся, в немалом числе, на сторону буржуазии, на сторону «версальцев» против «коммунаров».

Не поняв экономических корней этого явления, не оценив его политического и общественного значения, нельзя сделать ни шага в области решения практических задач коммунистического движения и грядущей социальной революции.

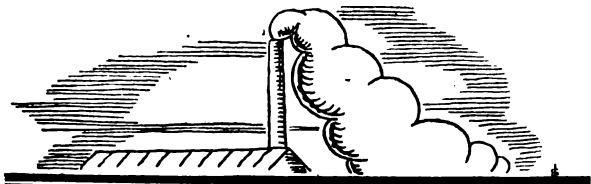
Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917-го года в всемирном масштабе:

Н. ЛЕНИН.

6 июля 1920 г.

III Конгресс Коминтерна. Группа делегатов-норвежцев.

ОЧЕРКИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ.

Мировая политика после окончания великой войны получила такое чрезвычайно зыбкое течение, что попытка связно изобразить в кратком очерке ход ее развития представляется собой задачу величайшей трудности.

Между тем, это чрезвычайно важно, чтобы очертить рамки для исследования решающих вопросов и главнейшей противоречий. Посему необходимо прежде всего формулировать эти вопросы, служащие базой для нового развития событий, определять их взаимную связь для того, чтобы перейти потом к выяснению тех сил и тенденций, которые группируются вокруг них. Как ни условен такой набросок схемы мировой политики — он должен местами захватить парадоксальным, — скалбким изменениям ни приходилось бы в дальнейшем его подвергать, все же установление такой схемы необходимо. Мы приступаем к этому здесь для того, чтобы в последующих номерах Коммунистического Интернационала заниматься, совместно с другими, компетентными в этой области, товарищами характеристикой новых тенденций мировой политики.

I.

Начнем с характеристики положения и хода развития мирового хозяйства. *Век империализма* был веком *покровительственных пошлин*, которые изменили свое первоначальное назначение: задача их заключалась уже не в поощрении отечественной промышленности, а в том, чтобы сделать ее способной побить на мировом рынке конкуренцию других стран и завоевать малоразвитые колониальные рынки. После того, как капиталистическому протекционизму показалоcь тесно в клетках отдельных стран, он устремился к расширению этих клеток объединением отдельных стран в одну таможенную область. Стремление к *устранению английской свободной торговли*, *соединение английских колоний с их метрополией* в одну таможенную область, *вызванные этой политикой противоположные стремления* экономического прикреплении Канады к Северо-Американским Штатам, возникшее во время войны мощное движение к созданию *средне-европейского таможенного*

союза с разветвлениями на юго-востоке: все это были большие исторические течения, орудием которых была империализм и затем война. К каким же результатам привели эти важнейшие экономические течения? Какое решение принесла им война? К концу войны казалось, что великая проба сил взаимно обудывающих и уравновешивающих друг друга тенденций капиталистических держав приведет к прекращению борьбы и к всемирному объединению капитала. Если мысль о Лиге Наций, имела когда-либо значение не только как маневр мировой политики, — а она была безусловно больше, чем простой маневр, — а как положительная идея, то основу ее составляло стремление к образованию международного капиталистического треста, который подчинил бы себе весь мир. Эта идея потерпела крушение с катастрофическим падением германского империализма. Это не значит, что он именно был вдохновителем этой идеи: наоборот, его пави устройстве средней Европы сводился, выражаясь словами Наумана, к идее экономических окопов. Если бы Германия победила, оно, естественно, стоило же мало заботилась бы о создании общемирового экономического треста, как и победоносная Антанта. Она так же думала бы лишь о собственной добыче. Предпосылкой осуществления идеи всемирного капиталистического союза является *безрезультатная война*, — война без победителей, которая лишила бы участников всякой надежды на добычу и принудила бы все капиталистические государства к взаимному соглашению на почве совместной работы по исправлению экономического бедствия, причиненного войной. *Победоносная Антанта* похоронила идею *международного капиталистического треста*. Она оставила одно лишь название Лиги Наций и, предоставляя доступ в эту Лигу только победившим и нейтральным государствам, лишила ее силы всеобъемлющего экономического регулятора. Капиталисты заключают тресты лишь тогда, когда не могут друг друга победить. Банкротство одной фирмы ведет не к тресту, а к ее выкупу с аукциона. Союзники рассчитывали улучшить свое положение за счет немецкой добычи или благодаря уступлению немецкой конкуренции. Таким образом, период, наступивший после войны, — это *период конкуренции*, с той только разницей, что

на место главных конкурентов Германии и Англии вступили Англия и Америка. Одновременно возник вопрос: как ограбить человека, сняв с него последнюю рубашку, и вместе с тем сохранить в его лице выгодного покупателя своих товаров? В этом заключается не только проблема Германии, Австрии, Турции, но и России. В то время, как конкуренция капиталистических стран принесла новую волну покровительственных пошлин, эта неразрешимая задача привела к мировому экономическому кризису, в котором капиталистический мир и пребывает с середины прошлого года. В таком виде представляется борьба тенденций. Конкретное же положение вещей сводится к тому, что производительная сила всей Европы уменьшилась, так что об экономической экспансии едва ли можно думать. Самым характерным в этом смысле является спор среди английских империалистов о том, может ли английская империя позволить себе роскошь осуществить давнюю мечту английского империализма, о соединении Египта с Индией через Аравию и Мессопотамию, что между прочим послужило одной из главных причин войны.

Соединенные Штаты Северной Америки и Япония вышли на оборот из мировой войны значительно открытыми в экономическом отношении. Окрепшая американская промышленность стоит перед колоссальными трудностями найти рынки сбыта для своих товаров. Это относится как к сельско-хозяйственным, так и к промышленным товарам. Если, когда дело идет об экспорте продуктов земледелия, зерна и хлопка, — этот вопрос разрешается путем предоставления долгосрочных кредитов средне- и южноевропейским капиталистам, то эти кредиты обременяют тем невыгодным свойством, что, спасая американского фермера, они в то же время попят американских промышленников, делая Германию естественной к конкуренции на промышленном рынке. Вопрос вывоза в чужие страны, в Восточную Азию и в Россию, приобретает для Северо-Американских Соединенных Штатов возрастающее значение.

Для Японии вопрос об экономической экспансии вступает в решительную стадию; без угля, без железа, без достаточного запаса жизненных припасов, с ежегодным приростом населения от 600 до 800.000 человек она попадает в такое же положение, в каком была Германия, не будучи в то же время способной (как была, без сомнения, Германия) — благодаря своей высокоразвитой технике — заменить свое мировое положение путем перехода от тяжелой к обрабатывающей промышленности, если она откажется от экспансии. Такова общая картина мирового хозяйства с его экономическими проблемами, жаждущими своего разрешения средствами мировой политики.

Так как последний аргументом мировой политики является оружие, то после трех лет восторженных речей о победе над милитаризмом в центре всех вопросов стоит война.

Война ясно показала, как легко, словно из-под земли, вырастают армии. Северо-Американские Соединенные Штаты и Англия, — которые во время войны проявили подобие чудеса, полагаются и теперь на свое испробованное искусство военной импровизации и, сохраняя только остова для формирования будущей армии, концентрируют главное свое внимание на создании флота. Япония одновременно строит и флот и армию. Франция и новые государства средней Европы стремятся превзойти и перещеголять военные приготовления довоенного периода. Разоружение Германии ничуть не уменьшило европейский милитаризм. Оно только усладило бесцеремонность вооруженных государств по отношению к невооруженным. Словом для капитализма оружие продолжает быть по-прежнему аргументом, и за всеми комбинациями мировой политики, которые начинают вырисовываться, стоит призыв войны.

II.

Мировая война окончилась победой Северо-Американских Соединенных Штатов в мировом масштабе, торжеством Англии в Европе и Японии в Восточной Азии. Северо-Американские Соединенные Штаты стараются воспользоваться победой. Англия оказывает противодействие экономической гегемонии Соединенных Штатов. Франция, для которой победа, кроме лавров, означает наибольшее количество мги, неограниченные жертвы и полное экономическое возрождение, оспаривает гегемонию Великобритании. Исходной точкой при обзоре мировой политики должно служить взаимоотношение лишь этих стран, так как, кроме Советской России, только они являются субъектами мировой политики. Все остальные лишь ее объекты.

Англия вступила в войну с целью уничтожить экономическую силу Германии, конкурировавшей с британским империализмом не только дешевой своих товаров, но и своим военным флотом. Эта цель Англией вполне достигнута. Но победой над Германией она не могла повернуть назад колесо истории и не могла привести мир к такому положению, в котором Великобритания была единственной промышленной мастерской для всего мира. Война окончательно преобразовала Северо-Американские Соединенные Штаты в промышленную страну, которая стоит впереди всех не только по своим будущим перспективам; она сейчас уже занимает первое место и в техническом, и в экономическом отношениях. Она обладает более развитой угольной и металлургической промышленностью, нежели Англия. Она владеет 60% нефтяных запасов всего мира, составляющими ей преимущественное положение в отношении этого жидкого угля, который становится не только главным продуктом питания для промышленности, но и носителем морского развития. Вследствие прелестивости, которые до войны создавались

промышленности. Эта тенденция выразилась в известной мере в действиях Вильсона Советской России во время переговоров в Брест-Литовске и в командировании Буллита в Россию в феврале 1919 г. Правительством Гардинга все еще подвигается вперед окупью. Но величайшая эвентурероанность Америки, как самого крупного экспортера индустриальных изделий, в развитии русского сельского хозяйства, ее воспомночно-азиатские интересы и, наконец, ее конкуренция с Англией, выведут Америку из ее теперешней пассивности. Америка или решится завязать сношения с Советской Россией или же в благоприятный момент ринется на Советскую Россию для того, чтобы нанести ей сокрушительный удар. Так же как американская политика по отношению к Советской России влияет на французскую политику, так и последние, в свою очередь, влияют на американскую политику. Возможно, что помощь Гверра означает, что перемена в американской политике уже началась.

Исторически борьба капиталистической Европы вокруг вопроса о Советской России означает борьбу за ту брешь, которую война пробила в капиталистической системе великих мировых держав. Если Советской России удастся удержаться, если ей удастся принудить капиталистические государства вступить с ней в регулярные торговые сношения, что в конце концов должно привести к признанию Советской России, — то это будет означать вступление в ряды государств первого государства, которое руководится в своей мировой политике интересами мирового сообщества, т. е. возникновение состояния, которое напоминает совместное существование капиталистических и феодальных государств. Однако это сосуществование выливается в капиталистических государствах гораздо больше беспокойства, чем то, которое выливало у них, например, их отношении к феодальному миру. Если перечисленные нами выше противоречия в мировой политике являются противоречиями прогнившего, находящегося в состоянии разложения капитализма, то противоречия между капиталистическим миром и Россией являются проблемой отношения капиталистического мира к возникающему социалистическому миру, — проблемой, которая примет гораздо более острое форму в момент, когда рядом с окрепшей Россией станет пролетарская Германия.

V.

Центром величайших конфликтов и бурь в будущем является борьба за побережье Тихого Океана. По преобладающему значению Тихо-Океанской проблемы не лишает однако вопросов Ближнего Востока их значения. На Ближнем Востоке Англия борется за свое мировое положение, которое оно еще в состоянии удерживать в случае, если ей удастся путем образования англо-советского трестра предотвратить раскол между Англией

и Соединенными Штатами. *Господство над европейским континентом является утопией, несмотря на то, что за это господство между Англией и Францией идет борьба.* Индустриальные рабочие массы Средней Европы не могут быть рабами чуждой власти. Средняя Европа или обратится в груду развалин, или станет самостоятельным капиталистическим государством (в том случае, если немецкой буржуазии удастся путем использования противоречий между странами Антанты выкупиться из своего тяжелого положения), или же станет самостоятельной пролетарской республикой. 70 миллионов людей, умеющих читать, писать и работать, не допустят, чтобы иностранная держава долго держала их под угрозой кнута. Борьба между Францией и Англией за Среднюю Европу в действительности, может быть только борьбой за наибольшую долю влияния и участия в экономической эксплоатации. Что касается России, то, несмотря на то, что она является главным образом сельско-хозяйственной страной, она слишком велика, чтобы ее можно было победить и обратить в английскую колонию. Она приваскает к себе слишком много впечатлив, которые друг другу мешают и взаимно уравниваются. В виду ее экономической нужды, зависимость ее от капиталистических государств — если господство капитализма будет продолжаться — может оказаться пыжаслой, — но господства иностранного капитала, — не говоря уже о господстве какого либо капиталистического государства, — в России не будет. Области, которую Англия может твердо взять в руки, это — Средняя Азия. Мировая война возникла из борьбы за юго-восточный угол Европы и Турции. Здесь война и сейчас еще не закончилась. Англия стремится как можно скорее разделить Турцию для того, чтобы фактически утвердиться в Константинополе, раньше чем Россия, как страна, владеющая побережьем Черного моря, не предъявит своих прав. Англия стремится как можно скорее создать «независимые» арабские государства, которые будут ничем иным, как игрушками в ее руках. Поддержка династии Гуссейнов в Геджесе, Заиродании и Месопотамии, номинально владеющей нефтяными источниками в Мосуле, в целях обеспечения господства Англии над железной дорогой, соединяющей Индию с Египтом, — таков план английской политики на Ближнем Востоке в ближайшие годы. Какую цену Англия придает обладанию этими областями, доказывает тот факт, что, несмотря на пыжаслые финансовые затруднения, она не отказывается от своей Месопотамической политики. Проявляя присущую ей способность сосредоточивать свои силы на самом важном пункте, она временно отступает из Персии, правильно рассуждая, что ей легче будет обеспечить свои северные фронты, когда она утвердится в Месопотамии. Но для того, чтобы утвердиться в Месопотамии, ей необходимо преодолеть единственную

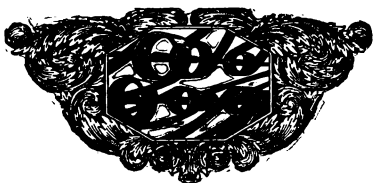
духовную силу, существующую в магометанском мире,—младотурецкую идею. Она спрелмится к этой цели не только путем борьбы с Кемаль-Пашей (правительство которого, несмотря на все личные разногласия между Энвер-Пашей и Кемаль-Пашей является младотурецким правительством), но и попыткой сделать калифом повелителя Мекки, попыткой, которая проводится с большой осторожностью, но и со свойственной Англии настойчивостью. Политике Англии угрожает не только влияние русской революции, но и политика Франции на Востоке. Укрепление Франции в Сирии представляет угрозу для левого фланга Англии и при том в таком пункте, который имеет решающее значение для всего мирового господства Англии. Франция, которая угрожает уже из Тулона и Бизерты путем сообщения Англии с ее колониями, укрепляется вблизи Суэцкого канала. Масонская Франция старается играть роль защитника ислама, после того как свои права в Сирии она обосновывала политическим заещением своих католических королей. Англо-французское соперничество на Востоке влияет на англо-французские противоречия в Европе, и наоборот. Здесь, на Ближнем Востоке оно приобретает характер общего противоречия между интересами обоих государств. Отношение Америки к Мосульскому вопросу выражает собою в то же время протест американского капитала против фактической экономической монополии, которую Англия осуществляет в своих колониях.

VI.

Мы в самой лаконической форме отметили здесь важнейшие противоречия, обнаруживающиеся в развитии мировой политики, в ее современном, бурном периоде брожения. На фоне их вырисовывается картина хаоса, в котором переплетаются и перекрещиваются самые различные тенденции,—хаоса, из которого не видно выхода. О каком либо равновесии мирового политического положения не может быть и речи. Только свежая еще память о великой мировой войне играет пока роль предохранительного клапана на этом адском котле. Все противоречия капиталистического мира являются противоречиями, революционизирующими мировое положение в прямом смысле этого слова, так как они проявляются на почве разлагающейся экономической системы. В неимоверной тяжести государственных долгов, грозящей обрушиться на головы борющихся между собою капиталистических держав, в мировом экономическом кризисе и в новых вооружениях, в крахе идеи Лиги Наций, проявляется неспособность капитализма к восстановлению мирового хозяйства. Когда эта неспособность приведет к великим пролетарским движениям, то в них проявится та сила, которая призвана расчислить развалины капиталистического строя и создать железной рукой новый мировой порядок.

К. РАДЕК.

Москва, 10 сентября 1921 г.

О ГОЛОДЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

Вопрос о неурожае в Советской России является не только русским вопросом, но и международным. Бедствие, постигшее Советскую Россию, всколыхнуло весь мир, одновременно необычайно ярко осветив экономическую роль Советской России в мировом хозяйстве и заставив даже буржуазные правительства капиталистических стран постановить в порядке дня вопрос о Советской России, о борьбе с голодом и о последствиях этого голода.

Последствия этого стихийного бедствия, несомненно, будут еще долго сказываться на всей жизни и деятельности Советской России. Но вопрос о голоде явился в международных рамках не только экономическим, но и политическим вопросом, и вокруг страшно-го бедствия, обрушившегося на рабочих и крестьян Советской России, законопослушные планы ее врагов и врагов мирового пролетариата, мечтающих о нанесении ей в этот момент нового удара.

Мировой пролетариат, все время внимательно следящий за развертыванием хозяйственной деятельности Советской России и за ее экономическим положением,—горячо откликнулся на это бедствие, и его организации в различных странах навлаживают помощь Советской власти.

Но именно в силу всех этих обстоятельств, особенно важно объективно освещение этого вопроса и всего того, что развертывается по поводу борьбы с этим тяжким, страшным бедствием.

Размеры голода.

Неурожаем охвачен крупнейший район, главным образом, вдоль реки Волги. 15 губерний и округов охвачены им, свыше 20-ти миллионов жителей ввергнуты во все ужасы, какие следуют за полным неурожаем. Губернии и области, охваченные неурожаем, нижеследующие: 1) Самарская, 2) Саратовская, 3) Пензенская, 4) Татарская республика, 5) Симбирская, 6) Астраханская, 7) Трудовая Коммуна Области Немцев Поволжья, 8) Чувашская Область, 9) Белебеевский и Вирский уезды Уфимской Г., 10) Маратская Область, 11) 4 уезда Вятской губ. (Яранский, Уржумский, Советский и Малмыжский).

Роль их в предшествующий период, в отношении снабжения продовольствием Советской России и вообще, была весьма значительна, что ясно можно видеть из нижеследующих цифр:

Годы.	Общая государственная заготовка хлеба по всей Советской России.	В том числе заготовлялось в плане порожненного неурожая район:	
	Количество хлеба в миллионах пудов.	млн	пудов
1917—18	30	11	37
1918—19	111	66	59,4
1919—20	212	87	41,1
1920—21	287	64	22
Всего	640	228	36

Итак, мы видим, что почти 40% общегосударственного продовольственного фонда падало именно на эти губернии.

В довоенное время именно этот район был одним из главнейших, откуда за границу вывозился хлеб (главным образом пшеница). По этим цифрам легко можно судить, насколько серьезно тот ущерб, который наносится этим неурожаем всему хозяйственному положению России, а также будущему экспорту.

Благодаря этому неурожаю, Советская Россия не добирала в нынешнем году с этих губерний до 70 миллионов пудов хлеба, которые она могла бы заготовить в них по самым скромным расчетам.

Непосредственной причиной полного неурожая являлась небывалая засуха в нынешнем. 1921 году, оказавшая губительной особенно для заволжского степного края, где все посевы выгорели совершенно.

Влияние засухи сказывалось особенно сильно, благодаря вообще низкой сельскохозяйственной технике и культуре.

Поздняя вспашка, система зябля, незначительное развитие устойчивых в отношении засухи культур—все это вместе взятое привело к усилению последствий для урожая от небывалой засухи.

Председатель В. Ц. И. К. тов. Калинин, специально обехавший голодающие губернии, так рисует картину поля: «Продолжая путь от Пензы к Самаре, мы видим, что поля делаются все хуже, сначала появляются овсы

на вид обычного среднего урожая, потом делаются все ниже и все чаще появляются темные пашинны, а потом и совсем голые поля—таков вид голых выжженных полей*). Но, кроме указанных причин, имеются еще причины, на которые указал тов. Каменев в одном из своих докладов. «Это стихийное бедствие—сказал он—обрушилось на нас в тот момент, когда сельское хозяйство России находится в весьма плачевном и тяжелом положении. Вы знаете, что общая сумма производства хлебов в России понизилась, сравнительно с эпохой до войны, на 48%, т. е. мы собираем теперь в России хлеба почти на половину меньше, чем собирали на той же территории до войны».

«Это есть результат семилетней войны, сначала империалистической, которая опустошила миллионы работников от земли и кинула их на фронт, затем гражданской».

«Как раз этот голодающий район—Урал, Поволжье и Юго-Восток—был вреной самых ожесточенных схваток гражданской войны; именно на Волге произошло первое восстановление чехо-словаков, именно на Волге поднято было знаменитое восстание учредителей, в продолжение нескольких месяцев там сидело правительство Авксентьева (соц.-револ.). Вся эта область одно время была занята на севере Колчаком, на юге казачьими бандами, и, таким образом, весь этот район переходил из рук в руки, что, конечно, должно было в сильнейшей степени подорвать производительные силы района».

К этому мы можем добавить, что действительно в течение трех первых лет империалистической войны сбор урожая быстро падал. В пятилетие 1909—13 годов в среднем урожай в России (без Закавказья и Туркестана) равнялся 3.402 миллиону пудов, но уже в 1916 году он понизился на 366 миллионов пудов и упал до 3.036 миллионов пудов, а в 1917 году он упал еще ниже и достиг лишь 2.646 миллионов пудов, т. е. уменьшился на 390 миллионов пудов; следовательно, еще до октябрьской революции понижение в сборе хлеба выразилось в громадной цифре—в 756 миллионов пудов.

Громадная падения общей цифра сбора однако достигла в нынешнем, 1921 году. По данным Центрального Статистического Управления ожидаемый в нынешнем году валовой сбор главнейших хлебов по всей Советской России и Украине выразится в цифре 1.964 миллионов пудов, т. е. действительно всего около 50% того, что собирали до войны.

О положении в голодающих и пораженных неурожаем районах той же территории можно судить по следующим данным: ожидаемый валовой сбор главнейших хлебов в местностях, пораженных неурожаем, равняется 461 миллиону пудов; потребность в семенах 149 миллионов пудов, потребность населения 417 миллионов пудов, т. е. потребность общая—и в семенах и для потребления

—выражается цифрой в 566 миллионов пудов; дефицит следовательно равен 105 миллионам пудов.

Благодаря эпюму, создалась страшная опасность и для засева полей и для потребления населения.

Во многих местностях население питалось всякого рода суррогатами, болело и умирало.

Перед нами конкретная задача—покрыть дефицит в 105 миллионов пудов. Иначе будет в корне подорвано хозяйство богатейшего района, и население страшно пострадает.

На борьбу с этим бедствием необходимо было направить все силы; указанные цифры сами по себе говорят о необходимом масштабе борьбы.

Борьба с голодом.

Советское правительство сразу же всем громко и открыто объявило о грозящей опасности голода. Этот шаг Советского правительства находится в противоречии с той политикой, какую привыкли обычно видеть и которую проводили в подобных случаях в дореволюционное время в России и в буржуазных странах господствующие классы, всегда старавшиеся скрывать и замалчивать постигшие страну бедствие, неурожья лицевмерно называя «неурожаем» и успокаивая общественное мнение лживыми сведениями о размерах народного бедствия. Для буржуазно-помещичьего класса и его государственной власти подобная политика вполне естественна: она вытекает из самой его классовой сущности. Для помощи народу господствующий буржуазный класс не любит раскошеливаться.

Для рабоче-крестьянской власти, наоборот, важно немедленно же учесть всю глубину опасности, ибо это ее опасность, и все силы, все средства бросить на борьбу с нею.

Не запуская, а ярко вскрыть грозящее бедствие, оценить его и выступить с ним в борьбу—вот путь, по которому пошло Советское правительство.

Необходимо было, во-первых, борьбу с голодом поставить организованно и систематично; во-вторых: заметить и с наибольшей быстротой провести план борьбы.

В июле месяце при В. Ц. И. К. образуется «Центральная Комиссия Помощи Голодающим» под председательством тов. Калянина, которая берет в свои руки руководство всей работой по борьбе с голодом.

Ответственные товарищи, члены ВЦИК, командированы в голодающие губернии и в те губернии, в которых должны быть собраны семена для голодающих районов. На местах образуются такие же комиссии при местных советах.

Вся советская печать, все органы партийные и советские по агитации и пропаганде—ставят в центре своей работы освещение голода, призывы к борьбе с голодом.

Весь советский аппарат поворачивается фронтом на работу по борьбе с голодом.

* «Правда» № 198: «В местах голода».

системой протекционизма, Америка вступила в мировую войну, не имея торгового флота. В течение войны она построила себе колоссальный торговый флот, пользуясь золотым дождем военных цен и недостатком тоннажа. Что касается главных жизненных потребностей, она на ближайший период совершенно независима от общих конъюнктур, и ее пролетариат работает производственной пролетариата других стран. Что-же удивительного в том, что английский капитал с большим недоверием и подозрительностью следит за ростом Соединенных Штатов, предчувствуя, что здесь то и сидит его новый враг? Английская капиталистическая пресса, верная своей старой традиции—скрывать опасные для английской политики мысли, выказывает по отношению к Америке любовь и дружбу. Она даже празднует вместе с Америкой годовщину исторического поражения Англии,—отселения Соединенных Штатов.

Ллойд Джордж признал дружбу с Америкой главной основой внешней политики Англии. Философы английского либерализма, мудрейшие господа из «Nation» и «New Statesman» заявляют, что самая мысль о возможности англо-американской войны является полным абсурдом, так как американцы те-же англо-саксы. Но, с другой стороны, Уинстон Черчилль в парламенте указывает, что самая мысль о том, что Англия сделается морской державой *второго ранга* нестерпима, и что она не может ввязываться в Вашингтон для дружеских переговоров без военной программы, которая обеспечила бы ее на случай, когда стропил дружеские гримасы станут невозможны. *Англо-американская конкуренция — это важнейший факт мировой политики после-военного периода.* Конечно, конкуренция еще не обозначает войны. С того дня, как в «Saturday Review» было написано «*Continental delendum esse*» «прошло до дня «*S'era flow*» более 15-ти лет. Но опасность решения вопроса войной все же существует, и морские сооружения доказывают, что господствующий класс обеих стран понимает положение именно так, а не иначе. Мировая война сильно напугала имущие классы всего мира. Они ведут друг против друга непрерывные войны, но они, как чума, боятся *Войны*. Поэтому они делают все, чтобы экономическими и политическими миролюбивыми сделками привели свои интересы к одному знаменателю. «City» стремится к покою. Северо-Американские Штаты—это сознающий свою силу молодой аистина, который не утрачивает себя размышлениями и от времени до времени сильно наступил на мозоли своему старшему кузену. Ино одно, что даже их дипломатия, в которой купеческий «*common sense*» переживает с дипломатизмом студента Говердского университета, не настроена воинственно. Вопрос в том, где и когда столкнутся англо-американские интересы. Точками столкновения будут, несомненно, *восточная Азия и восточная Европа.*

Мы рассмотрим в другом месте эпизоды очерков весь комплекс восточно-европейских

вопросов, отношение отдельных стран—победителей к России. Здесь мы остановимся только на роли Японии.

Несмотря на освобождение от чести долгов и значительное развитие промышленности во время войны, несмотря на временное преодоление пассивности своего торгового баланса, Япония продолжает быть бедной страной. У нее нет в достаточной мере ответственных данных для роли первоклассной промышленной державы. Она слишком поздно перешла к капитализму, чтобы играть руководящую роль среди спарых капиталистических великих держав.

Источник ее относительной мощи заключается в том, что, будучи ближайшей соседкой восточно-азиатского континента, она сумела приобрести, на своем узком капиталистическом фундаменте, большую власть на суше и на море. Она использовала то время, в течение которого Англия находилась в антагонизме с Францией из за Северной Африки, когда Англия вынуждена была бороться за обладание южной Африкой и должна была концентрировать свое внимание на Северном море, она использовала время перехода Северо-Американских Соединенных Штатов к империализму, чтобы утвердиться в Китае, она использовала великую мировую войну для того, чтобы заручиться периферийными зонами в Китае и Сибири. Ей придется теперь бороться за уголь, железо и рис, которые можно добыть в Китае. Но после того, как Япония сделала ошибку и, несмотря на все свои дипломатические подготавливания этого шага в 1918 г., не решила перейти на сторону Германии и направить оружие против Америки, ей теперь придется при самых неблагоприятных условиях бороться за сохранение и использование приобретенных ею во время войны позиций. Америка не только располагает полной свободой действий, но у нее в руках есть также внушительный кулак, которым она может подстегивать задолжавших ей союзников. Она может использовать долги союзников для давления на них против Японии. Разговоры о труппе, который якобы изображает англо-японский союз, являются преувеличенными газетными фразами. Несмотря на враждебное отношение Канады, Австралии и южной Африки к союзу Англии с Японией, Англия не так легко откажется от этого союза. Когда г. Ллойд Джордж в своей большой речи в парламенте, в которой он доказывал от имперской конференции, с девятилетней миной спросил, чем дружба Англии с Японией может помешать дружбе с Америкой, то эпитет умный политик в свойственной ему лукавой форме хотел лишь дать понять, что Англия не намерена без дальнейших разговоров вынудить из рук японский козырьб. Г. Ллойд Джордж мечтал о «*брике впроам*», при котором он мог бы неснее прижать под стопом свою ногу к ножке прелестной гениш, чем к грубо обутым лапам дядя Сама. Это игра, означенная не что иное, как то, что Англия не хочет опоздать с использованием *Японии против*

Северо-Американских Соединенных Штатов, подобно тому, как она уже использовала ее в 1904 году против России; игра эта может привести к кризису в англо-американских отношениях.

Возможно, что «Foreign Office» пока даже не думает о такой опасной развязке, что оно только хочет использовать свои отношения с Японией как карту в дипломатической игре, в твердой уверенности, что, когда игра сделается серьезной, то всегда можно будет во время прекратить ее.

Но ведь и Германия заранее не собиралась идти вместе с Австрией влопоть до войны с Англией. Раз ружье заряжено, то никто не может поручиться за то, когда именно будет спущен курок. Беспристрастный историк лет через 20 придет, без сомнения, к тому выводу, что в 1914 г. ружья, так сказать, стали стрелять сами собой.

Если Япония является английским козырем против Северо-Американских Штатов, то Франция представляет собою американский козырь против Англии. Последние 3 года отмечены борьбой между Францией и Англией за гегемонию в Европе. После того, как союз России с Францией распался, последняя также висит в воздухе, как и Япония, или даже, пожалуй, еще в большей степени. Ее попытка добиться от Америки и Англии гарантий своих приобретений во время войны, потерпела полное фиаско. Англия согласна была дать эти гарантии только на том условии, что и Северо-Американские Соединенные Штаты согласятся взять эти гарантии на себя. Но Северо-Американские Соединенные Штаты не захотели связываться себя. Сенат не ратифицировал обязательств, принятых на себя Вильсоном. Версальский мир держится лишь на французских штыках. И вот, Франция стремится к созданию суррогата России. Польша, Чехо-Словакия, Румыния должны составить этот суррогат. Самую большую опасность для своих отношений к Германии Франция усматривает в возможности союза между Германией и Россией, будь то соглашение между революционной Германией и революционной Россией или же между русской и германской реставрациями. Поэтому ей необходимо расширить стену французских вассальных государств, включая в нее и Прибалтийские государства, чтобы совершенно отрезать Германию от России.

Французская гегемония в Европе представляет для Англии величайшую опасность, прежде всего угрожая тому миру, который должен дать Англии время для усиления ее мощи в Индии и Египте посредством либеральной империалистической политики (предоставление некоторых политических прав колониальной буржуазии). Она означает также величайшую экономическую опасность, так как Франция, для завоевания политической гегемонии, должна, с напряжением всех своих сил и даже свыше своих сил, во что бы то ни стало, поддерживать своих вассалов в экономическом отношении, а за это она в виде компенсации получает различные эконо-

мические преимущества, которые на деле отдадут всю промышленность вассальных стран в руки французских банков.

Политика Северо-Американских Соединенных Штатов по отношению к Европе пока еще находится в стадии исканий. Исход этих исканий в первую голову будет зависеть от того, решатся ли Северо-Американские Соединенные Штаты вести решительную политику расширения сферы своего влияния в Восточной Азии. Если Америка решится на это, то Германия станет для Северо-Американских Соединенных Штатов ареной для компенсации в мировой политике. Если же Америка придет к серьезным разногласиям с Англией, то она передаст эту арену компенсации Франции, чтобы обеспечить себе поддержку Франции в борьбе против Англии. Английская буржуазная пресса отлично знает, что она делает, нападая на французский милитаризм. Французский милитаризм угрожает теперь Англии все больше и больше. Он может сделаться для Англии гораздо более опасной угрозой, чем был в свое время германский. Франция—ближайшая соседка Англии. При современном развитии подводного флота, воздухоплавания и дальнобойной артиллерии, Франция, опираясь на Америку, могла бы не только блокировать Англию, но могла бы подумать и о вторжении в Англию.

III.

Таковы взаимоотношения победоносных капиталистических государств, которым теперь предстоит еще задача превратить в экономическую действительность,—в Центральной Европе, Средней Азии и Восточной Европе,—военные результаты войны.

Германская проблема, в экономическом отношении, весьма сложна. Германия осуждена союзниками на полное бессилие на суше и на море. Германский флот уничтожен. Германская сухопутная армия разоружена. Но после того, как германский флот был уничтожен и выявился англо-французский империализм, Англия теперь уже не так заинтересована в том, чтобы совершенно лишит Германию роли сильной континентальной державы, и в разногласиях союзников по поводу Германии Англия выступает лишь в качестве третейской судьи.

Она все время призывает Францию к умеренности и приобретает таким образом доверие в Германии, которое, при известных условиях, может оказаться фактором мировой политики. Если немецкая промышленность не будет окончательно уничтожена, или если Англия, при случае, снабдит Германию оружием, то Германия может еще в предстоящих конфликтах сыграть роль оружия в руках англичан, в борьбе против Франции, или же против России,—к чему мы еще вернемся.

В экономическом отношении, политика этих двух союзников, от которых зависит решение этого вопроса, полна неразрешимых

противоречий. Задача, которую ставит себе Франция по отношению к Германии, неразрешима, если Франция не поможет Германии развить свою промышленность под защитой французского оружия и с помощью французского капитала. Английский знаменательный финансовый вопрос, Мейнард Кейнс оспаривал мир несбалансированным открытием, что трудно продавать товары совершенно оборонному человеку; этим открытием он обнаружил только, в каком состоянии растерянности находится теперь капиталистический мир. Кейнс прав, когда утверждает, что Германия в течение ближайшего времени, окажется неспособной выполнить взятые на себя обязательства. Действительно, эти обязательства невыполнимы, — лишь при том условии, что французская и германская захваченная Францией железная руда будет объединена с немецким углем. Только создание французско-немецкого экономического треста может настолько повысить производительность Германии, что она в состоянии будет выполнить взятые на себя обязательства. Но этому плану противопоставляют милитаристические круги Франции и капиталистические круги Англии.

Военная партия во Франции находится под влиянием страха восстановления Германии. Она при этом считается с численными превосходством населения Германии и с ее превосходной экономической организацией. Германия, которая была бы способна выполнить свои экономические обязательства по отношению к Франции, являясь бы наиболее сильной стороной в союзе и могла бы, окружив, порвать союз и выступить — самостоятельно или совместно с другими новыми союзниками, — против Франции. Французская военная партия стремится к распылению Германии, к установлению границ по Рейну и к созданию из Баварии и Немецкой Австрии католического государства, которое было бы орудием в руках Франции. Невозможность выполнения ультиматума от 5-го мая послужит для французской военной партии поводом для того, чтобы, если это позволят общие условия, отменить Версальский мир и осуществить мир Клемансо. Этой политике противятся некоторые руководящие финансовые круги во главе с Алуэром и Сейбу. Их единодушными в Германии являются представителями обрабатывающей промышленности, руководимые Рапену, но стоит только обнаружиться малейшему сближению между немецкими и французскими капиталистическими кругами, как Англия начинает пускаться в ход все средства для того, чтобы помешать ему. При этом она не ограничивается одним секретными интригами с целью приравнять к себе немецкую тяжёлую индустрию. Она сурово пренебрегает от Франции «информации» относительно ее самостоятельных переговоров с Германией. Любопытная английская политика по отношению к Германии противоречит тому представлению о ней, которое стремится создать английская дипломатия речами своих представителей. Ллойд Джордж,

у которого всегда есть наготове словечко, достойное Козьмы Прутков, заявил недавно, что по отношению к Германии возможны два политических метода: или доить корову или зарезать ее на бифштекс. Но тем, что Англия неоднократно позволяла Франции вырезать бифштексы из немецкой коровы, она показала, что она не очень то желала бы, чтобы Франция доила эту корову — разве только если, в противоположность философии Ллойд Джорджа, английская дипломатия предполагает, что можно одновременно и доить корову и жарить из нее бифштексы. Все эти противоречия в политике союзников по отношению к Германии, в политике, которая толкает эту страну к политическому и экономическому развалу или к пролетарской революции, являются лишь выражением глубоких противоречий мировой политики, обращающих лагеря союзников в очаг новой войны.

IV.

Отношения союзников к Советской России носят еще более сложный характер. Советская Россия является не объектом мировой политики, а активным ее фактором. Этому она обязана животворящей силе идеи пролетарской революции, кулакам и штабам Красной Армии и огромной своей территории. Сложность отношения союзников и Советской России увеличивается еще и тем, что Россия является одновременно и европейской и азиатской страной. Политика союзников по отношению к России никогда не была единой. Уже во время блокады России и организации белых контр-революционных армий Антантой обнаруживались в политике союзников два различных течения. Франция проводила политику уничтожения Советской России. Она поступала так не только из-за 20 миллиардов франков, которые задажали Франции царское правительство и Керенский и которые белые обязались уплатить, но и потому также, что ей, в лице великой белой России, жаль было иметь живую гарантию полного покаяния Германии. При этом она не считалась с тем, что нельзя заранее определить, какая будет политика белой России по отношению к Германии и что очень возможно, что белая Россия для того, чтобы добиться от союзников большего внимания к своим интересам в Константинополе и на Тихом океане, будет искать сближения с Германией. Французские политики были уверены, что податливая белых, они предотвращают эту опасность. Наоборот, в Англии течение, поддерживающее политику насильственного уничтожения Советской России, было слабее, несмотря на барабанные речи Черчилля, отстаивавшего эту точку зрения. Не только пон «Манчестер Гардиен» и «Дейли Ньюс» обнаруживал, что торговые круги Англии отнюдь не разделяют увлечения империалистской политикой, но и назначение в момент решающей борьбы министром иностранных дел лорда Керзона, доказывало, что

азиатские интересы Англии являются слабым препятствием для проведения политики Уинстона Черчилля. Английское правительство делало вид, якобы оно очень боится, чтобы революционные идеи из России не были бы занесены в восточные страны, в первую очередь, в Индию. Но в действительности, издавшие на своем веку виды джентльмены из английского министерства иностранных дел держались того мнения, что идеи далеко не так опасны, как пушки. Ведь не запретили же они до сих пор распространения в Индии книг английских либералов, несмотря на то, что эти книги имеют для молодой индусской буржуазии гораздо большую притягательную силу, чем коммунизм, проповедывающий экспроприацию буржуазии. Что же касается оружия, то, по убеждению г.г. Никольсона и Керзона, белая Россия могла бы располагать большими запасами его, чем Советская Россия, так как она могла бы рассчитывать в этом отношении и на Шнейдера-Крезо и на Bethlehem Steel Corporation. Индийская школа лондонского министерства иностранных дел, которая рассматривает весь мир, как гласис, ведущий к стенам Индии, боится, что как только белая Россия окрепнет, она устремит все свое внимание на Центральную Азию. Поэтому г. Керзон оставил политику лорда Биконсфайлда, политику ослабления России, как таковой. Он поддерживает белых лишь настолько, чтобы ослабить Советскую Россию, но вместе с тем и не настолько, чтобы белые могли победить.

Эти разногласия в лагере белых были одной из причин, — сгвоздившей при том не последнюю роль, — победы Советской России над интервенцией белых. После уничтожения банд Деникина, течение Ллойд Джорджа — Керзона взяло в Англии верх над течением Черчилля. В продолжение года Англия вела с Советской Россией переговоры о торговом соглашении, и в этой медлительности сказывалось противодействующее влияние интервенционистских кругов. Но, наконец, этот договор был заключен в марте с. г., договор, означавший признание Советского правительства. Цель, преследуемая Англией заключением этого договора, наиболее определенно была высказана в речи Ллойда Джорджа, произнесенной им 16 августа; в этой речи он по поводу голода в России развивал план, обозначающий не что иное, как попытку создать экономическую монополию Англии в России. С самого начала было ясно, что Россия, ослабленная империалистической и гражданской войной, не имеет пока ни достаточно сырья для вывоза, ни достаточно средств для удовлетворения своих потребностей годовыми товарами. Ллойд Джордж развивал поэтому план предоставления кредитов английским фирмам, экспортирующим в Россию товары и там обменивающим их, посредством собственного аппарата, на хлеб. Этот план, если он был бы осуществлен, позволял бы Англии непосредственно вмешаться в русскую экономическую жизнь, что

при отсутствии торговых договоров России с Францией и Америкой, означало бы фактическую монополию Англии в России.

Недавно опубликованная дипломатическая корреспонденция между Англией и Францией относительно переговоров с Россией, доказывает, что Англия далеко не стремилась к тому, чтобы энергично бороться с империенионистским течением во Франции, что, наоборот, она делает со своей стороны все для того, чтобы затруднить победу существующей и во Франции слабой тенденции к сближению с Советской Россией. В конце ноября 1920 г. Франция обратилась к Антанте с нотой, в которой она указывает, как на условие вступления в переговоры с Россией, на признание Советской Россией французского долга, но одновременно заявляет, что французское правительство опадает себе полный отчет в том, что Советская Россия в течение ближайшего времени не в состоянии будет начать уплату своего долга. Нота эта говорит о необходимости рассмотрения условий, при которых платежеспособность России повысилась бы, но во всей ноте нет ни одного слова о принципиальном отказе от переговоров с Советской Россией. Несмотря на неоднократные запросы французского правительства, английское правительство в течение нескольких месяцев не удостоилось ответить на французскую ноту. Только после заключения торгового договора с Россией, Англия ответила французскому правительству холодным приглашением присоединиться к этому договору, т. е. приглашением отказаться от самостоятельных переговоров и самостоятельной роли по отношению к России. Конечно, смешно было бы считать Францию жертвой английской политики, недвоящей ей воити в сношения с Россией. Если бы французское правительство твердо решило достигнуть соглашения с Советской Россией, оно нашло бы средства и пути, для того чтобы вступить в самостоятельные переговоры с Советской Россией. Во Франции все время борются два течения: надежда на уничтожение Советской России и прорабски понимание, что эта надежда не имеет под собой никакой почвы. Последнее течение это и теперь не победило во Франции; голод в России снова вызвал к жизни планы вмешательства в дела России. Но не подлежит никакому сомнению, что Англия и павшем не пошевельнет для того, чтобы служить посредником между Францией и Россией, что, наоборот, она хочет быть «наедине» с Россией, для того чтобы держать ее в руках и, отпуская ей займы небольшими порциями, рассчитывать на то, чтобы поддерживать ее в состоянии полной расшатанности до тех пор, пока не укреплится положение Англии в Индии и не будет разрешен турецкий вопрос.

Несмысленно остается отношение Соединенных Штатов Америки к России. Уже политика Вильсона все время склонялась в сторону сближения с Советской Россией, — сближения, имевшего целью обеспечить русский рынок для развившейся до огромных размеров американской

В отношении плана борьбы с голодом Советское правительство подошло к этому делу не с филантропической стороны, а с хозяйственной. В первую очередь, надо было позаботиться о производственном положении в голодающих районах и прежде всего обеспечить крестьян голодающих местностей семенами для засева озимых полей.

Ясно, что, если не прийти немедленно же на помощь крестьянскому хозяйству, то бедствие в будущем году будет в тысячу раз больше, чем в настоящем. Необходимо было во что бы то ни стало помочь сельско-хозяйственному населению засеять свои поля. Собрать семена в течение августа и первых чисел сентября и отправить их в Поволжье — таково было боевое задание, данное ВЦИК всем местным органам.

Как справился Советский аппарат с этим первым шагом, можно видеть из официального заявления, помещенного от имени Центральной Комиссии Помощи Голодающим при ВЦИК в печати 16 сентября:

«Выяснившийся во второй половине июля неурожай в ряде губерний Поволжья и Урала, — говорится в этом заявлении, — в связи с полным отсутствием в распоряжении Наркомпрода в данный момент каких либо запасов озимых семян, поставил перед Центральной Комиссией Помощи Голодающим задачу — принять ряд экстренных мер к доставке в голодающие районы возможно большего количества озимого семенного материала.

Предварительное обсуждение размеров нужды в Совете Народных Комиссаров, в Госплане и в Центральной Комиссии Помощи Голодающим дало возможность определить задание в 12.000.000 (двенадцать миллионов) пудов зерна, которое должно было быть переброшено в голодающие районы в промежуток от уборки нового урожая до срока посева, т. е. приблизительно в течение одного месяца... Ныне семенная кампания может считаться законченной. Итоги напряженной работы соответствующих ведомств выразилась в следующих цифрах: по тринадцатое сентября получено и отправлено в голодающие районы всего 13.400.000 пудов, вместо предполагаемых 12.000.000 пудов.

Из оправленных 13.400.000 пудов большая часть уже прибыла в голодающие районы и обращена на засев, небольшая часть находится по пути к голодающим губерниям и несомненно попадет на место до окончания срока посева.

Таким образом, Центральная Комиссия Помощи Голодающим констатирует, что основное задание, поставленное ею в деле оказания помощи голодающим районам при несомненно тяжелых условиях, благодаря напряжению сил и быстрому приспособлению отдельных ведомств к неожиданно возникшим задачам — выполнено.

Действительно, собраны и отправлены 13 миллионов семян (из них 2 миллиона было куплено за границей) в неспоящих условиях

было крайне тяжело, и это явилось крупной победой на фронте борьбы с голодом.

Снабжение семенами голодающего района мы считаем первым важным шагом в деле борьбы с голодом. Кроме того, был предпринят ряд шагов по облегчению положения голодающего района путем специальных отчислений продовольствия для голодающих Организацией Добровольного Сбора, не говоря, конечно, о том, что всякие государственные налоги были с них сняты, а то, что возможно было зонировать внутри этих районов, — обращено на их же нужды.

Наконец, часть голодающих была вывезена и расселена по другим губерниям, где им оказывалась соответствующая помощь.

Таким образом, мы видим, что борьба с голодом была организована, как дело всех рабочих и всех крестьян Советской России.

Но эта борьба только еще началась, сделаны пока только первоначальные шаги. Советская власть вполне отчетливо себе отчет, что своими силами и средствами, с помощью тех ресурсов, какие у ней имеются, она этой задаче полностью разрешить не сможет.

Поэтому необходима была помощь *наше*, в первую голову от рабочих и крестьян других стран.

Организацию борьбы с голодом надо было строить в международном масштабе.

Самое тяжелое, самое трудное еще впереди.

Поддержку в борьбе с голодом Советская Россия получила прежде всего от мирового пролетариата. На призыв Исполкома Коммунистического Интернационала откликнулись рабочие организации буквально всего мира. Поддержка выразилась в сборе пожертвований, в отчислении из заработной платы, в организации широкой агитации по поводу помощи Советской России.

Мы не имеем еще полной сводки о всей произведенной работе, но, что имеем, ясно и определенно говорит о глубине и широте движения, а также о классовой солидарности, проявленной в данном случае.

Коммунистические партии во всех странах, согласно призыву Коминтерна, развили активную деятельность помощи Советской России.

Завезли неспроста фактами, как фабрики, заводы и даже мелкие предприятия откликнулись на этот призыв.

Приведем несколько примеров.

В Германии: «Общее собрание союза строительных рабочих Золингенского района постановило работать в пользу голодающих один лишний, сверхурочный час в неделю.

Рабочие фабрики Браун и Сын в Дортмунде постановили: пожертвовать в пользу голодающих заработную плату за один рабочий день.

Женские рабочие с тремя и более детьми жертвуют половину своей дневной заработной платы.

«Рабочие предприятий Шварцкопфа постановили работать в пользу голодающих два воскресенья» («Роте Фане» от 17 августа).

«Рабочие обувной фабрики Гауейзен (Бюртемберг) постановили отчислить в пользу голодающих заработную плату за 5 рабочих часов. На образовавшуюся сумму (около 49.000 марок) будут куплены для посылки в Россию ботинок» («Лейцигер Фолькцейтунг» от 20 августа).

В Италии. «Палата Труда в Кастельфранко Весте установила для своих членов взнос в пользу голодающих 10 лир» («Аванти» от 17 августа).

В Брешин члены социалистических организаций отчислили в пользу голодающих однодневный заработок. Союз кооператоров в Брешин пожертвовал 3.980 лир. («Аванти» 21 августа).

Чехо-Словакия. «Состоявшееся 2 августа собрание представителей всех социалистических партий, профсоюзов, трудовых производственных кооперативов, без различия национальностей, постановило призвать организованных рабочих Чехо-Словакии в течение четырех недель отчислять в пользу голодающих заработную плату одного часа в неделю. Постановлено также открыть прием пожертвований. Выпущено соответствующее воззвание» («Коммунист» 9 августа).

Америка. По сообщению газеты «Нью-Йорк Колл» от 12 августа, на 13 августа назначена в Бостоне конференция от 100 рабочих организаций, созванная в ответ на воззвание Ленина по инициативе Массачусетской Окружной Организации «Arbeiter Ring» для обсуждения мер скорейшей помощи голодающим. От американских рабочих получено уже в Советской России 500.000 долларов.

Дания. Датская Коммунистическая Партия объявила 18 августа днем помощи России и предлагает рабочим пожертвовать в пользу голодающих весь заработок за этот день («Роте Фане»).

Швеция. Стокгольмские металлисты объявили с 15 по 21 августа «неделю помощи русским голодающим» («Соц. Дем.» 16 авг.).

Франция. Французская Коммунистическая Партия постановила предложить своим членам и всем другим рабочим отчислить однодневный заработок в пользу голодающих Советской России («Юманите» от 3 и 4 августа).

«Союз башмачников предложил всем башмачникам, состоящим и не состоящим в союзе, отчислить в пользу голодающих России однодневный заработок (в 22—23 франка); сверх того союз пожертвовал 1.000 франков, собранных по подписке» («Юманите» по 7 августа).

Англия. «Сессия Совета Национальной Федерации Всеобщего Союза Рабочих постановила призвать организованных рабочих к оказанию всяческой денежной и материальной помощи голодающим в Советской России» («Дейли Геральд» от 20 августа).

«Исполнительный Комитет Социал-демократической Федерации постановил обратиться к правительству с требованием оказать немедленную помощь голодающим России» («Дейли Геральд» от 16 августа).

«Национальный Совет Независимой Рабочей Партии выпустил обращение ко всем партийным секциям с требованием организовать специальную сбор в пользу голодающих Советской России и провести соответствующую митинговую кампанию» («Дейли Геральд»).

«Исполнительный Комитет Великобритании Коммунистической Партии постановил мобилизовать все партийные силы на помощь голодающим русским товарищам. Секциям партии предложено организовать специальную «неделю помощи России», произвести сбор пожертвований и провести ряд митингов на тему о помощи. Постановлено также обратиться к другим организациям рабочего, кооперативного и социалистического характера с приглашением объединить свои силы в деле помощи голодающей России» («Дейли Геральд» от 4 авг.).

Таков обзор данных на протяжении только 2—3 недель. Эти факты вполне определенно говорят о том настроении, каким охвачен рабочий класс во всех странах. Здесь не на словах, а на деле мы видим проявление настоящей классовой солидарности. Это та именно реальная и ценная поддержка, которая нужна Советской России. Вместе с тем, эта помощь является реальной поддержкой и для голодающих Советской России.

На помощь в борьбе с голодом пришел и ряд буржуазных государств.

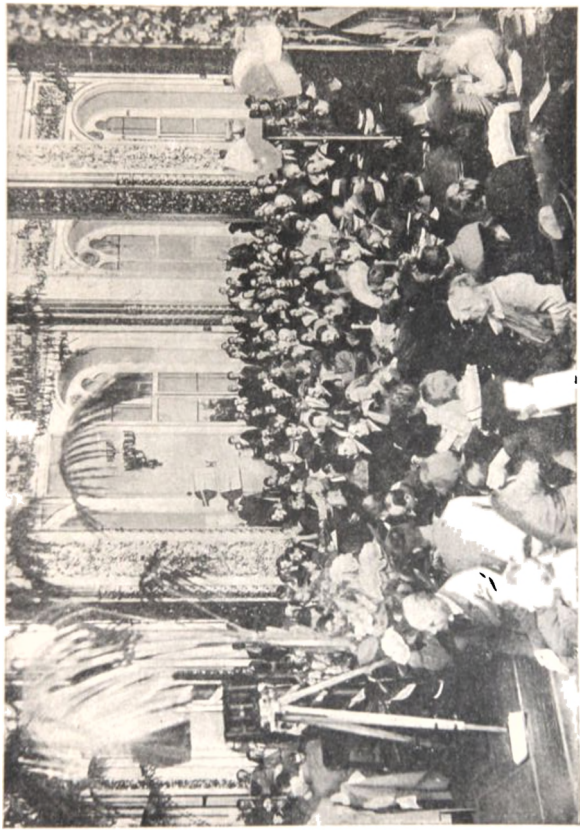
Весь буржуазный мир заговорил о голоде в России. Как и полагается, буржуазией было сказано много громких слов о человеколюбии и подобных хороших вещах.

Но в этом вопросе вполне естественно буржуазия пошла путями, которые диктовались ее классовыми интересами. И так как интересы буржуазии различных стран в области экономических отношений с Советской Россией резко отличаются между собой, то, естественно, и пути оказались разными.

Часть буржуазных государств пришла с реальной помощью голодающим Советской России. Таковы страны: Германия, Америка, Швеция, Норвегия, Эстония.

Другая часть начала строить контр-революционные планы и подготавливать борьбу с Советской Россией, таковы: Франция, Польша, Румыния и некоторые другие. О голоде и контр-революционных замыслах мы будем говорить ниже, пока же остановимся на рассмотрении методов и размеров той помощи, какую оказывает первая группа указанных буржуазных государств.

Мировой экономический кризис еще раньше, как известно, толкнул ряд буржуазных государств к экономическим отношениям с Советской Россией. Даже буржуазными экономистами и политиками признается огромная роль России в мировом хозяйстве.

III Конгресс Коммуниста. Постороннее заседание Конгресса.

Экономическое восстановление России необходимо для всего мирового хозяйства. С другой стороны, стремление завязать более тесные экономические связи с Россией, проливающим на ее рынок побуждают к целому ряду шагов, которые давали бы эту возможность.

Поэтому, не наиболее передовые и устойчивые капиталистические страны, которые еще раньше вошли в экономические отношения с Советской Россией, вполне естественно, идут теперь по пути закрепления и расширения их и отсюда выходят на путь непосредственной помощи голодающим.

Они понимают, что помощь голодающим даст возможность Советской России экономически пережить трудное положение и в силу этого вступить с ними в более широкие экономические отношения, которые дадут выгоды, значительно покрывающие ту помощь, какую они сейчас окажут. Таковы внутренние движущие пружины этой помощи.

Форма ее состоит пока исключительно в поставке продовольствия в голодающие местности. Помощь оказывается на основе тех договоров, которые заключила Советская власть с Хансеном и Гувером. Попытки Хансена поставить помощь голодающим на более широкие рельсы и с помощью специального займа закупить и вывезти большие количества продовольствия — пока не дали реальных результатов.

Если, таким образом, одна часть буржуазного мира в силу указанных условий шла на помощь в борьбе с голодом, какую ведет Советская Россия, то другая всяка работу по использованию этого голода для подготовки новых ударов против Советской России. Таким образом, в борьбе с голодом Советской России приходится преодолевать не только всю ту страшную тяжесть, какую принес голод, но и быть готовой к борьбе с той опасностью, которую ей готовят ее враги по ту сторону границы.

«Мы не фантазеры, а реалисты вооруженной борьбы, которая требует гораздо меньших средств, чем накормление десятков миллионов голодающих...», заявляют русские белогвардейцы.

Конечно все эти «реалисты» вооруженной борьбы», г.г. Бурцель, Александр Яблоцкий, Перухин и ш. п., имеют значение не сами по себе, а лишь как отголоски тех чванливых, как живут в контр-революционных кругах.

Формулировку этих надежд мы получили здесь действительно «ясную», между тем как в Милковских «Последних Новостях» и в эсерской «Воле России» мы по же самое находим в прикритой и запущенной форме.

В июле месяце в Советской России организовался Всероссийский Комитет Помощи Голодающим». В его состав вошли, главным образом, буржуазные лица. В своем стремлении привлечь всех и каждого к борьбе с голодом Советская власть не побоялась создать центральную организацию из лиц, знающих ее чуждых, но которые могут быть

полезны в деле помощи голодающим. Комитет был создан, причем главную роль в нем играли Кишкин, Головин, Прокопович, Кусков и др.

В организации этого Комитета контр-революция увидела ценней, вокруг которого можно было объединить свои силы как внутри России, так и за границей.

Милковская газета «Последние Новости» 11 августа писала: «В России коалиция осуществилась, хотя и в ограниченной форме. Общественный Комитет Помощи Голодающим свидетельствует об этом достаточно наглядно. Можем быть, и несвоевременны и слишком преувеличены разговоры о том, что этот Комитет послужит началом будущего правительства. Но те силы, которые заставили людей различных партий объединиться для общественной работы, заставят их объединиться и для правительственной работы (ст. «Нелишний Урок»).

Зашевелилась вся белогвардейская эмиграция всяких оттенков и цветов: кадеты, монархисты, с.-р. и ш. а.

Всероссийский Комитет Помощи Голодающим превращается в центр политической борьбы.

Распуск Комитета вследствие отказа его членов выехать для работы на места в голодающие губернии и, наоборот, явного стремления их переправиться за границу, встает части членов Комитета, произведенный Советской властью, — все это разрушило организационную работу контр-революции с этой стороны. Ценнейшей контр-революционных условий переносится на подготовку вооруженного нападения против Советской России.

Выше мы указывали, что имеется группа буржуазных государств, во главе с Францией, все время ведущая крайне агрессивную политику в отношении Советской России. Франция была заспредельницей всякого рода империалистических замыслов. Более отсталая в экономическом отношении, чем другие крупные капиталистические государства, посправившаяся в сильной степени от войны, находящаяся на краю финансового банкротства, — она ведет наглую политику зарвавшегося хищника, стремящегося поживиться, где только можно.

Она подчинила себе Польшу и Румынию, что дает ей возможность большей изоляции Германии, а с другой стороны — представляет удобную почву для всякого рода авантюры по отношению к Советской России.

Голод явился для Франции моментом, который она считала выгодным для политического шантажа.

Конечно, лицемерие есть добродетель всех буржуазных политиков: под влиянием Франции создается при Лиге Наций Международная Комиссия Помощи Голодающим в России под председательством закаляющего врага Советской России, инициатора многих контр-революционных заговоров — Пуанкаре.

Комиссия, вместо помощи, поставила себе более чем странную цель: произвести подробное анкетное обследование Советской России.

Неизвестно, какую дозу наивности предполагала она найти у Советского правительства, когда обратилась с таким издевательским предложением.

Когда Советское правительство ответило решительным отказом пускить этих господ для производства «анкет» и «спрашивательских исследований» — карты были откриты в еще большей степени.

К этому времени уже образуются белогвардейские отряды Савинкова и Пеплюры в Польше и Румынии, переходят кое-где границу и нападениями стараются внести дезорганизацию в работу по сбору налога и отправки семян в голодающие места.

Сами по себе эти отряды ничтожны и вызывают у населения лишь озлобление. Советское правительство энергично протестует и требует, чтобы правительства Польши и Румынии приняли меры к прекращению этих нападений и к высылке контр-революционных штабов, легально действующих на их территории. За этими первыми налетами последовали дальнейшие. Под давлением Франции — правительства Польши представляет Советскому правительству ультиматум о выполнении некоторых статей рижского договора. Самое содержание и форма ультиматума явно говорят о скрытой цели.

Франция усиленно организует новый нажим капиталистических государств на Советскую Россию, используя для этой цели мелкие окрестные государства и рассчитывая их руками пустить в ход новую кровавую авантюру.

Таково развитие контр-революции вокруг голода в Советской России. С этой опасностью приходится серьезно считаться и ей необходимо противопоставить как все внутренние силы Советской России, так и силы международного пролетариата.

Заключение.

Общий подъем хозяйственной жизни Советской России — является наиболее радикальным средством борьбы с голодом.

Непосредственная помощь голодающему населению — имеет, конечно, огромное значение. Но центр тяжести лежит в общем экономическом подеме страны, в улучшении ее техники, в развитии производства.

Поднять производство во что бы то ни стало — было всегда целью и Советской власти, и коммунистической партии, и профессиональных союзов, с самого же начала, тотчас же после переворота.

Препятствием к этому являлась та война, которую пришлось вести Советской власти с врагами, нападавшими на нее со всех сторон.

С начала 1921 года, когда положение изменилось, — сделал поворот всей экономической политики, сущность которого заключается в предоставлении широкой производственной инициативы и самостоятельности.

Поставлены определенные задачи подема крупной государственной промышленности силами и средствами государства и сдвига мелкой промышленности с мертвой точки путем предоставления широких прав мелкому производителю.

Враги Советской России тряпчат немало усилий на то, чтобы помешать ей улучшить свое экономическое положение; запутавшийся в противоречиях мировой капитал с одной стороны старается завязать экономические отношения с Советской Россией, но с другой — пользуется каждым удобным случаем, чтобы повредить ей.

Проявление этой противоречивой политики мы видим и теперь, во время голода, когда помощь некоторых капиталистических стран идет рука об руку с попытками нанести новый удар Советской России и спекулировать на голоде для новой очерочной авантюры.

Но мировой пролетариат и пролетариат России сумеют пустить все силы в ход, чтобы не дать «костлявой руке голода» и жирной руке капиталистических авантюристов схватить за горло Советскую Россию.

В. МИЛЮТИН.

ПОВОРОТ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ.

До марта месяца 1921 г. казалось, что экономическая политика России по прямой линии дойдет до вовлечения всего производства в обще-государственное хозяйство. Еще в декабре 1920 г. появился декрет о национализации промышленных предприятий с 5—10 рабочими. В марте 1921 г. наступила резкая поворот. Была отменена система принудительной сдачи всего зерна; ее заменили умеренный натуральный налог. Одновременно крестьянам было разрешено, после уплаты налога, свободно распоряжаться всеми продуктами своего труда. Ясно, что это означало полное восстановление торговли, частного предпринимательства. В Советской России снова можно наживать состояния, учреждать фабрики, нанимать рабочих, торговать, как в любой буржуазной стране.

Если кто меняет направление своей политики, то это значит, что свою прежнюю политику он признает теперь неправильной. Но это может иметь двоякий смысл: или прежняя политика была неправильной, т. е. построена была на неправильной оценке отношений между классами, или же, что в самих этих отношениях, в предположениях, на которых была построена политика, произошло изменение; в этом последнем случае политика была исторически правильной! Буржуазия и социал-демократическая пресса стараются доказать, что прежняя политика коммунистов была ошибочной. Нам кажется, однако, что эта политика была исторически вполне правильной.

Цель ее — поддержание диктатуры пролетариата, этой необходимой политической предпосылки для перехода к социализму, была осуществима лишь при той политике, которая проводилась до сих пор. Той же цели служат и новая политика, вполне сообразующаяся с изменившимися отношениями классов. Ленин ясно и рельефно заявил:

«Либо мы должны экономически удовлетворить среднее крестьянство и пойти на свободу оборота, либо мы не сможем сохранить власть пролетариата в России, при разделении международной революции, экономически не сможем. Это надо ясно сознать и насколько не бояться об этом говорить»).*

Чтобы использовать неоспоримый опыт русских товарищей для пролетариата всего

мира, мы должны установить, в какой мере эта политика является необходимым следствием самой диктатуры, как таковой, и будет повториться поэтому при всякой диктатуре, и в какой мере она возможна из особых условий русской диктатуры? Конечно, мы можем здесь дать только общий набросок**).

Необходимые предварительные условия для диктатуры пролетариата в России.

Первая диктатура пролетариата, первая возможность перехода к социализму, возникла не там и не тогда, где и когда лучше всего развились в lone старого общества условия для возникновения нового; это произошло в этой стране, где господствующие классы могли противопоставить напisku пролетариата наименьшее сопротивление, а именно — в России.

Какими особыми причинами вызвано было это явление?

Нам кажется, что причины эти кроются в совершенно своеобразном сочетании до-капиталистических и высоко-капиталистических элементов в хозяйственной и общественной строе России.

До-капиталистический был весь строй хозяйства и общества, перенес сельское хозяйство, незначительная плотность населения; слабо развитые пути сообщения; незначительное развитие товарообмена в деревне; несильный обмен между сельским хозяйством и мелкой промышленностью.

В общественной надстройке: феодальный абсолютизм. Рабочие массы лишены всех политических прав. У крестьян лишь развитого классового самосознания. Сильные остатки феодализма в виде общинного землевладения (мир). Освобождение крестьян совершилось не революционным путем, поэтому, несмотря на формальное освобождение, они фактически оставались в полной зависимости от дворянства и феодального государства. Сильное влияние церкви. Безграмотность.

До-капиталистический — крестьянское сельское хозяйство. Отсутствие частной собственности на землю. Периодические подушные платежи всей общинной землей. Отсталое трехпольное хозяйство. Средневековый незначительный

**) Этот набросок мы в изобилии снабдили статистическими материалами в задунайной части книги о Голландии России. Он имеет в виду, главным образом, центральную часть Европейской России, несущую решающее значение для революции. На окраинах развитие шло несколько быстрее. На Украине — сильное дифференциация деревни, Сибирь — колониальная страна, изобилующая землей с экспансивным хозяйством и значительным употреблением машин и т. д.

*) Речь Ленина на съезде Р. К. П. в марте 1921 г. По изложению в Русской Корреспонденции, март — апрель 1921 г. Этот журнал содержит великолепный материал по этому вопросу. (Курсив наш).

урожай. Сильная тенденция производить для собственного потребления. Периодически, повторяющиеся неурожай и голодовки, несмотря на слабую населенность, вследствие примитивного характера сельского хозяйства. Земельный голод. Крупные поместья, и, наряду с этим, ничтожное число крупных хозяйств: господская земля главным образом сдаётся в аренду крестьянам. Дифференциация крестьянского населения, развитие зажиточного слоя крестьян — лишь в первой стадии, в результате аграрной реформы Сполдына.

До-капиталистическое сельское ремесло, крестьянская кустарная промышленность, розповсюждено в деревне, первоначальное накопление торгового капитала.

В эту до-капиталистическую, крестьянскую основу с соответствующим феодално-аристократическим государственным строем, вступают *высоко капиталистические элементы*. Чудовищно дорогой милитаризм, громадные войска с новейшим вооружением, стоимость которого вряд ли по карману до-капиталистическому крестьянскому хозяйству. Огромный вывоз предметов первой необходимости и голодовки крестьяне. Новейшая крупная промышленность, основанная главным образом на иностранных капиталах, сконцентрированная в большей степени, чем почти во всей остальной Европе, поставяет снаряжение для войска, удовлетворяет потребности крестьянской массы, для каждого опасного лица минимальные, но, по количеству на 130 миллионов, все же представляющие весьма внушительную цифру; эта промышленность является даже по отношению к еще более отсталому Востоку экспортером и обнаруживает *признаки империализма*. Соответствующая эпохе социальная надстройка: скудный в немногих центрах только что нарождающийся крупно-промышленный пролетариат.

Этих рабочих держат в интересах капиталистов в черном теле, применяя при этом грубые средства феодалного господства. Сами капиталисты, как класс, отстранены от управления страной. Империализм преследует и, так как нет буржуазного революционного движения, участвует в революционном рабочем движении. Его толкают на это гонения правительства. Противоречия между высоко-капиталистической промышленностью и феодалным строем государства: легальная организация промышленных рабочих подавляется, почти также профессиональное и политическое движение; в результате, по необходимости, развивается *незаконная революционная рабочая партия и незаконное рабочее движение*.

Резюмируем: двойственная структура общества, до-капиталистические элементы рядом с высоко-капиталистическими, отсутствие переходных слоев средней буржуазии и капиталистического крестьянства; крайние точки правящий слой; малозначущая участия в правительстве — демократические учрежде-

ния — почти совершенно отсутствуют. Страна, в которой не было буржуазной революции, страна, в которой крупная буржуазия была реакционной с самого дня своего рождения и поэтому не способна произвести буржуазную революцию. Подавляющее большинство населения — крестьянство, политически пассивное, лишенное почти совершенно классового сознания. Крупно-промышленный пролетариат скучен в немногих, политически значительных пунктах, в крупных городах, угнетен, революционизирован, обладает в лице коммунистической партии решительным авангардом. Условия, не существующие ни в какой другой стране во всем мире. С таким двойственным хозяйственным и общественным строем Россия вступает в войну. Слабый хозяйственный фундамент не в состоянии был вынести бремени войны. Поражения потрясли престиж и могущество феодалной, абсолютистской системы управления. Царь вынужден был отречься. Буржуазия пытается в период Керенского руководить в качестве правящего класса судьбами страны; ее поддерживают Антанты, крупные помещики, различные социалистически-буржуазные партии (меньшевики, социалисты-революционеры). Но буржуазная революция не могла развиться за отсутствием широкого буржуазного класса, и поэтому правящая крупная буржуазия оказалась лицом к лицу с натиском революционного пролетариата. В крестьянстве буржуазное правительство тоже не могло найти твердой опоры: крестьяне прежде всего ждали мира, а затем удовлетворения своего земельного голода путем безвозмездного раздела крупного землевладения. И то и другое — требования, которых никакое буржуазное правительство исполнить не могло. При всеобщем недовольстве политикой буржуазного правительства власть почти без сопротивления была завоевана революционным пролетариатом под предводительством коммунистов.

Социальные основы диктатуры.

Социальной основой диктатуры в России был и есть союз *промышленного пролетариата с крестьянством*. При малочисленности промышленного пролетариата, при скудности его в нескольких промышленных районах, диктатура пролетариата могла опираться только на крестьянские массы. Классовый союз на первых порах был заключен со всем крестьянством в его целом, не считаясь с существовавшим внутри его различными слоями крестьян: большеков, средних и деревенской бедноты. Союз был заключен для общей борьбы против помещиков и буржуазии. Согласно с естественной географической ситуацией, рабочие звали крупные фабрики и заводы, пути сообщения, крупные банки, крестьяне же господские земли. Завладение различным экономическому развитию пролетариата и крестьянства. Рабочие захватили сообща для пролетарского государства те

крупные промышленные предприятия, которые могли быть использованы только общим трудом. Крестьяне разданы между собой землю, скот, машины крестьянами-эвархическим способом; во многих местах они разорвали, поджигали барские поместья.

Для богатых крестьян революция закончилась с захватом господских земель. За это время пролетариат успел организовать и укрепить свое господство. Вскоре вспыхнула борьба с богатыми крестьянами, которые не желали давать за бумажные деньги продовольствие пролетарскому государству, не делая в этом отношении различия между ним и буржуазным государством Керенского, точно также, как крестьяне средней и западной Европы поступали со своими правительствами. Продовольственный кризис в городах, незреший уже в эпоху Керенского *), все более обострялся.

Пролетариат должен был изменить свою политику. Крестьянство в его целом было союзником пролетариата в борьбе с господствующими классами; но оно не было склонно в своем целом к активной поддержке пролетариата в строительстве коммунистического хозяйства. Активную поддержку пролетариат мог найти лишь в крестьянской бедноте, у тех полу-пролетариев деревни, которые, владея небольшими земельными участками, вынуждены заниматься на работу. Наступил период «комитетов деревенской бедноты». Эти комитеты помогали пролетариату в деле снабжения городов продовольствием. В награду за это предпринято было в грандиозном масштабе перераспределение всего земельного фонда, в том числе и земельладения богатых крестьян, поскольку оно не являлось результатом революционной экспроприации помещиков. Все жители определенного довольно ограниченного района получали один и тот же земельный надел. Результатом этого процесса явилась широкая инвентаризация крестьянского населения Европейской России **). Ниане пролетариат имеет дело не с разнородным населением деревни, состоящим из различных слоев, а с почти однородной массой среднего крестьянства, с десятком миллионов мелких земельных собственников, обрабатывающих свою землю собственными силами и желающих обменять свой неизмеримый излишек продуктов продовольствия на сельско-хозяйственные орудия, мануфактуру, железо, соль, керосин, т. е. на

продукты промышленности. Эта масса в большинстве своем защищает диктатуру пролетариата против капиталистов и помещиков, но фактически, как масса самостоятельных мелких производителей, чужда, даже враждебна не только социализму, но и всякому вмешательству государства в их хозяйство.

Обязателен ли для всякой диктатуры такой ход развития? Так думают многие коммунисты, готовые перенять от русских не только их политические методы, основанные на тщательном анализе фактического соотношения сил, — но также и самое социально-экономическое содержание их. Это, конечно, ошибочно. Я сошлюсь здесь на Ленина *).

«...Целый ряд особых переходных мер... был бы совершенно не нужен в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство. В странах развитого капитализма есть сложившиеся в течение десятилетий лет класс наемных сельских рабочих.

«Только такой класс социально, экономически и политически может быть опорой непосредственного перехода к социализму. Мы подчеркивали в целом ряде произведений, но всех наших выступлений, во всей прессе, что в России дело обстоит не так, что в России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев.

«Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь... путем соглашения между пролетариатом и большинством крестьянского населения».

Только класс сельско-хозяйственных наемных рабочих — говорит Ленин — может быть социальной, экономической и политической опорой при переходе к социализму, т. е. в период диктатуры.

Что это значит?

Что это иное, как то, что в странах, где имеется класс сельско-хозяйственных рабочих, он должен быть — если только возможно, — сохранен, как класс наемных рабочих. Это несовместимо с разделом крупных хозяйств. При разделе крупных сельских хозяйств этот класс сельско-хозяйственных рабочих исчезнет и к классу мелких крестьян прибавится новый слой. Этот новый слой мелких крестьян, несомненно, будет готов защищать под руководством городского пролетариата диктатуру пролетариата от нападения буржуазии и помещиков. Ведь защита диктатуры будет защитой приобретенной или революционным путем земли. Но это лишь временный союз. Став хозяином своего небольшого участка земли, сельско-хозяйственный рабочий превращается в мелкого крестьянина, который по своему экономич-

*) См. брошюру Ленина «Грозная катастрофа и как избежать ее». Arbeiter - Buchhandlung. Бери 1921 г.

**) На этот счет имеются следующие цифры для 24 губерний Европейской России.

(В процентах хозяйства)	1917 г.	1919 г.
Не имеет посевной площади	11,4	6,3
До 1 десятины посевной площади	10,7	18,8
До 4	48,5	53,2
От 4 до 8 десят.	21,6	16,4
« 8 до 22	7,7	3,1
Свыше 22	0,2	—

См. Докладов: Крестьянское хозяйство в России в конце 1920 г.

*) Речь Ленина на X съезде Р. К. П. Март 1921 г. «Deutsch-Russ. Kongress». Марин—Андреев 1921 г., стр. 222.

чекскому положению относится враждебно не только к социализму, но ко всякому государственному регулированию хозяйства, даже на почве государственного капитализма. Поэтому в тех странах, где имеются крупные сельские хозяйства с постоянным в известной степени концентрированными сельским пролетариатом — в Румынии, Польше, Венгрии, Италии, — нельзя, по моему мнению, слепо следовать примеру России *).

Не следует превращать сельско-хозяйственных рабочих в мелких крестьян путем раздела крупных поместий, если к этому не вынуждает нас необходимость. Ведь только этот класс может быть «социальной, экономической и политической опорой при непосредственном переходе к социализму». В России дело обстоит по существу иначе. Там преобладало крупное землевладение, но не крупное хозяйство. Господская земля большей частью сдавалась мелкими участками крестьянам **).

Даже там, где велось крупное хозяйство, в нем работали не безземельные пролетарии, а беднейшие крестьяне, полу-пролетарии. Поэтому раздел крупных имений превращал не действительных пролетариев в мелких крестьян, а бедных крестьян — в середняков. Это не было переходом в новый класс, а лишь приростом имущества внутри того же класса ***).

Раздел большого хозяйства сопряжен не только политически, но и экономически и организационно с весьма отрицательными явлениями. Сбор хлеба в мелком крестьянском хозяйстве значительно меньше, чем в крупном хозяйстве на той же площади ****). Это осложняет и без того трудное во время диктатуры прокормление городского пролетариата. Еще важнее трудности в организационной области. Излишек сбора в одном большом хозяйстве можно сразу же получить в свои руки, тогда как разделенный на

сотню крестьянских хозяйств этот излишек скрывается от наших глаз, утаивается, идет в продажу. Это тоже говорит в пользу сохранения крупных сельских хозяйств.

Но вернемся к России.

Всенный коммунизм.

При обзоре развития русской хозяйственной политики до марта 1921 г. получается в общих чертах следующая картина:

В сельском хозяйстве: Вопиющее противоречие между крестьянским частно-хозяйственным производством с одной стороны и общественно-хозяйственным собиранием и распределением продуктов — с другой. Принципиально крестьянин считается звеном обще-государственного хозяйства. Из продуктов своего производства ему разрешается оставить у себя только то, что необходимо для прокормления его семьи и для дальнейшего ведения хозяйства: корм для домашних животных, семена на обсеменение, а все остальное он должен сдать государству. Отсюда запрещение торговли зерном, картофелем и т. д. С другой стороны государство в принципе обезбечивает крестьянина продуктами промышленности (солью, керосином, мануфактурой, железом, сельско-хозяйственными орудиями и т. д.).

*В промышленности: Прогрессирующая национализация предприятий: в декабре 1920 г. она дошла до предприятий с 5—10 рабочими; горизонтальное объединение отраслей промышленности в колоссальные центральные тресты; попытки подчинить государственному руководству профессиональную домашнюю индустрию (кустарей), чуть ли не полный запрет всякого легального местного товарообмена *).* Всеми продуктами распоряжаются центральные хозяйственные органы.

В торговле: Ограничение дозволенного торговли местной мелкой торговлей продуктами, не монополизированными государством. Монополия внешней торговли.

В путях сообщения: Машинный транспорт (железные дороги, судоходство и проч.) служит исключительным общегосударственным хозяйству, отчасти и гужевой транспорту.

В денежном обращении: Быстро прогрессирующее обесценение бумажных денег. Переход к натуральной оплате всех рабочих и служащих обще-государственного хозяйства.

Резюмируем: с внешней стороны прямой линейное развитие по направлению к коммунизму, но в то же время крайнее существенное внутреннее противоречие: Ленин метко назвал эту систему «военным коммунизмом». Сущность противоречий состоит в том, что в систему организованного обще-государственного хозяйства вовлечены были хо-

*) Во время диктатуры в Венгрии мы экспроприровали всякое землевладение свыше 50 гектаров. Имени пережилась товариществом из постоянно работающих в нем наемных рабочих, причем приняты были меры, чтобы рабочие из соседних деревень, не живущие в имени, но постоянно работающие в нем, включались в товарищество. Кратковременность венгерской диктатуры не позволяет вынести суждения об этой системе, которая вызвала много споров и в венгерских коммунистических кругах (См. мою книгу: Хозяйственно-политические задачи про-етарской диктатуры. II издание. Библиотека Коминтерна). Иные на основании опыта России, я оптошусь к венгерскому решению проблемы более сочувственно, чем тотчас же после падения венгерской диктатуры, когда я писал свою книгу.

**) В 1916 г. из всей возделываемой земли только 9% обрабатывалось помещиками в собственном хозяйстве. Попов: Производство хлеба в Советской России. Стр. 27.

***) Это, как и все аргументы этой статьи, надо понимать лишь в общем среднем выводе; при громадном разном и разнообразии аграрных условий в России существовали все формы хозяйства: крупные сельские хозяйства и мелкие, главным образом на западных окраинах, а также в Польше и на Украине.

****) Попов оценивает падение сбора зерна, как следствие раздела многих крупных хозяйств, в 16 миллионов двойных центнеров (100 килограмм).

*) Этот запрет часто оставался лишь на бумаге. В отдельных провинциальных городах крестьяне окрестных деревень попрежнему продолжали обсеивать зерно и проч. на продукты промышленности.

зависимые элементы с преобладающим док-капиталистическим характером.

Поэтому экономические результаты этого периода были весьма неудовлетворительными.

В сельском хозяйстве: Сильное сокращение посевной площади^{*)}. Сокращение среднего урожая. Тенденция возвращения к заданному домашнему хозяйству: крестьянин сеет лишь столько, сколько ему нужно для собственного потребления, и старается сам производить все, что ему нужно. Сокращение территориального разделения труда в сельском хозяйстве. Вместо специальных культур сеют хлеб. Государство не в состоянии поставлять нужные продукты промышленности. Отсюда возрождение старых примитивных форм крестьянского кулачества.

В промышленности: Нестерпимое отягощение производства всоудом проникающей бюрократией. Невозможность проявления инициативы на местах. Распад крупной промышленности. Уменьшение производительности труда до 30—40% довоенного времени. Сокращение производства до 3—30% довоенного времени.

В торговле: Торговая из-под полы, спекуляция, обмен.

В снабжении: Государственное снабжение недостаточно. Расхищенное, частное приобретение предметов необходимости. Далекие поездки для закупки минимального количества пищевых продуктов. Вещь скарб городского населения постепенно переходит к крестьянам.

Разумеется, только зложелатели и враги могут приписывать неудовлетворительные экономические результаты этого периода исключительно диктатуре. Развал народного хозяйства России в этот период прежде всего является следствием не прекращавшейся войны, продолжением упадка, начавшегося еще до революции. Этот распад аналогичен распаду, наступившему во всех военных странах средней Европы. Одним словом, это кризис недопроизводства, неизбежное последствие мировой войны, независимо от той или иной формы правления.

Военный коммунизм дал плохие экономические результаты. И все же он был единственно возможным путем для достижения конечной политической цели — сохранения власти рабочего класса, и навязан был существующими условиями.

«Эта система продиктована военными соображениями, запросами и условиями, а не нуждами народного хозяйства. При условиях неслыханных погрязений, в которых мы находимся, когда должны были после великой войны вынести еще целый ряд гражданских войн, не было другого выхода. Конечно, при применении этой политики был допущен целый ряд ошибок

и преувеличений... Но принципиально эта политика была правильной в условиях войны, при которых мы должны были существовать. У нас не было иной возможности, как максимальное и немедленное применение монополии...»^{*)}.

Чтобы противостоять натиску контрреволюционных полчищ, поддерживаемых всеми капиталистическими странами, Советская Россия должна была заставить слушать войну все ресурсы страны, она наложила руку на инвентарь сельского хозяйства, отнимала для армии продукты кустарной промышленности и, скупая товарыoben, свела потребление гражданского населения к минимуму и п. д. Конечно, все это вызвало дальнейший развал всего хозяйства. Но пока длилась гражданская война, городские рабочие и крестьянство несли все эти огромные лишения, понимая, что в первую очередь необходимо думать о защите страны^{**)}.

Необходимо самым категорическим образом подчеркнуть, что в программу коммунистов ошибкой не входило вначале введение в России системы военного коммунизма. Приведем несколько доказательств этого.

Важнейшим доказательством, пожалуй, является брошюра Ленина 1918 г., которую он сам цитирует в своей брошюре о продовольственном налоге. Из выводов конкретного соотношения классов в России он заключает, что в России в начале необходима переходная стадия, создание «государственного капитализма», так как непосредственный переход от условий по существу мелко-буржуазных и крестьянских к социализму — невозможно.

Дата введения продовольственного налога в сельском хозяйстве помечена в налоговом законе 30-м октября 1918 г.; значит он был решен через год после завоевания власти большевиками.

Вышел и инструктор к нему; но гражданская война воспрепятствовала вступлению в силу этого закона и принудила власть к введению хлебной монополии.

В законодательстве первого года господства коммунизма ясно сказывается немецкие национализировать только «созревшие» отрасли промышленности, оставляя же лишь контролируемые, оставляя их в частной собственности капиталистов. Эта политика разбивала о сопротивление капиталистов. Ленин пишет об этом следующее^{***)}: «Городская буржуазия просто отказалась торговать, отказалась продолжать вести мелко-

^{*)} Ленин. Отношение рабочего класса к крестьянству. Речь на съезде Коммунистической партии, март 1921 г. (Русская Коммунистическая партия, март 1921 г., стр. 230).

^{**)} «Созревшие» отрасли промышленности состояли в том, что мы для удовлетворения потребностей войск и рабочих, фактически отнимали от крестьян все излишки, а земледелие не только изжили, но и вообще выжили из страны... Эта политика не соответствовала экономическим задачам промышленности, да и не могла им соответствовать», подчеркивает Ленин еще раз (О Продовольственном налоге).

^{***)} Русская Коммунистическая партия, июль, стр. 439.

^{*)} Цифры в изобилии являются в брошюре Попова.

промышленные предприятия... Владелец же хотели больше «рисковать» своими средствами при большевиках... Они хотели пождать до падения большевиков, так как они могли ждать... Это было то время, когда владельцы волжских пароходов и лодок совсем, можно сказать, приспанивали ремонтные работы, торговцы дровами прекратили заготовку дров и т. д.*

Мало того, буржуазия не ограничивалась пассивным сопротивлением. «Крупные банки в 1917 году—непосредственно вслед за занятием государственного банка—финансировали стачку чиновников и вооруженное восстание офицеров. Попытки вести контроль над банками не удалась... Все формы хозяйственного компромисса, напр., оставление банков в руках капиталистов под контролем и регулированием рабочей власти, использовались буржуазией против пролетариата... Также обстояли дела и в промышленных предприятиях и торговых фирмах. Их кассы, после национализации банков, обратились в источник, откуда субсидировались белые союзы. Они взяли на себя финансирование стачек чиновников и служащих в национализированных банках. Директора промышленных предприятий сознательно мешали производству и доводили его до остановки...»¹).

Неоплаченные нужды войны, сопровождавшие и саботажи буржуазии заставляли Советскую власть против воли коммунистов прибегнуть к национализации и ввести всем известную систему военного коммунизма. При этом бюрократический механизм, автоматически двигаясь по раз данному направлению, часто выходил за пределы намеченной цели. Эта система, социальная основой которой был военный союз городских рабочих с беднейшими слоями крестьян, должна была прекратиться с того момента, когда можно было считать войну поконченной.

Итак, мы ставим вопрос: что в русском опыте имеет общее значение и что действительно только для России? Для проверки мы обладаем венгерским опытом. Здесь приходится констатировать, что как ни важно и ни желательно для пролетариата ограничиться экспроприацией одних «созревших» отраслей промышленности, а в остальных заключить своего рода соглашение с капиталистами «своеобразный выкуп»,—как пишет Ленин,—который рабочие (стоя во главе управления) предлагают культурнейшим, талантливейшим и способнейшим (в качестве организаторов) капиталистам, готовым пойти на службу к Советской власти и добросовестно помогать организации «государственного» крупного производства, как все это ни желательно, каждая такая попытка в начале диктатуры развивается со сопротивлением как капиталистов, так и самих рабочих.

* «Старая и новая программа коммунистов». Русск. Корреспонденция 1921, июнь, стр. 508.

Что касается сопротивления капиталистов, то капиталисты убеждены в долговечности своей власти, считают диктатуру пролетариата преходящим эпизодом, поэтому они саботируют государственное производство, останавливая свои собственные предприятия. Это совпадает с частными интересами отдельных капиталистов. В первый период диктатуры, при всеобщем повышении заработной платы, полном отсутствии рабочей дисциплины и невероятном упадке производительности, вряд ли можно думать о доходном производстве. С другой стороны, капиталист пишет крайнее недоверие к пролетарскому правительству. Он не обладает ни малейшей гарантией того, что рабочее правительство не сделает вскоре следующего шага на пути экспроприации и что его предприятие не будет тоже экспроприровано. Какой же смысл для него предавать ненавистному правительству свое предприятие в исправном виде, на полном ходу? Он и старается высосать все возможное из предприятия, чтобы превратить затем в движимое имущество—золото, бриллианты, валюту, иностранные ценные бумаги; а свои оборотные наличные средства притягивает прежде всего на поддержку контр-революции. Эти соображения исключают, на мой взгляд, всякую попытку «соглашения» с буржуазией в первое время¹).

Советская власть, к тому же, вынуждена идти все дальше по пути экспроприации, так как в противном случае важные, зрелые отрасли промышленности значатому вследствие отсутствия продуктов средней и мелкой промышленности.

Что же касается сопротивления рабочих, то в Венгрии мы ограничили экспроприацию предприятиями, насчитывающими более 20 рабочих. Но рабочие предприятия, насчитывавших от десяти до двадцати рабочих, не могли и не хотели понять, как это они должны оставаться под началом работодателей, только оттого, что «случайно» не хватает нескольких рабочих до двадцати. Они самовольно экспроприовали предприятия, прогнали капиталистов под тем предлогом, что капиталист саботирует, что он расчищает рабочих, чтобы избежать экспроприации, что его предприятие при «нормальных» условиях до войны имело более 20 рабочих и т. д. Что можно было сделать против этого? Не могли же мы вооруженной силой водворять капиталиста обратно в предприятие против воли рабочих²).

¹ Я писал об этом в моей книге «Полная социализация и коммунизм»: «Экспроприация и без выкупа является одновременно экономическим и революционным актом великой важности. Немедленное изъятие материальных средств должно сделать невозможной буржуазную контр-революцию. Меласина, плановая, построенная на выкупе социализация невозможна, невозможно именно для диктатуры пролетариата. Без экспроприации есть акт классовой борьбы» (стр. 60).

² Меня во время диктатуры ругательски ругали в органе профсоюза парижских рабочих, писали, что я материально заинтересован в сохранении частной собственности в парижской рессе, потому что я надеялся на то, что социализация его не является необходимой.

Это, я думаю, будет повторяться в первое время при всякой диктатуре. О мирном соглашении с буржуазией нельзя и думать, пока Советская власть не упрочится непоколебимо.

Исключение, может быть, составят те небольшие страны, в которых под конец мировой революции диктатура пролетариата возникнет без острой классовой борьбы. Возможно, что здесь капиталисты поймут бесполезность своего сопротивления и окажут посильную поддержку для создания возможно безболезненного перехода. Но не исключена также возможность того, что именно эти страны, наводненные беглецами капиталистами из соседних стран, станут центрами военного сопротивления.

Итак надо считаться с тем, что каждой Советской власти придется строить «военный коммунизм» на экспроприации всех промышленный предприятий, имеющих не только местное значение, затем на общественной организации всего — за исключением местного товарообмена. Интернациональная проблема состоит в следующем: даст-ли и должен ли эпитот «военный коммунизм» повсюду дать такие же плохие результаты, везде-ли придется на позднейшей стадии возвращаться вспять?

Мы думаем, что нет!

Плохие результаты в России вызваны особыми причинами: Россия — первое пролетарское государство, она — пионер, прокладывающий дорогу, поэтому ей годами пришлось обиваться на полях сражения от империалистической буржуазии, она была лишена выгод международного разделения труда; русский народ обладает в общем слабым организационным талантом, ибо капитализм — эта школа организации, существовал в России недолгое время, и лучшими организаторами были иностранцы; лучшие организаторы из среды пролетариата работают в армии, в партии и в администрации или сложили голову на поле брани; страна чудовищно велика, слабо заселена, имеет слабо развитую железнодорожную, телефонную и пр. сети, что сильно затрудняет построение планомерного хозяйства и обостряет противоречие между централизмом и сепаратизмом. Несмотря на очень плохой результат русского и не очень благоприятный результат венгерского опыта, мы думаем, что в странах с развитым капитализмом и поэтому с многочисленным образованным, организаторски способным пролетариатом, в странах с густым населением и хорошими путями сообщения, в странах, не воюющих на всех своих границах против капиталистических стран, в странах, граничащих отчасти с советскими государствами, будет возможен непосредственный переход от «военного коммунизма» к социализму без промежуточного регрессивного периода!

Новая экономическая политика Советской России.

При создавшихся обстоятельствах радикальное изменение экономической политики в России было безусловной необходимостью.

Политически потому, что бывшие деревенские бедняки превратились в крестьян-средняков и преобладали сошедшей экономической политике (*).

«Мы знаем», говорил Ленин, «что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах. И это, прямо и открыто, на всех собраниях, во всей прессе нужно говорить. Мы не должны спараться прятать что-либо, а должны говорить прямо и открыто, что крестьянство формой отношения, которая у нас установилась — недовольно, что оно этой формой отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться и мы достаточно презвее политики, чтобы говорить прямо: «давайте пересмотрим» (**).

Экономически изменение было необходимо потому, что посевная площадь и сбор урожая беспрестанно уменьшались. Крестьянин упрямил стимула для производства излишков хлеба, а, стало быть, и для образцового, заботливого ведения своего хозяйства. Государство при всем желании не могло снабдить крестьянина нужными средствами производства и фабрикатами для потребления, потому что крупная промышленность парализована и производил лишь от 3 до 30% довоенного количества. Местная мелкая и средняя промышленность тоже парализована вследствие запрещения торговли и распространения «военного коммунизма» на мелкую и среднюю промышленность. Крестьянин не может приобрести нужных ему изделий. Но так как международная революция загнивается, государственная крупная промышленность может возникнуть лишь после возрождения крестьянского сельского хозяйства. Упадок крупной государственной промышленности вызван прежде всего недостатком продовольствия и топлива. И это и другое можно добыть лишь путем возрождения крестьянского хозяйства. (Главным горючим материалом в России являются пни дрова: для принос-

* Различные всею указывали на изменение политики масс лозунги некоторых крестьянских организаций:

«Да здравствует большевик (давние нам земля)! Да здравствует свободная торговля!» «Долой коммунизм» (революция наша здесь).

Различные между местной тем же войной собственности и обще-хозяйственной распределением (сбор с нее должно было быть устранено).

** Речь на X съезде партии. Русск. корресп. 1921, № 3—4 стр. 222.

портв из лесов нужны миллионы крестьянских лошадей и повозок). Поэтому первая задача: поднятие крестьянского хозяйства. Для этого прежде всего необходимо вернуть крестьянам стимул к производству излишков. *Этой цели служат введение продовольственного налога, свободы торговли и частной промышленности.*

Продовольственный налог ставит крестьянское хозяйство на старую частно-хозяйственную основу. По уплате налога крестьянин свободно распоряжается всеми своими продуктами. Стимул к увеличению производства—дан. Сам налог построен так, что является этим стимулом: он исчисляется *по общей, а не по засеянной площади*; отпавшие, высшие культуры налогу не подлежат; размер налога вычисляется по среднему урожаю в уезде. Это равносильно премии для хозяина, достигшего урожая выше среднего, и наказания для плохого хозяина.

Но производство излишков не имеет смысла для крестьянина, если он не может обменять их на нужные ему предметы. При временном параличе крупной государственной промышленности этот обмен может произойти только на почве местной мелкой и средней промышленности. Естественным следствием этого является свобода торговли и ремесла, восстановление свободного капитализма низшей ступени.

«Свобода оборота», говорит Ленин, «это есть свобода торговли, а свобода торговли—значит назад к капитализму. Свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление производителей на владельцев капитала и на владельцев рабочих рук, т. е. воссоздание снова капиталистического земного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия».

Вместе с отказом от самого существенного пункта в системе военного коммунизма, от хлебной монополии и запрета свободной торговли, начинается ликвидация центрального хозяйственного аппарата, разрешающегося за пределы, допустимые при тех организационных возможностях, которые имеются ныне. Мелкие и средние промышленные предприятия останавливаются и сдают в аренду артелям или даже отдельным капиталистам, большинство предприятий, остающихся в ведении государства, передается в распоряжение местных властей. Что касается самих государственных предприятий, то соответственно новым условиям им предоставляется гораздо больший простор и свобода в коммерческих операциях: они могут сами сбывать часть своих изделий, закупать товары на местном воловом рынке и т. д. Вплоть последовательно меняется и денежная политика Советской власти. Необходимо создать равновесие го-

сударственного бюджета: железнодорожный тариф был повышен в 400 раз, все услуги государства, поскольку они не являются натуральной платой или социальным обеспечением, будут отныне полностью оплачиваться деньгами*).

Все самостоятельные ремесленники, торговцы, промышленники платят денежный налог, соответственно их предприятиям**).

Резюмируем: Государство при режиме системы военного коммунизма принципиально стояло на той точке зрения, что все жители страны являются его служащими и что государство должно заботиться об удовлетворении их потребностей натурой. Отныне же оно приравнивает себя, как хозяйственного субъекта, всем другим гражданам, ведущим частное хозяйство. В качестве такового, оно взимает с них часть их заработка, как плату за услуги государства: от крестьян—натурой, от торговцев, ремесленников—деньгами. Круг его забот простирается отныне на сильно сокращенный штат собственных рабочих и служащих и на социальное обеспечение. Пролетарское государство занимает по отношению к гражданам ту же позицию, что и буржуазное государство, при чем, конечно, сохраняется разный классовый характер этих государств.

Перспективы и следствия новой политики.

Как было воспринято изменение политики различными слоями населения? Пока имеется еще слишком мало данных, чтобы исчерпывающе ответить на этот вопрос. Но крестьяне, повидному, очень сочувственно отнеслись к новой политике. Всюду в деревнях замечается оживленная деятельность, посевная площадь увеличивается, и если бы не стихийное бедствие — неурожай, положительные последствия новой политики уже в этом году дали бы себя знать. Точно также можно считать несомненным, что мелкие торговцы, спекулянты и продавцы из под поля, до сих пор занимавшиеся своим делом противозаконно и потому пребывавшие в постоянном страхе быть захваченными и осужденными органами пролетарского государства, с восторгом приняли свободную торговлю. С другой стороны, повидному, в России продолжают действовать причины, делющие невозможным какое либо соглашение с буржуазией, склонить капиталистов к работе в пролетарском государственном хозяйстве и для него. Капиталисты не доверяют: они боятся основывать предприятия, так как пролетарское государство не дает им гарантии, что новый декрет не конфискует их выплавившее на поверхность старое или вновь при-

*) Декрет от 5 августа 1921 г. до окончательного установления цен на государственные продукты не могут быть назначены цены ниже цен на воловом рынке. § 3.

**) Декрет от 21 июня 1921 г.

обретенное имущество. Тщетно Ленин подчеркивает, что новая политика «завдана всерьез и надолго». Капиталисты не верят и, несомненно, пройдет еще много времени, и сначала должна окончательно рухнуть все еще питаемая ими надежда на свержение диктатуры внешними событиями, пока капиталисты действительно энергично возьмутся за работу. Что касается рабочих, то измученные лишениями последних лет они вряд ли окажут сопротивление новому появлению капиталистов. Только в коммунистической партии есть элемент, который и необходимо расставаться с иллюзией, что из «воинного коммунизма» непосредственно разовьется настоящий коммунизм, они видят в новом курсе опасность для диктатуры. Существует ли действительно эта опасность?

Мы думаем, что нет.

Новый курс удовлетворяет среднее крестьянство, составляющее ныне приблизительно $\frac{3}{4}$ населения России. В руках пролетариата остается вооруженная сила, правительственный аппарат, транспорт, крупная промышленность, внешняя торговля, деньги. Это достаточно сильные позиции для того, чтобы успешно сопротивляться крайне медленно развивающемуся вновь капитализму и удержать его в границах, не угрожающих опасностью для власти пролетариата.

Однако опасность грозит с другой стороны. Она намечена мною в предисловии ко второму изданию моей книги, датированном 3 января 1921 г., т. е. задолго до поворота в хозяйственной политике России *).

«Любая, жаждущая на экономические затруднения России, следует напомнить, что Россия изолированная, одинокий пионер, который вот уже три года воюет против всего капиталистического мира за освобождение человечества. На Россию возложено слишком тяжелое бремя. Пора, давно пора, международной революции положить конец изолированности России... Не только в интере-

сах России, даже не главным образом в ее интересах; ее пролетариат не будет побежден вследствие отсутствия интернациональной помощи, как это случилось с малайкой советской Венгрии. Но грозит опасность, что Россия перестанет быть двигателем международной революции. Не скроем: в России есть коммунисты, которым надоело долгое ожидание европейской революции, они намерены окончательно построить Россию на фундаменте ее изолированности. Это означает: мир с империалистами, регулярный товарообмен с капиталистическими странами и разного рода концессии, прекращение пропаганды за границей. Это создаст новый тип государства, в котором рабочий класс держит в своих руках власть, опираясь на широкие крестьянские массы. Это государство будет обменивать свои излишки пищевых продуктов и сырья на продукты капиталистического мира и косвенно, таким образом, способствовать новому усилению капиталистического общества. Это течение, стремящееся сохранить русское пролетарское государство и пролетарское хозяйство в рамках капиталистического мира, т. е. в изолированном виде, ныне еще слабо и не имеет влияния. Но оно не может стать сильным, если пролетарская Россия еще долго останется изолированной.

Я далек от мысли, что подобное изолирование революционной России могло бы задержать ход мировой революции. Но оно замедлит его. Может случиться, что будет пропущен единственный необычайно благоприятный период для сопряжения капитализма. В таком случае классовая борьба могла бы еще долго оставаться в стадии колебаний от успеха к поражению вплоть до следующей мировой войны между внешними победителями: Америкой, Японией и Англией. Промедление очень опасно.

К этому мис ничего не остается прибавить.

Е. ВАРГА.

*) Е. Варга: Хозяйственные проблемы пролетарской диктатуры II изд., стр. 11.

СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ.

С 22 по 26 августа в Иене происходил съезд Объединенной Коммунистической Партии Германии. С величайшим интересом ожидали этого съезда не только германские коммунисты, но и коммунистические партии всех других стран. Ведь августовский съезд О. К. П. Г. должен был быть первым, после III Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала, съездом крупной коммунистической партии, той партии, тактика которой во время мартовского выступления послужила предметом оживленных прений на Всемирном Конгрессе. С некоторым опасением следили заграничные братские партии за съездом германских коммунистов, боясь, что германская партия слишком слабо пострадала от мартовского выступления и последовавшего за ним внутреннего конфликта.

Съезд германских коммунистов был в этом году также первым в Германии съездом крупной политической партии на исходе лета, когда почти все политические партии в Германии обыкновенно устраивают свои съезды. К моменту партийного съезда общая политическая ситуация не выяснилась еще, страна переживала относительноное политическое и экономическое затишье. Оживления политической и экономической борьбы пролетариата с буржуазией можно было ожидать не раньше осени этого года. Поэтому, не без основания можно было опасаться, что партийный съезд, созданный в момент политического затишья, сведется к раздорам и бесконечным прениям о прошлых ошибках и разногласиях. Противники О. К. П. Г., социал-демократы и независимые социаллисты, с нескрываемым злободневием ожидали этих прений. Пауль Леви, низвергнутый вождь О. К. П. Г., выпялся было в своем журнале «Наш Путь» («Unser Weg»), при содействии некоторых своих друзей, создать почву для того, чтобы партия занялась самоубийственными бесконечными прениями.

Однако, ни опасения друзей, ни ожидания противников не оправдались. Свыше 300.000 членов было представлено на съезде 278 делегатами с решающим голосом. Некоторые партийные округа не воспользовались в полной мере своим правом представительства. Без права решающего голоса присутствовали на партийном съезде члены Ц. К., члены расширенного Ц. К. и руководители отделов, а также ряд иностранных гостей. Настроение делегатов съезда сказывалось на первом же заседании. Вопреки постановлению III Всемирного Конгресса, встретившего члена Коммунистического Интернационала сотрудничать в журнале Пауля Леви, Курт Гейер, Фриц Дювальд и Вальдемар помести-

ли в № 8—9 «Нашего Пути» статьи о партийном съезде, продиктованные отчасти явным намерением публично скомпрометировать партию.

Дювальд и Гейер поместили в этом журнале статьи и резолюцию, выработанную совместно с Паулем Леви, а Вальдемар опубликовал некоторые частные письма, выкраденные им (хорош гусь!) у тов. Талгеймера. Ц. К. внес предложение исключить из партии этих трех господ за помещение статей в «Нашем Пути». По инициативе некоторых делегатов предложению этому был придан еще более резкий характер, а именно в нем преобладавало немедленное исключение их из партии, без прений, путем поименного голосования. При голосовании, 273 делегата высказались за безусловное исключение, четверо — за исключение с ограничительной оговоркой. Воздержался один. Этот акт очистки партии от элементов, преследующих не интересы партии, а другие, посторонние интересы, был встречен бурными аплодисментами.

На съезде были представлены следующие направления: около 60 левых (не вполне, впрочем, согласных друг с другом), 15 представителей правой оппозиции, и центр, который образовал главную составную часть съезда, но не при всех голосованиях выступал в качестве сплоченного ядра, большинством своим уклоняясь влево, меньшинством — вправо. Сплоченность этого ядра была бы безусловно больше, если бы сплоченность самого Ц. К. не была расшатана предшествовавшим партийным конфликтом. Ц. К. не всегда поэтому проводил отчетливое и твердое направление, предостерегая в некоторых вопросах инициативу левым элементам и неся, таким образом, долю вины за то, что левые иногда собирали больше голосов, нежели это соответствовало их влиянию.

К открытию партийного съезда были получены при письмах от руководящих товарищей из Коммунистического Интернационала: письмо, исходившее от Исполкома Коммунистического Интернационала, письмо тов. Ленина и письмо тов. Радека. Содержание и тон писем дали товарищам повод думать, что руководители Коминтерна расходятся друг с другом в оценке важнейших событий и в вопросах тактики. Значительное большинство съезда усмотрело противоречие в письмах. Особенно резкий протест вызвало то место в письме Исполнительного Комитета, в котором говорится об опасности отзовизма в О. К. П. Г. и содержится нападки на Берлинскую организацию. Большинство партийного съезда считало очень печальным

то, что Исполком этой полемикой содействовал не смягчению, а, наоборот, обострению внутренних разногласий в партии. Укор Исполнительного Комитета оказался несправедливым и проповорочачим фактам, ибо Берлинская организация после мартовского выступления усилилась. Количественно, достигла большей внутренней сплоченности и обнаружилась со спорами всех своих членов большое рвение к работе. То же самое следует сказать и о многих других организациях, которые, подобно Берлинской, также оказались не на высоте положения в мартовские дни.

В первом пункте порядка дня стояли постановление Всемирного Конгресса. Докладчики, Геккерт и Берга Шшуря, указывали, что к постановлениям Всемирного Конгресса нельзя подходить с той точки зрения, что на германскую партию на Конгрессе жестоко нападали за ее тактику, якобы недобросовестно изучив и взвесив все условия, в которых действовала партия. Постановление Конгресса вообще нельзя рассматривать с узкой германской точки зрения, о них следует судить с точки зрения их международного значения. Критика германской партии на Всемирном Конгрессе была не только критикой случайных ошибок, совершенных этой партией, она была также критикой ошибок, представляющих повсюду опасность и могущих повториться и в других странах, и в самой Германии, если они не будут раз навсегда признаны и решительно осуждены. Всеобщее одобрение, с которым были встречены доклады, ясно и определенно показало, что германские коммунисты головы, без всяких оговорок и колебаний, признавая для себя обязательными постановления Всемирного Конгресса. Только речь Троцкого о тактике на Всемирном Конгрессе, которая была использована Лени и антибольшевистской Лигой, — а также всеми промежуточными элементами для полемики против германских коммунистов, — только эта речь вызвала со стороны значительного числа делегатов резкие возражения. Кроме того, отдельные утверждения в экономических тезисах Конгресса и в речи Троцкого по этому вопросу вызвали некоторые возражения. Один из ораторов, Гейнрих, пытался доказать, что тезисы и речь Троцкого противоречат тем выводам, к которым пришла Роза Люксембург в ее работе о «накоплении капитала». Он высказал предложение избрать комиссию для теоретической проверки экономических тезисов Всемирного Конгресса путем сопоставления их с трудом Розы Люксембург. Некоторые другие ораторы также говорили о том, что Троцкий слишком преувеличивает значения процесса консолидации капитализма и, исходя из этой преувеличенной оценки, поощряет тактику уклонения от борьбы и пассивности. Эти взгляды энергично оспаривались обоими докладчиками в их заключительном слове. Все же, у значительной части делегатов съезда осталось впечатление, что постаново-

вления Всемирного Конгресса ставятся привилегии партии пассивности. Это нашло свое выражение и в резолюции съезда, высказавшей солидарность с постановлениями Всемирного Конгресса. Совершенно ошибочно было бы смонтировать на эту резолюцию как на проявление не изживших еще «левых глупостей». Из прений по докладу Ц. К. и из оценки мартовского выступления с полной несомненностью явствует, что товарищи поняли все сделанные в прошлом ошибки и сознают необходимость стремиться к тому, чтобы эти ошибки не повторились в будущем. Во всей партии чувствуются сильные рабочий подьем. Всяду товарищи стремятся войти в тесную связь с массами, не желая оставаться изолированными от них. От этого не должны, однако, отпадать боевая решимость и боевая готовность партии. Необычайные экономические трудности, от которых приходится страдать германским рабочим, непростая растущий упадок германского хозяйства и политическая неустойчивость как в самой стране, так и за ее пределами, могут в любой момент вызвать резкий экономический или политический взрыв, и в такой критический момент партия должна быть способной и готовой к бою.

В ходе прений по докладу о Всемирном Конгрессе и докладу Ц. К. выяснилось также положение прежней оппозиции. Левые, как и правые, не отказались, правда, от некоторых нападок друг на друга в своих проектах резолюции. Но большинство партийного съезда обнаружилось твердую волю безоговорочно стоять на почве мирного договора, заключенного с оппозицией на Всемирном Конгрессе. Опасаясь неизбежного поражения, крайняя левая, перед самым голосованием, взяла обратно свои самым крайние резолюции, между тем как часть правых продолжала поддерживать свои поправки. Клара Цеткин, при общем голосовании, подала свой голос за резолюцию о Всемирном Конгрессе. Девять членов правой группы голосовали против. Этим голосованием был ликвидирован на съезде прежний партийный конфликт. После этого он не обнаруживался уже при обсуждении прочих пунктов порядка дня.

Экономическое положение Германии ухудшается с каждым днем. Чтобы удержать свои позиции на мировом рынке, германские предприниматели пытаются путем организованного наступления против рабочего класса повысить заработную плату, удлинить рабочий день и поднять производительность труда. Вместе с тем, последствием Версальского мирного договора становятся все больше и больше увеличиваться бремя налогов. В мае этого года имперское министерство финансов потребовало, в целях сохранения бюджетного равновесия, введения налогов на сумму 60 миллиардов. Главная тяжесть этих налогов должна падать на рабочих. Капиталистические круги общества ми-

нистерство старается щадить. Чтобы избежать налогового бремени, капиталисты пытаются путем систематического понижения валюты выработать то, чего не могут добиться путем прямого выступления против рабочего класса. Это положение вещей станет в течение осени невыносимым для рабочих. Рабочие должны быть готовы к самым серьезным экономическим конфликтам с капиталистами. Эти конфликты неизбежны.

Съезд О. К. П. Г. серьезно занялся этими вопросами, выработал программу действий, в которой говорится также и о налогах. Для коммуниста само собою разумеется, что надо голосовать против бюджета капиталистического государства. Но отношение к тем или иным налогам в отдельности и к мерам их взывания настолько затрагивает интересы самых широких слоев пролетариата, что коммунисты не могут отделиться одними фразами от разрешения этого вопроса. Ц. К. внес в свой проект пункт об участии государства в производстве путем частичного отчуждения капиталистической частной собственности. Таким образом, он высказывал за своего рода государственный капитализм, конечно, под контролем рабочего класса. Оппозиция возражала против этого предложения. По ее мнению, частичное присоединение государством капиталистической частной собственности и преследование этим путем создание государственного капитализма может привести к озлоблению капитализма при содействии рабочего класса, а это угрожает рабочим еще большим забастовкам. Оппоненты забыли, однако, участь по обстоятельству, что эта частичная экзопроприация капитализма и государственный контроль над производством не могут быть проведены в жизнь без сильнейшего сопротивления со стороны капиталистов и что достигнутые в этой борьбе изменения в формах собственности и в управлении производством ослабят силы капиталистов и увеличат силу и сплоченность рабочего класса. За поправки оппозиции голосовала и Клара Цеткин. Это настроение повлияло на решение партийного съезда, что, благодаря ее вмешательству, оказалось невозможным принять ясное решение по вопросу о налогах.

В соответствии с постановлениями Всемирного Конгресса и Конгресса Профинтерна, партия урегулировала свое отношение к профессиональным союзам. Постановления обоих конгрессов встретили на съезде единодушное одобрение. Значение вопроса о профессиональных союзах было признано всеми ораторами, причем подчеркивалось, что партия должна еще в большей мере, чем до сих пор, развить работу среди организованного в профсоюзах пролетариата, работая в тесном контакте с ним. В особенности, ораторы из оппозиционных округов подчеркивали безусловный долг коммунистов настоящей и сознательно стремиться к завоеванию профессиональных союзов. Амстердамцев мы не можем победить одной лишь бравадой. Ус-

пешно бороться с ними можно только при помощи убедительных аргументов и принципиально ясной, самоотверженной работой наших товарищей в профсоюзах. Распухшее влияние коммунистов в профсоюзных организациях уж амстердамцев отпугивало от применения кардинальных мер к коммунистам. Есть основание думать, что в предстоящих боях коммунисты окажутся во многих профсоюзах самым влиятельным фактором. Партийный съезд выработал для коммунистических ячеек в профсоюзах более прочные организационные рамки и постановления, путем создания боевого фонда, сделав работу в профсоюзах самостоятельной.

Ввиду предстоящих боев, организации партии было признано более единства и сплоченности. Партийный съезд признал необходимым поднять доходы партии путем членских взносов и сборов. Необходимо довести их до таких размеров, чтобы партия могла выполнять все свои задачи, не прибегая к помощи других братских партий. Минимальный взнос был повышен вдвое, и организациям было вменено в обязанность систематически использовать силы всех товарищей для увеличения притока средств. Партийная пресса должна давать всестороннее освещение всех важных вопросов, интересующих рабочих. Она в большей мере, чем до сих пор, должна стать отражением рабочей жизни и рабочих интересов. Путем постоянной агитации необходимо привлекать новых подписчиков. Члены партии будут, по постановлению партийного съезда, подвергнуты основательной перегатации, чтобы, с одной стороны, планомерно использовать наличные силы для коммунистической работы, а с другой — очистить партию от вредных элементов.

При обсуждении устава партии снова проявилось полное единодушие всех партийных товарищей. Голосовалось предложение, внесенное бывшими членами левого крыла Независимой Социал-Демократической Партии об изменении названия партии. Эти товарищи предлагали, чтобы партия вчеркнула из своего названия слово «Объединенная» и opnieuw называлась просто «Коммунистическая Партия Германии». Это должно было быть символом того, что в настоящее время нет никаких разногласий среди бывших сторонников обеих группировок. Предложение было принято единогласно под гром аплодисментов.

Выборы в Ц. К. привели к новой неожиданности: п.т. Штеккер и Кенен не были переизбраны. Причиной этого было то, что большинство партийного съезда находило позицию Кенена, по возвращении его из Москвы, несколько колеблющейся и неустойчивой; по отношению к Штеккеру причиной послужили подобные же мотивы, а также его продолжительная болезнь. Мы считаем, что заблудившись этих обоих товарищей, большинство партийного съезда слишком резко реагировало на их позицию, и думаем, что их

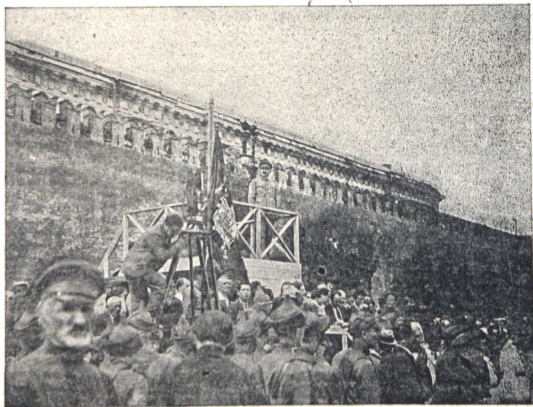
переизбрание принесло бы несомненную пользу коммунистическому движению в Германии. Тов. Пауль Фрелих не выступая на этот раз своей кандидатурой в Ц. К. Клара Цеткин была избрана в Ц. К. несомненным большинством. К сожалению, многие участники партийного съезда не смогли преодолеть своего опротивевшего отношения к прежней близости Клары Цеткиной с Паулем Лени. Состав нового Ц. К. обеспечивал возможность совместной работы всех членов партии и использования всех сил в интересах движения.

Партийный съезд закончил свою работу в сознании, что партия благополучно вышла из периода тяжёлых разногласий. Не мало ошибок, совершённых в минувшие дни, было подвергнуто критике. И если критика этих старых ошибок не всегда была достаточно описательной, то произошло это не потому, что партийный съезд хотел закрыть глаза на эти ошибки, а потому, что он не считал нужным в настоящий момент бередить старые раны. Партийный съезд выразил твердую волю неуклонно, последовательно, не покладая рук, работать

во имя принципов коммунизма. Но, вместе с тем, он засвидетельствовал также и свою решимость быть готовым к грядущим боям (Несколько резкое обострение политических противоречий, наступившее непосредственно же по окончании съезда, благодаря убийству Эрцбергера). Надо сказать, однако, что партийный съезд, наряду с положительными сторонами партии, вскрыл также и один крупный ее недостаток. Партия является чисто рабочей партией. Ей не хватает хороших, интеллигентных вождей, у нее нет сил, способных пробуждать и оформлять волю к работе и боевую готовность партии в соответствии с политическими задачами переживаемого нами периода. Этот недостаток партия должна преодолеть и преодолест, способствуя духовному развитию входящих в нее рабочих.

Коммунистическая Партия Германии не умерла, вопреки предсказаниям Леви, она по-прежнему продолжит быть все крепнущей секцией Коммунистического Интернационала.

Ф. Г.

III Конгресс Коминтерна. Тов. Троцкий произносит речь на Красной площади.

ПАРТИЙНЫЙ КОНФЛИКТ В ОБЪЕДИНЕННОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ.

Партийный конфликт, возникший в Объединенной Коммунистической Партии Германии и приведший к тому, что из партии был исключен ее бывший председатель, представляет собою, в существенных чертах, спор между Центральным Комитетом и группой вождей по поводу маринговского выступления. Истинную причину этого конфликта надо, однако, искать в более далеком прошлом: он был перенесен в Объединенную Коммунистическую Партию уже при ее образовании. Причина эта кроется в разногласиях по вопросам о возможности восстановления капитализма, о близости или отдаленности момента его крушения и о шансах революционной победы рабочего класса. В зависимости от ответа на эти вопросы, различно разрешается и вопрос о той тактике, которой должна следовать коммунистическая партия, и вопрос о формировании боевого фронта. Третий Всемирный Конгресс тщательно обсудил эти вопросы и подробно изложил свои взгляды в исчерпывающих тезисах. Но дело в том, что всякие тезисы и исторические прогнозы могут служить только директивами: они не могут быть рецептами для каждого отдельного случая столкновений между буржуазией и пролетариатом. В каждом таком случае коммунистическая партия обязана активно действовать, чтобы стать руководительницей пролетарской борьбы. При нынешнем равновесии сил буржуазии и пролетариата, ни ход, ни исход этих боев не может быть учтен заранее, и — само собою разумеется — очень и очень многое зависит от того, какие тактические решения примет коммунистическая партия. Без ошибок тут дело не может обойтись, и было бы глупо, если бы мы вздумали искать предохранительного средства от этих ошибок в изменении личного состава руководящего органа партии. Гораздо целесообразнее будет постараться извлечь из сделанных ошибок все возможные уроки и использовать эти уроки для того, чтобы избежать подобных же промахов в будущем.

Партийный конфликт в Объединенной Коммунистической Партии Германии зародился еще в Коммунистической Партии Германии (Союз Спартака). Еще на учредительном партийном в 1918 г. возник конфликт по вопросу об участии в парламенте, ибо часть товарищей считала победу пролетарской революции очень близкой и поэтому смотрела на парламентскую деятельность, как на пустую трату сил. Роза Люксембург

считала необходимым проявить по отношению к представителям этого ошибочного взгляда некоторую уступчивость, не исключая их за одно это из партии. К этому ложному взгляду на развитие революции вскоре присоединился другой, заключавшийся в том, что рабочие должны выйти из руководимых контр-революционной бюрократией профсоюзов и создать революционные профсоюзы. Представители этого взгляда полагали, что путем организации рабочих по предприятиям можно будет из таких фабрично-заводских организаций создать крупную революционно-ударную силу. К тому же эти товарищи рассчитывали, что рабочие массами устремятся в эти фабрично-заводские организации. Но действительность не оправдала их расчетов. На почве этих взглядов в Коммунистической Партии Германии на Гейдельбергском партийном в октябре 1919 г., произошел раскол, причем большая часть исключенных и вышедших из партии членов объединилась в Коммунистическую Рабочую Партию Германии. Эта партия мнила себя более радикальной, чем Коммунистическая Партия Германии, так как она думала, что ей удастся, применяя «лучшие» средства, более энергично воздействовать на ход революции, чем это, по ее мнению, делала Коммунистическая Партия Германии. Кроме того, вожди Коммунистической Рабочей Партии Германии в своей оценке перспектив мировой революции были настроены более оптимистично, чем вожди Коммунистической Партии Германии.

В Германской Коммунистической Партии, после смерти Розы Люксембург, Карла Либкнехта и Иоганнеса, руководящая роль принадлежала, наряду с тов. Цеткинкой, главным образом Паулю Леви, и поэтому вполне естественно, что Коммунистическая Рабочая Партия Германии в своих нападках на Коммунистическую Партию Германии, главным образом, обрушивалась на Пауля Леви, как на вождя этой партии. При этом Коммунистическая Рабочая Партия Германии не безызвестно и инсинуации. Пауль Леви, со своей стороны, резко нападал на обнаружившиеся в Коммунистической Рабочей Партии Германии путчистские тенденции, причем в своих нападках зашел так далеко, что даже в венгерской и в мюнхенской революциях увидел выражение такого же путчизма. Леви все более и более стал склоняться к тому выводу, что революционная борьба рабочих должна быть рассчитана на долгий срок, так

как капитализм шит в себе еще такой запас жизненных сил, который даст ему возможность возродиться на продолжительное время. Этот взгляд Леви встречал в Коммунистической Партии Германии очень резкий отпор. Но так как он был вождем партии, то и у Исполкома Коминтерна сложилось мнение, что Коммунистическая Партия Германии в недостаточной мере заботится о повышении революционной энергии пролетариата, и поэтому Исполком стал пользоваться Коммунистической Рабочей Партией Германии, как необходимым и полезным оружием для борьбы с этой мнимой пассивностью Коммунистической Партии Германии. Исполком принял даже Коммунистическую Рабочую Партию Германии в Коминтерн в качестве соучастующей партии. Вполне естественно, конечно, что из делегатов Коммунистической Партии Германии на II Конгрессе Коминтерна особенно энергично восставал против этого решения Пауль Леви, угрожая даже покинуть Конгресс. Второй Всемирный Конгресс очень резко высказался против Леви в этом вопросе, и Леви вернулся в Германию, очень раздраженный. Леви был также несогласен с поставленными II Всемирным Конгрессом 21 условиями присоединения Коммунистического Интернационала. Но так как на том же Конгрессе вожди лево-о-крыла Независимой Социал-Демократической Партии Германии заявили о своей готовности вступить на этих условиях в Коммунистический Интернационал, и, следовательно, открывалась возможность создания большой коммунистической партии в Германии, что безусловно отвечало взглядам Леви, то последний ради успеха этого важного дела решил подавить свое личное чувство раздражения, вызванное резким отношением Исполкома к нему.

Вскоре после этого состоялся объединительный партейтаг. Леви самым решительным образом отказывался войти в Центральный Комитет Объединенной Коммунистической Партии Германии. Он не только был обижен тем, как с ним обошлись в Москве, но его особенно раздражала оппозиция, которую встречала в Коммунистической Партии Германии его оппортунистическая точка зрения, и он вообразил, что в партии имеется левое крыло, которое, по его мнению, и должно было принять на себя руководство партии. Лишь после того, как было постановлено, чтобы в партии отныне было два полномочных председателя, Пауль Леви согласился, вместе с Денингом, быть избранным в председатели. Но Леви не только видел левое крыло в Объединенной Коммунистической Партии Германии, председатели которого, хотя и не были избраны в Центральный Комитет, но все же, по его убеждению, продолжали вести внутри партии подпольную работу против его взглядов.—он считал также губительной политику Исполкома Коммунистического Интернационала. Поэтому он поставил себе целью принудить Испол-

ком к исключению из Коминтерна соучастующей Коммунистической Рабочей Партии Германии, и, прежде всего, стал стремиться к превращению крупной германской партии в оплот противупутистской, по его мнению, политики Исполкома. Леви хотел вести такую политику, которая дала бы ему возможность привлечь в партию широкие массы, стоявшие еще вне партии. Лучшим средством для достижения этого он считал решительную борьбу против всякого «путчизма».

Будучи делегирован германской партией на итальянский съезд, Пауль Леви решил что в интересах революции надо взять в Италии самый правый курс, чтобы этим привлечь в коммунистическую партию как можно более широкие массы. Леви не понимал той опасности, какую представляла для коммунистической партии реформистски настроенные вожди, потому что он сам принадлежал к этим реформистам. Вернувшись в Германию, Пауль Леви повел борьбу против представителей Исполкома, которые, по его мнению, на итальянском съезде слишком далеко влево провели черту, расколовшую группу вождей. Он видел в этом вполне определенное стремление со стороны Исполкома к созданию небольших, но чисто-коммунистических партий, не допускающих в свои ряды широких масс. Такая же опасность угрожала — как ему казалось — и Объединенной Коммунистической Партии Германии, и, когда расширенный Центральный Комитет в февральском заседании одобрил действия Исполкома, Пауль Леви, вместе с еще четырьмя повращцами, вышел из Центрального Комитета.

Пауль Леви обострил полемичку в партии по поводу итальянского похода совершенно непозволительным образом. Он обнаружил полное отсутствие всех тех качеств, которые и при партийных конфликтах дают возможность вождям оставаться людьми, чувствующими, что их связываюи с партией не только рассудочные соображения, но и глубокие духовные узы. И тут Леви совершенно ясно обнаружил намерение нанести резкий удар политике Исполкома, чтобы таким образом обратив внимание всего коммунистического Интернационала на эту пагубную, по его мнению, политику. Леви нарушил при этом одну из первых заповедей всякого борца — долг партийной дисциплины. В течение всего того времени, пока он был вождем Коммунистической Партии Германии, он не раз проявлял стремление уклониться от ответственности, связанной со званием вождя, при всяком удобном случае угрожая сложить свои полномочия.

Леви с четырьмя другими повращцами вышел из Центрального Комитета Объединенной Коммунистической Партии Германии в такой момент, когда более, чем когда либо, необходимо было с неслыханной решимостью повести германских рабочих на боевой фронт.

Партии удалось, при помощи «Открытого письма», побудить рабочих на фабриках и заводах, а также в профсоюзах, заняться обсуждением вопроса о мерах к смягчению экономической нужды. Но этого было мало, — необходимо было, кроме того, продолжать развивать энергию в массах. Выход Леви из Центрального Комитета вызвал кризис в Объединенной Коммунистической Партии Германии, и в весьма чувствительной мере помешал делу сплочения масс для борьбы. Однако партия не могла опустить руки, и вот расширенный Центральный Комитет, в своем заседании от 17 марта 1921 г., постановил усилить агитационную работу по подготовке почвы для выступления в возможно ближайший срок. Это постановление расширенного Центрального Комитета совпало по времени с провокацией Герзинга по отношению к пролетариату средней Германии, и новоизбранному Центральному Комитету Объединенной Коммунистической Партии Германии не оставалось другого исхода, как призвать пролетариат всей Германии на защиту пролетариата Средней Германии. Центральный Комитет выпустил призыв к общей забастовке. Исход борьбы известен всем. При этом влияние вождя Социал-Демократической Партии, Независимой Социал-Демократической Партии и Объединения Профсоюзов на массы оказалось настолько слабым, что массы и не подумали принять участие в борьбе в момент, когда необходимо было защищать своих же классовых товарищей от нападения контр-революции. Далее обнаружилось, что Коммунистическая Партия и организационно не была еще спаяна настолько, чтобы в качестве слобоченного авангарда ринуться в бой.

В этих горьких истинах вынуждена была германская партия убедиться на опыте, и важнейшей задачей стало для нее — извлечь из этого опыта необходимый урок. В этом отношении Пауль Леви мог бы оказать партии в высшей степени ценную услугу, если бы он сначала, внутри партии, подверг критике обнаружившиеся слабости, недостатки и сделанные во время выступления ошибки. Но недисциплинированность и чувство личного разражения против вождя мнимо левого крыла партии привели его к тому, что он на другой же день после выступления выпустил брошюру, в которой он объявил оборонительную борьбу против провокации Герзинга тяжким преступлением и бакунистским путем, заявляя, что партия теперь разбита и обесслена на многие годы. По мнению Леви, спасти партию от полного уничтожения можно было только сместив членов Центрального Комитета и пригрозив к позорному суду представителей Исполкома в Германии. Такое отношение Леви к мартовскому выступлению заранее отнимало у него возможность составить себе правильное суждение об этом выступлении. Мало того, он этим сбил с толку не мало других товарищей, и таким образом он до-

бился того, что из опыта мартовского выступления не были немедленно же сделаны все те выводы, которые могли бы послужить полезным уроком для устранения организационных недочетов в партии. Леви, хотя и против своей воли, оказала поддержку белому террору и судебной расправе с мартовскими борцами. К нему прикнула часть вождей, но в образовавшейся таким образом оппозиционной группе далеко не было полного согласия: мотивы, по которым отдельные представители этой группы вступили в борьбу с Центральным Комитетом, были весьма различного свойства. А так как эта группа, так же, как Леви сам, стремилась, главным образом, к смещению Центрального Комитета, вместо того, чтобы заняться серьезным изучением уроков мартовской борьбы, то ей не удалось завоевать себе в партийных организациях сколько-нибудь значительного числа сторонников. Оппозиционная группа вождей продолжала оставаться изолированной, своим поведением вызывая все более и более сильное возмущение среди товарищей по партии. Леви не ограничился опубликованием своей брошюры; вместе с несколькими другими товарищами он посетил организации особый союз вождей оппозиции, которые стали устраивать свои особые совещания. Леви начал издавать свой журнал «Совет», в котором он, вместе с другими представителями оппозиционной группы, открыл кампанию против Центрального Комитета партии. В их статьях не говорилось ни слова о полезных уроках мартовского выступления; напротив, вы стали бы также искать в них каких-нибудь практических предложений о том, как усилить партию, — «Совет» писал исключительно о развале партии и о преступных членах Центрального Комитета.

Поэтому Центральный Комитет был вынужден исключить Леви из партии за опубликование брошюры и связанное с этим тяжкое нарушение партийной дисциплины и потребовать от него сложения парламентских полномочий. Леви отказался сделать это, заявив, что, по соглашению с своими, оставшимися в партии единомышленниками, он сохраняет свой парламентский мандат. 8 товарищей открыто заявили о своей солидарности с Леви. А когда Центральный Комитет запретил этим 8 товарищам использовать свои парламентские мандаты для созыва экстренного заседания расширенного Центрального Комитета, еще 8 товарищей заявили о своей солидарности с Леви и с теми 8 товарищами. Так вожди партии систематически подрывали партийную дисциплину, и не приходится удивляться тому, что в партии стало обнаруживаться все более и более сильное возмущение по поводу такого нарушения дисциплины со стороны вождей.

Если Центральный Комитет не применял более резких мер по отношению к этим нарушителям дисциплины, по причине этого надо искать в том, что Исполком Комин-

перна хотел, чтобы решение вопроса о партийном конфликте было предоставлено III Всемирному Конгрессу. В оппозиционную группу вождя входила также тов. Цеткина, к которой, благодаря особенностям ее положения и политической ориентации, необходимо подойти с совершенно другой меркой, чем к Паулу Леви. Тов. Цеткина старей, испытанный боец, она доказала всем своим партийным прошлым, что для нее дело первостепенно выше личных интересов и что она умеет соблюдать партийную дисциплину. Тов. Цеткина была, несомненно, введена в заблуждение теми обстоятельствами, которыми сопровождалось обсуждение в Центральном Комитете доклада об итальянском расколе, и в партийный конфликт она была вовлечена лишь вследствие той обостренности, которую являла вопрос, благодаря Леви. На Всемирном Конгрессе тов. Цеткина, подробно ознакомившись с всеми материалами об итальянском расколе, открыто заявила, что теперь она изменила свой взгляд. То, что она и в оценке мартовского выступления стала на сторону оппозиционных вождей, отчасти объясняется, несомненно, теми же обстоятельствами, о которых мы говорили выше. Если бы тов. Цеткина продолжала оставаться в составе Центрального Комитета, то при обсуждении вопроса о том, как реагировать на провокацию Герзинга, она бы, наверно, примкнула к тому решению, которое было принято Центральным Комитетом; в для Центрального Комитета во время мартовского выступления были бы в высшей степени ценны указания такого опытного товарища, как Клара Цеткина. Вина в том, что Центральный Комитет лишен был возможности прибегать к ее советам, лежит, во всяком случае, не на Центральном Комитете.

В издаваемом Леви журнале «Совет», позднее претенциозно переименованном в «Наш путь», Центральный Комитет партии подвергся самым бессовестным нападкам, и это до некоторой степени подрывало необходимые авторитет руководящего органа партии. Центральный Комитет запретил членам партии сотрудничать в этом журнале, но п.п. Анна Гейер, Курт Гейер, Бернгард Дювель и Марку не подчинились этому постановлению. Правда, они не решились уже писать открыто, под своим именем, и укрывшись за ширму анонимности. Центральный Комитет не прибегал к дальнейшим мерам дисциплинарного воздействия, надеясь, что на III Всемирном Конгрессе весь партийный конфликт в целом получит окончательное разрешение. Надежда эта в полной мере оправдалась: из мартовского выступления были сделаны все необходимые теоретические и практические выводы, и была установлена на ближайшее время тактика, которой должны придерживаться коммунисты. Поступок Леви, опубличившего свою брошюру, был осужден, а исключение его из партии утверждено. Членам партии было запрещено всякое даль-

нейшее сотрудничество с Леви. По окончании Конгресса между участвовавшими в нем представителями оппозиции и официальной делегацией партии, при личном посредничестве Ленина, было достигнуто соглашение по вопросу о том, как ликвидировать партийный конфликт в Объединенной Коммунистической Партии Германии. На августовском заседании расширенного Центрального Комитета весь Центральный Комитет, и в расширенном и в узком его составе, стал на почву московских постановлений и соглашений. Оппозиция заявила также о своем согласии стать на эту почву.

Вместе с тем, однако, представители оппозиции решительно и определенно отказались заявить, — как того требовало большинство расширенного Центрального Комитета, — что они немедленно же прекратят всякое сотрудничество с Леви, и не будут больше устраивать отдельных совещаний. Исполнение этого требования они ставили в зависимость от дальнейшего поведения Центрального Комитета. Такой обход действия представителей оппозиции повел немедленно же проведению в жизнь московского соглашения, хотя Центральный Комитет, с своей стороны, сделал все, от него зависящее, чтобы в интересах партийного движения способствовать дружной совместной работе. Такое положение делало необходимым возможно скорее созвать партийный съезд, чтобы выяснить отношение партии к постановлению III Всемирного Конгресса и тем самым окончательно ликвидировать партийный конфликт.

Все выше изложенное о партийном конфликте было мною написано до партийного съезда. Состав партийного съезда вполне подтвердил, что оппозиционные вожди располагали в организациях лишь совершенно ничтожным числом сторонников. Среди 278 делегатов было не больше 15 представителей оппозиции, и все настроение съезда ясно обнаруживало, что товарищи решили раз навсегда покончить с притворящейся партией вредительностью некоторых отдельных товарищей. Съезд, единогласно, без прений постановил исключить из партии Курта Гейера, Бернгарда Дювеля и Вальдемара, которые, не зная на постановление III Всемирного Конгресса продолжали открыто, под своим собственным именем, сотрудничать в журнале Леви. Тов. Клара Цеткина с полной ясностью увидела теперь, куда ведет путь, избранный Паулом Леви, и, как и следовало ожидать, отказалась от дальнейшего общения с ним, решительно присоединившись к постановлению Конгресса по поводу германского партийного конфликта. Она подтвердила это и своим выступлением в состав Центрального Комитета Объединенной Коммунистической Партии Германии. Надо надеяться, что и остальные товарищи из оппозиции последуют примеру Клары Цеткиной, и тогда партийный конфликт будет исчерпан, хотя не следует закрывать глаза на то,

что то коренное различие во взглядах, на почве которого возник партийный конфликт, остается неустранимым. Партию необходимо сплотить в политическом и в организационном отношениях настолько, чтобы она могла идти прямым путем, не сбиваясь с дороги от случайных уклонений того или иного вождя. Обострение экономического кризиса в Германии ставит партию перед требованием: сплотить рабочие массы под знаменем коммунизма, стать их руководительницей в предстоящих боях и способствовать развитию всей революционной

энергии, дремлющей в пролетариате. Только исполнение этого требования даст возможность довести до победного конца, ценою возможно малого количества жертв, борьбу пролетариата, направленную к свержению буржуазии и установлению пролетарской диктатуры. Только таким образом удастся расчистить путь к созданию коммунистического хозяйства и навсегда покончить с нищетой и рабством.

Вильгельм ПИК.

III Конгресс Коминтерна. Группа делегатов-датчан.

ОТ СЕКТАНТСТВА К КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

(К вопросу о Коммунистической Рабочей Партии Германии).

«Развитие социалистического сектантства и развитие действительного рабочего движения всегда стоят друг к другу в обратном отношении, и до тех пор, пока секты имеют законное основание к существованию (исторически), рабочий класс оказывается еще не созревшим для самостоятельного исторического движения. Когда же он достигает этой зрелости, все секты спадают, по существу, революционные». (Письмо Маркса к Вольфе, 1871).

Ту разновидность любительского марксизма и революционного диалектантства, которая присвоила себе особое наименование «голландской школы», постигла теперь неизбежная общая участь всех сект. Общепризнанная глава этой «школы», Герман Горпер, время от времени произносивший, подобно проповеднику, свои революционные воскресные проповеди со свойственной ему несколько комической мелодраматической манерой, теперь спускается с облаков революционной фразеологии на почву контр-революционной действительности.

Еще недавно эти воскресные проповеди «голландской школы» действовали на активных революционеров приблизительно так, как благочестивые и наивные легенды средневекового святого — на рационалистического теолога. Можно сказать, что эти шумановские (разумеется филипперские) фантомы являлись как бы чтением, пред назначенным для часов отдыха, и, благодаря полной искренности и отказу от всяких приписаний на политические откровения в этих сектантских мечтаниях, читателя не раздражала даже необычайная пошлость этих писаний.

Если и не чувствовалось большого размаха в этих мелодраматических возгласах об империализме, войне, международной солидарности и революции, то, все же, в них был ключом наивней и искренней лиризм. И разве кто-нибудь решился бы теперь, когда путь революции так тяжел, когда связанные с ней проблемы так трудны, когда у нас так много врагов в нашем собственном стане, упрекать другого в том, что он считал революцию мелодрамой и думал, что путь этой революции шире узкой доски, и что по этой доске можно дойти до коммунизма или даже дальше его.

Мы сейчас думаем, что в свое время было правильно не преграждать доступа к Коммунистическому Интернационалу Горперу и его товарищам. Конечно, не из великодушного революционного милосердия к сочинителю мелодрамы, а потому что не нужно забывать, что в тот момент коммунистическое революционное движение не находилось еще в той стадии развития, когда такие незначительные секты, как «голландская школа», утрачивают абсолютно свое историческое право на существование.

В настоящее же время — какие бы трудности ни стояли на пути революции — коммунистическое движение не только выросло в самостоятельное историческое движение рабочего класса, но каждый шаг его возлагает на нас величайшую ответственность. Те, для кого революция представляется мелодрамой, не являются уже теперь забываемым анхронизмом, они не только носят на себе явную для всех печать сектантства, но, с прагматической точки зрения, они для революции безусловно вредны.

В своих двух последних брошюрах («Организация классовый борьбы пролетариата» и «Московский Интернационал») Горпер перешел ту грань, которая исторически отделяет революционную секту от контр-революционности. Из тумана революционных фраз, которыми он окутал себя, он делает прыжок в болото контр-революции. Он оказывается там вместе с иронистическими мятежниками, которые хотели на елизаветинском крестьянстве расчистить путь Черным и Милюковым для свержения власти русского пролетариата. Он заодно с властителями жалкое существование немецких синдикалистов, которые в марше выступили со своим бессовестным обвинением против Москвы и против всего Коммунистического Интернационала. Он не только с этими, так называемыми, «друзьями», но даже пользуется их оружием в своих бесеных напаках против Москвы, против «Московского Интернационала» и Советской России. Он извлекает это оружие из того же арсенала, которым пользовался блаженный Каутский для своей священной войны против «большевистского империализма, чужацкого демократическую Грузию».

Прежде, в «святой простоте», он идеализировал в своих мелодрамах большевистскую революцию, а теперь, противопоставляя *большевистских равнотителей* — западной революции, он усматривает в восставших кронштадтских крестьянах-матросах воплощение *западной революционно направленной*.

Он не понимает того, что это его собственная малая секта и его собственная малая партия (К. А. Р. Д.) утратили окончательно всякое историческое право на существование, он считает катастрофу своей секты, происшедшую вследствие развития рабочего движения, *катастрофой мировой революции* и делает отсюда вывод, что, благодаря катастрофе его секты, «мировая революция отодвигается на долгий срок».

Революционные мелодрамы превратились в иеремиаду, и «голландский марксист», производящий воскресные проповеди, становится уже в них проповедником контр-революции.

Это обстоятельство служит показателем, хотя и отрицательным, зрелости коммунистического рабочего движения.

Оно доказывает также, что III Конгресс в вопросе о К. А. Р. Д. поступил вполне правильно.

Что такое пролетарская политика?

«Голландский вождь» К. А. Р. Д. в один миг приговорил к смерти: мировую революцию, Коммунистический Интернационал и Советскую Россию. Еще перед конгрессом он начал жаловаться:

«Если и теперь, после причиненных ею неизлечимых последствий, будет вновь применяться здесь русская тактика диктатуры партии и вождя, то это будет уже не только глупостью, но просто преступлением, преступлением против революции».

Его угрозы звучат пока еще довольно мягко.

От имени «голландской школы» он запрещает лишь «Радеку, Зиновьеву, Ленину и всем русским и интернационалистам» принимать участие в международном рабочем движении.

Он, как очевидный глава «голландской школы», отдает им попросту приказ:

«Руки прочь от западно-европейской революции!»

После конгресса он уже требует смертной казни.

Смерть Коммунистическому («Русскому»), Интернационалу, Советской России, Российской Коммунистической Партии, всем тем, кто «отодвинул на задний план западно-европейскую, мировую революцию, дабы русская революция могла существовать еще некоторое время. Этим мировая революция обречена на долгую отсрочку».

Это все, в конечном итоге, объясняется лишь тем, что «голландская школа», стоя на пороге пятого года мировой революции, с поразительной проницательностью констатирует, что «русская революция была только по видимости пролетарски-коммунистической»

и что «двусмысленная» тактика и политика Советского правительства, эта пролетарски-буржуазная тактика, совершила Коммунистический Интернационал с правильного пути и сделала из него мелко-буржуазное сообщество. (Отметим здесь, между прочим, что голландская мудрость даже в рядах последователей самой секты не встречает полного признания: Горнер считает задачей своей «левой» «объединить всех «национально», а К. А. Р. Д., не обращая внимания на эту старую теорию, выдвинула лозунг создания «конкурирующего Пролетарского Интернационала»).

Из этого тумана фраз постараемся извлечь, прежде всего, два тезиса голландского Иеремии:

1. Русская революция была только по видимости пролетарски-коммунистической. В действительности же, она в очень малой степени была пролетарски-коммунистической и в значительной мере носила крестьянски-демократический характер.

2. По своему существу республика была не в полной мере коммунистической, а, скорее, пролетарски-крестьянской. Ее тактика, поэтому, все время должна была носить «пролетарски-буржуазный характер». — Отсюда вытекает, что господство пролетариата над крестьянством было в Советской России только видимым. Господствующая партия русского пролетариата, Р. К. П., только по видимости проводит пролетарскую политику, а, в сущности, она является носительницей политики крестьянски-буржуазной.

Таково то «голландское марксистское» ядро, которое получается после удаления обочник фраз.

Для большей ясности начнем с самого начала.

Основной вопрос революции — это вопрос о государственной власти. Цель революционной пролетарской политики — *завоевание государственной власти и ее сохранение* на то время, пока пролетариат вообще будет нуждаться во власти. Является ли та или иная политика пролетарской или буржуазной, — этот вопрос решается путем установления того, *за кем именно эта политика стремится закрепить власть, за пролетариатом или за буржуазией?*

Третьего ничего не может быть. Это третье существует только в программе III Интернационала или в фантасии Горнера. «Двусмысленности» в этом вопросе не может быть; буржуазия, обладавшая властью, ясно показала пролетариату, что в данном случае возможна только политика, имеющая *один смысл*.

Эта истина настолько не изменяется тем фактом, что подавляющая часть населения России состоит из крестьян. Русская революция зародилась не как революция пролетарская; власть не сразу перешла в руки пролетариата после низвержения царизма. Буржуазия захватила власть в свои руки именно благодаря тому, что пролетариат не обладал достаточно ясным самосознанием,

что нашло себе выражение в политике партий, именовавших себя социалистическими (меньшевики, социалисты-революционеры и т. д.).

Политика этих партий не выразилась в стремлении к захвату власти. Поэтому она и не была пролетарской политикой, как и тактика тех большевиков, которые в мартовские и апрельские дни стояли на точке зрения условной поддержки временного буржуазного правительства. Напротив, истинно пролетарской политикой была политика Ленина, на единственно возможная, образцовая марксистская революционная тактика, которую он следующим образом изложил в своих тезисах 4-го апреля:

«Мы должны установить, что в большинстве рабочих Советов наше партия находится в меньшинстве. Это меньшинство в настоящее время очень слабо в сравнении с блоком всех мелкобуржуазных, оппортунистских и находящихся под влиянием буржуазии элементов, передающих это влияние и пролетариату.

Необходимо уяснить массам, что рабочие Советы являются единственно возможной формой революционного правительства и, что следовательно, пока нынешнее правительство находится под влиянием буржуазии — на нашей обязанности и лежит систематически, терпеливо и в соответствии с практическими потребностями масс разъяснять массам ошибки и социалистическо-соглашательскую тактику их» («Правда» № 226, 1917).

Это и была та пролетарская политика, которая в этой, действительно крестьянской, стране обеспечила власть рабочему классу.

Благодаря союзу образующих меньшинство рабочих с солдатами, образующими большинство, т. е. благодаря союзу образующих меньшинство рабочих с крестьянами, образующими большинство, рабочему классу, представлявшему собой меньшинство, и удалось захватить в свои руки государственную власть. Это произошло (как признает и Гортер) таким образом: пролетариат, который был в меньшинстве, взял верх над бывшим в большинстве крестьянством и создал, таким образом, для рабочего класса возможность захвата государственной власти.

Это, согласно Гортеру, есть лишь по видимости коммунистическая политика.

Западному пролетариату не удалось продолжить непосредственно начатое русским пролетариатом дело: завоевание власти рабочим классом (Это не удалось даже в Голландии, несмотря на поддержку со стороны «голландского коммунизма», не удалось на родине «голландской школы»). Главной задачей русского пролетариата было удержание в своих руках власти, а не дальнейшее развитие непосредственно ведущих к социализму переходных мероприятий.

Как можно проводить пролетарскую политику в этих исключительных условиях? Гортер представляет себе дело так: надо

стать на положенную на землю доску и заявить, что только по этой доске можно прийти к коммунизму, а по обе стороны доски — земная нечисть, на которую Коммунизм не должен ступать своими священными стопами. Надо объявить, что только та политика — пролетарская, которая непосредственно ведет к коммунизму. Крестьяне не существуют для пролетариев, капиталистические государства еще того меньше, и с цитатой на устах, заимствованной из произведений поэта, несколько более малавташного, чем Гортер, из Горация, пролетариат умирает с красивым жестом, произнося «Et si fractus illabatur orbis, impravidum feriunt ruinae» (и если рухнет даже весь мир, неустрашимого погребут под собой развалины).

Если бы революционные пролетариат следовали этой политике, то эту политику можно было бы назвать пролетарской. Но для пролетариата это была бы, во всяком случае, плохая политика.

Российская партия революционного марксизма — Российская Коммунистическая Партия не избирала этой плохой «пролетарской» политики. Она не бросилась с героическим жестом на свой собственный меч и не пала власти. Она этого не сделала и тогда, когда пролетариат начинал колебаться и склонен был, пожалуй, принести в жертву свои великие исторические освободительные интересы интересам момента (как сделала это венгерский рабочий класс, не имея руководящей коммунистической партии). Российская Коммунистическая Партия не передала также своей власти недовольному и негодующему крестьянству, чтобы на пачках Чернова не допустить к власти какого-нибудь царского генерала.

Центральной, главной задачей русской революции — мы повторяем это — является сохранение власти.

Сохранение власти здесь, конечно, не самоцель, а лишь неперемное условие для перехода к социализму вообще.

Всякая другая политика была бы направлена не только против сохранения власти, но и против возможности соиздания социализма. При своеобразных русских условиях путь, ведущий к коммунизму, конечно, очень извилист. Путь этот, вероятно, не будет прямым и в наиболее резких случаях капиталистических спиралях, не говоря уже о России.

Впрочем, успехи, сделанные буржуазии Советской властью в области частной собственности, будут сохранены еще на долгое время. По всей вероятности, они будут существовать еще и тогда, когда мы с полным правом будем говорить о существующем уже социалистическом экономическом строе. В наиболее развитых капиталистических странах существуют неслыханные для давно минувших периодов развития. В отдельных местностях Баварии мы встречаем в сельских хозяйствах средневековые условия владения. Мелкая промышленность играет во всех капиталистических странах известную роль,

но никто не станет оспаривать, что в Германии и Франции господствует капиталистический строй.

В России вопрос заключается в том, *чтобы* путем уступок сохранить власть, *чтобы*, благодаря этой власти, экономические разрушающие факторы производства оставались в руках пролетариата. Таким образом — хотя и окольным путем — гарантируется возможность развития в направлении к социализму.

Пролетарская политика должна была целиком сосредоточиться на вопросе о сохранении власти. Пролетариат и руководящая партия рабочего класса должны были, в целях достижения этой цели, действовать, считаясь со сложившимся своеобразным положением. В интересах сохранения власти приходилось, ввиду этого *своеобразного положения*, отказаться от осуществления некоторых глубоко проникающих в жизнь мероприятий, как например, национализация торговли, хлебная монополия и т. д. Ими пришлось бы пожертвовать даже в том случае, если бы эти мероприятия не являлись последствием вренного положения, т. е. не были «военно-коммунистическими мероприятиями», вызванными гражданской войной.

Своеобразное положение, сделавшее необходимой эту политику, заключается в переходном состоянии сельского хозяйства и промышленности, которое, однако, не является исключительной особенностью России, обнаруживаясь в России лишь в наиболее ярких формах. Промышленность оказалась разрушенной во время войны и, благодаря этому, произошел перерыв этого процесса, в течение которого сельское хозяйство становилось все в большую и большую зависимость от индустрии. Развитие не ограничилось этим перерывом, но изменилось самое взаимоотношение между индустрией и сельским хозяйством. Нуждающаяся в сырье индустрия и города, страдающие от недостатка жизненных припасов, оказались в зависимости от сельского хозяйства, от крестьянства. Мы наблюдаем признаки этого явления во всей средней Европе. То же явление наблюдается в южно-американских сельскохозяйственных государствах, причем, в противоположность Европе, там это наблюдалось как до войны, так и во время ее. В России, соответственно уровню ее развития, это изменение функций наступает в настоящее время еще более отчаянно.

В России, где рабочий класс стоит у власти, представляется одна единственная возможность для истинно — пролетарской политики: сохранить власть во что бы то ни стало, ценой всех возможных жертв до тех пор, пока деревня, в результате восстановления и нового развития крупной промышленности, снова не окажется в зависимости от города не только в силу насильственных мер, но и экономически. А затем уже социализм, положив конец антагонизму между деревней и городом, легко превратит

различные, но всегда односторонние отношения, созданные капитализмом и войной во взаимную хозяйственную зависимость. Поэтому необходимо было допустить концесси и сделать крестьянам экономические уступки.

Несомненно, что всякое общественно-политическое мероприятие, даже малейшее уменьшение прибыли, является со стороны спящей у власти буржуазии *уступкой*. Об уступке приходится говорить даже в том случае, когда капиталистическое государство, уступая одну позицию, широко вознаграждает себя за это захватом другой (как это почти всегда бывает). Каждый здравомыслящий социалист, даже реформист, знал и знает, что буржуазия стремится путем этих уступок возможно дольше сохранить свою власть; этими общественно-политическими мерами она хочет ослабить классовую борьбу рабочего класса. Это ей и удалось теперь, если не навсегда, то на довольно продолжительное время.

Каждый коммунист знает — и даже некоторые сторонники II/3 Интернационала делают вид, что тоже знают об этом, — что политика общественно-политических, социальных уступок и есть *классовая политика буржуазии*. Это — несомненный факт, какими бы способами парламентской или иной борьбы рабочий класс ни добился этих уступок.

Гортеру не приходило однако до сих пор в голову квалифицировать общественно-политические уступки Бисмарка или Ллойд Джорджа, недовольному рабочему классу, как пролетарскую политику, хотя целью их было, несомненно, обеспечить власть буржуазии (Теглер, его голландско-марксистское глубокое мышление, усмотревшее в вышедших из крестьянской среды кронштадтских матросах воплощение западной революции, приводит его, пожалуй, и к этому выводу). Те уступки, которые господствующий в России пролетариат сделал крестьянству, *в целях укрепления власти рабочего класса*, он без колебаний квалифицирует, как мелко-буржуазную или даже просто как буржуазную политику. Не подлежит сомнению, что уступки, сделанные пролетариатом иностранным капиталистам и крестьянству, тянут в себя гораздо большие опасности, нежели общественно-политические «уступки» буржуазных государств. Молодой аппарат власти и сильно пошатнувшаяся политическая организация пролетарского государства не могут выдержать экономического наступления международной контрреволюции и натиск крестьянства столь продолжительное время, как экономические и государственные организации буржуазии выдерживают классовую борьбу пролетариата. Если бы политика русского пролетариата не была построена на международной пролетарской революции, которая неминуема, хотя ход ее и замедлен, то перспективы русской революции по отношению к крестьянству были бы, конечно, весьма печальны. Международная революция выручит Россию из беды.

даже в том случае, если «голландская школа» откажет ей в своей помощи.

Благодаря политике Российской Коммунистической Партии, русский пролетариат не только завоевал власть, но и удержал и удерживает ее до сих пор, несмотря на крипические обстоятельства. Это — не подлежащий сомнению факт. Государственная машина находится в руках не пролетариата и крестьянства, а в руках рабочего класса. Политика, имеющая своей целью сохранение государственной власти в России, по необходимости считается с крестьянством. Но это не пролетарски-буржуазная политика, а чисто пролетарская, также как политика Шейдемана была не пролетарски-буржуазной, а чисто буржуазной, ибо она преследовала цель сохранения государственной власти в руках буржуазии. То, что пролетариат обладает по отношению к крестьянству настоящей властью, а не мнимой, как это утверждает Горнер, — это доказывалось тем, что Русская Советская Республика проводила до сих пор все свои государственные мероприятия по отношению к крестьянству, — в пределах, допускаемых обширностью территории, — применяя силу, где это вызывалось необходимостью, а где было возможно, — и без применения силы. Она достигала своей цели, несмотря на все недостатки нового бюрократического государственного аппарата.

Если Горнер хочет найти пример подлинной мелко-буржуазной политики во время революции, то он должен обратить свои взоры на политику венгерских социал-демократов, проводившуюся ими во время существования в Венгрии Советской Республики. Их политика является полной противоположностью политике Российской Коммунистической Партии. Самыми рьяными приверженцами социализации были в Венгрии в период существования Советской Республики некоторые временно перекрасившиеся в красный цвет социал-демократические вожди. Для них революция была социализацией и только социализацией. Один из них написал статью против советского правительства, обвиняя последнее в том, что оно оставляет до 100 тысяч (около 50 десятин) земли в руках крестьянства. Социализация проводилась в Венгрии с молниеносной быстротой. С величайшей злобностью дебатировался вопрос о «непрерывности производства», и даже призвы рабочих в Красную Армию была приостановлена. Эти люди были бы, и теперь, конечно, пропьянниками всяких экономических успехов, будучи вместе с тем спорщиками успехов политическими. Они согласились бы, скорее, дать буржуазии свободу печати и собрания, чем сделать крестьянству какую-либо экономическую уступку. Когда некоторые вожди профсоюзов завязали за спиной коммунистов политические переговоры с Антантой и заключили с буржуазией политический договор, то «поверженцы социализации» не думали совершенно о том, что эти политические договоры должны будут иметь послед-

ствием полный отказ от социализации. Эта типичная мелко-буржуазная политика, копия которой в настоящее время, после двух лет белого террора, в власти крупную буржуазию в Венгрии, была именно следствием того, что вопрос о власти был оподлиннен на задний план. Причиной падения Венгерской Советской Республики можно считать во обстоятельстве, что главная цель споявшихся у власти кругов заключалась не в сохранении власти, а, они прежде всего, стремились к социализации и непрерывности производства. Отсюда следует, что причина падения Венгерской Советской Республики заключается не в ее политике «по русскому образцу», как это доказывает Горнер, а как раз в ее противоположной политике.

Политика Венгерской Советской Республики была и помимо уступок крестьянству и капиталистам совершенно не пролетарской политикой (она и не могла быть таковой, ибо диктатура там не опиралась на руководящую партию). Политика же Российской Советской Республики, именно благодаря экономическим уступкам, есть пролетарская политика, ибо пролетарская политика в России в настоящий момент заключается, прежде всего, в сохранении пролетарской власти — всеми средствами и ценой всяческих экономических уступок.

Конец Коммунистического Интернационала

ИЛИ

Конец коммунистической секты?

Русские: Ленин, Зиновьев, Редек (копировать, впрочем, такой же русский, как Горнер немец) губят Коммунистический Интернационал. Коммунистический Интернационал погибнет от их русской политики. Так расуждает Горнер.

«Российская Советская Республика, говорит он, т. е. Российская Коммунистическая Партия, приняв III Интернационалом. По мелко-крестьянской демократии России приобретает все большее влияние и большую власть над Российской Советской Республикой, власть политическую и экономическую.

Но и заграничные капиталисты приобретают все большую и большую власть над Советской Республикой.

Итак, кто же правит III Интернационалом?

Мелко-крестьянская демократия России и пока еще мало, но постепенно все больше и больше, — капитализм».

Мы не станем винить во все подорожности этой неслепой шутки. Но мы могли бы с таким же основанием доказать, что политика К. А. Р. Д., через посредство Горнера, направляется владельцами фирмы Бен-Гулен и японских корабельных компаний. Крайний смысл — или, вернее, крайняя бессмыслица

длинной речи Гортера, сводится к следующему:

Русские хотели, опасаясь своего падения, приблизиться к массам и «избрали путь оппортунизма». Они составили 21-пункт условий, благодаря которым в Коммунистическому Интернационалу примкнули крупные массы: массовые партии, оппортунисты вроде Леви, Серраи (которые, кстати сказать, уже вылетели из Интернационала) и — наш автор хочет тут злобно свести и маленький домашний счет — Вайнкуп. Таким образом, III Интернационал превратился, по словам Гортера, в «архаичную, гнилую, даже контр-революционную корпорацию».

(Заметим в скобках, что Леви оправдывает свою меньшевистскую точку зрения как раз обратными аргументами. По его мнению, 21 пункт привел к сектанству, московское господство привело к путчизму и, в конце концов, к контр-революции. Интернационал будто бы стал «архаичным и гнилым» потому, что русские заботились только о количестве, а не качестве членов партии. Именно поэтому, по мнению Гортера, и гибнет «мировая революция», та мировая революция, которую он уже много лет тому назад возвед в красивых мелодраматических образах.

Ошибка заключается здесь в следующем: сектанство Гортера коренится в том, что он *раз навсегда* предсказал мировую революцию как *непосредственный* результат военного разгрома. А так как пролетарская революция в *мировом масштабе* не совершилась, как *непосредственный* результат военного разгрома, то он впал в ошибку, противоположную ошибке тех, кто не представляет себе дальнейшего развития революции иначе, как в виде следствия новой войны. Гортер отделил мировую революцию от конкретных экономических условий, от рабочего класса, от всего реального. Он стал представлять себе ее отвлеченно потому, что она не совершается буквально так, как он это предсказал. Он создал из революции *абстрактную идею*, которую он никому не позволяет осквернять. Но так как Коммунистический Интернационал считается с возможностью ошибок, не боится того, что ранее намеченные им перспективы могут оказаться ошибочными; так как его тактика зиждилась не на святости однажды высказанного слова, а на реальных фактах, на положении мирового хозяйства, на степени развития рабочего класса и на соотношениях вражеских сил, — то, конечно, эта тактика должна казаться оппортунистической всем Гортерам, смотрящим на все сквозь очки «голландского марксизма».

Гортер не желает снизить к конкретной позиции Коммунистического Интернационала. Он упорно стоит на том, что революция только абстрактная идея и что нужно привлечь рабочих на сторону этой абстрактной идеи. (Лишь немногие должны сплотиться вокруг этой идеи в возможно небольшую партию; чрезмерная популярность партии может осквернить ее чистоту).

Но исходная точка Коммунистического Интернационала существенно разнится от исходной точки Гортера. Коммунисты убеждены в том, что не рабочие — для революции, а что революция — для рабочих.

И именно потому, что Коммунистический Интернационал, идя по этому пути, пришел на деле к таким тактическим и организационным принципам, которые соответствуют данному экономическому и политическому мировому положению и настоящим условиям рабочего движения и революции, он неминуемо должен был заслужить обвинение Гортера в оппортунизме со стороны. Частичные выступления и революционная массовая партия, утверждает он, были тем камнем преткновения, споткнувшись о который мы попали в болото оппортунизма. Участие в парламентских выборах, стремление к революционизированию профсоюзов, тактика, заключающаяся в создании коммунистических ячеек, — послужили той наклонной плоскостью, по которой Коммунистический Интернационал скатился к оппортунизму. Все это произошло оттого, что во главе этого Интернационала стоит партия, которая больше считается с крестьянской демократией, нежели с пролетариатом, которая и в дальнейшем будет вынуждена и сама идти по этому пути и поведет за собой весь Интернационал.

Это рассуждение окончательно опровергается двумя его же собственными положениями.

Пролетариат в России делает крестьянству уступки. *Пролетариат* вынужден считаться с требованиями, предъявляемыми крестьянством *господствующему* рабочему классу. Он вынужден это делать, принимая во внимание состояние всего Интернационала. Дело обстоит именно так, а не наоборот. Если бы среди секций Интернационала Германская, Итальянская и Чехословацкая партии не находились еще в состоянии *борьбы за власть*, а обладали бы властью, то русский пролетариат был бы, конечно, менее уступчив по отношению к крестьянству. Наоборот, именно по обстоятельству, что русский пролетариат вынужден делать крестьянству уступки, несомненно, опасные для власти рабочего класса, — именно это должно *отвращать коммунистические партии от оппортунизма*. Это не значит, что они, оказывая помощь русской пролетарской революции, должны *мигрировать* фактическое положение вещей на свои «родные»; это не значит также, как думают некоторые, что уступки стоящего у власти русского пролетариата имеют основание *западным коммунистическим партиям* сосредоточить всю свою деятельность на борьбе за частичные требования, на подобие требований социалдемократической переходной программы (Гейер и Довелль, которые вместе с Леви были защитниками этих требований в «оппортунистической» Объединенной Коммунистической Партии Германии — V. K. P. D., *уже исключены из Коммунистического Интерна-*

дионала). Уступки должны побудить каждого коммуниста, при обсуждении вопроса о необходимой тактике, после основательного рассмотрения конкретных своеобразных условий данной страны, принять во внимание также и положение в Советской России.

Если коммунист поступает таким образом, если он принимает во внимание — даже как второстепенный фактор — не вполне безопасное положение Советской России, важность существования или несуществования Советской России для мировой революции, — то это, мы уверены, не приведет его к оппортунизму.

Если бы Гортер сказал, что наличие оппортунистических элементов в Коммунистическом Интернационале имеет свое влияние на политику России в вопросе о концессиях, то случайно он сказал бы нечто, похожее на истину. Он мог бы доказать, что упущения и предательство искаженных из Коммунистического Интернационала серрапианцев, задерживая революцию в Италии, влияли на развитие международной революции и, таким образом, неблагоприятно действовали на положение Советской России.

Между тем, исходной точкой для Гортера служит не реальное историческое движение рабочего класса, а интересы его маленькой секты и бродящая у него в голове абстрактная идея революции. Этим и объясняется то, что он даже и опьяделенно не может приблизиться к действительности.

Следствием этого является то, что он, как глава секты, видя, наконец, крушение своей абстрактной идеи и изолированность своей секты от рабочего движения, видит в своей гибели и в гибели своей секты гибель всей мировой революции и всего мирового пролетариата.

В Коммунистическом Интернационале имелись оппортунистические элементы (Серрати, Левы, Гейер и др.). Несомненно можно и сейчас найти не мало отдельных оппортунистов среди революционных партийных масс. Вступление массовых революционных партий не означает однако растворения Коммунистического Интернационала, гибели мировой революции или преобладания в Коминтерне мелкобуржуазных элементов. Наоборот, это означает самостоятельное вступление больших масс в революционное движение, между тем как цепляющиеся за свое существование секты неизбежно увлекутся полюком контр-революции. Это и случилось с сектой Гортера.

Всеисцеляющее средство голландской школы.

Диагноз нашего хирурга установлен, что мировая революция больна, что она при смерти. Рассмотрим те средства, которые он рекомендует для радикального лечения.

С тактикой Гортер не церемонится. Он запрещает больному принимать участие в парламенте и в профсоюзах. Черное — по обычным синдикалистским основаниям, впло-

рое — отчасти по той причине, что в профсоюзах организованы большие массы пролетариата; соприкосновение же с массами вредит числоте сектантского учения.

Но он прописывает большой мировой революции не только лекарство воздержания, но дает и всеисцеляющее средство в форме следующего рецепта:

«1. Объединение всех рабочих, громадного большинства в «унион».

2. Объединение наиболее просвещенных рабочих в партию.

3. Единство униона и партии.

Цель: классовая диктатура самого пролетариата».

Рассмотрим последовательно все ингредиенты этого всеисцеляющего средства. Сначала — объединение всех рабочих, большинство пролетариата в унион.

Возникает вопрос: почему именно в унион, а не в профсоюзы, которые должны быть революционизированы?

Ответ Гортера таков:

«Профсоюзы не годятся для этого, так как они, прежде всего, старомодное оружие из времен эволюции».

Рабочее движение имеет однако в своем распоряжении и другое оружие, восходящее к «временам эволюции». Но этого оружия никто не думает выбрасывать в чулан на том основании, что оно старомодное. Так, упомянем, например, об историческом материализме, тоже продукте «времен эволюции», о котором тем не менее без конца говорил Гортер.

Предположим, что профсоюзы, действительно, представляют старомодное оружие. Признаем несомненный факт, что во главе профсоюзов стоят, действительно, бюрократы, контр-революционные бюрократы, которые связывают по рукам и ногам отважных коммунистических борцов. Согласимся с утверждением Гортера, что исторический материализм предписывает пролетариату организовываться не по профессиям, а по предприятиям. Мы сомневаемся только в справедливости того утверждения, что пролетарий «может себя вести на фабрике, как свободный человек, как свободный боец» (Гортер, несомненно, уже давно — а, может быть, и никогда — не видел фабрики).

Признаем также, что программа Коммунистического Интернационала в профессиональном движении состоит в революционизировании профсоюзов путем создания коммунистических партийных ячеек в отдельных предприятиях и в местных профессиональных группах.

Для целей революционизирования, без сомнения, безразлично, будет ли в основу объединения экономических организаций положена профессия, или предприятие, или, наконец, отрасль производства.

А какковы революционные преимущества унион?

Мартовские события в Германии показали, что контр-революционные ростки оди-

накбю имеются как в молодых организациях унионов, так и в старых окостеневших профсоюзах. К. А. Р. Д. вынуждена была включить в свою программу «революционизирование унионов». А последний конгресс Всеобщего Рабочего Униона (А. А. У.) показал, что революционизирование этого объединения, имеющего небольшое число членов, отнюдь не менее трудная работа, чем революционизирование действительно массовых организаций, профсоюзов. Уклонение от революционизирующей работы в профсоюзах, поэтому, сейчас является *дезертиризмом* от революционной работы, уклонением от воздействия на массы, которым необходимо внушать революционное классовое самосознание.

Но, может быть, унионы обладают такими, присущими их организационной форме преимуществами, которые *заранее* уже устраняют «своиственные профессиональной форме недостатки»? Послушаем Гортера.

«Организация, связанная с предприятием, унион, всегда подвергается, таким образом, опасности, что она будет *саботировать революцию*, дабы добиться небольших удачешений, дабы завоевать призрачную власть, дабы увеличить количество членов сомнительными элементами и т. д. и т. д.»

Итак, форма униона также не исключает опасности *реформизма*. Первой опасностью, таким образом, является *реформизм*.

«Вследствие неведения, из эгоизма и т. д. отпадшая личность, напр., руководитель движения в данном предприятии, поставив себя, свои собственные интересы (как вождя) выше интересов революции. То же самое сделает какая-нибудь фабрика, местность, округ. Единство, необходимое для революции, исчезает. Это уже можно наблюдать в некоторых унионах.»

Вторая опасность: индивидуализм является не только угрозой для будущего. Самое типичное мелко-буржуазное свойство, индивидуализм, гиседится уже в этих единственных душевладельческих организациях. Но синдикалистские, децентрализирующие федералистские течения А. А. У. препятствуют тому, чтобы *энергичный и сильный центральный, руководящий орган* мог подавить эти мелко-буржуазные инстинкты в унионах. *Третью опасность* усматривает Гортер в *утопиизме*. Мы, без колебаний, допускаем, что он прав и здесь. *Утопизм*, — в насупийский период развития революции *реакционный утопизм* — это та опасность, которую таит в себе всякое сектанство.

Реформизм, мелкобуржуазный индивидуализм, реакционный утопизм не только не являются угрозами для будущего, но они и сейчас уже представляяют собой гибельное зло для унионизма не в меньшей мере, чем для какого-нибудь, обладающего 50-летней давностью профсоюза с солидной кассой. Профсоюзы, при своем централизованном устройстве, обладают тем преимуществом, что коммунистическое правление (это не утопия!) будет, в состоянии нейтрализовать и подавлять

присущие и унионизму противо-революционные свойства.

Стремление к разрушению профсоюзов в интересах униона есть, следовательно, не что иное, как обычный саботаж, тормозящий развитие революции, искание окольных путей, чтобы не идти прямым путем к революции.

В аптеке Гортера можно найти средство против всех зл. Даже против его всеисцеляющего средства. Унион есть реформистская, мелкобуржуазная, индивидуалистическая организация, как это признает сам Гортер. Таким образом, нужна партия, которая объединила бы действительно революционные, «вполне сознательные элементы» пролетариата и, не будучи для пролетариата диктатором, повела бы унионы по пути убеждения («кормчий» унионов). Как же, по мнению Гортера, должна быть, составлена эта партия?

Во-первых, она не должна быть *парламентской*.

Во-вторых, она должна завоевать диктатуру не для себя, а для класса, для всего пролетариата, для его подавляющей массы.

В-третьих, «коммунистическая партия должна быть малочисленной». «Таким образом, партия должна быть всюду небольшой».

Как мы видели, партия должна включать в себя только избранную часть пролетариата. К каждому члену партии Гортер предъявляет такие требования, при ознакомлении с которыми невольно ожидаешь, когда же, наконец, появится докторский диплом и двухлетняя работа в каком-нибудь семинарии по государственному праву. Даже к члену униона он предъявляет требования, равносильные экзамену на аттестат зрелости. Несмотря на это, он, все же, опасается, что они будут надеяться, что парламент будет действовать *за них*, между тем как они должны сами действовать. Мы не станем разбирать во всех подробностях эти, дышащие презрением к рабочему классу, синдикалистски-антипарламентские пошлости интеллигентно-сектанства.

Партия должна стремиться не к диктатуре партии, ее вождей, но к диктатуре класса ил, по меньшей мере, его подавляющей массы. Затем следует на этот раз не синдикалистская, а замштованная, главным образом, из лексикона Каутского и сторонников И/2 Интернационала брава по адресу диктатуры вождей и партии и противоположение партии и класса, которое он сам ставит всякого смысла требованием «малочисленной партии».

Гортеру нужна «небольшая партия» для того, чтобы руководить пролетариатом *своими* в верных руках, чтобы «глаз» (партия) смотрел уверенно вперед, чтобы «мозг» (партия) действовала с полным знанием общественных условий. Можно было бы подумать, что верная рука, зоркий глаз, мозг, обладающий глубиной знания, не являются самоцелью, но имеют своей задачей вести отста-

льые элементы пролетариата к завоеванию и сохранению власти.

Но именно понятие о руководстве Гортер не по душе — для него существует только одно руководство, а именно социал-демократическое. Так как он сектант-пропагандист, которому не удалось еще приобрести к движению такой рабочей группы, которая может быть названа массой, хотя бы только в голландском масштабе, то о руководстве Гортер не имеет никакого понятия.

Верный глаз, мозг, обладающий всей глубиной значения, должны не только убеждать рабочий класс в справедливости учения об историческом материализме и не только разрешать пропагандистские задачи. Они должны во-время угадывать и улавливать не выраженные еще желания масс и подметать угрожающую со стороны контр-революции опасность.

«Глаз» и «мозг» должны анализировать соотношение сил классов, должны взвешивать возможность действия, намечать необходимые при данном положении выступления, подыскивая для них такие формы и лозунги, которые обеспечат бы наиболее подходящие формы для концентрации сил рабочего класса в одной точке или для распределения их по различным пунктам. «Верный глаз» и «тяжелый глубокий мысленный мозг», которые находят свое выражение в партии, — это и есть *политическое руководство*.

Недостаток этих качеств и есть наиболее характерная черта для сектантских пропагандистов; поэтому они не способны к руководству даже самыми незначительными массами.

Напротив, «твердая рука» есть выражение *организаторского руководства*. «Твердая рука» необходима для организаторского осуществления политического руководства. Организованный пролетарский партийный аппарат должен политически руководить всеми широкими слоями масс и устраивать всякое колебание, которое может проявиться благодаря перевесу каких либо преобладающих интересов дня. Корабль пролетариата (Гортер называет ведь партию кормчим) должен быть направляем твердой рукой по тону пущи, который намечается политическим руководством («мозг и глаз», по Гортеру). «Твердая рука» обозначает дисциплинированное руководство и осуществление дисциплины, а также применение *методов принуждения* в те революционные периоды (контр-революция, гражданская война, моменты колебаний), когда для применения *методов убеждения*, благодаря особым условиям, нет ни времени, ни возможности.

Доказав, что он совершенно незнаком с самой сущностью политического и организационного руководства, Гортер против собственной воли доказывает также, что *диктатура партии неизбежна*.

«Должна ли партия получить верховную власть?» — спрашивает он. Он не отвечает отрицательно на этот вопрос, а только

говорит, что не знает, должен ли union или партия обладать этой верховной властью.

Диктатура же есть не что иное, как власть. Если верховная власть находится в руках партии, то это не что иное, как диктатура партии, против которой с такой яростью ополчился Гортер в своей «борьбе с ветряными мельницами». Диктатура партии не исключает, конечно, диктатуры класса, но, наоборот, заключает ее в себе, ибо противоположность их есть лишь искусственное построение, которое с таким прогностическим согласием создали независимо друг от друга Гортер и Каутский.

Единственное противоядие против партийной диктатуры, по Гортеру — это, такой порядок, при котором партия получит верховную власть, в union, советы и другие массовые организации рабочего класса послелят между собой остальную власть.

Противоядие же против диктатуры вождей, по Гортеру, заключается в том, чтобы партия была «мала и чиста» и состояла только из таких лиц, которые обладали бы большими и глубокими познаниями и были всеспоронне знакомы с национальной и международной политикой. *Это, приблизительно, те требования, которые должны быть предъявлены хорошему вождю рабочих.* Партия должна, таким образом, по мнению Гортера, состоять из одних вождей. Партия должна опастиваться «малой», хотя мы и должны убедить большинство, громадное большинство пролетариата в справедливости коммунизма. Это «подвояжающее» большинство не может ни в коем случае быть в партии, так как партия должна опастиваться «малой».

Партия, должна, следовательно, представлять собой лишь замкнутый кружок пропагандистов, состоящий из немногих вождей, и эта партия должна обладать верховной властью, чтобы осуществлять *классовую диктатуру пролетариата в противоположность диктатуре партии*.

Всего этого Гортер требует не только в интересах классовой диктатуры. Он требует этого «во имя исторического материализма», для охрания энциклопедии революции от восточного большевизма, который, в угоду своей мелкобуржуазной политике, хочет объединить в массовых партиях рабочий класс западно-европейских стран вокруг Коммунистического Интернационала.

Массовая партия есть, впрочем, тот особенный пункт, против которого сильнее всего направлена сектантская злоба «голландской школы».

«Голландский марксист» забывает в этом своем припадке бешенства, что революционная массовая партия и есть именно *результат впадной пролетарской революции, результат приспособления к потребностям впадной революции*.

Своеобразные условия России создали большевистскую партию. При *неотложности* масс, которые вследствие отсутствия *малышности* и не могли быть организованы, имен-

не небольшая сравнительно партия должна была взять на себя революционизирующую и руководящую роль по отношению к пролетариату. Она имела дело с неорганизованными массами, с массами, политически и экономически не находившимися в организационной зависимости от других партий и объединений. Она должна была выработать их из нут идейного только, а не организационного руководства буржуазных и мелко-буржуазных социалистических партий.

Мы не знаем еще, к чему приведет тот процесс дезорганизации немецкого пролетариата, который наступил после отрезвления от организационной горячки, охватившей его на другой день после ноябрьского переворота. Мы не знаем еще, к чему приведет наблюдающееся в последнее время уменьшение числа членов профсоюзов, ухода из социал-демократической партии без вступления в коммунистическую, — создается ли это явление громадные неорганизованные беспартийные массы, завоевать руководство которыми было бы для коммунистической партии задачей гораздо более легкой, нежели привлечение в свои ряды рабочих, организованных в других партиях. Как в Германии, так и в других странах Запада имеются, без сомнения, громадные массы пролетариата, которые находятся в рядах *некоммунистических партий*. Это побуждает, конечно, коммунистов стремиться привлечь и в свои ряды *возможно* большие массы, поставить их под свое руководство не только идейно, но и организационно.

Условья легальности увеличили и партию русских коммунистов. Партия должна была открывать и расширять доступ в свои ряды, по мере того, как расширялись задачи, связанные с руководством массами. Идея коммунизма нашла доступ как в ряды неорганизованных рабочих масс, так и в ряды *пролетариев*, организованных в другие рабочие партии. Р. К. П. сделала массовую партию и, как революционная массовая партия, нашла те коррективы, которые, несмотря на ее рост, обеспечивают ее чистоту. Она принесла в эту новую массовую организацию все свои старшие революционные традиции.

Руководящие партии западной революции немедленно же при своем возникновении оказались лицом к лицу перед сложными, широкими задачами.

Борьба с могущественными социал-демократическими партиями и процесс разложения этих партий увеличивали сложность этой задачи. Значительная организованность и организационный опыт широких пролетарских масс, а также и опыт буржуазии требовали расширения круга действий западных коммунистических партий. А это, в свою очередь, требует — даже технически — привлечения к работе и дисциплинированного участия в ней большого числа коммунистов. Западные условия создали еще до победы революции революционные массовые партии. Корректив ко всем тем потенциальным опасностям, которые являются спутниками роста мас-

совых партий, заключается не только в чистке, но и в расширении и углублении партийной работы и в обеспечении сознательной и строгой дисциплины. Способы этого очищения и другие организационные меры, по необходимости отличные от русских, коммунистическая партия каждой страны опчастижуже нашла, отчасти, несомненно, найдет еще, и, таким образом, революционный характер партии будет обеспечен. Массовая партия, революционная массовая партия есть не только следствие развития западно-европейской революции, но и *непрерывное предварительное* условие ее победы.

Только сектантская слепота и сектантский страх перед фактами могут заставить не видеть этих фактов. Только магия величия вождя секты может позволить ему называть пролетариату придуманную им организационную форму, которая совершенно не соответствует настоящему историческому периоду западно-европейского революционного движения.

По словам Лауфенберга.

Общепризнанный глава голландской школы отказался от всякой общности с Коммунистическим Интернационалом. Надо сказать правду, что он никогда не имел много общего с рабочим движением. Помехой этому было, прежде всего, непонимание им как раз того, что у него всегда на языке: марксизма, исторического материализма. Непонимание не освобождает однако никого от подчинения законам диалектики, и вот, по этим неспросяным законам диалектики, Гортер со всеми своими псевдо-радикальными фразами оказался в том пестром лагере врагов пролетарской революции, где собрались теперь: кронштадтские мятежники, украинские бандиты, Серрати, Леви, Каутский, Лауфенберг и Вольфгейм, Роде и прочие литературного кафе под вывеской: «Аktion». Все они, хотя и скалят друг на друга зубы, но сообща вопят против большевизма, партийной диктатуры и оппортунизма Коммунистического Интернационала.

Переход в ряды контр-революции есть неизбежная участь всякой секты. Все те, кто не может отказаться от *собственного, особого* рабочего движения, должны рано или поздно прийти к конфликту с истинным, живым рабочим движением, если даже они, как Гортер, субъективно *хотят* революции и пропагандируют ее, как абстрактную идею. До тех пор, пока революция находится в стадии чистой пропаганды, до тех пор, пока ее пропагандируют только небольшие группы и пока она не проявляется ни в какой *организационной работе* и ни в каких массовых выступлениях, — до тех пор секта может и не играть предельской роли противника, неожиданно нападающего на массы как раз тогда, когда они начинают превращать революцию в организацию и в действие. Лауфенберг и Вольфгейм, пропагандисты нацио-

нального большевизма и унитаризма, могли в течение некоторого времени оставаться *пропагандистами* революции. И изолированность от истинного рабочего движения, «один шаг которого много ценнее дюжины программ» (даже хороших, не говоря уже о плохих), привел их сначала на путь пропаганды против Советской России и Коммунистического Интернационала, а затем в объятия сомнительных интеллектуалов и несомненных националистов — офицеров Людендорфа. Наконец, во время мартовских событий весь дикий контр-революционный вой немецких националистов был нежным лепетом в сравнении с тем *единственным* заявлением, с которым эти злощастные главари секты самым позорным образом нанесли удар ножом в спину истекающему кровью в героической борьбе противариату Средней Германии. И это несмотря на то, что оба они были некогда революционеры, в известной *первой* революции.

Контр-революционное превращение Гортера обнаруживает типично и неизбежно те же черты, как и превращение Лауфенберга и Вольфгейма. Гортер также утверждает, что Советская Россия выдает международную пролетарскую революцию головой английскому капиталу, как это доказывал и Лауфенберг. И он спрашивает о том, что же Россия и Коммунистический Интернационал противопоставляют английскому капитализму.

Советская Россия уже противопоставила однажды (мы должны напомнить об этом Гортеру), при очень тяжелых условиях, свою Красную пролетарскую и крестьянскую Армию не только английским, но и американским и французским империалистам, — даже всем им одновременно. В соответствии с изменившимися обстоятельствами, противодействие будет оказано теперь английскому империализму не при помощи Красной Армии, борьба будет вестись теперь *иными средствами пролетарской политики согласно с новыми условиями*.

Эти средства будут состоять в нейтрализации и привлечении крестьянства на сторону Советской власти, чтобы обеспечить и укрепить силу сопротивления пролетарской власти экономическому наступлению Ллойда Джорджа и капиталистов-концессионеров. Только *этой пролетарской политикой* и привлечением крестьянства на сторону Советской власти и можно достигнуть того, чтобы *при изменившихся обстоятельствах* эти крестьяне снова вошли в ряды Красной Армии для борьбы против английского империализма.

Коммунистический Интернационал и Красный Интернационал Профсоюзов противопоставляют английским капиталистам английский пролетариат.

Эти стремления до сих пор не имели явного успеха.

Мы можем утверждать, учитывая все условия английского рабочего движения, что в ближайшем будущем в главе английского пролетариата будет стоять партия более сильная, обладающая большим опытом и влиянием, при том *охватывающая большие массы*, чем нынешняя Коммунистическая Партия Великобритании, насчитывающая всего несколько тысяч членов и, тем не менее, притягательно именуемая голландской школой «массовой партии».

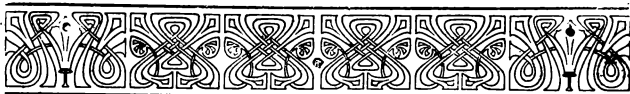
Кроме того, Коммунистический Интернационал поддерживает дисциплинированные и координированные действия всех коммунистических партий, влияние которых теперь не следует слишком низко оценивать; он поддерживает также развивающуюся национальную революцию в английских колониях и полуколониях, но при этом ему приходится отказываться от поддержки «голландской школы».

Коммунистический Интернационал оказался также от содействия секты Лауфенберга и Вольфгейма. Рюле, его друзья и единомышленники не имели никаких всемирно-политических перспектив и поэтому они склонились до контр-революции не по плоскости мировой политики, а благодаря привязанности к тем душещепетильным организационным формам, смысл которых их очень роднит с Гортером. Но как Рюле, так и Пфеферт сделали врагами революции, *настоящими, неподдельными врагами всякого революционного массового движения*, с той лишь разницей, что один из них проповедывает контр-революцию как школьный учитель, а другой — как паяц.

Главарь секты принял, наконец, определенное решение. Пролетариат также раскусил их теперь. Поскольку он их еще не вполне позавыл, он всех их причисляет к тому лагерю, в котором они обеспечили себе право на место всей своей пропагандистской деятельностью: в ряды контр-революции. Рабочие же — даже та небольшая доля их, которая принадлежала к секте — не пойдут за ними по пути контр-революции.

Бела-КУН.

Москва 28 августа 1921 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ И УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В ИТАЛИИ.

1. Разложение итальянского социалистического движения.

Данные, касающиеся разложения Итальянской Социалистической Партии, которые неспроста в точности установились, являются одновременно симптомами и символами краха всего социалистического движения в Италии. Процесс разложения «старой, славной» Итальянской Социалистической Партии сопровождался шумным «разгромом» пролетарского движения в Италии, рядом явлений, вызвавших в Интернационале изумление, растерянность и, наконец, чрезмерное недоверие к итальянскому движению. Пролетарский Интернационал склонен сделать сейчас ошибку в своей оценке этого явления, противоположив той, которая была сделана после войны. Как тогда неправильно переоценивались революционные способности и возможности итальянского пролетариата, так теперь они сполна же неправдиво недооцениваются. Нам теперь, кроме того, полезно выяснить положение вещей в Италии, не только для того, чтобы осветить новые перспективы революционного кризиса в Италии, но и для того, чтобы извлечь отсюда урок, одинаково полезный как для итальянского, так и для всего международного пролетариата. Изучение настоящего положения в Италии неизбежно приводит нас к необходимости выяснения процесса разложения Итальянской Социалистической Партии и всего рабочего движения в Италии. Это, действительно, грандиозный процесс, который можно сравнить с падением великана на глиняных ногах, с распадом гигантского организма, уничтоженного внутренним огнем.

Точные и неоспоримо верные цифры дают нам картину огромного роста Итальянской Социалистической Партии и ее быстрого, катастрофического разложения.

Спустя год после войны, на конгрессе в Болонье в 1919 г. Итальянская Социалистическая Партия насчитывала 1981 местную организацию, 91.469 членом, 47 депутатов и 350 общинных советов.

На конгресс в Ливорно, в январе 1921 г., съехалось 3000 делегатов, представлявших, в общем, 4567 местных организаций, 219.327 действительных членом, 156 депутатов и 2220 общинных советов. А не прошло и четырех месяцев, и в мае 1921 г. число избирателей в Национальный Совет Итальянской Социалистической Партии уже свидетель-

ствует о поразительном разложении, совершившемся в ее рядах.

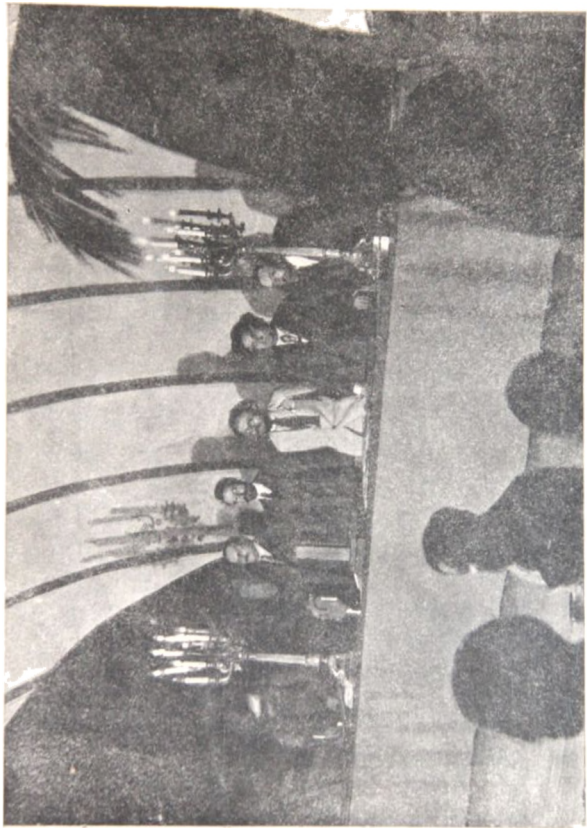
На этом, собравшемся в Риме, заседании Национального Совета обсуждался вопрос об участии в парламентских выборах — вопрос достаточно важный для итальянских социалистов. Вся Итальянская Социалистическая Партия была представлена при голосовании лишь 63 тысячами членом, из которых 58 тысяч голосовали за участие, а 15 тысяч за воздержание от выборов.

Более тщательное изучение состояния социалистических организаций в различных областях Италии дает нам еще более яркое доказательство их разложения.

Достаточно рассмотреть то, что произошло в провинциях Болонья, Феррара и Реджо-Эмилия — в так наз. красивых провинциях. В этих провинциях политическая организация партии, опиравшаяся на целую сеть экономических организаций, приобрела раньше такое влияние, что руководители местного социалистического движения, быть может, искренне утверждали, что изなしще делать социалистическую революцию; ибо социализм и так уже существует. В этих провинциях громадное большинство депутатов, общинных и областных советников были социалистами; политические буржуазные группы составляли ничтожное меньшинство.

В несколько месяцев все здание политических и экономических социалистических организаций было разрушено и разгромлено реакцией. Здесь, однако, это произошло не так, как в других странах, где коммунистическое движение было разрушено реакцией, — здесь мы не видим превращения легального движения в нелегальное, создания подпольного социалистического движения, — здесь, наоборот, перед нами полнейшее разложение социалистического движения. В названных провинциях очень многие активные социалисты отказались от участия в политической жизни, в то время как масса сторонников «красных» экономических организаций перешла под знамя фашистов. Только благодаря соглашению с буржуазными партиями, с фашизмом, удалось Итальянской Социалистической Партии сохранить или вновь завоевать некоторые позиции в революционных центрах Итальянского пролетариата.

Типичен случай, имевший место в Триесте. Здесь социалисты, желая добиться руководящего положения в Рабочей Камере, объединились с республиканцами, выставив общий список на выборах в Исполнительный Коми-

III Конгресс Коммуниста. Группя членов Президиума Конгресса.

мет Рабочей Камерья—и, несмотря на это, они остались в меньшинстве против коммунистов.

Типичен и позорен факт, имевший место в Турине. Промышленники ополчились здесь против коммунистических предприятий, а в особенности против завода «Fiat», где им удалось угодить всех революционных рабочих и всех коммунистических «Commissarii dirigenti». Пользуясь этим предприятием капиталистами походом на Турин, эту «крепость коммунизма», социалисты надеялись ослабить позицию коммунистов, и при открытой поддержке промышленников им удалось занять некоторые места в производственных советах.

Разложение экономических и политических организаций Социалистической Партии во всех провинциях Италии легко проследить не только по буржуазным газетам, но и по социалистической прессе. Под бравым и грозным натиском классовой борьбы, социалистическая организация не только распалась материально, но также утратила революционную тактику, отпреклась от основных принципов борьбы пролетариата против организованной буржуазии. В этом легко убедиться из официальных документов Итальянской Социалистической Партии и «Confederazione Generale del Lavoro» — самой крупной итальянской пролетарской организации, связанной соглашением с Социалистической Партией.

Среди дивящихся развалин рабочих камер и редакций газет, среди распада социалистических групп — пролетариат остался совершенно без политических и экономических руководящих. Бывшие его вожди требуют от буржуазного правительства защиты, ищут спасения в парламентских протестах, в попытках восстановления спокойствия и порядка и в соглашениях с фашистами.

Графически ход развития политических и экономических сил социалистической организации в Италии может быть изображен в виде параболы, которая, начиная с конца войны до сентября 1920 г. (движение рабочих митингов), постепенно поднимается вверх, а начиная с этого времени падает чрезвычайно резко, гораздо ниже той точки, от которой началось восхождение. Между тем, как находилась на самой высокой точке параболы, Социалистическая Партия была единственной реальной силой в экономической и политической жизни Италии, ныне социалистическое движение утратило всякую силу и вынуждено защищать самое свое существование путем соглашений с буржуазией.

Данные о последних парламентских выборах, происходивших в мае 1921 г., как бы противоречат данным о разложении социалистического движения в Италии; в действительности же они вполне подтверждают все вышесказанное о крушении социалистического движения. Совершенно верно, что число избранных социалистических депутатов лишь немного ниже числа их в предыдущем парламенте; верно также и то, что если бы

социалисты провинции Реджо-Эмилия не воздержались от выборов, и если бы не было других случайных моментов, то число избранных социалистов равнялось бы или даже превышало число избранных во выборах в мае 1919 г. Но прежде всего, необходимо принять во внимание, что голоса, которые пролетариат отдавал кандидатам Социалистической Партии, означают не что иное, как протест против бандализма фашистов. В большей части Италии пролетариат не мог выразить своего протеста путем подачи голосов за кандидатов-коммунистов, ибо Коммунистическая Партия почти нигде не имела своих избирательных организаций. В 13 из 40 избирательных округов, на которые распалась Италия, коммунисты совсем не имели возможности выставить свои избирательные списки. Избиратели, которые подали голоса за Социалистическую Партию, состояли, кроме того, в значительной мере из представителей мелкой буржуазии, приверженной к реформизму, которые (по словам социалистического депутата Клавини) голосовали за Социалистическую Партию только потому, что она освободилась от коммунистов и приняла более правый курс. С другой стороны, расспросив, как составлены социалистические списки и кто именно оказался избранным, можно смело сказать, что Итальянская Социалистическая Партия именно на этих выборах вступила на тот путь, который привел ее к крушению, так как она совершенно отпреклась от своей непримиримости и от своей основной революционной позиции. 80% как кандидатов, так и избранных социалистов — ярко выраженные реформисты, слодажники Туратти, который ныне бесспорно является главой парламентской группы и уже на первом заседании парламента произнес речь в духе сотрудничества с правительством. Но нужно отметить еще нечто худшее: в социалистический избирательный список вошел некоторые поверици, которые только в момент выборов вступили в партию, ранее были исключены из нее и даже вели пропир нес борьбу *).

* Характерен случай с Луччи и Бовио, которые избранны в Неполе как социалисты, между тем, как на предыдущих выборах они были провинциальными социалистами; позорны случаи избрания Ферри (в Милане) и Вальо (в Авуане) — оба они исключены из социалистической Партии. По социалистическому списку, в виде протеста, проголосовали избиратели, которые до выборов больше всего боролась против реформизма Социалистической Партии, даже анархисты, которых впоследствии удалось великодушнее парламентского Жетто, что они отпреклись от революционных принципов. Характерен факт избрания Фоджи и Витторио — оба социалисты и избранны в Авуане. В Сардинии избран социалист, некий Корчи, который сам сделавшись депутатом, покинул избирательный италийскому корпусу, и продолжает в это время в Сардинии, свое уединение. Сильно отличные явления, наблюдавшиеся во время выборов в недрах Социалистической Партии. Многие рабочие депутаты, приверженцы Серратти, проламывали на выборах, как, например, Аббо, Веллавал и друг. Один из «первоизбранных» единого коммуниста, Асселлини (коммунист, сотрудник французской газеты «Prolétaire»)

Как на последствие выборов следует обратить еще внимание на некоторые явления, доказывающие разложение Итальянской Социалистической Партии. Социалистическая Федерация провинции Реджо-Эмилия, самая сильная в Италии (численно), была распущена Центральным Комитетом партии за нарушение партийной дисциплины. В самом Центральном Комитете партии также произошел кризис, вследствие отставки Баратоно, типичного представителя центристского жонглерства, который мог бы образовать «левую» Итальянскую Социалистическую Партию.

Историческое значение ликвидации итальянского максимализма и серратинства нужно считать чрезвычайно крупным.

Действительно, разложение итальянского социалистического движения, с исторической точки зрения, имеет большое значение не только для Италии, но и для всего Интернационала: позорное банкротство Итальянской Социалистической Партии, рассматриваемое с международной точки зрения, является окончательным ударом для организации гибнущего II Интернационала. Итальянская Социалистическая Партия была, среди ей подобных, лучшей или, вернее, наименее худшей. Она была единственной социалистической партией, которая с самого начала войны не сочувствовала войне, в то время, как все другие партии II Интернационала слились с буржуазией в «священный союз».

Перед лицом войны Итальянская Социалистическая Партия не изменила пролетариату, хотя и сохранила беспомощный нейтралитет под лозунгом: «не помогайте войне, но и не саботируйте ее» и не оказала пролетариату никакой реальной поддержки. Предательство, которого не совершила Итальянская Социалистическая Партия по отношению к войне, было совершенно ею по отношению к революции. Это неопровержимо доказывало, что все партии II Интернационала стояли на такой политической и организационной платформе, которая необходимо должна была привести к измене пролетарским массам.

Правда, Итальянская Социалистическая Партия погибла от того же основного зла, которое обрело на гибель все партии II Интернационала: от реформизма и социализации. Большинство вождей Итальянской Социалистической Партии всегда были реформистами и пацифистами. К сожалению, почти все они были настолько нечестны и охвачены жаждой карьеризма, что после войны они превратились в революционеров и большевиков, буквально, только для того, чтобы привлечь массы, сделаться депутатами или получить высшие должности в профсоюзах. Пролетарская масса была, к сожалению, так наивна, что поверила рево-

люционности максималистов и отдала свою судьбу в руки Итальянской Социалистической Партии. Эта последняя была единственной значительной пролетарской партией в Италии, и поэтому ее разложение означало разгром всего итальянского пролетарского движения.

Дальнейшее развитие реакции в Италии за последние месяцы должно было, конечно, внести ясность в социалистическое движение и вернуть Итальянскую Социалистическую Партию на единственно подходящий для нее путь, т. е. на путь реформистской социал-демократии. Мы должны подчеркнуть, что Итальянская Социалистическая Партия, по своим основным стремлениям, была чисто социал-демократической: в 1892 г. на конгрессе в Генуе, на котором была образована партия, основная ее программа была принята по образцу германской социал-демократии. Если, благодаря опыту Триполитанской войны и исключительному положению Италии в начале империалистической войны, Итальянская Социалистическая Партия избежала опасности открытого социал-патриотизма, то, все же, большинство партии и ее вожди всегда оставались социал-демократами: серратинский максимализм и большевизм, если и не был, в целом, явлением нечестным и авантюристическим, то, все же, его следует рассматривать как явление послесоветского времени, имевшее своим основанием недостоинство знание коммунистических принципов. Позже, когда новые условия классовой борьбы и преобладали, диктуемые исторической задачей пролетариата, сделали неотложным внесение ясности в пролетарское движение в Италии, этот процесс уяснения должен был произойти именно путем ликвидации социалистического максимализма, что и происходило в Италии. Действительно, итальянских серратинцев постигает сейчас судьба всех ренегатов III Интернационала: буржуазия и социал-демократия пользуются ими в борьбе с коммунистами, но в тот момент, когда они достаточно послужили интересам контрреволюции, их выбрасывают за борт. На самом деле, реформисты направления Турапи теперь получили господство в Итальянской Социалистической Партии: в своих последних политических выступлениях меньшевики Итальянской Социалистической Партии показывали это уже открыто. В речи, которую Турапи произнес в парламенте от имени парламентской социалистической группы, он восхвалял совместную работу социалистов и буржуазии и воскликнул в конце ее: «Да здравствует Италия!» Тревес на ближайшем заседании послал привет меньшевикам Грузии и выразил протест против «варварского» большевизма.

В момент, к которому мы сейчас подошли, «коммунисты унитаристы» и серратинцы выступили из своих рук власть над Итальянской Социалистической Партией: честным «коммунистам унитаристам» не остается делать ничего другого, как выйти из Итальян-

также проводился на выборах, и, наконец, D'Arгона, главный секретарь «Confederazione Generale del Lavoro», не был избран в Милане и попал в парламент только потому, что Лаззари, избранный в 2 округа, предоставил ему одно из своих мест.

ской Социалистической Партии и вступить в ряды Итальянской Коммунистической Партии, если они, конечно, действительно желают подчиниться решениям III Интернационала. У них никогда не хватит силы, даже если бы они хотели этого, выработать реформистов из Итальянской Социалистической Партии, и они сами должны уйти из партии.

После окончательной ликвидации максимализма и сепаратизма в недрах Итальянской Социалистической Партии, происходит объединение Коммунистической Партии, — процесс, очень сходный с тем, какой наблюдался в Германии при расколе Независимой Социал-демократической Партии.

Фактором, содействовавший процессу ликвидации бессодержательного и бессильного италянизма о максимализма, был фашизм, победа которого совершенно изменила за последний год положение в Италии.

Ознакомимся теперь с этим явлением, его происхождением и сущностью его действительности.

2. Итальянский фашизм.

Возникновение фашистского движения в также конфликт по поводу Фиуме — два весьма интересных явления в жизни Италии.

С известной точки зрения, их можно рассматривать как выражение международной реакции в итальянских условиях, но в то же время они обладают специфическими свойствами, которые коренятся в особом международном положении Италии.

Положение, занимаемое Италией в международной жизни, очень характерно, так как Италия, несмотря на то, что присоединилась к Антанте и вследствие того получила свою долю в одержанной победе, испытала роковые последствия войны в области политической и экономической в такой же мере, как побежденные народы.

Ввиду этого контраста между угаром военной победы и экономическим положением Италии, возникло грандиозное движение среди пролетарских масс против буржуазного строя и за социальную революцию. Но тот же контраст породил и недовольство чисто националистического характера.

Итальянский фашизм берет свое начало и имеет свои корни фактически в этом национальном недовольстве. В Италии было очень много социал-демократических и мелкобуржуазных элементов, которые желали войны и с воодушевлением ее поддерживали; они были либералистами больше, чем сам Вильсон, они верили в революционный и демократический характер мировой войны. Эти элементы, из которых образовалась большая часть так называемых «интервенционистов», распались по окончании войны на два направления: одно направление, во главе с Биссолати, понимавшим несправдани-

вость мирного договора, стремилось уменьшить чрезмерные национальные требования и решительно высказывалось против захвата Южного Тироля и Даламации (представители этого направления называли «гипузиалисти» — «отреклявшиеся»).

Другая часть «интервенционистов», социал-патриоты и их-социалисты, руководимая ренегатом и бывшим вождем Итальянской Социалистической Партии, Муссолини, захлебнулась в чрезмерных националистических требованиях; она по и оказалась ядром фашистского движения. Это фашистское направление, бывшее в начале достаточно скромным, образовало небольшие активные и агитационные ячейки. К нему принадлежала группа честнейших, идеалистически настроенных националистов, футуристических художников, с д'Аннуцио во главе, которая приняла свою агитацию против знавших нейтральную позицию буржуазии, с Джиолини и Нишии во главе, и обвиняла их в неумении использовать плоды победы. Группа Муссолини боролась с Итальянской Социалистической Партией, которая «своим поражением во время войны и своей антиинтернационалистической пропагандой после перемирия саботировала победу и оптимизма у Италианцев, в которых она нуждалась, чтобы добиться от своих бывших союзников признания своих прав. Собственно говоря, как мы уже указывали выше, в первый период своего развития фашизм был очень незначителен, ни правительством, ни капиталистический класс не принимал его всерьез: на выборах в Милане, в ноябре 1919 г., Муссолини получил всего лишь 4.000 голосов.

Первоначальное развитие фашизма надо отнести к тому моменту, когда развернулись события в Фиуме, когда д'Аннуцио, спавший во главе экспедиции легионеров и фашистов, занял от имени Италии Фиуме. Это знаменовало фашизму симпатии националистов и, с другой стороны, убеждало наиболее интеллигентную часть капиталистов и реакционеров в том, что в стране, кроме пролетариата и социализма, бывших в то время в полной силе, имеется еще и другая живая сила.

События в Фиуме значительно содействовали развитию фашизма. В то время, как идеалисты, с д'Аннуцио во главе, находились в Фиуме и велись националистической лирикой, другая группа фашистов, под предводительством Муссолини, оставаясь в Италии, использовала симпатии националистов. Она приспосаблила деньги, собранные для Фиуме, и сделала этот город базой для своих организаций и для вооружения фашистских банд, которые впоследствии выступили в кропотливой борьбе против итальянского милитаризма в интересах капитализма и милитаризма.

До осени 1920 г. фашисты представляли собою лишь небольшие группы, летучие, тем не менее, могли рассчитывать на некоторые успехи в своей борьбе против пролетариата. В этот

период вся пролетарская масса сплотилась вокруг большевизма, между тем, как интеллигенция, мелкая буржуазия и полу-пролетариат не отдали еще своих сил и влияния ни одной определенной политической группе.

Мелкая буржуазия долгое время оставалась нерешительной в своем отношении к социалистическому и фашистскому движению. Сравнительно многочисленная категория полу-пролетариев и интеллигенции находилась вследствие войны в очень тяжелом и затруднительном положении, как в политическом, так и в экономическом отношении.

После войны пролетариат политически определенно примкнул к максимальистскому направлению, признан в то же время Социалистическую Партию своей партией. Пролетариат создал свои экономические организации, так что ему немедленно же удалось обеспечить себе политическое могущество, которое все росло в противоположность влиянию слабых политических организаций буржуазии. Экономическое благополучие пролетариата все увеличивалось, ибо промышленники вынуждены были под влиянием страха уступить требованиям рабочего класса.

В Италии наблюдалось явление, которое, впрочем, носило общий международный характер: городской и крестьянский пролетариат оказался в лучшем положении, нежели средний класс. Это последнее вынуждено было нести на своих плечах все тяжелые условия жизни потребителя и, лишенное экономической организации и политической партии, не могло обеспечить хороших условий жизни для «умственных работников».

В первое время в Италии сильные группы интеллигенции, полу-пролетариев, — особенно вернувшихся с войны, — в силу искреннего убеждения, или вследствие общего закона, по которому средний класс всегда склонен примкнуть к наиболее сильной партии, примкнули к социализму и были склонны принять участие в революционных выступлениях против капиталистического строя. Но социалистические организации, в большинстве случаев, отпихивали эти элементы; Социалистическая Партия Италии стремилась даже вызвать в массах неприязненное отношение к интеллигенции, особенно к тем, кто был на войне, не делая различия между эксплуататорами и их жертвами. Пролетарские массы также отказались от помощи инвалидам, и свою ненависть против тех, кто был ответствен за войну, они обратили и на жертвы войны.

Отвергнутые политическими организациями социалистов и не найдя места в организациях экономических, представители среднего класса, при виде силы пролетариата, готовы были поверить на слово заявлениям врагов пролетариата, будто нищета населения, вздорожание жизненных припасов и т. д. есть следствие непомерных требований рабочего класса, ведущих к слишком высоким зарплатам.

К фашизму толкало средний класс и то обстоятельство, что фашизм являлся как бы протестом против рабочей аристократии и против злоупотреблений унитарно-аристократической и оппортунистической социал-демократии. Нельзя умолчать также и о том, что представляли Социалистической Партии Италии и красных рабочих организации в обычной и областной администрации действовали часто так, словно сами подготовляли возмущение против своей системы в итальянских провинциях, где им принадлежала руководящая роль (Болонья, Реджо-Эмилия, Феррара): все делалось (во имя большевизма) по системе личного покровительства и индивидуальной эксплуатации, ничем не уступающей буржуазной системе.

При таких обстоятельствах вожди фашизма, в согласии с представителями национализма и с миллионерами, нажившимися на войне, заделав ловкую игру, ведя антипролетарскую пропаганду во имя «величия» Италии, во имя необходимости для вернувшихся с войны пожать плоды принесенных ими жертв и во имя избавления класса потребителей от насилий со стороны производителей. С другой стороны, все растущая опасность, создававшаяся в Италии благодаря захвату фабрик рабочими-металлистами и пахотных земель — крестьянами (август — сентябрь 1920 г.), вызвала в буржуазном правительстве чрезвычайную тревогу и побудила капиталистов усилить подготовку реакции. Счастливым исходом экспедиции в Фiume и первые успехи фашистских групп убедили правительство и капиталистический класс в том, что было бы выгодно использовать фашизм в качестве негласной организации. После того, как в Фiume и в Милане образовались первые банды фашистов, немедленно же начался нападения в тех провинциях, где для этого имелась наиболее благоприятная почва, то-есть там, где мелкая буржуазия была наиболее подавлена, в Болонье и в Ферраре.

С первого же периода, когда деятельность фашистов органичивалась еще небольшой сферой влияния, успех фашизма явился уничтожающей силой по отношению к итальянскому социалистическому максимализму, элементом кровавой реакции против рабочего класса. Фашизм все усиливался по мере того, как все убеждался, с какой легкостью побеждаются рабочие организации, какой живой болювней является итальянский революционизм, и что массы совершенно не подготовлены к революционным выступлениям или революционной обороне. К фашизму примкнули многочисленные группы безработных мелких буржуа и бродяг, привлеченные большими суммами, которыми капитализм снабжал фашистские организации, крупными привилегиями, которые были обеспечены, благодаря легкости, с которой можно было мстить социалистам и пролетариям за нанесенные ими обиды.

Тут сыграл крупную роль психологический фактор, положивший конец колебаниям масс среднего класса между пролетариатом и буржуазией: целых два года громадная масса итальянского населения ждала и жаждала того, чтобы социализм совершил революцию, которая избавила бы их от постоянного страха и напряжения. Полупролетарии и мелкие буржуа сначала склонны были видеть лучший порядок вещей в большевистском социальном строе. Но когда стало ясно, что итальянские социалисты гонимы только для дела разрушения, но не были в состоянии вызвать глубокое революционное движение и создать основу для нового порядка вещей, тогда возросло число тех, кто желал восстановления прежнего порядка вещей какой угодно ценой, т. е. даже ценой реакции. Этот психологический фактор и надежда улучшить свое положение восстановлением прежнего порядка привели к тому, что средний класс стал поддерживать движение фашистов: к нему примкнули массы студентов, офицеров, чиновников и идеологических лиц. Эта поддержка окончательно упрочила разрушительный успех фашизма, в котором приняли участие оба нитиве юности, мечтавшие о спасении Италии, люди, жаждавшие политической славы, но также и обыкновенные преступники, привлеченные высокой платой. Фашизм привлек в свои ряды и некоторых безработных пролетариев, которых голод толкал на путь убийства своих братьев, и, наконец, некоторых из бывших ранее революционерами рабочих, которых уверили в том, что вполне справедливо быть беспощадными по отношению к тем главарям социалистического движения и руководителям профсоюзов, которые обманули и предали рабочий класс.

Одновременно с ростом деятельности фашистов и с их успехами исчез из фашизма всякий идеалистический элемент, особенно после завершения авантюры в Фiume. Против д'Аннунцио и его фашистских легионеров, которые намеревались во имя национализма произвести настоящую революцию, вооружилось к концу 1920 г. правительство Джолитти, которое дало приказ опаслившимся верным ему войскам двинуться на войска д'Аннунцио. В этот момент буржуазно-милитаристический блок Италии переживает тяжелейший кризис, который мог быть прекрасно использован пролетариатом. Но Социалистическая Партия Италии опитъ сослужила службу буржуазному правительству своей контр-революционной политикой, убедив пролетариат требовать восстановления порядка в Фiume.

Итальянские фашисты, во главе с Муссолини, сохранили позорный нейтралитет при нападении правительства на легионеров Фiume; они использовали даже исчезновение социализма в фашистском движении, чтобы изолировать себя исключительно анти-пролетарские выступления и вызвать в Италии ужасную кровавую весну.

Новые перспективы революционного кризиса в Италии.

Использование фашистского движения, легальной и нелегальной реакции привело в первое полугодие 1921 г. к тяжелому поражению пролетарского движения в Италии; таким образом, в настоящее время капиталистический класс и буржуазное правительство достигли апогея политического и военного могущества.

Это обстоятельство отнюдь не привело к разрешению экономического кризиса: напротив, кризис все расширялся и обострялся.

С другой стороны, тот путь, благодаря которому капиталистический класс достиг высшего торжества, а именно путь использования фашизма, привел буржуазно и новым формам внутреннего кризиса, который приобрел угрожающий характер и представляется весьма опасным.

Правда, фашизм поддерживался, руководился и направился промышленным и земледельческим капитализмом, и вся его деятельность шла на пользу капитализму. Однако, этот факт ничего не изменяет в том, что по своему характеру он представляет форму организации общественных слоев, вполне чуждых капитализму, а именно мелкой буржуазии, интеллигенции, полу-пролетариату, людям, выбитым из строя и безработным. Эти массы среднего сословия удались, действительно, в известный момент увлечь на путь борьбы в интересах промышленного и аграрного капитализма, ибо они надеялись, что война эта окажется полезной для мелкой буржуазии. После периода колебаний и иллюзий стало ясно, что экономические интересы и политические стремления мелкой буржуазии далеко не тождественны с интересами промышленного и аграрного капитала.

Если с другой стороны, для капитализма и было выгодным раньше собирать, содержать и направлять наиболее активные и насильнические элементы среднего класса, но представляется невероятным, чтобы он был в состоянии долгое время регулировать и держать в своих руках те силы, которые он сам же разнузда. Напротив, эти насильнические, почти дикие элементы, отделавшиеся от массы мелкой буржуазии и полу-пролетариата, имеют естественную тенденцию перекочевать в своих действиях эту границу, которую им наметили их хитроумные организаторы, т. е. они имеют тенденцию действовать в экономических интересах своего класса. Нам, марксистам, это понятно.

Мы имеем сейчас в Италии несомненные доказательства обоих вышеуказанных явлений: фашисты продолжают свою разнузданную насильническую деятельность в самых противоположных направлениях и с разными формами, несмотря на попытки капиталистического и правительственного обуздания их (добившись это, что фашисты совершили кровавые акты

против «народной», т. е. против клерикальной партии, которая является убежденной партией порядка). Недавно фашисты организовали в больших городах Италии движение против дороговизны жизненных припасов и, применяя насилие, стали преобывать, чтобы купцы сбавили цены на половину. Намерения pronunciательных капиталистов и правительства ясны — они стремятся к обузданию насилиственности, которое, в конце концов, привело к результатам противоположным тому, чего они ожидали: возмущение купцов в Италии по поводу последних подвыгов фашистов очень велико.

Многие видные итальянские коммунисты думают, что капиталисты и правительство не искренни в своем желании обуздать фашизм, что эти последние действуют демагогически, чтобы обмануть массы; в итальянской коммунистической печати часто высказывался тот взгляд, что фашизм следует рассматривать исключительно как крайнее правое направление организации капитализма. Но такая оценка неправильна. Мы думаем, что если бы фашизм был, действительно, передовым отрядом капиталистической общественной организации, то он действовал бы в направлении капиталистических интересов не только в экономической области, но и в области политической, т. е. фашизм стремился бы к завоеванию политической власти и отпавлял бы интересы капиталистов как в парламентских комбинациях, так и в вопросах войны и мира. Однако, фашизм и в области политики обособился от остальных буржуазных фракций, образовав парламентскую группу в 35 депутатов, отделив даже от националистов; как он до сих пор не идет по пути завоевания власти, так, по видимому, и дальше он не пойдет по этому пути.

В экономической же области итальянский фашизм ведет уличную борьбу, которая ни в каком случае не соответствует интересам капиталистов.

Правда, в действиях фашистов в настоящее время можно отметить демагогические намерения завоевать симпатии потребительских масс. Однако, и эта новая деятельность фашистов проводится в согласии с принципом соблюдения материальных интересов той общественной группы, из которой возникли первые элементы фашистской организации, т. е. среднего класса.

Вполне естественно, что средний класс, как и фашизм, стремится противопоставить себя в настоящее время государственному авторитету и крупному капитализму: массы полупролетариев думали, что торжество фашизма и реакция приведет к разрешению экономического кризиса и к прекращению нужды потребителей; теперь же им остается только констатировать, что эти надежды не сбылись и что торжество реакции принесло пользу только капитализму.

Фашисты до сих пор столь энергично сражались с красивыми пролетарскими органи-

зациями только потому, что они усматривали в агитации рабочих причину экономического кризиса, но не считали эту агитацию симптомом, следствием этого кризиса. И теперь, борясь против дороговизны и против торговцев, они совершают ту же ошибку, сражаясь против проявлений, против последствий капиталистического строя, а не против самых основ его.

Каковы бы ни были заблуждения и демагогические намерения вождей, необходимо, в виду новой позиции фашизма и кризиса, переживаемого буржуазным блоком, подчеркнуть следующий, чрезвычайно важный для дальнейшего развития революционного кризиса в Италии, вывод: фашизм отнюдь не является крайней правой итальянской капиталистической организацией, он есть особая форма протеста против тех страданий, которые связаны с экономическим кризисом и кризисом классового самосознания, наблюдающимся в Италии. Необходимо внимательно исследовать кризис, к которому фашизм привел буржуазный блок, и порожденное им полное разложение форм демократического государства в Италии, — в связи с причинами и проявлениями этого кризиса. Руководясь коммунистической доктриной, мы сможем тактически действовать во время этого кризиса в интересах пролетарской революции. Эти наши соображения станут еще более очевидными, если мы исследуем положение пролетариата и коммунистического движения в Италии в связи с общим положением в стране.

Нынешнее материальное и моральное состояние итальянского пролетариата следует рассматривать как безусловно благоприятное для пролетарской революции, — ввиду общего положения дел в Италии.

Это утверждение следует однако понимать относительно.

Нельзя скрывать того, что, с известной точки зрения, положение итальянского пролетариата представляет значительную трудность для революционной работы. Трудность эта заключается не в реакции и не в фашизме, как это можно было бы подумать. Трудность эта кроется в том факте, что за последние месяцы пролетариат стал относиться с абсолютным недоверием ко всем революционным партиям. Разочарование, отчаяние, порожденные изменой Итальянской Социалистической Партии, были так велики, что охватили все пролетарское движение в целом. Ни одна партия, ни один человек не может теперь завоевать доверия широких масс для дела революции после постыдной измены Итальянской Социалистической Партии.

Это относится к широким массам. Но существуют весьма сильные группы рабочего и крестьянского пролетариата, которые сохранили сознательную верность коммунизму и обладают достаточным размахом и достаточной верой, для того, чтобы бороться за социальную революцию. Когда эти группы будут технически подготовлены к акциям

выступлением, когда они пойдут в бой, по итальянские широкие массы не только не будут им препятствовать или sabotировать их выступления, — как можно этого ожидать от социалдемократических масс других стран, а особенно немецкой Австрии, — но последуют за ними, исполненные воодушевления.

Итальянские пролетарские массы, не смотря на мопеничество социалдемократических вождей, остаются верными России и фанатически преданы идеям Советов; они жаждут только серьезной революционной подготовки и активных действий авангарда, чтобы в воодушевленном последовании за Россией. Помимо того, итальянский пролетариат вынужден вступить на этот путь, благодаря сложному положению, не оставляющему другого выбора, кроме выбора между экономическим и политическим рабством, с одной стороны, и революцией — с другой. Теперь в Италии самодельное положение исключает всякую возможность следовать социалдемократическому лозунгу: добиваться благополучия пролетариата без революционной борьбы. Два года жила Италия при «социалдемократических» условиях, т. е. мы имели здесь известное благосостояние пролетариата без революционной борьбы. Но этому положению вещей был положен конец, когда буржуазия перешла в наступление.

Итальянскому пролетариату стало ясно, что при теперешнем положении вопрос идет о голодной смерти, о рабстве, подобно тому, как это было 40 лет тому назад, — если в порядок дня не станет решительное революционное движение. К нему стремится пролетарская масса, чтобы отпугнуть фашистским бандам за их неслыханные жестокости и низости. В Италии фашисты совершили дикое насилие, достойные лишь ордена дикарей: они дичинно убивали рабочих, женщин и детей. Но это вызвало со стороны крестьян такой бурный протест, что они топорами изрубали некоторых фашистов на куски. Именно крестьянство стремилось к революционной борьбе, потому что оно больше всего пострадало от бандализма фашистов.

Возникновение и развитие Итальянской Коммунистической Партии есть историческое следствие общего положения в Италии и распада социалдемократического движения. Создание коммунистической партии было безусловной необходимостью для пролетарского революционного движения Италии. Оно спасло уцелевшие от гибели части организации итальянского социализма и охраняло их от бесконечного порабощения максимализма и от революционного порабощения пацифизма.

Об одном лишь можно сожалеть по поводу образования Коммунистической партии в Италии: о том, что раскол произошел так поздно, что мы ждали слишком долго, до того момента, когда намя реформизма и пацифизма охватили почти все дело итальянского социализма. Это пренебрежение и дальнейшее пребывание коммунистов в Социалистической Партии привели к тому, что и

коммунисты должны были разделять ответственность за измену Социалистической Партии перед рабочими массами. Можно пожалеть о долгих колебаниях коммунистических вождей, когда они еще оставались в рядах Социалистической Партии, и об ошибках, совершенных ими уже после происшедшего раскола. Главную ошибку совершил тов. Джентили. Он был секретарем Итальянской Социалистической Партии, и когда Серрати, оставшись в комитете партии в меньшинстве, заявил о своем уходе с поста редактора «Аванти», тов. Джентили уговорил его остаться на этом посту и тем облегчил ему задачу отправления, одурчавания пролетарских масс до самого конгресса в Livorno. Мы не преувеличим, если скажем, что пред'седательская кампания «Аванти» является главной причиной того, что коммунисты остались в Livorno в меньшинстве.

Разделение, которым было охвачено вся Социалистическая Партия, было так велико, что разрыв коммунистов с партией не угрожал новой опасностью единству революционного движения в Италии. Хотя выход из партии максималистов и серратинцев привел, на первый взгляд, к нежелательной потере некоторых революционных групп, но, в действительности, это было наименьшее зло, к которому пришлось прибегнуть для предохранения Итальянской Коммунистической Партии от опасности, угрожавшей ей со стороны центразма и оппортунизма.

Процесс возникновения коммунистической партии вполне соответствовал преобладающим программам III Интернационала и положению дел в Италии. Новая партия испытывала, тем не менее, большие затруднения при создании своей политической организации и в своей работе среди пролетариата. Она на каждом шагу наталкивалась на слабую капиталистическую реакцию и на интриги серратинцев. Эти трудности увеличались в значительной мере благодаря пренебрежению с расколом и колебаниями коммунистических вождей, входивших в социалистическую партию.

Коммунистическое движение в Италии не получило еще того развития, какое можно было предвидеть в момент ее возникновения и к которому можно было ожидать, принимая во внимание об'ективные и субъективные условия жизни пролетарских масс, экономическое и политическое положение страны и работу партийных товарищей. Вместо укрепления и расширения своего политического и экономического влияния, новая партия осталась в прежнем положении и даже, понижаясь, утратила некоторую долю влияния среди рабочих масс, как это можно наблюдать по некоторым симптомам (например, поперя некоторых рабочих камер и результатов последних парламентских выборов). Причины неправильного развития итальянского движения заключаются в характере практической деятельности Итальянской Коммунистической Партии. Во всяком случае, причины запоздалого развития ком-

мунистического движения в Италии несколько не зависят ни от общего настроения в Италии, которое можно считать в высокой степени революционным, ни от объективных и субъективных условий жизни масс, которые всегда готовы примкнуть к коммунистическому движению.

Общая картина положения в Италии и выводы.

Общая картина положения в Италии решительно подтверждает наше мнение о том, что не следует переоценивать возможности и силы италийско-пролетарского революционного движения. В то же время, мы можем сделать из этой картины некоторые выводы, на которых небесполезно остановиться с точки зрения не только италийского, но и в отношении всего международного коммунистического движения.

Всестороннее рассмотрение положения дел в Италии показало нам, что экономический кризис все обостряется и развивается, и, таким образом, основные условия, необходимые для коммунистического движения, имеются налицо. Кроме того, политический кризис достиг в Италии такой степени, что демократический строй окончательно потерял равновесие.

Последнее политическое событие в Италии — это падение кабинета Джолитти, на который в 1920 г. италийская буржуазия возлагала все свои надежды, как на последний якорь спасения, призванный внести оздоровление в национальную жизнь страны. Нельзя было разрешить кризис реакционным способом, т. е. создать министерство Саландрой. Образование министерства Бономи, с участием всех демократических партий и при косвенной поддержке социалистов, не означает разрешения политического кризиса. Скоро окажется необходимым перейти либо к чисто реакционному министерству (с Саландрой), либо к социалдемократическому (с Турати). Во всяком случае, попытка найти точку равновесия не удалась, и италийский кризис продолжает развиваться мучительным и кровавым путем вне рамок демократической конституции. Мир, заключенный в последнее время между фашистами и социалистическими депутатами, служил лишь позорным показателем того положения, в каком оказалась Итальянская Социалистическая Партия. Коммунисты, рабочие и крестьяне не заключили мира с фашистами, и гражданская война в Италии будет продолжаться. Буржуазный блок, достигший в настоящее время апогея своей военной и политической мощи, содержится в своих недрах самым опасным элементом, а именно фашизм, который разрушит его государственное бытие и хозяйственную жизнь.

Пролетарское движение также переживает кризис. В Италии уже миновал тот период, когда, основываясь на фанатическом воодушевлении широких народных масс, борющихся

против слабой и колеблющейся буржуазии, можно было надеяться, что и здесь произойдут не изумительные события, какие имели место в России. В Италии миновало уже то время, когда только что примкнувшие к большевизму массы легко организовывали для крупных движений (такой период, повидимому, переживает теперь Франция).

В Италии настал теперь период, как, впрочем, и во всем Интернационале, — когда можно и необходимо создать крепкую, серьезную и внутренне сплоченную организацию пролетарского авангарда, — период подготовки технических сил для революционной борьбы, когда в решительный момент нужно будет иметь и настойчивую инициативу и намеченной цели.

В настоящий момент в Италии возможно и необходимо технически подготовить пролетарский авангард для революционного движения и начать активную работу, которая, при тесном контакте с широкими массами, может привести к намеченной цели — к установлению пролетарской диктатуры.

Положение в Италии позволяет нам, кроме того, сделать следующие чрезвычайно важные выводы:

Положение в Италии показывает, что предлагаемый социалдемократами способ разрешения капиталистического кризиса, как во время войны, так и после нее, невозможно, что господство буржуазной реакции ни в каком случае не может принести разрешения экономического кризиса. Этот урок, который нам дан в особенности последними событиями, ясно показывает, как ошибочно была тактика той политический партии пролетариата, которая, как Итальянская Социалистическая Партия, стремится предохранить пролетариат от страданий и жертв, связанных с революционной борьбой, вынуждает его перенести кровавые удары реакции и страдания обостряющегося кризиса. Наконец, эти результаты италийского опыта самым наглядным образом доказывают правильность того принципиального положения, на котором основана программа Коммунистического Интернационала, а именно: что капиталистический режим абсолютно неспособен справиться с переживаемым им кризисом, что революционное разрешение этого кризиса, действительно, неизбежно, как в интересах пролетариата, так и в интересах всего человечества; далее: всякая прямая или косвенная поддержка, оказываемая капитализму организациями 2/3 Интернационала в целях его восстановления, лишь отлагает момент победы пролетариата и делает эту победу более кровавой.

Второй вывод, вытекающий из положения в Италии, тот, что оно доказывает чрезвычайно важную проблему силы для коммунистического пролетарского движения. Итальянские события доказывают, что в настоящий исторический момент безусловно и настоятельно необходимо решение проблемы силы не только для завоевания власти, но и для защиты жизни комму-

нистов и всего революционного пролетариата.

Решение проблемы силы, согласно итальянскому опыту, чрезвычайно важно еще в одном отношении: средний класс, полупролетариат, а также некоторые слои пролетариата склонны бывали отдавать свою силу и влияние той партии, которая им кажется, или в действительности является наиболее мощной. Опыт Италии доказывает нам в данном случае, как безумна и преступна политика той пролетарской партии, которая, прямо или косвенно, подталкивает средний класс в объятия капитализма, в руках которого он служит слепым орудием для дневного разбоя.

Решение проблемы силы означает вместе с тем, и решение задачи о вовлечении широких масс пролетариата и полупролетариев в орбиту коммунистической политики.

Последний принципиальный урок относительно Италии дает нам ознакомление с ходом развития итальянского коммунистического движения за последнее время.

Этот вопрос, касающийся тактики всего Интернационала, чрезвычайно ярко осветил тов. Ленин на одном из заседаний III Конгресса Коммунистического Интернационала, когда он как будто отвечал представителю Коммунистической Партии Италии. Тов. Ленин сказал буквально следующее: теперь, после 3 1/2 лет революции, позорно спорить о политических тенденциях, вместо того, чтобы говорить о приготовлениях к революции.

Из сказанного выше мы видели, уже что развитие коммунистического движения совершалось очень неравномерно и замедленным темпом, что противоречит революционной напряженности положения и импе-

риальным и моральным условиям жизни пролетарских масс. Неравномерное и замедленное развитие коммунистического движения в Италии можно приписать тому обстоятельству, что Итальянская Коммунистическая Партия создавала до сих пор много теорий и очень много спорила по поводу политических тенденций, но недостаточной работала в области тактики развития коммунистической программы и в области техники революционной подготовки. Именно поэтому Итальянская Коммунистическая Партия держалась в вопросах непосредственной практики такой позиции, что пролетарские массы не замечали большой разницы между Социалистической и Коммунистической Партиями).

Вот последний урок, вытекающий из положения дел в Италии: только путем революционной подготовки и активной деятельностью может Коммунистическая Партия укрепить свою организацию и сделаться действительно массовой партией (как это происходит сейчас в Германии). Партия, которая слишком много спорит о политических тенденциях, которая занимается только разрешением проблем политической и профессиональной организации и игнорирует проблемы технической революционной подготовки, рискует упасть в тесное соответствие с массами, очутиться на мертвой почке революционного бессилия, где теоретический радикализм оказывается в противоречии с практической деятельностью.

Таким, по нашему мнению, уроки положения в Италии.

Ардито РОССО.

ЗАБАСТОВКА АНГЛИЙСКИХ УГЛЕКОПОВ И ЕЕ УРОКИ.

От редакции. Обращаем внимание всех английских коммунистов на прекрасную статью тов. Вородина. В Англии существуют теперь все предпосылки для того, чтобы Коммунистическая Партия могла, наконец, стать массовой партией. Разве ход и исход стачки углекопов не взбуждали почву для наших идей? Разве все стачечное движение последних лет не показывало на каждом шагу правоту коммунистов? Так неужели и теперь наши товарищи не смогут проникнуть в массы? Неужели в Англии остался еще хоть бы один коммунист, который еще не понимает, что теперь главная задача партии, это — выдвинуться в самую гущу углекопов, железнодорожников и т. п.

К массам! — товарищи английские коммунисты! К массам и еще раз к массам!

Г. ЗИНОВЬЕВ.

Введение.

Забастовка миллиона углекопов кончилась полным поражением. Это было четвертое сражение, проигранное углекопами с 1919 г. Во всех этих сражениях углекопы вели борьбу сами, без какой бы то ни было реальной поддержки со стороны остального рабочего класса Англии. Ни Тройственный Союз, ни Конгресс Профсоюзов, ни Рабочая Партия не пришли на помощь углекопам, и этим объясняются, главным образом, их поражения. Последнее поражение углекопов еще раз подтверждает ту истину, что разрозненный и раздробленный по отдельным союзам и федерациям пролетариат не может состязаться с высоко организованным врагом — капитализмом — в борьбе не только за национализацию той или другой отрасли промышленности, рабочий контроль и другие квази-социалистические реформы, но даже за сохранение и без того низкого уровня заработной платы. Кроме того, это поражение как нельзя лучше показывает, в чьих и каких именно руках находится еще судьба английского пролетариата, сколько издевательств, сколько предательства и измены еще приходится ему терпеть от своих вождей. Восемь миллионов организованных рабочих, величайшая пролетарская армия в мире, совершенно беспомощны даже в деле защиты своего прожиточного минимума от поповознений капиталистического класса. Ни у кого, кто хоть сколько-нибудь знаком с рабочим движением Англии, не может быть сомнений, что если бы вожди Тройственного Союза не стояли между рабочим классом, с одной стороны, и углекопами — с другой, если бы они в точности не мешали проявлению классовой солидарности английского пролетариата, забастовка свыше миллиона углекопов не могла бы кончиться таким ужасным поражением, как она кончилась, и Тройственный Союз не умер бы

такой позорной смертью. Но забастовка углекопов, в то же время, подтверждает старую поговорку, что «нет худа без добра». С каждой новой изменой, с каждым новым предательством, с каждым новым поражением, рабочий класс все быстрее, все решительнее уничтожает те преграды, которые стоят у него на пути к солидарности, к классовому сплочению для борьбы с капиталистическим обществом для его окончательного ниспровержения.

Локаут 1.000.000 рабочих угольной промышленности Англии был заговором буржуазии против рабочего класса. Буржуазия стремилась и стремится нанести рабочим самый сокрушительный удар низведением их до состояния нищеты и голода, думая таким образом спасти себя от угрожающей ей, в виду мирового экономического кризиса, опасности. Локаут углекопов — это была первая стадия в общей кампании буржуазии против рабочего класса. За углекопами должны были последовать железнодорожники, транспортные рабочие, рабочие текстильной промышленности, механики и т. д. по всей линии.

За последние два года Англия стала быстро терять свое первенство на внешнем угольном рынке, благодаря высоким ценам на ее уголь в сравнении с ценами на уголь во Франции, Америке и др. странах. Но английская буржуазия снова рассчитывает опровергнуть свое владчество у своих конкурентов, посредством дешевого угля. А это возможно прежде всего при значительном понижении заработной платы в угольной промышленности. На этом нужно остановиться несколько подробнее.

Со времени войны и после нее до конца 1920 г. угольная промышленность Англии находилась в самых благоприятных условиях. На внешнем рынке английский уголь находил себе широкий сбыт, так как германского угля на рынке было сравнительно мало, а Америка еще не выступила более или менее серьезным конкурентом Англии. Что ка-

сается Франции, то она не только не могла конкурировать с Англией, но не могла удовлетворить своих собственных потребностей в угле, ибо немцы до отступления держали в своих руках большую часть французских копей, а во время отступления разрушили их. Департаменты северной Франции целиком или частично были заняты немецкой армией, и 3/4 всей угольной добычи Франции были в руках немцев или под огнем и немцев и французов. Вследствие этого возник громадный спрос на английский уголь, и цены на него поднимались до небывалых размеров. Англия спекулировала своим углем во Франции, Италии, Скандинавии и т. д., где цены дошли до 6 и даже 12 фунтов за тонну. Высокие цены на уголь стали привлекать на угольный рынок даже такие страны, которые раньше не думали вывозить уголь в Европу, напр., Америка и даже Австралия и Южная Африка.

После Версальского договора положение угольной промышленности в Англии резко изменилось. В результате этого договора Франция получала в два раза больше угля, чем она потеряла во время войны. Тем не менее, Франция еще до конца 1920 г. покупала английский уголь. Это объясняется тем, что, несмотря на Версальский договор, уголь из Германии, все же, не приходил — восстановления в Рурской области, восстановленный транспорт, недостаток жизненных продуктов для углекопов и, вообще, саботаж Германии в выполнении договоров. Но, после угрозы оккупировать Рурскую область, немцы стали аккратно поставлять уголь в счет репарации, а после, при занятии Рурской области Францией, она стала получать еще больше, под ее эксплуатацию отошло 2/3 немецкого угля. Франция сразу была вывезена углем, и цены на него сразу упали до 25 шилл. за тонну, чуть ли не в пять раз ниже цен во время и вскоре после войны. В то время, как углекопы в Рурской области работали сверхурочно, чтобы снабжать Францию углем, — углекопы в Англии должны были или совершенно прекратить производство, или же пойти на сокращение заработной платы. Франция будет получать гораздо больше угля, чем ей нужно, и излишки вместе с бельгийским, американским углем и т. д. будут продаваться повсюду по ценам, по которым Англия при ее сравнительно (с Америкой) низкой производительности труда в шахтах и при той заработной плате, которая гарантировалась углекопам при производстве, не в состоянии была продавать. Уже в 1920 году экспорт английского угля упал с 75 милл. тонн (в 1913 г.) до 25 милл. тонн. Англия перешла не только вносить угольный рынок, но потребление угля внутри страны, благодаря все сокращающему производству, тоже сильно сократилось. Одновременно с сокращением производства вообще, сокращается и морской транспорт, что, в свою очередь, влечет за собой сокращение потребления угля.

Таким образом, самый крупный для Англии сейчас вопрос — это: как удержаться

на внешнем угольном рынке. Для этого ей необходимо, прежде всего, удешевить производство угля настолько, чтобы быть в состоянии успешно конкурировать с другими странами. Удешевить же производство она может при перепеших условиях только посредством резкого понижения заработной платы.

Но это означает войну с рабочим классом. Буржуазия прекрасно понимает, что война одновременно со всем организованному рабочим классом Англии по столь кардинальному вопросу, как заработная плата, для нее опасна, ибо, начинаясь на экономической почве, эта война может быстро привести рабочих к борьбе со всем буржуазным государством. Поэтому, прежде всего, необходимо разбить рабочий класс по частям, федерацию за федерацией. Она объявила войну, прежде всего, наиболее передовой части рабочего класса, именно углекопам, в надежде, что вожди Тройственного Союза, Конгресс Профсоюзов, Рабочей Партии удержат свои организации от активного выступления в помощь углекопам. И расчеты буржуазии были вполне верны.

Время для объявления войны углекопам представлялось буржуазии наиболее выгодным именно теперь. Благодаря сокращению экспорта, в стране были большие запасы угля, экономическая же потребность угля внутри страны, благодаря кризису, была незначительная, и имевшиеся запасы хватало бы на долгое время. Кроме того, отсутствием организации рабочего класса, которая была бы способна сразу стать на защиту его интересов или интересов отдельных его групп, позволяло буржуазии нанести углекопам быстрый и сокрушительный удар. Федерация же углекопов, начиная с 1919 г., она выдерживала длительную борьбу, и ее материальные средства были значительно истощены. Во многих союзах, примыкающих к федерации, кассы были почти пусты, так, напр., норкширские углекопы имели ко времени локаута шак мало средств, что их едва хватало бы на одну неделю. К этому следует прибавить, что война была приурочена как раз к тому времени, когда в стране царил небывалый безработице. «Таймс» исчислял количество безработных ко времени локаута в 1.500.000 человек, в рабочих, занявших только часть времени, — 750.000.

План войны, объявленной буржуазией рабочему классу Англии 31-го марта 1921 г. локауту миллионы рабочих угольной промышленности, был ею заранее выработан в ее главном штабе на Даунинг Стрит, т. е. английским правительством. Согласно этому плану, контроль над угольной промышленностью, находившийся в руках правительства со времени войны, должен был быть передан обратно в руки шахтовладельцев значительно раньше передачи контроля над железными дорогами, дабы не поставив углекопов и железнодорожников одновременно перед одной и той же задачей — понижения

заработной платы, чтобы помешать совместно выступлению тех и других и, таким образом, разбить их порознь.

Понижение заработной платы углекопов должно было начаться и фактически началось с того момента, как рудники перешли под контроль шахтовладельцев. Правительством само не могло взять на себя понижения заработной платы, ибо оно имело обязательство перед рабочими в отношении условий труда, заработной платы и т. д. Прямое нарушение таких обязательств было невыгодно Ллойд Джорджу, ему было гораздо выгоднее предоставить части буржуазии, т. е. шахтовладельцам, вести борьбу за понижение заработной платы, а самому держаться мянимо-нейтральной позиции. В случае, если бы борьба приняла серьезный характер, если бы весь рабочий класс объявил борьбу углекопов своей борьбой, Ллойд Джорж всегда мог бы взять на себя посредничество между борющимися сторонами, действуя в зависимости от степени сопротивления рабочего класса, и если бы ему удалось умиротворить страну, он извлек бы громадную выгоду для укрепления своего политического престижа. Вот почему он поспешно провел закон об уничтожении контроля в угольной промышленности, предоставив, таким образом, самим шахтовладельцам начать кампанию против углекопов.

31-го марта шахтовладельцы поставили рабочим ультиматум — принять порционное сокращение заработной платы, во многих местах доходившее до 50% прежних ставок, или остановить работу. Федерация Углекопов приняла эпит вызов. На следующий день она ответила контр-ультиматумом, требовавшим взработки ставок не по районам и не районными комиссиями, а для всей угольной промышленности в целом, минимума заработной платы в общенациональном масштабе и создания фонда прибыли для всей угольной промышленности, в целях покрытия этого минимума в том случае, если бы тот или другой район по местным условиям не был в состоянии его выплачивать. Для выполнения этого фонда прибыли углекопы потребовали правительственной субсидии.

Проследить шаг за шагом забастовку углекопов, вокруг которой сложился целый эпос предательства, трусости и измены — дело величайшей важности не только для английского пролетариата, но и для пролетариата всего мира. К сожалению, в журнальной статье нельзя остановиться на всех подробностях этой измены. Для этого потребуется целая книга, которая нами уже готовится к печати. Здесь же мы остановимся только на наиболее вопиющих фактах, свидетельствующих о том, в каком беспомощном положении очутились углекопы, вынужденные правыми вождями рабочего движения вести изолированно отчаянную борьбу против всего капиталистического класса и правительства.

II.

Первый акт измены.

Углекопы поднялись как один человек, включая даже и тех, которые работали по охране безопасности рудников от наводнения, взрывов и т. д. Они были уверены, что подобного удара, нанесенного им буржуазией ультиматумом 31-го марта, рабочий класс Англии не сместит и, как один, поднимется на защиту углекопов и себя от подобных же ультиматумов. Но углекопы ошиблись. Они ошиблись не потому, что рабочий класс не понял той громадной опасности, которая грозила ему в результате поражения углекопов. Они ошиблись потому, что не увидели той низости, той подлости, того предательства, на которые оказались способны правые вожди Тройственного Союза, Конгресса Профсоюзов, Рабочей Партии и т. д. Рабочие еще помнили слова своих вождей, как Сидней Вебб, говоривших, что рабочий класс Англии прибегнет к «прямым действиям», к открытому выступлению, в том случае, если «другие» прибегнут к «прямым действиям» против рабочих, в том случае, «если будет сделана прямая атака на экономические и политические права рабочего класса». — «В таком случае», говорил Вебб, «рабочий класс может даже прибегнуть к революции, к силе». Прямая атака на экономические и политические права рабочего класса производилась не раз во время войны и после нее, она была произведена в ночь на 1-ое апреля 1921 г. И что же? Где были тогда Вебб, Томасы, Клайнсы, Гендерсоны и др.? Подобно тому, как они поступили с политическими и экономическими правами рабочего класса во время войны, обещав рабочим царство небесное на земле после войны; подобно тому, как они удерживали рабочих от каких бы то ни было активных выступлений после войны, когда обещания, данные рабочим раньше, были нарушены, и, при демобилизации производства и армии, сотни тысяч рабочих были выброшены на улицу на полуголодное существование; подобно тому, как за все время 1919 и 1920 г.г. во всех выступлениях рабочих за свои экономические и политические права вожди не только не руководили борьбой английского пролетариата, а, наоборот, всячески мешали выступлениям рабочих или срывали эти выступления, — так и теперь, в 1921 г., когда углекопы выступили в защиту своих минимальнейших требований, сводящихся к тому, чтобы сохранить на прежнем уровне свою скудную заработную плату, эти вожди сделали все, чтобы не допустить какой-либо помощи углекопам со стороны рабочего класса, чтобы сорвать выступление углекопов.

В то время, когда углекопы выступили в защиту своих экономических интересов, Томас и Гендерсон находились в Амстердаме, где вкупе с такими же предателями, как они сами, изыскивали средства, как продолжать бороться те миллионы рабочих, которые уже начинают обнаруживать признаки недовольства,

в во многих местах и открытого возмущения против своих амстердамских вождей-изменников. Как только началась «прямая атака на экономические и политические права английского пролетариата», Томас и Гендерсон предоставили почтенному амстердамскому собранию продолжать дело интернационального надувательства, а сами поспешно бросились на родину — спасать свою буржуазию. Беда могла же, в самом деле, случиться, что рабочие и впрямь поверили бы своим вождям, что на «прямую атаку на экономические и политические права» рабочего класса можно ответить даже революцией, «силой».

Немедленно по своем возвращении в Лондон 2-го апреля, т. е. на следующий день после начала локуата углекопов, Томас и Гендерсон начали кампанию против выступления рабочего класса в пользу углекопов. На вопрос, какого он мнения о создавшейся ситуации (локуат углекопов), Томас ответил, что он не питает какой-либо надежды (на забастовку) и что он должен сам убедиться в том, как относятся к ней массы в других производств. Последняя фраза полна самого подлого лицемерия, что вскоре обнаружилась и стало ясно для широких масс рабочих, когда, несмотря на то, что громадное большинство (98%) железнодорожников высказалось за немедленное активное выступление в помощь углекопам, Томас забастовку сорвал, а Артур Гендерсон жаловался на то, что угольная забастовка «создала печальную ситуацию, которая, если будет продолжаться, скоро станет угрозой всему обществу». Гендерсон уверял буржуазию в том, что будет предпринята попытка привести обе стороны к соглашению.

Так началась самая подлая измена, на которую только способны амстердамские вожди. Это была измена рабочему классу вообще и, в частности, непосредственно интересам углекопов в их опчаянной борьбе за свое существование. Ибо, когда буржуазия не имела еще оснований сомневаться в выступлении Тройственного Союза, Томас и Гендерсон уже 2-го апреля дали ей понять, что верные ее интересам вожди организаций рабочих хорошо понимают, насколько активное выступление рабочих в помощь углекопам может породить «печальную» ситуацию, и стало быть, стать «угрозой» всему обществу, и что поэтому будет сделана попытка и т. д. После этих заявлений Томаса и Гендерсона буржуазия перестала сомневаться в исходе борьбы, она как бы сразу почувствовала более прочную почву под ногами, в это время, как почва была выбита из-под ног углекопов. Буржуазия почувствовала, что самое худшее, чего она могла ожидать в начатой ею борьбе — это обещанное вождями рабочих соглашение.

III.

Гильдейские социалисты за работой.

В дальнейшем развитии измены углекопам необходимо отметить, помимо уже названных Томаса и Гендерсона, еще и других

лиц, роль которых не менее способствовали провалу выступления рабочих в помощь углекопам, и, прежде всего, необходимо, конечно, отметить самого Годжеса, секретаря Федерации Углекопов. Несомненно слов для характеристики Годжеса помогут нам познать личность несомненно ближе с характером новых руководителей английского рабочего движения, с тем) как гильдейские социалисты работают на практике. Годжес — это, по выражению буржуазных газет, «блестящие начавший свою карьеру молодой человек», выходец из среды углекопов, воспитанный на их средства. Годжес — это продукт Джон-Рескин-Колладжа и Централь-Лэбор-Коллажа. Годжес — мясон, гильдейский социалист, с «хорошими» связями среди буржуазии, которую он своими планами о национализации угольной промышленности «в интересах всего общества» оборожил так, что она неоднократно выражала в своей прессе сожаление о том, что такой «блестящий» молодой человек не сидит в парламенте среди той багровою компании, где процесс проспитивирования «вундеркинов» происходит очень быстро. А Годжес, действительно, «вундеркинд», он так молод, а уже изощрен во всех формах буржуазной дипломатии, уже досконально изучил, как поддельваться под ее тон, язык и т. п. Он, конечно, думает, что таким образом он принесит пользу рабочему классу и, в особенности, той Федерации, секретарем которой он состоит. На самом же деле, буржуазия пользуется им в своих интересах против интересов того класса, который он представляет. Лучшей иллюстрацией того, как им пользуется буржуазия, служит его выступление на «часном» собрании 200 буржуазных депутатов парламента, посредством которого он помог Томасу сорвать забастовку углекопов.

Незаволадо до конференции главверей союзов транспортных рабочих и делегатского собрания железнодорожных рабочих, созданных исполкомами федераций, составляющих Тройственный Союз, для решения вопроса о поддержке углекопов, Годжес на собрании в Йоркшире сказал: «Что можно сделать других рабочих от выступления, — это боязнь безработицы, стоящая перед ними грозным призраком, боязнь, лишающая их воли». Тут Годжес точно повторил передовую статью из «Манчестер Гардиан» в день локуата, в которой буржуазный орган говорит, что «Тройственный Союз, разумеется, не может состоять безразличным к судьбе своего союзника (Федерации Углекопов), но прежде, чем он приступит к тем или иным действиям, он должен будет вспомнить о той безработице, которая сейчас свисает над страной». «Тивис» тоже напомнил Тройственному Союзу о «грозной безработице». Буржуазная пресса, действительно, была Тройственный Союз призраком безработицы, но этого не боялись рабочие. Годжес не мог говорить о боязни рабочих, потому что уже ко времени йоркширского собрания он не мог не знать, что громадное большинство железнодорожников поручило своим делегатам голосовать за всемерную

поддержку углекопов, вплоть до активного выступления, т. е. до забастовки. На многочисленных собраниях железнодорожников, имевших место в промежутки времени между началом делегата с одной стороны и делегатским собранием железнодорожников и собранием главарей транспортных рабочих с другой, — совершенно нельзя было замечать такого настроения у рабочих, о котором Годжес говорит, указывая на призыв безработицы, лишавший их воли». Наоборот, повсюду массы проявляли большой энтузиазм и готовность к активному выступлению. На том же собрании в Йоркшире, когда велась агитация среди рабочих за и против активных выступлений в помощь углекопам, Годжес помимо того, что пугал рабочих призраком безработицы, как это делали буржуазные газеты, заявил, что «мы, т. е. Федерация Углекопов, обратимся к Тройственному Союзу за содействием, за тем содействием, которое он сумеет оказать. Я не знаю, говорил он, какое именно содействие он может оказать, но осмеливаюсь высказать убеждение, что он окажет то содействие, которое он найдет нужным и полезным при создавшемся кризисе». Таким образом, Годжес заранее оправдывал Тройственный Союз, на случай, если бы последний отказался выступить активно в помощь углекопам. Он этим намекал даже, что решительное выступление Тройственного Союза может и не состояться.

Когда Томас на одном большом собрании железнодорожников в Падингтоне сказал, что если не начнутся переговоры между углекопами и шахтоладельцами, то будет объявлена забастовка, его заявление было встречено громом аплодисментов. Томасу это настроение рабочих не понравилось, и он воскликнул: «Вы выглядываете больше радости в ожидании забастовки, чем я!» На этом собрании, как и на многочисленных других собраниях, «призрак безработицы, лишавший рабочих воли», как будто отсутствовал.

Повторяю, Годжесу боевое настроение рабочих было очень хорошо известно. Простой долг его перед своей организацией, которая тогда стояла под прямым обстрелом всей буржуазии и правительства, заключался в том, чтобы привлечь активных союзников на сторону своей федерации, на сторону углекопов, но от этого не сдвинулся. Наоборот, он отпугивал союзников, все время рисуя перед ними «призрак безработицы» и приписывая им, рабочим, «отсутствие воли». В действительности, тут дело было вовсе не в призраке безработицы, не в воле рабочих. Последний был достаточно. Дело было в том, что перед вождями Тройственного Союза, включая самого Годжеса, стоял призыв революции, лишавший их воли. Этот призыв революции витал над Годжесом на норкширском собрании, не давал ему покоя во все время борьбы углекопов. Этот призыв заставлял его говорить с правительством языком буржуазных дипломатов. Этот призыв погнал его, наконец, на собрание бур-

жуазных депутатов в парламенте накануне объявления забастовки, т. е. 14-го апреля, где он довершил дело Томаса, выдав углекопов головой буржуазии.

Тройственный Союз «не нашел нужным» предпринять какие-либо шаги для активной поддержки углекопов, кроме того, что исполком каждой федерации, входящей в него, созвал свою конференцию главарей, которая должна была решить вопрос о поддержке. Прошло 5—6 дней, прежде чем эти конференции собрались, что уже дало правительству возможность подготовиться на случай выступления. Потом, когда эти конференции и собрались, то ничего, кроме разговоров о поддержке углекопов, не получалось. В продолжение нескольких дней происходили заседания, и в конце концов конференции разошлись по домам, представив исполкомом решать судьбу углекопов, т. е. бросив их на произвол Томаса и К°.

IV.

Мошенничество Ллойд Джорджа и Рабочая Партия.

Поведение вождей Тройственного Союза, тот факт, что они не приняли сразу решения выступить в помощь углекопам, приободрило Ллойд Джорджа, укрепило почву под его ногами и дало ему возможность диктовать условия. Он выразил готовность взять на себя посредничество в переговорах между шахтоладельцами и углекопами только при том условии, если последние согласятся производить необходимую работу у насосов для охраны безопасности рудников и шахт, этого «национального достояния». «Спасение национального достояния», «интересы нации», «национальное благо» — все эти фразы, популярными речью Ллойд Джорджа изобиловали, апеллировали к гражданскому долгу вождей Тройственного Союза и Рабочей Партии. Своим новым условием о спасении рудников от разрушения Ллойд Джордж сразу повернул весь вопрос совершенно в другую плоскость, в плоскость противопоставления интересов «одной группы нации», т. е. углекопов, «всей нации».

Рабочая Партия в парламенте, Томас, Клайнс, Грегэм, Гендерсон и др., не только не разоблачала Ллойд Джорджа в его новом мошенничестве, а помогала ему, зная очень хорошо, что новые требования о возвращении рабочих к насосам означали возвращение на работу 40% вступающих углекопов. А это неминуемо и неизбежно привело бы к краху всей забастовки. Угроза разрушения рудников и шахт была самым сильным оружием в руках углекопов. Правительству была не столь важна добыча угля, сколько сохранение рудников и шахт в безопасности. Рабочая Партия помогала вырвать это оружие из рук углекопов. Она боялась, чтобы «общество» не подумало, что она одобряет «сплошь революционные меры» рабочих, как оставшиеся на-

щонального — чужой: буржуазного — достигая без всякого призора, тем самым подвергая его опасности разрушения. К подобного рода мерам могут прибегать только большевики, а ресептабельным социализмом ведь не подбавит поощрять рабочих к подобным шагам. Рабочая Партия велела себе все время с таким расчетом, чтобы резко отмежеваться от углекопов, осмеливавшихся прибегать к «столь несдыханым мерам», как удары по самому больному месту буржуазии, по источнику ее богатства. Рабочая Партия до сих пор поддерживает мирные забастовки, а углекопы преподнесли ей нечто новое, а именно революционные методы борьбы.

За все время забастовки углекопов Рабочая Партия отделивалась громкими фразами о тяжелом положении последних, о том, как катастрофически опоздается на них «столь внезапное, столь решительное сокращение заработной платы». Все это было хорошо известно рабочим, так как об этом говорилось на многочисленных собраниях, в печати и т. д. Свыше миллиона рабочих стояли лицом к лицу с высоко организованым противником в ожидании скорейшей помощи от своих союзников, а Рабочая Партия ничего не делала, кроме того, что повторяла уже всем известные истины о том, что локнут имел в виду «внезапное и решительное понижение заработной платы углекопов». Ллойд Джордж выступил в парламенте вовсе не для того, чтобы доказать Рабочей Партии, что локнут миллиона углекопов был вызван с целью улаживания их быта, он выступил с вполне очевидной, вполне конкретной задачей: сломать упорство углекопов, уничтожить их организацию путем предоставления помощи им со стороны Тройственного Союза. Он выступил с этой целью, чтобы расширить и углубить ту брешь, которую вожди Тройственного Союза пробили в этой организации тем, что не выступили сразу и решительно, а Рабочая Партия взывала к обязанности парламента и правительства сделать все, что от них зависящее, чтобы привести обе стороны к соглашению. Ллойд Джордж добился того, что сама Рабочая Партия упрямилась его взять на себя инициативу приведения обеих сторон к соглашению.

Когда же Федерация Углекопов отказалась принять условия Ллойда Джорджа, несмотря на то, что Рабочая Партия, прямо или косвенно, это условие поддерживала, Ллойд Джордж предложил председателем рабочих в парламенте употребить все свое влияние на Федерацию Углекопов, чтобы она изменила свое решение и тем создала благоприятную почву для переговоров. Он говорил, что если Рабочая Партия добивается его вмешательства, то это уже ее дело повлиять на Федерацию Углекопов, чтобы эта последняя приняла его условия.

Но, быть может, Федерация Углекопов нашла себе защитников в лице наиболее близко к ней стоящих депутатов, как, например, Дункан Грегэм, член Независимой

Рабочей Партии, выбранный в парламент углекопами? Дункан Грегэм выступил в защиту Федерации Углекопов, как выступают адвокаты в защиту тяжких преступников. Дункан Грегэм каялся перед палатой, что он верит в демократию, в конституционный образ правления, и что он более, чем кто-либо, является противником всего, что хоть сколько-нибудь похоже на революцию. Взя себя в грудь, он говорил: «Я, может быть, выглажу грубым, но сердце у меня хорошее». Еще и еще раз он каялся, что он демократ и противник революции. Углекопов он защищал, спорясь доказать, что никакого злого намерения они не имели и что в мыслях у них даже не было допустить разрушение рудников. Не даром «Таймс» написала хвалебную статью эпой восходящей звезде из Независимой Рабочей Партии.

Время проходило, и углекопы все ждали обещанной помощи Тройственного Союза. «Таймс» вполне правливо подтрунивал над тем, что главари транспортных рабочих ждали, что скажут железнодорожники, а железнодорожники ждали, что скажут транспортные рабочие. Но, не взвзяв на то, что «всемерная поддержка» Тройственным Союзом выражалась в пустых фразах, углекопы продолжали упорную борьбу сами, не уступая ни пяди из своих позиций. Лучше умереть в борьбе, говорили они, чем умереть с голоду в пруде для шахтовладельцев.

Положение так дальше оставалось не могло. Тройственному Союзу необходимо было, действительно, прийти на помощь углекопам, или упорство углекопов должно было быть сломлено. И вожди пришли на «помощь». Их помощь выразилась в том, что Томас выступил в парламенте с предложением правительства видоизменить свои первоначальные требования о возвращении рабочих к часам, не по существу, конечно, в только по форме, лишь бы втянуть углекопов в какие-либо переговоры с шахтовладельцами. Вместо условия, что углекопы должны принять все меры к охране безопасности рудников, прежде, чем начнется конференция между ними и шахтовладельцами, Томас предложил (что, в сущности, то же самое), чтобы вопрос о безопасности рудников был решен на конференции между углекопами и шахтовладельцами в первую голову. Цель, которую, в данном случае, преследовал главарь Тройственного Союза и Рабочей Партии, была вполне ясна. Пока переговоры велись бы на конференции, Тройственный Союз мог бы продолжать бездействовать, и все речи о забастовке в пользу углекопов пока прекратились бы. Кроме того, на этих переговорах углекопы очутились бы в невыгодном для себя положении. Они вынуждены были бы, в конце концов, отказаться от предоставления шахтовладельцам достаточного количества рабочих для охраны безопасности рудников, и тогда конференция распалась бы по их вине. Томас как раз того искал, чтобы как-нибудь дискредитировать углекопов, доказав же «независимой» Рабочей Партии, что она не может защитить их интересы.

дорожным рабочим, что угольщиков и поддерживать — не стоит, в виду их упорства по вопросу о «слесении национального достоинства». Именно поэтому Ллойд Джордж согласился на предложение Томаса. Оба они преследовали свои цели: Ллойд Джордж стремился к тому, чтобы показать стране, что даже Рабочая Партия не одобряет тех революционных мер, к которым прибегли угольщики в своей борьбе. Томас же стремился к тому, чтобы сорвать возможную забастовку Тройственного Союза в помощь угольщикам, «этим зрелищем революционерам».

В результате предложения Томаса, Ллойд Джордж пригласил к себе на совещание исполком Федерации Угольщиков. Это было поистине историческое совещание: английские коммунисты не могли бы найти лучшего материала для пропаганды в массах, как воспроизведение протокола этого совещания. Оно очень ярко рисует перед рабочими всю природу буржуазной демократии и выставляет ее во всей ее отвратительной нагоде. Оно учит рабочих тому, с какой осторожностью следует относиться к сладким речам буржуазных сирен и как опасно поддаваться их искушению. Сначала Ллойд Джордж сладким, спокойным, нежным, любезным тоном говорил с исполкомом Федерации Угольщиков, как если бы последний был посланником какаго-нибудь независимого государства, как равный с равным. Он вел себя как джентльмен. Он ни на чем не настаивал, ничего не требовал, как будто извинялся за то, что воспользовался случаем попытаться убедить своих собеседников в правильности своей точки зрения. Он осторожно указывал на то, что переговоры в условиях беспощадной войны между угольщиками и шахтовладельцами невозможны. Он уверял их в том, что рудники являются — а это достоинство угольщика; что все хотят мира и что лучше всего было бы объявить перемирие. Он потом стал убедительно просить исполком дать своим членам соответствующее распоряжение охранять безопасность рудников во время переговоров. Он намекал на то, что «это, кажется, первый раз в истории рабочего движения, что национальное достоинство оставляется рабочими на произвол судьбы», но он не настаивал на том, что прав, кто виноват, а что лучше всего было бы помириться. Он говорил: мы все хорошо знаем по опыту, что первые попытки обыкновенно бываю неудачными и очень часно кажется, что и выходы нет. Но как бы то ни было, а британский завывай рассудок находит выход, когда от этого, действительно, хочеп. Усыпая таким образом своих слушателей, Ллойд Джордж сразу огорошил их пресобой приступить к работе у насосов, пока-де угольщики и шахтовладельцы будут сидеть за общим столом и сговариваться.

Совсем другим тоном говорил он в тот же день в парламенте. Тут он использовал свои совещания с исполкомом Федерации Угольщиков для того, чтобы дискредитировать его в глазах всей страны. Ллойд Джордж обвинял его в

том, что он заведомо стремится к разрушению рудников, как к средству заставить правительство сдаться — вещь «небывавшая в истории забастовочного движения» Англии. Он говорил, что решение угольщиков не допускать рабочих к насосам является «ульпиматумом гораздо более серьезного характера, чем вопрос о заработной плате, о которой еще можно договориться. Раз угольщики отказываются помочь спасти от гибели национальное достоинство, правительству остается принять все имеющиеся в его распоряжении меры борьбы при создавшейся ситуации». Эти меры заключались в том, что он объявил мобилизацию войск.

Как ответил Рабочая Партия на военные приготовления правительства против рабочих? Как вообще держалась Рабочая Партия по отношению к наглому поведению Ллойда Джорджа в парламенте? Она последила смягчить впечатление, произведенное исполкомом Федерации Угольщиков на Ллойда Джорджа, стараясь доказать ему, что исполком вовсе не имел в виду объявить ультиматум правительству. Кэвин спрашивал: разве не факт, что исполком выразил готовность идти на переговоры с шахтовладельцами без всяких предварительных условий? И — спрашивал он — не приходится ли премьер-министру нужным в интересах нации не ставить никаких препятствий для переговоров между обеими сторонами?

Протокол заседания исполкома Федерации Угольщиков с Ллойдом Джорджем не содержит даже намека на то, что угольщики выразили согласие вести переговоры с шахтовладельцами без всяких предварительных условий. Ллойд Джордж правильно понял позицию угольщиков, которые ясно и определенно заявляли, что они ни на какие компромиссы не пойдут. Рабочая Партия попросту испугалась угрозы Ллойда Джорджа — принять все имеющиеся в распоряжении правительства меры для изменения создавшейся ситуации. Она искала выхода из положения во что бы то ни стало. Она упрямилась Ллойд Джорджу снова обратиться к угольщикам с предложением начать переговоры с шахтовладельцами, с тем, чтобы вопрос о насосах разбирался в первую голову. Но и на эту уловку угольщики не попались. Они ответили отказом на просекратное предложение Ллойда Джорджа (в сущности, это предложение исходило от парламентской фракции Рабочей Партии) вступить в переговоры с шахтовладельцами.

V.

Пустая угроза и работа „мирных сил“.

Попытка Рабочей Партии втянуть угольщиков в переговоры с собственниками провалилась. Забастовка продолжалась, и Тройственный Союз должен был занять определенную позицию по отношению к своему союзнику — Федерации Угольщиков. Продажка попрежнему — переговоры всемерной поддержке угольщиков было уже невозможно. 8-го апреля все переговоры между правительством и

Федерацией Углекопов закончились. Массы преобладали выступления. К вечеру 8-го апреля Общественное заседание исполкома Национального Союза Железнодорожников и Федерации Транспортных Рабочих завалило правительство, что если не начнутся переговоры между углекопами и шахтозащелками, то Тройственный Союз объявит забастовку на 12-ое апреля в полночь. Отпихка на 4 дня. Эта пустая угроза никакого значения не имела.

Органы рабочей прессы, как «Дэйли Геральд», «Лэбор Андер» и др., приняли решение Общественного Союза о забастовке 12-го, как последнюю и решительную меру активной поддержки углекопов, и на первых страницах громко воззвали о том, что классовая солидарность, наконец, взяла верх и что рабочие выступают совместно с углекопами. Но буржуазная пресса сразу поняла, в чем дело. Она объявила официальное заявление Тройственного Союза о забастовке не как акт возможного действительного выступления, а как новое предложение углекопам и правительству начать переговоры. Она поняла это заявление не как акт войны рабочих в ответ на военные приготовления Ллойда Джорджа, а как акт перемирия, за которым должен был последовать мир. Во всяком случае, заявляет «Таймс», опротчка забастовки на несколько дней должна рассматриваться как шаг вперед со стороны «мирных сил».

Имея в своем распоряжении несколько дней перед тем, как забастовка должна была начаться, «мирные силы» (Томас, Гендерсон, Кливинс, Годжес и др. вожди Рабочей Партии и Тройственного Союза) приложили все усилия к тому, чтобы создать почву для переговоров между углекопами и правительством. Уже 9-го апреля, т. е. на другой день после того, как было принято решение бастовать, эти вожди много порабовали над созданием почвы для переговоров. Об этом свидетельствует тот факт, что они имели в этот день три заседания с Ллойдом Джорджем (без полномочий углекопов и даже без их ведома), два заседания с исполкомом Федерации Углекопов и одно заседание в Тройственном Союзе, на котором присутствовали члены парламентарской группы Рабочей Партии, как Кливинс, Робертсон, Грегг и др. О том, что происходило на этих заседаниях с Ллойдом Джорджем и на заседании с Тройственным Союзом, мы можем только догадываться, ибо протокол этих заседаний не был опубликован. Мы знаем только, что уже к вечеру 9-го апреля Томас сделал заявление о составлении соглашения с правительством, согласие которому было решено: 1) созвать конференцию из представителей Федерации Углекопов и собственников на 11-ое апреля (за день до того, как должна была начаться забастовка), с целью обсуждения всех спорных вопросов; 2) Федерация Углекопов должна была в этот же вечер известить все отделения федерации о том, что их члены должны воздерживаться от дей-

ствий, могущих вызвать необходимость вмешательства военной силы.

Таким образом, ставившись вполне понятным, даже не имея в своем распоряжении протокола заседания, — в чем заключалась работа «мирных сил», Тройственный Союз и парламентарской группы Рабочей Партии, 9-го апреля. Она заключалась в том, чтобы воздействовать на исполком Федерации Углекопов уговорив ее уступить правительству и согласиться на невмешательство углекопов в работу по охране безопасности рудников и шахт. «Воздерживаться от действий, могущих вызвать необходимость вмешательства военной силы», — это значит иными словами: не вмешиваться в работу шпейрбрехеров в их работе по охране рудников и т. д. Сопоставив решение, принятое объединенным исполкомом Тройственного Союза 8-го апреля — бастовать 12-го, — и соглашение с правительством. Все поняли первое постановление в том смысле, что Тройственный Союз объявляет забастовку, если переговоры с правительством и собственниками не начнутся на условиях углекопов. Соглашение же 9-го апреля означает: 1) что не углекопы, а правительство добились своего по вопросу о насосах, и 2) что все спорные вопросы должны были обсуждаться, включая и вопрос о национальных ставках, о фонде прибылей и т. д. Одним словом, углекопы должны были окончательно уступить врагу свои позиции.

Буржуазная пресса поняла соглашение, достигнутое между вождями Рабочей Партии и Тройственного Союза, с одной стороны, и правительством — с другой, вполне правильно. «Таймс» radoвался тому обстоятельству, что условие, от выполнения которого зависела забастовка, было выполнено, и потому рассматривал вопрос о забастовке на время решенным. «Теперь необходимо, говорит газета, поддерживать соответствующую атмосферу при ведении переговоров. «Таймс» оплатит должное Томасу за ту руководящую роль, которую он играл в работе по достижению соглашения. Газета поздравляет его с успехом и говорит: «нам тем более доставляет удовольствие такое признание (о благотворной роли Томаса), что наши собственные усилия были направлены к тому же». Газета выражает уверенность в том, что Томас «и в дальнейшем будет поддерживать соответствующую атмосферу и тем предотвратит угрожающую стране опасность, которую он так хорошо понимает».

VI.

Результаты работы „мирных сил“.

Конференция между углекопами и собственниками состоялась 11-го апреля под председательством Ллойда Джорджа. Последний сообщил о причинах уничтожения конференции в угольной промышленности и заявил, что принцип субсидирования какой-либо промышленности недопустим с точки зрения

государственных интересов. Он свел все спорные вопросы между воюющими сторонами к вопросу о заработной плате с точки зрения прибыльности рудников и тем самым сделал даже немисляемыми самые разговоры об основных преобразованиях углекопов — о национальных ставках, фонде прибыли. Ллойд Джордж предложил сначала собственникам высказаться о причинах, побудивших их приступить к понижению заработной платы, а затем углекопам — сделать с своей стороны заявление, основанное на фактах и данных. После этого Ллойд Джордж объявил перерыв на четыре часа, чтобы дать обеим сторонам возможность выработать свои заявления. Когда же обе стороны снова сошлись, Ллойд Джордж выразил желание ознакомиться детально с их заявлениями и поэтому нашел нужным перенести конференцию на следующий день. Ллойд Джордж великолепно знал причины, побудившие собственников понизить заработную плату, а также требования углекопов, но ему нужно было оттянуть конференцию, чтобы условно объявленная на 12-ое забастовка была сорвана. Когда скоро переговоры не прерваны, забастовка не могла быть окончательно объявлена.

В тот же день, т. е. 11-го апреля, вожди Тройственного Союза выступили с воззванием, в котором было выставлено условие, что если правительство не сделает углекопам предложения, которое Тройственный Союз «найдет возможным рекомендовать им, то движение железных дорог и транспорта вообще будет приостановлено». Для чего понадобилось это воззвание 11-го, когда уже 8-го было решено объявить забастовку на 12-ое? Этим воззванием Тройственный Союз свел на смарку свое прежнее решение о забастовке.

12-го апреля правительство после нескольких заседаний с шахтовладельцами и с исполкомом Федерации Углекопов сделало последнее предложение, которое, в сущности, ничем не отличалось от предложения копецладельцев. Председатель Федерации Углекопов, Герберт Смит, был прав, когда заявил Ллойд Джорджу, что предложение правительства является, в сущности, тем же предложением шахтовладельцев. Единственная разница между предложением последних и предложением правительства та, что это последнее предложение обещает помочь углекопам в наиболее пострадавших районах. Это значит, что если после всеобщего понижения заработной платы окажется какой-либо район, где заработная плата понижается больше заработной платы в других районах, т. е. там, где углекопы будут обречены на голодное существование, правительство выражает готовность помочь займами и т. д. Углекопы от предложения правительства отказались, и конференция поэтому распалась.

Таким образом, перед Тройственным Союзом стал вопрос: является ли предложение правительства тем предложением, принять которое он может рекомендовать углекопам. Тройственный Союз собрался для обсуждения

доказа исполкома Федерации Углекопов о том, почему он считает предложение правительства для себя неприемлемым, и вскоре после этого заседания Томас заявил, что забастовка, объявленная на 12-ое, отменится. Это значит, что Тройственный Союз нашел предложение правительства приемлемым для углекопов. Но углекопы, несмотря на это решение Тройственного Союза, несмотря на то, что им грозила опасность быть изолированными, все же, предложение правительства отвергли.

VII.

Настроение в массах и повод к дальнейшей измене.

Для того, чтобы понять, почему вожди Тройственного Союза снова объявили забастовку на 15-ое, необходимо, прежде всего, уяснить себе, каково было отношение масс к решению Тройственного Союза, отменившего объявленную им на 12-ое забастовку. Размеры этой статьи не позволяют нам перечислить все имеющиеся у нас данные о том, какая опасность грозила вождям быть дискредитированными в глазах масс, если бы они остановились на отмене забастовки 12-го. Мы можем дать только наиболее яркие факты, характеризующие настроение масс в связи с создавшейся в это время ситуацией.

Известие об отмене забастовки произвело удручающее впечатление на всех рабочих. Рабочие были преисполнены желания активно помочь углекопам. Они готовились к забастовке и ни в коем случае не ждали известия об ее отмене. На вопрос, поставленный буржуазным корреспондентом Вильямсу, секретарю Южно-Уэльской секции Федерации Железнодорожников, думает ли он, что рабочие могут потерять терпение и прибегнуть к независимым от вождей действиям, он ответил: есть границы терпению рабочих. Если недовольство, которое уже проявляется среди них, будет расти, трудно предсказать, что случится. Не только рабочие, признавшие к Тройственному Союзу, высказывались на многочисленных собраниях в пользу немедленной забастовки, но всевозможные организации и ассоциации рабочих, стоявшие вне Тройственного Союза, постепенно присоединялись к забастовке. Электоральные рабочие в Лондоне сделали все приготовления к тому, чтобы погрузить Лондон во мрак при начале забастовки.

Настроение масс было таково, что вождям Тройственного Союза нельзя было бросить углекопов на произвол судьбы после отказа последних принять предложение Ллойд Джоржа. 13-го апреля, несмотря на все пути вождей Тройственного Союза, давно уже проложивших мост между Доунинг Стрипом (главная квартира Ллойд Джоржа) и Юингтон Гауз (главная квартира Тройственного Союза), мост, по которому эти проидохи швыряли шуда и обранно для дела измены, обиден-

ное заседание исполкома. Тройственного Союза вынуждено было снова объявить забастовку. Но, все же, и на этот раз вождям удалось отпугнуть начало забастовки на два дня в надежде выиграть время, чтобы снова найти какой-нибудь повод для отмены забастовки. Не даром Клинтон в парламенте вместе с Ллойд Джорджем выразил надежду, что «элемент мира» еще может пережить элемент войны. Это он сказал 13-го, 14-го же апреля повод для отмены забастовки, наконец, был найден. На этот раз повод был представлен вождям самим Годжесом, выступившим на частном заседании членов нижней палаты 14-го апреля ночью.

VIII.

Последний акт предательства.

Прежде, чем остановиться более детально на этом «частном» заседании членов палаты, необходимо изложить события всего дня 14-го апреля. Это поможет нам уяснить себе причины, приведшие к этому заседанию, раскроет его смысл, а, главное, с еще большей ясностью разоблачит роль вождей в связи забастовки.

События 14-го апреля вращаются вокруг четырех фактов: 1) собрание галарей Тройственного Союза с Ллойд Джорджем, 2) парламентское заседание, 3) частное заседание членов парламента, 4) собрание парламентского комитета Конгресса Профсоюзов, исполкома Рабочей Партии и парламентской группы Рабочей партии. Эти заседания следовали одно за другим, как опасались, но последовательно связанные между собой сцены последнего акта драмы.

«Я бы хотел знать» — писал Ллойд Джордж Тройственному Союзу 13-го апреля, обращаясь к «дорогим» Томасу и Вильямсу, — на каком основании вы постановили напечатать своим согражданам такой тяжелейший удар, как расстройство всякого рода транспорта, столь существенного для жизни нации? Как отпелили «дорогие» Томас и Вильямс? Отпелили они, что Тройственный Союз объявляет всеобщую забастовку на том самом основании, на каком буржуазия объявляет пролетариату войну докупому, выбрасывая на улицу свыше миллиона углекопов и обрекая их на голод? Быть может, они отпелили, что Тройственный Союз объявляет забастовку на том же основании, на каком буржуазия нарушила все договоры, заключенные с рабочими организациями, когда это ей было нужно для ведения империалистической войны? О, нет! «Дорогие» Томас и Вильямс ничего подобного не отпелили. Прихвостни и даже не разговаривают со своими хозяевами таким языком. Вместо этого они покорно отпелили Ллойд Джорджу... «мы хотели бы с Вами поговорить, чтобы лично передать Вам свои основания...»

Утром 14-го апреля можно было заметить группу лиц, с Томасом, Вильямсом и Гослингом во главе, спешно шагнувших к Доунинг Стриту. Это вожди рабочих шли до-

вершать начатое ими дело измены рабочим. Делегация Тройственного Союза даже не поспешила с Федерацией Углекопов, своим союзником, прежде чем отправившись к правительству. Делегация отправилась на переговоры к Ллойд Джорджу, не имея на то никаких полномочий от Федерации Углекопов. Но, скажут, делегация отправилась к Ллойд Джорджу за тем, чтобы передать ему лично принятое уже решение — забастовать в ночь на 15-ое. Если бы это было так, то на письменный запрос Ллойд Джорджа можно было бы послать и письменный ответ, — если вообще ответ был нужен. А он был не нужен. Но протоколы заседания показывают, что делегация пошла к Ллойд Джоржу с совершенно другой целью. Она пошла за тем, чтобы торговаться о деле углекопов и, при том, не имея на то полномочий и даже без ведома самих углекопов. Под предлогом передачи ответ Ллойд Джорджу лично, делегация искала возобновления переговоров с ним. Гарри Гослинг был единственным членом делегации, который почувствовал всю нелепость этого положения (из протоколов заседания мы не видим, что и Вильямс чувствовал себя так же), когда он сказал Ллойд Джорджу: «Чего я делал бы не хочу — это разбирать достоинства и недостатки требований углекопов». По эти угрозыния совети Гослинг продолжался недолго. Вскоре и он принял живое участие в обсуждении достоинств и недостатков требований углекопов.

Томас убеждал Ллойд Джорджа в том, что «все присутствующие» до сих пор помогали устроить «мерную сватку» между углекопами и собственниками. Ллойд Джордж соглашался с этим и даже похвалил их, сказав: «Вы, конечно, помогали». — «Даже теперь, в последнюю минуту, продолжал Томас, мы так же жаждем, как и вы, г. премьер-министр, предотвратить то, чего ни один из нас здесь не может себе ни представить, ни предсказать... Мы не хотим революции... Пока вы будете вырабатывать свои планы (как втянуть углекопов в новые переговоры), мы будем держать в своих руках арену, т. е. не допустим войны, ибо, каковы бы ни были результаты войны, нация неизбежно пострадает». И, боясь, что это недостопаочно было сказано, Томас повторил: «Какой бы спорюна ни выиграла, нация проиграет». Мы склонны думать, что протокол заседания не дает полного отчета об этом заседании, что он совершенно не передает, каково было поведение на этом заседании Роберта Вильямса, выступила ли он против последнего и продажного поведения Томаса. Во всяком случае, самый факт выступления делегации накануне окончательного объявления забастовки, к которой рабочие готовились по всей стране и, в особенности, поведение этой делегации на заседании с Ллойд Джорджем — являются самым позорным шагом, когда-либо совершенным даже самыми правыми вождями.

Ллойд Джорджу даже показались подозрительными такие верноподданнические чуп-

ства со стороны главарей той самой организации, которая уже постановила начать борьбу, — он со вздохом сказал: «Меня гнет чувство опасения, что люди, стоящие во главе Федерации, на самом деле, не управляют ее делами, что там в низу у вас есть непримиримые, не поддающиеся воздействию элементы, элементы, постоянно прорывающиеся к фронту и оставляющие отпечаток на ход событий. Я всегда имел такое чувство, что люди, с которыми я разговариваю, не те, с которыми я имею дело».

Ллойд Джордж хотел этим сказать, что ему не столь важно выражение контр-революционных чувств и преданности нации в канцелярии правительства, сколько подтверждение эпих чувств на деле, в канцелярии Тройственного Союза. Пусть вожди докажут свою преданность действием, пусть докажут, что они еще не потеряли своего влияния на массы, вопреки стремлению непримиримого и не поддающегося воздействию элемента. Пусть все это они докажут на деле, и тогда Ллойд Джордж будет спокоен на счет того, что люди, с которыми он разговаривает, на самом деле те, с которыми он имеет дело.

Вожди в этот день употребили все свои усилия на то, чтобы рассеять гнетущее Ллойда Джорджа чувство. Они употребили все усилия на то, чтобы доказать своему господину, что он еще может рассчитывать на них, как на своих верных и надежных агентов, что они еще в состоянии держать в своих руках арены в классовой борьбе пролетариата и буржуазии, несмотря на существование в массах непримиримых и не поддающихся воздействию элементов. Когда за несколько часов до начала всеобщей забастовки Ллойд Джордж прочел поданную ему в парламенте записку, то, по словам корреспондента, его лицо озарило счастливейшей, спокойной улыбкой: это вожди извещали его об окончательной отмене забастовки и тем доказали ему, что непримиримые и не поддающиеся воздействию элементы и в этот раз не прорвались к фронту, и что «вожди» подтверждали свои верноподданнические и контр-революционные чувства не только на словах, но и на деле.

В парламенте Ллойд Джордж выступил с кратким сообщением об утрате заседаниями с делегацией Тройственного Союза, но предложила отложить дебаты, в виду того, что «делегация сейчас совещается в своих заседаниях», и парламентские дебаты могут, скорее, помешать делу, чем помочь. Ллойд Джордж знал о каких-то переговорах, о которых он в парламенте не хотел говорить, чтобы их не разоблачить и не повредить им. Рабочая Партия знала об этих переговорах и поэтому не возражала против того, чтобы дебаты были отложены, хотя ее долг был выступить открыто с подержанной фактически объявленной и должествовавшей начаться забастовки. Она этого не сделала, потому что, как и упрения делегация у Ллойда Джорджа, она раболпала за срыв за-

бастовки. Клейнс согласился с Ллойд Джорджем в необходимости отложить дебаты, в виду того, что переговоры еще окончательно не завершены (стало быть, какие-то переговоры велись, переговоры, о которых исполком Федерации Углекопов, кроме Годжеса, не знал). Рабочая Партия знала, что продолжение этих мистических переговоров хотя бы на один день привело бы к тому, что забастовка снова была бы отменена, а в третий раз объявить ее представлялось бы невозможным. Дебаты были отложены еще и потому, что нужно было очистить поле для другого заседания, а именно для «частного» заседания членов палаты, на котором сама Федерация Углекопов должна была дать порок для отмены забастовки. К этому собранию нужно было подготовиться. И вскоре после того, как парламентские дебаты были отложены, состоялось и это «частное» заседание членов нижней палаты.

Заседание это состоялось вечером того же дня в одной из зал здания парламента. Присутствовало около 200 членов нижней палаты, вдруг выразивших особое желание познакомиться с характером спора между шахтовладельцами и углекопами. В продолжении двух недель доквта условия и требования обеих сторон обсуждалась в печати, на собраниях, в многочисленных дебатах парламента. Оказывается, что депутаты не знали характера спора и только теперь решили познакомиться с ним. Председатель ассоциации шахтовладельцев любезно согласился ознакомить депутатов с «характером спора». Корреспондент «Дэйли Геральд» говорит, что условия ульпиматума шахтовладельцев произвели на всех слушателей «судорожущее» впечатление. Они были до того изумлены, что тут же решили пригласить и Годжеса, именно Годжеса, секретаря федерации, а не Герберта Смита, председателя федерации, с тем, чтобы он изложил точку зрения углекопов (стало быть, Рабочая Партия за все время доквта не познакомила членов парламента с точкой зрения углекопов). Кто-то телефонировал Годжесу, который немедленно явился (удивительно гладко все шло в этот день). Тот же корреспондент «Дэйли Геральд» говорит, что Годжес произвел сильное впечатление на всех депутатов. Что, на самом деле, имело место на этом заседании, это то, что, после того, как Годжес наговорился вдоволь, ему задали заранее приготовленные вопросы и просили отменить его подписать собственноручно. Все, чего депутаты добивались, это следующий ответ Годжеса: «мы готовы обсуждать вопрос о заработной плате (не о национальных ставках и не о национальном фонде прибыли) при условии, что соглашение будет только временным». Вот это, действительно, произвело сильное впечатление на всех присутствовавших депутатов. Это все, что им нужно было. Это была та «звездная», которую Годжес будто бы подал. Это было новое предложение со стороны не углекопов, не Федерации Углекопов, не исполкома, а

частное предложение Гаджеса. И, все же, этим частичным предложением вожди Тройственного Союза воспользовались, как поводом для отмены забастовки.

Что новое предложение Гаджеса не исходило от исполкома Федерации Углекопов, видно из того факта, что последний потребовал отставки Гаджеса. Этим исполком доказал, что он в «западню», доставленную вождями Тройственного Союза и Рабочей Партии, не попал. Наилучшим доказательством того, что исполком Федерации Углекопов ничего общего не имел с выступлением Гаджеса, служил, конечно, та героическая борьба, которую он, изолированный изменой, продолжал вести больше двух месяцев.

В тот же вечер и в том же самом здании, где происходило «частное» заседание членов палаты, происходило еще одно, последнее, из четырех исторических заседаний, которым э. кончился последний акт описываемой нами драмы рабочего движения Англии. Это было заседание парламентского комитета Конгресса Профсоюзов, исполкома Рабочей Партии и парламентской группы Рабочей Партии. Как бы странным и смешным это ни показалось читателю, но собрание это было связано с целью «поддержат» Тройственный Союз в «предстоящей борьбе» и п. д. Во время этого заседания Тройственный Союз уже еле дышал, фактически уже умирал, еще минута и он испустил дух, а вожди профессионального и политического рабочего движения только еще собирались его поддержать. Нам даже несколько неясно, был ли Тройственный Союз еще в живых, или от него осталась одна только тень, когда эти вожди вынесли резолюцию о том, что «конференция убеждена в справедливости требований углекопов и обещает свою поддержку Тройственному Союзу и что она обращается ко всем секциям рабочего движения и всем гражданам, кому дороги интересы общества, с призывом твердо стоять против поправок, направленных (кем?) против позиций рабочих». Но несомненно, что эта резолюция печаталась (15-го) одновременно с некрологом той самой организации, которой собирались помогать вожди профессионального и политического движения рабочих.

15-го апреля закончилась история одной из отвратительнейших измен, которые когда-либо имели место в рабочем движении Англии. Этот день пролетариат будет вспоминать с чувством великой злобы и глубокого отвращения к вождям-изменникам. Без сомнения, пролетариату Англии еще предстоит пережить не раз подобные и еще худшие измены и предательства, прежде, чем он окончательно освободится от влияния этих вождей.

В этот день умер Тройственный Союз. Пусть смерть его оплакивают те, кому он, действительно, приносил пользу — буржуазия, — для которой подобного рода организации всегда были самым удобным, самым надежным орудием в борьбе с рабочим клас-

сом. Пусть оплакивают его мелко-буржуазные идеологи из Рабочей Партии, Независимой Рабочей Партии, фабриццев, гильдийских социалистов, которым такая организация помогала поддерживать в рабочих массах иллюзии, будто рабочий класс мирным путем и в рамках старого буржуазного общества посприносит здание социализма. Пусть оплакивают его те, кто боится, что со смертью таких организаций, как Тройственный Союз, умрет и иллюзия и зависимость пролетариата, и что рабочие все более и более будут прозревать, пока не увидят перед собой тех путей, которые, действительно, ведут к их полному освобождению.

Мы же пройдем мимо этого и сразу к ряду углекопов, вынесшим на своих плечах героическую борьбу не только в своих интересах, но и в интересах всего рабочего класса Англии. Мы скажем углекопам: в своей борьбе вы оказали изолированным не только, что у английского рабочего класса отсутствовал чувство классовой солидарности, а потому, что у него не было классовой солидарности и организованности, и потому, что он позволял своим вождям всячески убивать всякое активное выражение классовой солидарности.

IX.

Заключение.

Английский пролетариат в настоящее время находится в опечаленном положении. Миллионы безработных и работающих только частью времени. Неудача всех выступлений рабочих со времени перемирия, а именно: неудача железнодорожной забастовки в 1919 г., забастовок углекопов в 1919, 1920 и, в особенности, в 1921 г., когда буржуазия начала успешную кампанию за всеобщее понижение заработной платы, — все это ставит перед рабочим классом Англии вопрос: что же дальше? В прессе, и специальных брошюрах и книгах, на массовых собраниях, везде обсуждается вопрос: где же выход из этого положения, в котором сейчас находится английский пролетариат?

В поисках за ответом на этот вопрос массам волеи-неволеи приходится сталкиваться с тем беспорядным фактом, что причиной их беспомощности перед организованым врагом является отсутствие рабочего движения, как такового, т. е. движения всего пролетариата. Несмотря на то, что в Англии насчитывается около 5 милл. организованных рабочих, английский пролетариат, как класс, совершенно не организован. Очевидные профсоюзы, совершенно между собою не связанные, или федерации профсоюзов, объединенные только в такие фиктивные организации, как Тройственный Союз; или даже Конгресс Профсоюзов, тоже существующий только на бумаге, не способны теперь, в особенности после провала забастовки миллиона углекопов, бороться не только за такие

квази-социалистические идеалы, как национализация угольной промышленности и п. д., не сходившие со стальных вечали и с уст широким масс рабочих в течение всего 1919 г., и за которые сами же вожди эпит фиктивных организаций ратовали много лет, но они неспособны даже бороться против понижения заработной платы ниже уровня 1914 г.

Если до сих пор английские рабочие смотрели на Тройственный Союз, Конгресс Профсоюзов и Рабочую Партию, как на организацию, выражающие интересы всего пролетариата, то провал всех выступлений рабочих за последние три года должен был убедить даже наиболее оптимистичные слои рабочего класса, что, в сущности, в Англии нет такого органа, который действительно объединял бы пролетариат, действительно выражал бы его интересы, действительно боролся бы с высоко организованым врагом. Тот факт, что вышеупомянутые объединения рабочих, или, что правильнее, объединения вождей рабочих, не в состоянии защитить рабочий класс даже от понижения заработной платы, не говоря уже о борьбе за национализацию, — этот факт нанес самый чувствительный удар по эпит организациям.

Из многочисленных резолюций, принятых на массовых собраниях миллионов углекопов по всей стране, вскоре после измены вождей Тройственного Союза, ясно видно, что отношение рабочего класса Англии ко всем эпит организациям с их громкими названиями — Тройственный Союз, Конгресс Профсоюзов и п. д. — в общем и целом, теперь уже определенно отрицательное. Но это отрицательное отношение выражается двояко: одни обвиняют вождей в измене и требуют их отставки, но не запрещают вовсе охарактеризовать тех организаций, во главе которых эпит вожди стояли, или о необходимости коренного переустройства эпит организаций. Другие, наоборот, приписывают неудачи всех рабочих выступлений, главным образом, именно характеру эпит организации, п. е. утверждают, что если бы даже Тройственный Союз и захотел действовать, если бы даже Конгресс Профсоюзов и хотел вступить в активную борьбу с капиталистическим классом, то и тогда они не могли бы этого сделать, благодаря децентрализации в рабочем движении, благодаря тому, что эпит организации представляли собою лишь добровольные и автономные объединения вождей, причем, прежде чем эпит организации в целом могут действовать, необходимо согласие каждой автономной части. Кроме того, если бы даже та или другая автономная часть и согласилась на то или другое выступление, то, принимая во внимание, что она сама является федерацией многочисленных профсоюзов, ей, в свою очередь, нужно было бы получить согласие последних.

Это течение в рабочем классе требует коренного переустройства существующих объединений по всему фронту труда, переустройства на началах централизма.

До сих пор всякое стремление среди рабочих к действительному объединению рабочего класса по всему фронту, начиная от фабрики и кончая единым центральным органом всего организованного пролетариата, встречало самый сильный отпор со стороны многочисленных вождей, больших и мелких, в интересах которых было поддерживать только иллюзию о том, что пролетариат объединен и что органами его объединения являются — для группы рабочих углекопов, железнодорожников и транспортных рабочих — Тройственный Союз, а для всего рабочего класса — Конгресс Профсоюзов и Рабочая Партия, и что в исключительно важных случаях могут быть созданы такие органы, как Комитет для переговоров, существовавший во время забастовки железнодорожников в 1919 г. или Совет Действия в борьбе против войны с Россией. На самом деле, эти многочисленные вожди всячески поддерживали и поощряли пошлый хаос, в котором по сие время продолжают пребывать английское рабочее движение. За исключением, вожди являются противниками идеи централизации рабочего движения, и это понятно. При децентрализации вождем легче удается сорвать всякое объединенное выступление всего пролетариата, выступление, которого они боятся пуще огня. Более или менее близкое знакомство с положением дела в Англии в 1919—1921 гг. убеждает нас в том, что если бы всеобщее выступление английского пролетариата и состоялось совместно, напр., с бывшими железнодорожниками в 1919 г. или углекопами в 1919, 1920 и в начале 1921 г., то последствия его для развития революционного движения в Англии были бы громадные. Недаром во время забастовки углекопов Томас и Гендерсон поспешно бросили свои заседания в Амстердаме, чтобы предотвратить всеобщее выступление английских рабочих совместно с углекопами, на том основании, что подобного рода выступление «перягло бы спируну, в хаос, откуда другого выхода, кроме революции, не было бы». Так эпит вожди говорили совершенно открыто. Они всячески стремились к предотвращению «возможных последствий» и п. д.

Вожди вышеупомянутых организаций всячески мешают проведению начала централизации в рабочем движении. Теперь, при каждом неудачном выступлении рабочих, вожди оправдываются тем, что Тройственный Союз или Конгресс Профсоюзов не пришли, будто бы, на помощь углекопам не по их вине, а по вине конституции эпит организаций, не позволяющих им действовать без согласия их составных частей. При существовании центрального органа всего рабочего движения Англии, Томас, Гендерсон и др., которые безусловно составят этот центральный орган, по крайней мере, на первое время, не могли бы найти оправдания для своей измены рабочим. Тогда все неудовольствие масс сконцентрируется против изменнического центрального органа, тогда вождем будет гораздо труднее скрывать свою измену в том

хаосе, в котором находится рабочее движение Англии.

В наступающее время единственный живой лозунг, охватывающий широкие массы пролетариата Англии, это не национализация, не рабочее правительство (последнее безусловно явится животрепещущим вопросом на Конгрессе Профсоюзов и после него), а борьба за заработную плату, борьба с безработицей и необходимостью для успешной борьбы коренного переустройства всех органов рабочего класса, в особенности, Конгресса Профсоюзов, на началах централизма. Без коренного переустройства этой организации широкие массы рабочих не представляют себе возможности успешной борьбы даже за заработную плату, не говоря уже о национализации, рабочем контроле и т. д. Практически лозунг этот выражается в необходимости Staff of the General of Labour).

Вожди рабочего движения Англии никогда не оспаривали глухими к голосу масс. Они всегда реагировали на то или другое настроение среди рабочих, на то или другое стремление среди них, но им всегда удавалось направить в русло оппортунизма и изменить всякое такое настроение и стремление, не давая им развиваться и принимая широкие формы классовой борьбы. Когда еще до войны среди угольщиков, железнодорожников и транспортных рабочих возникло сильное течение в пользу объединения для совместных действий, вожди пошли навстречу этому течению и создали Тройственный Союз, но они создали его таким образом, придали ему такую форму, работали для него такой устав, чтобы он, несмотря на свое громкое название, фактически не мог ничего сделать, и за время своего существования так-таки ничего не сделал, — да и умер позорной смертью. Конгресс Профсоюзов тоже возник в результате пребывания масс дабы какое-нибудь реальное выражение их классовой солидарности. На самом деле, этот Конгресс до сих пор никакой пользы рабочему классу не принес, на самом деле, он только собирается раз в год, принимает всевозможные резолюции и снова разлагается по домам, не достигая никакого результата.

То же и теперь. Вожди идут навстречу все растущему и охватывающему все более и более широкие массы преобладающему созданию генерального штаба. Но, как всегда, они ограничили только тем, чтобы лишь изменить название успевших и нигде годных организаций, напр., вместо Парламента Комитета Конгресса Профсоюзов, будет ли генеральный Совет Конгресса Профсоюзов и т. д. Сущности же останется та же. Начала централизации по всему фронту труда ими проведены не будут. Против таких начал они будут бороться всеми силами, которые только имеются в их распоряжении.

Но не предостояет Конгресс Профсоюзов вопрос о централизации или децентра-

лизации в рабочем движении Англии будет самым главным и самым кардинальным, по которому следует ожидать упорнейшей борьбы. Там столкнутся лицом к лицу два лагеря: с одной стороны, вожди, больше и меньше, которые будут присутствовать на съезде Конгресса ex officio или в качестве делегатов, с другой — делегаты от масс.

Первые будут поддерживать и бороться за старый децентрализм, старый хаос, хотя сами и предложат новые названия для старых организаций, последние же будут бороться за действительный централизм по всему фронту и за генеральный штаб.

Оставаться вне кампании, которая будет предшествовать Конгрессу Профсоюзов, которая, вероятно, уже началась, оставаться вне борьбы и борьбы на самом Конгрессе, не иметь определенной позиции по столь важному и столь кардинальному вопросу, как централизация в рабочем движении, — означало бы для коммунистов по меньшей мере, потерять исторические шансы стать массовой партией, взяв на себя руководство тем течением в рабочем классе Англии, которое стоит определенно на точке зрения централизма в рабочем движении. Сейчас это течение без руководства, без органов пропаганды и агитации, без практических указаний, как он должен быть план борьбы и как можно было бы провести его до съезда, так и после съезда. Единственно кто может и должен взять на себя эту работу — это: 1) Коммунистическая Партия Великобритании, при самой широкой и самой тесной идейной поддержке Коминтерна, и 2) органы Профинтерна.

Наша партия в Англии до сих пор не поняла еще важности этой работы, еще не обратила на нее должного внимания, она еще не видит всех своих возможностей в смысле установления тесной связи между партией и широкими массами, чтобы, таким образом, выбраться, наконец, на широкую дорогу массовой партии.

Причина, почему Коммунистическая Партия Великобритании до сих пор не обратила должного внимания на предстоящую кампанию в пользу объединения рабочего движения, кроется в том, что некоторые английские товарищи как-то не могут представить себе, чтобы коммунисты способствовали идее централизации рабочего движения, централизации, которая неминуемо и неизбежно должна принести к созданию централизованных органов, состоящих сплошь из оппортунистов и изменников, и чтобы коммунисты способствовали Томасам, Гендерсонам и др. штаб в устав, посредством организации генерального штаба труда. Но влиятельный аргумент, который можно выставить против точки зрения этих товарищей — тот, который тов. Ленин и тов. Зиновьев неоднократно приводили в пользу поддержки скорейшего образования правительства из Рабочей Прогрессии, основываясь на том, что такое правительство только дискредити-

пирует вождей оппортунистов и изменников и тем послужит причиной еще большего сдвига масс влево и даст толчок революционному движению масс. Подобно тому, как революционное движение Англии, по всей вероятности, не обойдется без того, чтобы не перешагнуть через правительствo из Рабочей Партии, прежде, чем оно станет действительно революционным, обстоит дело в данном случае и с централизмом по всему фронту труда, начиная от объединенных фабричных комитетов и до Генерального Штаба Труда всего профессионального движения (которое сейчас в Англии совершенно нельзя отделить от политического движения рабочих), без чего, действительно, революционное движение в Англии пока невозможно. Поэтому, именно в интересах революционного движения, основной задачей партии является поддержка всеми силами движения рабочих масс в пользу централизма по всему фронту, в пользу создания Генерального Штаба, и даже руководство этим движением. Не смущаясь тем, что власть временно будет в руках вождей оппортунистов и вождей-изменников. Пусть это — иллюзия, что рабочие жаждут от Генерального Штаба разрешения самых насущных и самых больших вопросов, как вопрос о заработ-

ной плате и т. д. Но эта иллюзия овладевает и продолжает овладевать широкими массами. Поэтому необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы помочь рабочим изжить эту иллюзию. Мы знаем, что Генеральный Штаб не уничтожит тех объективных условий, которые порождают безработицу, падение заработной платы и, т. д., и что раньше или позже этот Генеральный Штаб будет сброшен теми же рабочими массами, которые его создадут. Но необходимо, чтобы массы поняли, что Генеральный Штаб (оппортунистов и изменников) не даст рабочим того, чего они от него жаждут, не оправдает его надежд, — в этом массы убедятся вскоре после того, как этот штаб будет создан. Пока же вопрос о централизме и создании Генерального Штаба Труда стоит на очереди дня перед самыми широкими массами, и раньше или позже этот вопрос будет разрешен в положительном смысле. Наша задача заключается в том, чтобы ускорить этот неизбежный процесс, чтобы миновать эту неизбежную ступень и оставить ее позади.

М. БОРОДИН.

ПОЛОЖЕНИЕ В АМЕРИКЕ.

Настоящее положение вещей в Америке в одно и то же время представляется и очень ясным и весьма запутанным. С одной стороны, серьезный экономический кризис и упадок внешней торговли, а с другой — американский капитализм нисколько не поколеблен. В стране от 4 до 5 миллионов безработных, но это не вызывает никакого революционного подвига. Сейчас происходит ожесточеннейший бой между капиталом и профсоюзами, но нападающей стороной в этом бою является капитал. В то время, как союзы продолжают занимать оборонительную позицию. В стране господствует жесткая националистическая реакция и режим репрессий, а массы и не помышляют об активном опоре, оставаясь пассивными. Монополия властвует неограниченно, и ее гнет сильнее, чем когда либо раньше, но мелкая буржуазия спокойно терпит это, отдаваясь империалистическим настроениям. Несмотря на промышленный кризис, или, может быть, именно, благодаря ему, американский капитализм поспевает к экономическому и финансовому наступлению в мировом масштабе, но наступление это все откладывается и пока находится в области предположений. Наблюдаются признаки грядущего развала, происходит концентрация революционных сил, — но это и другое пока лишь потенциальные факторы дальнейшего развития пролетарской революции.

Чем объясняется сложный характер этого, на первый взгляд ясного и простого, положения? Тем, что при условиях, в которых сейчас находится Америка, наступление кризиса зависит почти всецело от развития общемирового положения.

Америка находится в состоянии «напряженного наблюдения». Она выжидала результатов развития в области промышленности, торговли, финансов и революционного движения. Американский империализм захватил мировую власть, но эта власть отнюдь не прочна, ибо весь мир соприкасается под ударами экономического развала и пролетарской революции.

Отсюда двойственная политика Америки: с одной стороны — стремление задвинуть мировую революцию, диктующее применение репрессий против американских коммунистов и упорный бойкот Советской России; с другой стороны, желание восстановить покой мир в экономическом и финансовом отношениях, которым объясняются медленные, но тщательные приготовления к

вмешательству в европейские дела (несмотря на отказ от вступления в Лигу Наций).

I.

Экономическое положение Америки до и после войны.

Американская промышленность славились до войны своей высокой производительностью. Благодаря широкому применению машин, последовательному проведению системы нормирования производства, интенсификации и разделению труда, американская индустрия производила много и дешево. Несмотря на то, что труд в Америке оплачивался дороже, чем в Германии и Англии, Америка имела возможность успешно конкурировать с этими странами. Соединенные Штаты были самым крупным мировым производителем железа, железных изделий и вообще фабричных товаров и одновременно экспортировали огромные массы сельско-хозяйственных продуктов и сырья. Однако Соединенные Штаты отнюдь не обладали мировой гегемонией ни в торговле, ни в промышленности.

Война окончательно установила экономическую гегемонию Америки.

В течение первых двух лет войны (до вступления в нее Америки) Антанты представляла огромный спрос на продукты американской промышленности и сельского хозяйства; вследствие этого производство в Америке расширилось до таких размеров, каких до того не знала всемирная экономическая история. Спрос на предметы военного снаряжения со стороны Антанты для могучей шлохск развития американской снарядной и железной промышленности; благодаря спросу на готовые изделия, возросло число фабрик, а спрос на пищевые продукты создал «золотой век» в истории американского сельского хозяйства. Подобно мифическому королю Мидасу, превращавшему своим прикосновением все в золото, Америка превратила агонию и смерть Европы в сказочные груды прибыли.

Это небывалое развитие промышленности (а следовательно и капитала для экспорта) превратило потенциальное мировое могущество Америки в реальную силу. Так как война велась за мировое господство, то Америка не могла остаться нейтральной: она вынуждена была принять участие в ней.

Но, несмотря на то, что Америка создала армию в 4 миллиона человек, ее участие в войне, все-же, носило, главным образом, промышленный характер. Под давлением правительства вся индустрия страны была мобилизована для военных целей. Но этот процесс мобилизации предусматривал также потребности после-военного периода: каждое новое необходимое для войны промышленное предприятие, каждое расширение старого предприятия надживались таким образом, чтобы все это легко могло быть вновь преобразовано для мирных целей. Так, например, Антанты испытывала недостаток в транспортных средствах; американское правительство, считаясь с этим, построило огромное количество верфей и торговых судов, и в настоящее время Соединенные Штаты обладают большей судостроительной промышленностью, нежели Англия, и угрожают ее торговой гегемонии.

До войны Америка не была крупным экспортером капитала; она даже импортировала капитал, и ее задолженность достигала, приблизительно, трех миллиардов долларов; достаточно было первых, двух лет войны для того, чтобы изменить это положение, и в настоящее время Соединенные Штаты являются мировым кредитором, а другие страны должны ей, приблизительно, 20 миллиардов долларов.

Война, которая разбила почти весь промышленный аппарат Европы (кроме Англии—где он лишь несколько расшатан), вместе с тем оживила, развила и усовершенствовала промышленный аппарат Соединенных Штатов. Истощены запасы капитала в Европе, она увеличила их в Америке. Произшла перемена в экономическом положении, равной которой она не знает история.

Ко времени заключения перемирия (ноябрь 1918 г.) Америка оказалась величайшим в мире производителем благ и обладателем самого крупного капитала, перед ней открылся путь безграничного развития и финансового и экономического господства.

Великое состязание между Англией и Германией за мировую гегемонию было выиграно—Соединенными Штатами.

Америка оказалась главной мировой силой. Этот факт можно заметить уже в условиях Лиги Наций, выработанных Вильсоном. Но Лига Наций, встретившая жестокое сопротивление со стороны двух течений в Америке, представлявших в совокупности подавляющее большинство населения. Одна часть была против Лиги Наций, видя в ней укрепление гегемонии Англии, считая, что Америка не должна действовать в ущерб своему могуществу, — что она не должна ставить себя в зависимость от какой бы то ни было силы, которая могла бы воспользоваться дальнейшему развитию американского мирового могущества; в особенности же Америка должна сохранить свою независимость для борьбы против Англии, которая неизбежно попытается восстановить свою гегемонию. Другая часть населения находила, что миро-

вое могущество Америки должно ограничиваться лишь сферой отношений чисто делового характера,—областью торговли и промышленности.

В то время, как Вильсон, под влиянием Касеманс поавший в чудовищный водоворот реакционной политики французского правительства, боролся за Лигу Наций и незначительная группа республиканцев проводила явную империалистическую мировую политику, — большинство американцев увлеклось заманчивыми перспективами такого рода: война выиграна, и мы извлекаем из нее огромную прибыль; Европа задолжала нам уйму денег и должна будет все платить с нами, как она уплатит свои долги, — это ее дело; мы будем продолжать производить и продавать свои товары, в то время, как Европа будет собирать средства для уплаты своих долгов. Эта идеология приобретала все большее и большее распространение и после отклонения Американским Сенатом Вильсоновского проекта Лиги Наций она стала господствующей. Страна замыкалась в себе, охваченная чувством чудовищного самодовольства, безучастная к трагическому положению разрушающегося мира, и американцы, с великодушием свиньи, захлебывающейся от избытка земных благ, снисходительно бросали обглоданные кости со своего стола погибнувшей Европе (не забывая, однако, деловых расчетов и коварно обходя Советскую Россию).

Но американцы грубо ошиблись в оценке главнейших факторов мирового положения. Они ожидали быстрого восстановления Европы и огромного спроса на товары, которыми одна лишь Америка могла бы удовлетворить.

Действительно, 1919 г. оправдала эти надежды. Американская внешняя торговля обнаружила активный баланс в 4 миллиарда долларов; гибнущая Европа, нуждаясь в товарах, закладывала свое будущее, чтобы покрывать расходы на свои текущие потребности. Но в 1920 г. появились признаки упадка торговли. Активный торговый баланс упал, приблизительно, до 3 миллиардов долларов (экспорт увеличился, сравнительно с 1919 г., на 300 миллионов долларов, а импорт на 1.375.000.000; но эти цифры обманчивы, ибо, в действительности, имело место понижение товарного оборота; цифры же, говорящие о повышении, объясняются ненормально возросшими ценами. Если же исходить из цен 1919 г., то американская внешняя торговля в 1920 г. дала бы понижение в 700 миллионов долларов). Что касается экспорта в Европу, то понижение было еще более серьезным: экспорт упал на 700.000.000 долларов по ценам 1920 г. и на гораздо большую сумму по ценам 1919 г.

Кроме того, этот торговый оборот поддерживался предоставлением Европе широких коммерческих кредитов, общая сумма которых, со времени заключения перемирия, достигла 4 миллиардов долларов.

Уже в 1919 г. стали обнаруживаться признаки наступающего экономического кризиса; промышленность Америки обладала такой производительной силой, какую не могла использовать ее внешняя торговля, и приходилось значительно сокращать производство. Необычайно сильное развитие финансовых операций и кредита, в связи с падением всех оптовых цен на 25%, привело к финансовому кризису. В воздухе запахло ликвидацией, — начиналась финансовая паника.

Но финансовая паника была предотвращена применением «системы федерального резерва», т. е. объединением всех банков (банковская система, введенная администрацией Вильсона) осуществляющая доминирующую роль по американскому монополю «Центральному Банку». Таково было положение в 1920 г.: фактическое падение внешней торговли и, признаки финансовой паники, закрытие заводов, уменьшение прибалей железных дорог (и разруха на них), упадок морского транспорта и безработица.

Несмотря на эти зловещие факты, американские деловые круги продолжали свою политику изоляции, повинуясь лозунгу: «подальше от европейских вопросов; поближе к живому делу».

Но деловое «живое дело» наживы оказалось не так легко. Американская промышленность обладала огромной производительностью, Европа не в состоянии была покупать товаров; так как Европа не могла платить, то американские фирмы стали осторожнее в предоставлении кредита. Европа производила платежи золотом, тем самым все уменьшая свой золотой запас, обеспечивающий ее кредитоспособность, в Америке же запасы золота увеличались до таких размеров, что американские дельцы заволновались: «Что нам делать с нашим золотом? Положение стало почти катастрофическим: промышленные предприятия стали закрываться; половина американского торгового флота не могла быть использована; безработица возросла в ужасающей степени. В продолжение шести месяцев, кончая март 1921 года, американская внешняя торговля упала на 50%, почти исключительно за счет торговли с Европой.

II.

Характер и цели американского империализма.

При таких обстоятельствах был избран и вступил в должность президент Гардинг. Во время избирательной кампании предполагалось, что республиканская партия, — историческая партия американской экспансии и империализма, — сумеет начать эру «либеральной» внешней политики. Но по же давление экономических и политических факторов, которое заставляло Вильсона стать империалистом (если не на словах, то на деле), вынуждает Гардинг проводить политику, соответствующую

мировому могуществу Америки. Империализм и мировой кризис, все факторы, действующие в Соединенных Штатах в связи с ее мировым могуществом, заставляли правительство Гардинга фактически проводить (во всем, кроме вопроса о Лиге Наций) неизменно политику президента Вильсона, с тем только отличием, что Вильсон любил высокий стиль всеобщей испорции, а президент Гардинг упорно убеждает деловую жорган американского западника...

Люди, которые воображают, что слова и избирательные лозунги (в особенности, в Америке) определяют политику нации, возлагали на президента Гардинга большие надежды. За этими надеждами последовало жестокое разочарование. Многие думали, что Гардинг будет вести политику «изоляции»; но 24 мая, на собрании промышленников и банкиров, президент Гардинг заявил следующее: «Соединенные Штаты никогда не могли и никогда не смогут сохранить полную политическую изолированность. Война сделала нас величайшим мировым кредитором...» Предполагалось, что Гардинг немедленно выступит в торговые сношения с Россией; но жена министра Хьюза Советскому правительству ясно обнаружила, что Гардинг такой же противник сношений с Советской Россией, как и Вильсон. Предполагалось, что Гардинг в шой или иной форме придет на помощь Германии (причем, однако, ни разу никто не формулировал точно, в чем именно должна выразиться эта помощь); а произошло как раз обратное, если судить по суммам, выжидаемым Антантой из Германии для покрытия своих долгов Америке. Предполагалось, что Гардинг откажется от Версальского договора, а между тем, так как этот договор, прежде всего, защищает Климатическое господство в Европе и направляет против пролетарской революции, то несомненно, что он (за исключением пункта о Лиге Наций) будет, в шой или иной форме, ратифицирован правительством Гардинга, — лишь с такими оговорками и изменениями, какие соответствовали специальным интересам Америки. Предполагалось, что Гардинг будет «бойкотировать» Европу, — между тем новое американское правительство упорно вмешивается в дела Европы, и если Европа не может или не хочет идти в Америку, чтобы покупать и платить, то Америка, по примеру Магелана, сама придет к этой горе.

Некоторая неопределенность американской внешней политики и ее колебания происходят оттого, что война так быстро дала Америке экономическую и финансовую гегемонию, что американцы не успели еще выработать определенных форм мировой политики: они попрежнему продолжают исходить из своего законного положения и чисто деловых соображений.

До самой войны американский империализм представлял главным образом национальные цели; в вопросах мировой политики

он не выходил из рамок доктрины Монро: «Америка для американских капиталистов». Американский империализм окончательное свое определение получил после Гражданской войны (1861—1865), одновременно с созданием пересекающих весь континент железных дорог, открывших Запад для капиталистической эксплуатации. В продолжение 20 лет Запад играл для американского империализма роль оставшейся колониальной территории, и эмигранты, переселившиеся туда, ставились в одинаковое с колониальными народами положение. В Соединенных Штатах преобладали лишь чисто национальные формы империализма: монополия, господство финансового капитала, государственный капитализм, интенсивная эксплуатация труда. Что же касается международных форм империализма, то они развились не так быстро. Даже империалистическая война с Испанией (1898), аннексия Филиппинских островов и прорыв Панамского канала не создали у американского империализма определенной международной политики. Как это ни странно, даже последняя война не создала такой политики, — за исключением небольшой группы.

Но политическая мысль не может долго отставать от экономических фактов. Америка достигла мировой власти, которая превалировала над любой другой. Медленно, но верно Америка вырабатывает мировую политику, исполненную агрессивных и империалистических тенденций. Американский империализм превратился в колосс, который крепко упирается ногами в Южную Америку, готовясь одной рукой захватить Китай и Азию, а другой — захватить Европу.

Латинскую Америку (Мексика, Центральная и Южная Америка) можно рассматривать как колониальную базу американского империализма. Соединенные Штаты имеют политический протекторат над Кубой, военный протекторат над всеми республиками, расположенными вокруг Карибского моря, и готовы в любой момент завоевать Мексику. Что же касается Южной Америки, то она находится под властью американского капитала.

До войны Англия и Германия, несмотря на доктрину Монро, имели в Южной Америке более крупные интересы, чем Соединенные Штаты. Но в настоящее время все изменилось: Германия подверглась экспроприации, влияние Англии пошатнулось, и гегемония принадлежит Соединенным Штатам. Коммерческое господство Америки неоспоримо. В 1910 г. торговля Соединенных Штатов с латинской Америкой выражалась суммой в 689 миллионов долларов, в 1912 г. — суммой в 818 миллионов долларов, в 1915 г. — 1.000 миллионов долларов, а в 1920 г. она достигла уже сумм в 3.378.185.567 долларов (на 1.940.144.950 долларов больше, чем в 1919 г.). За первые пять месяцев 1921 г. наблюдается, правда, некоторое незначительное понижение.

Однако, господство Соединенных Штатов в латинской Америке нужно измерять

не только этой торговой статистикой. Гораздо большее значение имеет экспорт капиталов и машин, для развития обширных малокультурных территорий латинской Америки. Соединенные Штаты являются огромным резервуаром свободного капитала и производят огромное количество машин, и все это предназначено для экспорта. Необходимо учесть еще один важный фактор — нефть. Соединенные Штаты фактически монополизировали нефтяные источники, если не считать Мексику. А господство над нефтяными источниками есть в настоящее время необходимый фактор мировой гегемонии. Соединенные Штаты стремятся поэтому овладеть нефтяными источниками Мексики (так же, как и других стран латинской Америки). Кроме того, Соединенные Штаты ввозят в настоящее время огромное количество сырья, а последнее имеется в изобилии в латинской Америке.

Ход событий сводится в настоящее время к тому, что латинская Америка превращается в составную часть промышленной и финансовой системы Северо-Американских Штатов.

Эта американская «тяга на Юг» играет в настоящее время в истории Америки ту же роль, какую играло до конца 19 столетия ее стремление на Запад.

Доктрина Монро превратилась теперь в политический лозунг этой «тяги на Юг», и ею пользуются для того, чтобы оспаривать права иностранных держав (за исключением Соединенных Штатов!) на нефтяные и другие концессии в республиках латинской Америки, — под тем предлогом, что эти концессии угрожают политической независимости этих республик.

Президент Гардинг систематически проводит политику укрепления и расширения экономического господства Соединенных Штатов в латинской Америке. Разрабатываемая им программа предусматривает промышленный, финансовый и, в случае необходимости, военный контроль над латинской Америкой, которая становится, таким образом, прочной базой для империализма Соединенных Штатов в его борьбе за сохранение и увеличение своего мирового господства, подобно тому, как гегемония над Центральной Европой, вплоть до Турции, должна была в свое время стать базой для мирового господства Германии.

Традиционной американской политикой в Китае была политика «открытых дверей», т. е. политика одинаковых экономических прав и преимуществ для всех наций. Эта политика была отпущена Вильсоном в 1915 г., когда, по договору Лансинга-Ишим, он признал, что Япония, благодаря «сложности территории», имеет «специальные права» в Китае. Этот акт с особенной силой возбудил империалистическую ярость против Вильсона.

В настоящее время Америка не имеет особенно важных интересов в Китае: тор-

говая и спрос на капиталы так не очень велики, но они быстро возрастают, и потенциальное значение Китая огромно. Экономическое пробуждение Китая неизбежно; эта страна в будущем безусловно должна поглощать огромное количество капитала и железных изделий. Поэтому Соединенные Штаты ведут в настоящее время напряженную борьбу, чтобы предотвратить усиление гегемонии Японии в Китае (такова, в действительности, американская политика, несмотря на договор Лансинг-Иши и на согласие Вильсона уступить Шантунь Японии). Отношения между Америкой и Японией становятся напряженными; в обеих странах существуют сильные партии, которые ведут прямую агитацию за войну.

Гегемония в Китае является необходимостью для японского империализма: империалистическая Япония вынуждена или расширяться или погибнуть. Но в чисто промышленной и финансовой борьбе с Америкой, в бесконечной степени превосходящей ее своими промышленными и финансовыми ресурсами, Япония заранее обречена на гибель. Соединенные Штаты готовят экономическое наступление в Китае. В ответ Япония лихорадочно вооружается и укрепляет свое политическое влияние в Китае.

В этой борьбе за Китай не может быть мирного разрешения конфликта, ибо необходимый в настоящее время для Японии Китай скоро — когда все остальные рынки будут насыщены — станет столь же необходимым для сбыта капитала и готовых изделий Америки.

Борьба за Китай между Америкой и Японией неизбежно становится борьбой за господство на Тихом Океане. Но если эта борьба превратится в войну, она станет борьбой за мировое могущество, в которую фатально будет вовлечена и Англия (реальное соперничество между Англией и Америкой, о чем мы скажем ниже).

Возможность американо-японской войны в настоящее время не может оказать непосредственного влияния на политику Коммунистического Интернационала; но если пролетарская революция будет развиваться быстрее, то эта война (в которую будут вовлечены Англия и другие страны) сделается неизбежной и будет иметь величайшее значение для Интернационала.

Отношения Америки к Европе определяются, прежде всего, задолженностью последней. Как велика эта задолженность? Она достигает 18 миллиардов долларов и распределяется следующим образом: займы, предоставленные американским правительством Англии, Франции, Италии и Бельгии (вместе с невыплаченными проценнами) — 11 миллиардов долларов; другие займы и торговые кредиты — 3 миллиарда долларов; торговые кредиты, предоставленные со времени заключения перемирия, — 4 миллиарда долларов.

Устойчивость финансового положения Америки зависит от уплаты этих долгов и

кредитов. Уплата может быть произведена только товарами, посредством торговли и помещения капиталов. Уплата золотом невозможна: Европа имеет его недостаточное. Кроме того, Америка располагает почти до половины всего мирового золотого фонда и испытывает, благодаря этому, застой. «Лучше было бы», заявил недавно президент Гардинг, «если бы это золото оставалось лежать в подвалах за границей, гарантируя устойчивость курсов и всекалового рынка, жизненно необходимых для международной торговли». Проблема заключается в восстановлении промышленности и торговли Европы, которые находятся в полном упадке. Америка обладает могучим аппаратом для производства благ и торговим капиталом для их перевозки; но все это оказывается бесполезным, ибо потребитель не в состоянии покупать; встает вопрос о финансировании потребителя.

Европа должна платить товарами. Но американские деловые круги, как и конгресс, все еще находятся под влиянием старых протекционистских идей, предусматривающих высокие таможенные тарифы. Эта проблема вызывает очень шумные споры, подчеркивая необычайные противоречия империализма.

С другой стороны, американские деловые круги начинают понимать, что восстановление нормальной торговли возможно только при предоставлении Европе еще больших кредитов. Образовался обществу для финансирования внешней торговли. Американский Совет Внешней Торговли принял 7 мая следующую резолюцию:

«Восстановление нормальных условий зависит в значительной степени от развития внешней торговли. Соединенные Штаты должны впредь увеличить свой ввоз и вывоз, поскольку это необходимо для того, чтобы побороть безработицу и дать возможность нациям, задолжавшим Соединенным Штатам, ликвидировать свои обязательства. Выход из настоящего положения будет зависеть от нашей способности найти адекватные условия для предоставления домашнего кредита, в котором Европа так остро нуждается».

До тех пор, пока не будут предоставлены кредиты, — застой в делах у них и у нас будет продолжаться».

Правительство Гардинга уже по собственной инициативе наметило программу предоставления Европе широкого торгового кредита. Но проекты медленно разрабатываются, так как Америка стремится использовать это увеличение кредитов в целях установления в Европе промышленной и финансовой гегемонии Америки.

Америка уже осуществляет всесторонний финансовый контроль над Европой. С предоставлением новых кредитов этот контроль примет колоссальные размеры, тем более, что значительные американские капиталы уже вложены в европейскую промышленность, путем покупки промышленных пред-

прятий. Кроме того, увеличивая кредиты, Америка нуждается в гарантиях, которые примут, главным образом, форму залога промышленных предприятий, составляющих ключ к европейской индустрии и естественным богатствам Европы (как это уже имеет место в Австрии). А если Европа будет восстановлена в промышленном отношении и уплатит Америке свои долги, — эти суммы представляют собой отчасти свободный капитал, большая часть которого будет снова вложена в европейскую индустрию, еще более укрепивая, таким образом, господство Америки. Еще до новой политики Гардинга этот процесс приобрел такое значение, что один публицист выразился в «The Fortnightly Review» (Лондон): «Не исключена возможность того, что вследствие продажи европейских предприятий американцам Европа станет подчиненной территорией, если не колонией Соединенных Штатов».

Если эта тенденция будет беспрепятственно развиваться до своего логического конца (мы пока отбрасываем такие факторы, как Англия и Советская Россия), то Европа, лишаясь права инициативы и независимости, превратится в данника американского империализма, она превратится в батрака Америки. В финансовом и промышленном отношении Европа в таком случае превратилась бы в колонию, в которой предприниматели находились бы под ярмом американского капитала, а рабочие терпели бы двойное иго европейского и американского капитала.

Что Европа в этой борьбе за мировую гегемонию обречена на гибель, — это вполне определенно говорит французский ученый А. Демаржон. В своей книге: «Падение Европы» он пишет: «Никто не может оспаривать того факта, что Европа, господствовавшая до конца 19 столетия, уступила свою гегемонию другим странам. Мы наблюдаем сдвиг мирового центра тяжести. Удивительная перемена условий привела к тому, что Европа, метрополия спольских колоний, сама сделалась ареной для американской колонизации. Ни одна европейская страна, от самой отсталой до самой передовой, не сможет избежать влияния этого могущественного процесса».

Два года тому назад казалось, что Европа обречена стать колонией Англии. Но теперь, по мнению публициста из «The Fortnightly Review», самой Англии угрожает опасность оказаться под протекторатом Америки... Америка является в настоящее время величайшим поставщиком капитала; Нью-Йорк становится, вместо Лондона, мировым банкиром. Америка становится также наиболее крупным мировым поставщиком товаров; она начинает вывозить все больше и больше готовых изделий, а на этом именно вывозе раньше было основано господство Англии (в 1850 — 1890 г. американский вывоз готовых изделий составлял 15% в год, предшествовавшие войне, в среднем он достигал 30%; во время и после войны — 50%); одновременно большой американский торговый флот,

построенный за время войны, угрожает морской гегемонии Англии (этому способствует также то, что в торговле с Востоком Панамский канал успешно конкурирует с Суэцким каналом). Но больше всего угрожает Англии то обстоятельство, что американская производительность все время возрастает, в то время, как английская падает (выработка американского рабочего в три раза выше выработки английского). Америка угрожает занять прежнее положение Англии и становится мировым производителем и торговцем, хозяином морского транспорта и мирового кредита.

Борьба между Англией и Америкой является во всех частях света, но особенно острой характер она принимает в Европе. Европа быстро превращается в арену великого конфликта: быть ли ей колонией Англии или Америки? В то время, как Франция воображает, что она может защитить Европу от угрожающей ей гегемонии путем заключения военных и политических договоров со вновь образованными государствами (Польшей и др.), — эти последние, равно как и сама Франция, находясь в зависимости от Англии или Америки. После того, как война, истощив все силы, потеряла значение решающего фактора и вместе с ней рухнула французская политика, — Франция сама вынуждена, вместе со всей капиталистической Европой, стать колонией Англии или Америки. Ллойд Джордж каким-то инстинктом правильно оценивает положение. Его последние выступления (как, например, его речь о положении дел в Верхней Силезии) определяются его взглядом, что европейская проблема представляется собой проблему экономическую и финансовую, между тем, как Франция и Польша усматривают ее решение в политических и военных действиях. Ллойд Джордж хочет, чтоб эта проблема, создающая постоянные военные и политические тревоги, была ликвидирована, дабы Англия могла спокойно поднять свое производство и вступить в великую борьбу за господство в Европе и во всем мире.

Эта борьба решит судьбу Англии. Поражение означает возвращение назад, оно равносильно крушению. Но могущественная нация не может уступить своего империалистического господства, не прибегая к силе оружия. Решение вопроса оружием означает новую мировую войну, главными участниками которой будут Англия, Америка и Япония.

При таких условиях Европа играет роль обреченной жертвы. Европа в рамках капитализма не может сохранить ни независимости, ни права инициативы.

Но, в сущности, с исторической точки зрения, есть лишь две великие мировые силы: Америка со всеми многочисленными противоречиями, империализма и Советская Россия, олицетворяющая все факторы, содействующие пролетарской революции.

Америка, как империалистическая мировая сила, стремится подчинить мир своему господству. В течение семи лет она увели-

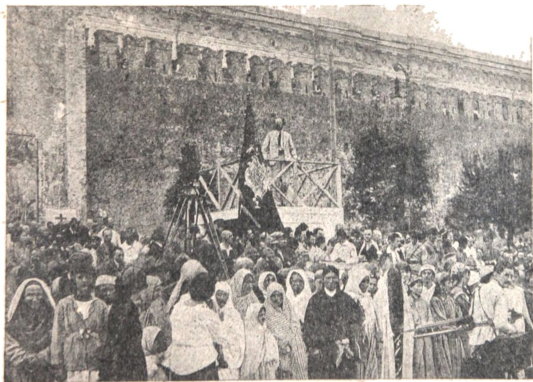
чила свое национальное богатство на 50 миллиардов долларов; она располагает огромными естественными богатствами и стремилась к захвату еще большей власти; являясь огромной экономической силой, она экономически господствует над всем миром.

Советская Россия, как революционная мировая сила, стремилась к освобождению мира путем пролетарской революции. Советская Россия, израненная, оборванная, голодная, преследуемая всем капиталистическим миром, сумела, однако, благодаря своей революционной политике, избежать опасности стать колонией Англии или Америки. Революционная Россия может вступить в компромиссы, может делать уступки, но, все же, не перестает звать мир к пролетарской революции.

Советская Россия сумела избежать колонизации; она еще продолжает свое революционное наступление, — это факт мировой исторической важности.

Мировая революция превратилась в великий поединок между буржуазной Америкой и Советской Россией. Америка представляет все силы империализма, стремящиеся к «восстановлению» капитализма; Россия представляет все силы революционного коммунизма, стремящиеся к уничтожению капитализма. Америка располагает повсюду всеми силами капитализма и поспешно подчиняет их своему господству; Советская Россия располагает революционными силами во всех странах (особенно в Европе и Азии) и поспешно освобождает мир.

Л. ФРАЙНА.

III Конгресс Коминтерна. Тов. Радек произносит речь на Красной площади.

ДЕТСКИЙ ТРУД И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В АМЕРИКЕ.

Соединенные Штаты С. Америки стараются хитростью отчасти скрыть отвратительное безобразие господствующего в них режима за ширмой щедрой Филантропии. Красный Крест, Ассоциация Христианских Молодых Людей и всевозможные общества вспомоществования распределяют блага земные в различных странах света. Детям этих обездоленных стран оказывается щедрая помощь за счет детей Соединенных Штатов.

Эти блага, которые расточительно распределяются богачами Соединенных Штатов, представляя собой, однако, лишь продукт труда их плохо оплачиваемых рабов, филиалов которых в насущное время лишены доступа к земледелю, выброшены за ворота фабрик и заводов, построенных и оборудованных этими же рабами.

Массовая безработица является эксплуататорами рабочим массам за то, что они произвели слишком много благ.

И в то время, как преносходные машины ржавеют и портятся, сами рабочие прозябают в вынужденном бездельи, терпя голод и холод.

Сотни тысяч детей умирают от голода в Соединенных Штатах. И это происходит не только из-за безработицы, детям приходится страдать и тогда, когда кормилец семьи ищет работу. Пищущий эти страны вспоминает крупную забастовку, направленную против Американского Шерстяного и Хлопкового Треста в г. Лоренсе, в руководстве которой он принимал участие. В целях стратегических сотни детей бастовавших рабочих были отправлены в разные города.

По прибытии на место своего временного пребывания, дети были рассмотрены известными врачами, которые нашли, что все они, без исключения, больны вследствие недостаточного питания и обречены на медленное умирание от голода. Родители этих детей до забастовки постоянно имели работу и производили большие массы шерстяных и бумажных изделий, но внезапно ожидался хуже, чем раньше дешере рабочие где-либо в мире: Вот почему их дети должны были умирать с голоду.

Эти рабочие производили товары из сырья, добываемого в значительной мере детским трудом в хлопчатобумажных предприятиях южных штатов. Применение труда детей нежного возраста на южных хлопковых плантациях и заводах не запрещается законом. Не раз поступали петиции с жалобами от имени детей чужд им не семилетнего возраста, губящих свою жизнь ради прибылей своих бесчеловечных хозяев аристократов; но последние пользуются слишком большим влиянием в Верховном Суде Соеди-

ненных Штатов, и десять бессердечных мерзавцев, составляющих это величественное учреждение, воплощающее в себе мудрость стомиллионного народа, нашли, что закон, ограничивающий возраст детей, допускаемых к работе, противоречит конституции. Совершенно неспостижимо, что на свете может существовать движение, называющее себя социалистическим и, тем не менее, вполне сознательно поддерживающее подобную конституцию.

Западная Федерация Шахтеров, если я не ошибаюсь, первая являла постановление против применения детского труда, воспрещающее мальчишкам до 16-летнего возраста подземную работу и уравнивающее их заработную плату с платой взрослых рабочих; Западная Федерация Шахтеров не допускает никакого ученичества. Если мальчик по возрасту может быть допущен к работе, он должен получать плату равную со взрослыми рабочими.

Печально, что организация углекопов, не считающаяся почти по миллиону человек, ничего не сделала для того, чтоб подобным же образом охранить своих детей. В угольных шахтах Соединенных Штатов — на поверхности земли и под землей — работает громадная армия мальчишек. Дети эти подростки, падающие со своими корзинками для сады после работы, — черных, угрюмых и оборванных, представляющих поистине душераздирающую картину.

В Новом Орлеане существует почтенная корпорация под названием «Общество Фиалки».

Она занимается, преимущественно, упаковкой кренеток, при которой применяется, главным образом, детский труд. Каждый год из Нью-Йорка и других городов привозятся в Новый Орлеан масса сирот, находящихся себе работу в Обществе Фиалки. Эти дети заболевают здесь особой профессиональной болезнью: мускулы их плавцы изъязвляются до костей под влиянием химической реакции, вызываемой кренетками. Собственники предприятия не интересуются пльдами детей до тех пор, пока не выяснилось, что яд, изъязвляющий пльды, действует также на желязки и разрушает их. Эти оправившиеся американских детей выступают в роли благотворителей детей за границей.

Акционеры желязочных фабрик в Нью-Йорке, также известные своею благотворительностью, проявляют такое же бесчеловечное отношение к детям, из которых они выкачивают свои прибыли. Во время упаковочного сезона они заставляют 9—10-летних детей работать по 16 часов в сутки.

III КОМПЕТЕНТНОСТНОЕ СЪВЪЩАНИЕ СЪСТАВИТЕЛЯ И АД. АКАДЕМИКОВ.

Фабриканты перчаток в том же штате нелицемерно поставили в народных школах машины, за которыми дети обязаны проработать первый период учебного года, за что получают великолепную награду в виде соответствующих аттестатов. Но не только эти фабриканты сознательно лишают детей их естественного права на образование. В Нью-Йорке, в некоторых школах, дети получают узко-профессиональное воспитание и специализируются в изготовке одного какого-либо мелкого предмета. Но само собою разумеется, что это делается не для пользы детей, а для выгоды господ капиталистов, которые позже воспользуются их трудом.

Рекорд в эксплуатации детей побил Табачный Трест. Он ухитрился добиться того, что в табачных районах штата Коннектикут школьные каникулы были продолжены до окончания жатвы на табачных плантациях; этим он нелицемерно детям возможность работать целые дни за ничтожную плату на табачных плантациях и содействовать, таким образом, накоплению богатства в руках табачных магнатов.

Этих немногих примеров детского труда в Соединенных Штатах вполне достаточно

для того, чтобы родители и дети, живущие в нужде в других странах, и получающие помощь из Америки, знали, от кого именно идет эта помощь. Эта помощь, которую им преподносят капиталисты, в действительности исходит от рабочих, опасенных иных рабочих, которые, даже не ведая того, помогают им. Если бы американские рабочие получали полной продукт своего труда, они уделали бы нуждающимся гораздо больше того, что им выбрасывают капиталисты.

Если бы они могли узнать правду о России, где миллионы людей ныне умирают от голода; если бы они знали, что в этой стране детям до 16-летнего возраста запрещено работать, и образование для всех детей здесь бесплатно; если бы они знали, что в России все благо служит для пользования, а не для извлечения из них прибыли, — они опустошили бы свои помарные склады, свои амбары хлеба и поля и могучими усилиями помогли бы воссознать Россию. Русская Революция сделала бы их собственной революцией.

Вильям Д. ХЕЙВУД.

III Конгресс Коминтерна. Тов. Троцкий произносит речь на Красной площади.

ЯПОНИЯ И ГРЯДУЩАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Современная Япония, находящаяся под властью хорошо организованной шайки жадных капиталистов, стала предметом страха для белых наций, которые относятся к японцам с нескрываемым презрением, что особенно заметно в Соединенных Штатах Америки, в Канаде, Австралии и в Британских колониях. Во многих местах ненависть к японцам доходит до того, что их не пускают внутрь страны, в особенности — если они принадлежат к рабочему классу. Этот страх перед Японией не совсем лишен основания, так как империалистическая Япония является серьезной соперницей других капиталистических стран; но презрительное отношение, проявляемое пролетариатом англосаксонских стран к японцам и, в частности, к японским рабочим, лишено всякого разумного основания. Конечно, современная империалистическая Япония ничего кроме ненависти и презрения и не заслуживает, но это не должно служить поводом к вражде между японскими рабочими и рабочими других стран.

Крики о конкуренции японцев, якобы наводняющих англосаксонские страны, ни на чем не основаны. По данным последней переписи 1920 года, из семи миллионов японцев, живущих вне пределов Японии, на эти страны приходится всего около полутора миллиона. А в Соединенных Штатах и их владениях японцев не более четверти миллиона, главным образом, на Гавайских островах. Кроме того, эти японские рабочие, занятые здесь на сахарных плантациях, были, большей частью, ввезены американскими капиталистами еще до присоединения Гавайских островов к Америке. Оставшая часть японских эмигрантов рассеяна по всему земному шару. Неужели пребывание 250 тысяч японцев в пределах собственной Америки — с ее 100 миллионным населением может угрожать опасностью американскому пролетариату?

За последнее время это широко-распространенное анти-японское течение стало развиваться среди китайцев и корейцев, имеющих полное основание враждебно относиться к японцам, под гнетом которых им приходится испытывать жестокие страдания.

Но и здесь вражда и ненависть не должны быть наравлены против японского пролетариата, который сам является беспомощной жертвой современного империализма и капитализма и заслуживает сожаления, а не ненависти. Не правдивее ли будет, если мы все наши общие национальные и международные силы направим против обоих этих злов, — разрушим их до основания и установим во всех странах рабочее правительство

объединившись во всемирную Федерацию Коммунистических Республик? Борьба пролетариата одной страны против пролетариата другой есть не что иное, как самоубийство, ибо она ведет лишь к расправе общих сил всего рабочего класса. К этому именно и стремятся капиталистические и милитаристские элементы, желающие использовать пролетариат одной страны, как пушечное мясо, в борьбе против пролетариата другой. Именно поэтому в каждой стране пролетариат, руководимый оппортунистическими жельтыми лидерами рабочего движения, направляется на рабочих всех других стран, являясь в мирное время объектом эксплуатации капиталистов и проливая за них кровь на войне. Он — вечная жертва капитализма и империализма.

Вовлекая пролетариат в сферу националистических и шовинистических чувств, господствующих классов современных капиталистических и империалистических стран стараются привить ему самые низкие чувства расового самодовольствия и расовые предрассудки, для того чтобы из-за своих корыстных выгод подготовить его к новой войне. Эту отраву вносят капиталисты в душу рабочих масс Америки, Канады, Австралии и Британских колоний. Пролетариату этих стран (говорящий по-английски), проникши, благодаря этому, грубо-эгоистическим взглядом о природном превосходстве белой расы над всеми другими расами и с давних времен воспитывается в духе расовых предрассудков расовой ненависти. Вот почему, со времени войны 1914—1918 г., пролетариат, руководимый лидерами II Интернационала, как Хилкент, Бергер (самый жельтый из них Сам. Гомперс) и др., всецело служил делу капитализма и империализма.

Искоренить этот нелепый предрассудок о природном превосходстве белых с порождением им человеконенавистничеством и заменит его идеей всемирного коммунизма — такова одна из важнейших задач Коммунистического Интернационала.

Исходя из принципов Коммунистического Интернационала и советской системы, мы должны главной своей целью считать разрушение империализма и международного капитализма.

Крушение японского империализма принесет пользу не только корейцам и китайцам, но и японскому пролетариату. А уничтожение империализма в Британских владениях — в интересах значительно большей массы народностей и рас. Свобода и жизнь мексиканских негров, Кубы, Гаити, Сан-До-

мино, Филиппин и Центральной Америки записи об крушении империализма в Америке.

Но было бы ошибкой думать, что крушение империализма может быть достигнуто путем разрушения одной империалистической системы силами другой империалистической системы. Как ясно показал опыт последней войны, этот путь еще более укрепляет силу империализма, — в особенности в стране-победительнице, и в последнем итоге как победивший, так и побежденный пролетариат еще больше страдает от этого. В капиталистических условиях уничтожение одной империалистической гидры всегда сопровождается ростом другой. Поэтому разрушение империализма должно составлять общую задачу пролетариата всех стран, которая должна быть выявлена империалистической властью во всех странах. Такого неизбежного требования коммунистического движения, которое должно стать содержанием нашей пропаганды во всех странах.

Чтобы способствовать развитию этого международного коммунистического движения, необходимо, прежде всего, исследовать характер империализма в каждой стране в отдельности и его отношение к пролетариату.

Английский пролетариат более ста лет пользовался благами английского империализма, и это привело к тому, что большинство его английских пролетариата стало относиться к нему сочувственно. Действительно, английские рабочие, повидимому, не без основания признавали, что их жизнь тесно связана с процветанием империализма. Вот это и послужило главной причиной того, что английские рабочие отвергали даже социализм II Интернационала, не говоря уже о коммунистических принципах III Интернационала. Они прекрасно понимали, что весь промышленный аппарат страны покоится на мировом империализме. Таким образом, жизнь и процветание английского империализма были тесно связаны с цветущим положением промышленности и торговли в Англии. Этим можно и объясняется, почему английские рабочие поддерживали последнюю мировую войну и в свое время сочувствовали Англо-бурской войне.

По этой же причине они в настоящее время так спокойно переносят кровавую баню, устроенную английскими солдатами среди ирландского пролетариата. Но, как бы то ни было, английский пролетариат, рано или поздно, придет к убеждению, что при ярком свете III Интернационала британский империализм не может существовать. Придет время, если оно уже не пришло, когда он поймет, что в Индии уже зашился зародок коммунизма. Постепенно Индия освобождается от тисков британского империализма.

Английский пролетариат скоро поймет, что он не должен и не может допустить, чтобы за счет эксплуатирующей Индии или других колоний, Британскому империализму уже пришла пора кончиться перед силой авторитета III Интернационала, когда, истощив все же-

спокое и вразвратские средства насилия, он обнаружил свою полную беспомощность перед маленьким Ирландцем и когда он вынужден был 16 марта 1921 г. подписать англо-русские торговый договор. Британский империализм есть лишь одно из звеньев в истории развития мирового прогресса. Но в то же время он является продуктом современного капитализма и должен будет вместе с последним подчиниться приговору истории и погибнуть!

Американский империализм несколько отличается от британского, в соответствии с экономическими условиями страны. Первый обладает в пределах своей территории неисчерпаемыми природными богатствами, в то время как естественные богатства Англии ограничиваются лишь углем и железом. Англия вынуждена покрывать все свои потребности ввозом либо из своих собственных колоний, либо из чужих стран. Поэтому колониальные владения являются для английского империализма жизненною необходимостью, обеспечивающей экономическую независимость от других стран. Для Америки колониальный вопрос имеет второстепенное значение. В то время, как Америка нуждается в колониях лишь как в рынках для сбыта своих изделий, Англия нуждается и в рынках, и в колониях. Мы видим, что в последнее время американский империализм проявляет все большую и большую жаждность в погоне за колониями, хотя американские рабочие не относятся к его стремлениям с молчаливым одобрением, какое мы видим в Англии со стороны британского пролетариата. В настоящее время все империалистические страны стремятся к завоеванию собственных рынков. Между английским и американским империализмом лишь та разница, что первый действует открыто, надменно и, почти всегда, явно агрессивно, — между тем как американский империализм старается прикрывать свои аппетиты и стремление к захвату новых территорий знаменитой резиновой доктриной Монро. С помощью этой доктрины американский империализм уже «устурировал» свои экономические интересы во всей Центральной Америке, в Мексике и некоторых слабых странах Латинской Америки. Теперь ближайшая его борьба за рынки будет сосредоточена в Китае и на Тихом океане.

Американский пролетариат в своем массе сильно отстал от своих европейских товарищей, как фактор грядущей социальной революции. Иначе и быть не может, пока во главе его стоят жалкие руководители, вроде Сам. Гомьера и др. В настоящее время американский пролетариат так же проникнут оппортунизмом, как и его лидеры; в революционном отношении это наименее сознательный пролетариат в мире. Это обнаруживается и в профессиональном и политическом движении, не исключая социалистического и даже коммунистического. Американский оппортунизм в значительной мере обуславливается историческими условиями и американской системой воспитания. Уже на

школьной скамье американским детям внушается, что каждый из них может достигнуть самых высоких должностей, не исключая и президентского поста. Каждый педагог с гордостью рассказывает своим ученикам, что такой-то президент был бедным портным, а такой-то вырос в бедной хижине, и что он сам, учитель, раньше был пастухом, школьным сторожем и т. п. Так, детские головы навиваются самыми соблазнительными примерами того, к чему может привести политическая приспособляемость. Но школа не единственный фактор оппортунистического воспитания американцев. В американском обществе на каждом шагу слишком много соблазнительных конкретных примеров из жизни торговых и промышленных кругов, увлекających честолюбивую молодежь на путь оппортунизма. Чрезвычайно быстрый рост капитализма, развившегося вследствие скачкообразного обогащения стран, породил большое количество миллионеров и миллиардеров, среди которых не мало людей, бывших еще вчера простыми рабочими, уличными метельщиками и газетными разносчиками. Буржуазные педагоги в школах и везде, где только представляется случай, твердят об этом своим воспитанникам, красноречиво иллюстрируя этими примерами, какого положения может в Америке добиться каждый сервильный и прилежный человек. Эта ложная система воспитания отправляет американскую молодежь, копорая неизбежно проникается оппортунизмом. В Америке все увлечены погоней за славой и золотом. Американец гордится своим «здравым смыслом», под которым он разумет способность легко и быстро приспособляться к любому новому положению. Этот здравый смысл претупит также умения быстро менять свои взгляды в любую сторону, — смотря по тому, что выгоднее. Так, например, добрый, уравновешенный республиканец, переходя «Mason and Dixon Line», становится добрым, чистокровным демократом на время обще-избирательной кампании, но продолжает оставаться республиканцем во время национальных президентских выборов. На Дальнем Востоке, в особенности, в Китае, все прекрасно знают, как необыкновенно изворотливы почти все американцы: сегодня он смиренный миссионер, проповедывающий Евангелие, завтра — он продавец американских товаров, а после завтра он может стать и офицером, и журналистом, и шпионом, и всем, чем вы хотите. Американцы полны основанием гордятся своей ловкостью и изворотливостью.

В этом и заключается причина того, что наше коммунистическое движение развивается в Америке так медленно, несмотря на усилия многих русских товарищей и на широкое распространение (после перехода партии на нелегальное положение) массы изданий, популяризирующих деятельность большевиков. После грубого нападения на партию в январе 1920 г., число ее членов упало до ничтожного количества. В рядах партии остались почти исключительно иностранцы,

прошедшие школу в подпольных организациях на своей родине.

Американский рабочий оппортунист по своему темпераменту и образу мыслей: он нисколько не интересуется теорией коммунизма; он довольствуется высокой заработной платой и указкой Сам. Гомперса и К'. Под влиянием националистических предрассудков и ненависти ко всему азиатскому, в особенности, к «проклятым японцам», американский пролетариат пассивно относится к чрезмерному расширению вооружений и поддерживает буржуазное правительство; более того, он одобряет самые враждебные выступления председателя Американской Федерации Труда, Гомперса против Российской Советской Республики, единственного в мире рабочего правительства. Вот до чего дошел американский пролетариат, руководимый реакционными политиками вроде Гомперса, которых американский парламентаризм с его сложной структурой и регламентацией предоставляет все преимуществами для подавления радикальных течений в рядах Американской Федерации Труда. Эти радикальные течения поддерживались, главным образом, иностранцами. Но, с другой стороны, эти иностранцы, за малым исключением, приезжали в Америку из личных интересов и были хорошими товарищами, до тех пор, пока могли заниматься погоней за всемогущим долларом. А все лучшие товарищи из II Интернационала, как Хилквит, Будин, Дебс, Аб. Кан и другие, покинули революционное поле битвы и отчасти перекочевали в лагерь контр-революции, отчасти ушли в частную жизнь. Вот, например, как мудрый и принципиальный американский профессор Неринг и еще более остроумный Хилквит поучают американский пролетариат:

«Великая Советская Республика и III Интернационал или большевистская партия — два совершенно различных явления: мы сочувствуем Советской Республике и боремся против большевиков и III Интернационала. Если большевики проникнут в Америку, — говорит Хилквит, — я сам возьмусь за ружье и пойду сражаться против них».

Таким образом, до тех пор, пока Хилквит и его кланк бауэн руководить Социалистической Партией, американскому империализму беспокоиться нечего, и пролетариату Американской империалистической республики, руководимому Гомперсом и Хилквитом, потребуются не мало лет для того, чтобы стать сознательным революционным классом. Вместе с тем нам угрожает опасность новой мировой войны, копорую будет финансировать и копорой будет руководить могущественный американский капитализм.

Империализм и капитализм Японии — новое явление: Япония заимствовала ипот и другой у Запада уже после революции 1868 г. До тех пор она представляла собой замкнутую страну, не допускавшую на свою территорию ни иностранцев, ни тех из своих собственных подданных, которые раньше покинули страну. Но 60 лет тому назад она вынуждена

была выступить под угрозою пушек Америки и открывать свои границы. С тех пор она начала усваивать западные нравы и обычаи, и в ней стали быстро развиваться империализм и капитализм.

Начало японского империализма относится ко времени окончания Китайско-японской войны 1894—95 г. До этого Япония находилась под игом иностранных держав. Это иго было американского происхождения, оно было введено американским послом в Японии, Тоулэндом Гаррисом, и называлось «экспериментальностью». Согласно принципу экспериментальности, любой гражданин иностранца мог свободно оскорблять, грабить и убивать японцев: он не подлежал японскому суду и не обязан был подчиняться японским законам. Япония не имела права судить и наказывать убийц иностранцев, такие преступники подлежали суду их собственного консула, даже если последний вовсе не был судеей и был совершенно несведущ в законах. И действительно, эти преступники обыкновенно оказывались оправданными.

Но не в этом одном выражалось ограничение самостоятельности тогдашней Японии; она не могла, например, по своему усмотрению регулировать свою внешнюю торговлю, не имея права облагать вывозимые иностранные товары пошлинами свыше установленной нормы в 5% ценности товара и т. п.

Такое же положение мы видим сейчас в Китае. Ни один иностранец, кроме граждан Российской Советской Республики, не может быть судим китайскими властями, какое бы преступление он ни совершил на китайской территории. Это одно из последних признаков в Китае империализма других великих держав, и китайский пролетариат должен стремиться к разрушению не только японского, но и английского и американского империализма.

В результате победоносной войны Япония добилась пересмотра упомянутых выше спешенней и заключила новые договоры, — сначала с Великобританией, а затем и с прочими державами. До войны с Японией Китай был связан гигантским. Его флот, построенный под руководством немцев, был самым могущественным флотом на Дальнем Востоке, между тем, как японский флот был детской игрушкой. Население Китая в 10 раз, а ее территория в 20 раз превосходила Японию.

Однако, несмотря на это, объявив войну Китаю, Япония выиграла войну и исторически впервые вступила на путь империализма и капитализма, вызвав, вместе с тем, презрение и ненависть всего мира к японцам. Широко распространенная вражда против Японии — это постигшая ее кара за империализм. К счастью, японский пролетариат понял в последнее время проклятие империализма и выступил на борьбу с ним.

Вплоть империалистический характер носила также война с царскою Россией в 1904—1905 году.

Эта война послужила нашим японским товарищам основательным поводом для на-

чала систематической агитации против войны и связала их с русскими товарищами. В издававшемся в то время ялоу «Японском Рабочем» и поместил обращение японских товарищей к русским товарищам, отрывок из которого я счиною нелишним привести здесь.

«Дорогие товарищи, наши правительства вступили в войну ради удовлетворения своих империалистических стремлений, но у нас с вами нет ни ресурсов, ни территориальных ни национальных раздвогласий. Мы — товарищи и братья, и у нас нет никаких оснований бороться друг с другом. Наш империализм и, так называемый, приприотизм — вопиющая прага, а не японский народ. Мы уверены, что наш народ питает те же чувства по отношению к нам».

«Приприотизм и милитаризм — это наш общий враг, и социалисты всего мира разделяют это мнение. Мы, социалисты, должны мужественно выступить против них. Для этого нам предпоявляемся теперь самым благоприятный случай, и мы надеемся, что вы его не упустите».

На этот ответ русские товарищи ответили весьма красноречиво в «Искре», проводя параллель между нашим приветом и пропосланием Эльваса-Лоуриаринги. Они, между прочим, писали следующее: «Среди шовинистического хора в обеих странах глас японских социалистов прозвучал как весть из иного лучшего мира, который сегодня рисуется лишь в воображении сознательного пролетариата; но завтра он станет реальным фактом. Мы не знаем, когда это «завтра» наступит, но мы, социалисты всего мира, прилагаем все усилия, чтобы оно наступило как можно скорее. Сегодня мы роem могли для современного жалкого общепризнанного строя и организуем те силы, которые окончательно уложат его в эту могилу».

Русско-японская война не дала победившей Японии ничего, кроме проклятия нищеты, пылких палогов, общен деморализации и господства мнаниотизма. Горькие испытания, пережитые этой победоносной войной, всею своей пылкостью легли на пролетариат. Жизнь стало тяжелее, чем до войны; получилась по; же, что и в результате последней войны, приведшей к таким же последствием для всего пролетариата, как в победивших, так и в побежденных странах. Японское правительство стало еще более подавлять народ, и рабочее движение почти совершенно замерло. Но хуже всего то, что всегда за окончанием войны непомерно усилился мнаниотизм, который стал непобедимым бременем для всего пролетариата. Таково было действительное положение вещей, когда вспыхнула война 1914—1918 года.

Нет ничего удивительного, что весь японский народ, не говоря уже о пролетариате, не проявил никакого интереса к войне 1914—1918 г. Единственно, что привлекало его внимание, — это русская революция, низвергнув-

вместе с царем и милитаризм и капитализм. После жёлокого поражения германского кайзера, с его непобедимой армией и германской культиурой, перед которыми так преклонялись японские империалисты, японский народ утратил последние иллюзии, связанные с существованием слабой армии и со всей милитаристической политикой. Влияние и престиж армии, созданной и упроченной неустанными усилиями милитаристов, развалились, как картонный домик. Вместе с упадком веры в милитаризм и империализм, исчезла и вера в божественного мифода.

Все это необходимо принять во внимание для правильной оценки сущности японского империализма.

Японский милитаризм не пошел, однако, на убавь. Европейская война превратила Японию из должника в кредитора, и военная промышленность, и материально и в финансовом отношении, чрезвычайно усилила милитаризм в Японии. В порядке дня были поставлены планы обширнейших вооружений, империалистическая клика была вполне довольна результатами последней войны, ибо впервые получала возможность—по крайней мере, в финансовом отношении—реализовать свое горячее желание—увеличить армию и флот по программе, рассчитанной на целое столетие вперед. Однако японским империалистам приходится со спрахом взирать на изменившийся с последней войной настрой японского народа. Милитаристская политика настолько оттолкнула от себя народ, что Военная Академия и Морская Школа не знают, как им привлечь новых студентов. Прежде этого никогда не случалось. Приходилось, наоборот, устанавливать конкурсные испытания, во избежание переполнения этих учебных заведений. Это наиболее показательный признак непопулярности военной карьеры среди буржуазной молодежи; в пролетарская молодежь и раньше не увлеклась казарменной жизнью. Что особенно удручает японских милитаристов в этом охлаждении состоятельной молодежи к военному образованию,—это то, что молодые и способные офицеры начали бросать свою профессию. Это вызвало сильное смущение среди империалистов. Ибо если для вербовки обыкновенного пушечного мяса можно было еще прибегать к принудительной системе, то по отношению к офицерам такие меры были бы крайне неудобны: офицеры принадлежали к высшим слоям общества, и о принудительной их вербовке нельзя было и думать. Как бы то ни было, не имея возможности остановить уход молодых офицеров из армии и флота, военные власти издали новые правила, сводившиеся к тому, что офицеры, покидающие службу без основательных причин, лишаются военного звания, чинов и пенсий. Однако, это суровое и противозаконное постановление весьма мало поддействовало на офицеров, и это показывает, насколько военное ремесло стало непопулярным среди японской молодежи. Прежде увлечение японского на-

рода милитаризмом и империализмом окончательно исчезло, по крайней мере—психологически.

Знакомясь с общим международным положением, мы видим, что японская армия и флот, несмотря на свою незначительную силу в сравнении с английскими и американскими флотами, внушают, тем не менее, спрах капиталистическим странам. Дело в том, что на Дальнем Востоке Япония в настоящий момент является самой крупной силой.

Если Японии предоставить полную свободу, то японская армия и флот могут легко парализовать не только радикальные, но и всякие либеральные стремления на Дальнем Востоке. Поэтому они являются угрозой и для нашего движения. Если мы примем, к тому же, во внимание, несчастное честолюбие японского империалистического класса, распрягающегося судьбами 70-миллионного народа (богатый источник пушечного мяса), по нужно прийти к выводу, что японский империализм является самой серьезной угрозой для коммунистического движения на Дальнем Востоке.

Но, в таком случае, может быть, это будет в интересах коммунистического движения, если японский империализм будет побежден какой-либо другой державой, например, Америкой или Англией? На этот вопрос мы, не колебаясь, отвечаем отрицательно, ибо, в этом случае, вместо японского империализма, на Дальнем Востоке утвердился бы американский или английский империализм. Такой исход мог бы удовлетворить Гомперса и Американскую Федерацию Труда, или тех, кто верует в провинциальное мировое значение господствующей белой расы. Но мировой пролетариат никаких выгод из этого извлечь не может. Он должен собственными силами, пролетарскими революционными силами всего мира, разрушить как японский империализм, так и империализм других стран. Я хочу с особенной силой подчеркнуть здесь, что для победы над японским империализмом безусловно необходимо, чтобы японскому пролетариату была оказана поддержка со стороны международной революционной армии. Лишь при этом условии японский пролетариат может спастись главным фактором, главной силой в этой борьбе. Мы можем сокрушить империализм в Англии или в какой-либо другой стране, лишь оказывая поддержку ее пролетариату, а не игнорируя его. Для того, чтобы японский пролетариат мог сыграть главную роль в деле разрушения империализма этой своеобразной страны, необходимо воспитать в нем классовое и революционное сознание, необходимо поддержать его духовными силами пролетариата всех прочих стран.

Если звизищаемая мною точка зрения правильная—а я в правильности ее не сомневаюсь,—то Коммунистический Интернационал должен вплотную подойти к вопросу о революционизировании японского пролета-

рива и об оказании ему действительной поддержки со стороны китайского и корейского пролетариата. При некоторой активной интернациональной поддержке, можно обуздать японский империализм, и позиция пролетариата тогда значительно укреплится. В подтверждение этого своего взгляда, я укажу на тот факт, что японский пролетариат быстро развивается и начинает проникаться классовым сознанием. Он стал пробуждаться со времени больших рисовых волнений в августе 1918 г. В то время в Японии едва ли можно было найти более или менее крупную пролетарскую организацию, кроме желтого Ю-Ан-Кан и Союза Печатников; ныне же там имеется 300-400 тысяч организованных рабочих, среди которых много сознательных товарищей.

До последнего времени организация Ю-Ан-Кан считалась желтой; но с начала текущего года левое ее крыло, состоявшее из III Интернационала, приобрело большое влияние и быстро превращается в красную, революционную организацию. Борьба против законодательных ограничений, японские рабочие упорно охраняют свои позиции и, как я уже сказал, усиливают свои организации. Наши организации сосредоточены, главным образом, в промышленных районах, где революционные забастовки стали обыкновенным явлением. Их главная цель — низвержение капитализма, как это видно из резолюции, принятой на массовом митинге безработных, который был организован минушей осенью Федерацией Рабочих Союзов г. Осаки и его окрестностей.

10 декабря 1920 г., после четырехмесячной агитации за образование Социалистической Лиги, которое было предложено 30 популярными товарищами, в Токио должно было состояться учредительное собрание Лиги. Зная уловки полицейской власти, инициаторы организации Лиги превратили предварительный митинг, собравшийся накануне (9 декабря), в официальное собрание, которое и одобрило устав Социалистической Лиги. Таким путем они ловко обошли королевские политические власти, и Лига была восстановлена ровно через 14 лет после ее разгона в 1907 г. Социалистическая Лига была должным образом оформлена согласно первоначальному проекту, так как она имела в своих рядах более тысячи членов. Я привожу здесь Манифест Лиги, предполагая, что он не лишен интереса.

Манифест.

«Наша цель — разрушить до основания существующую капиталистическую систему.

Мы стремимся к уничтожению аппарата буржуазной цивилизации: ее учреждений, организаций, обычаев, науки, искусства и прочих атрибутов капиталистической системы.

Для того, чтобы создать справедливые условия жизни, достойные человека, мы намерены создать общественный порядок, не знающий ни богатых, ни бедных, ни каких бы то ни было каст. Это значит, что каждый трудящийся будет обеспечен пищей, одеждой и жильем. Мы стремимся к Интернационалу и к свободному, равноправному, мирному, справедливому и братскому общепланетному единению — как к высшему идеалу человеческой жизни.

Мы признаем все действительные средства борьбы против капиталистической системы и ее атрибутов.

Полагая, что в предстоящей классовой борьбе вся реальная сила покоится на рабочих, мы стремимся к пробуждению, организации и дисциплинированию рабочего класса.

Объединив пролетариат Японии и ее владений, мы пойдем решительно, стойко и смело вперед, по пути создания новых общественных форм, новой организации и цивилизации пролетариата.»

Манифест составлен в умеренных выражениях, чтобы возможно было вести открытую пропаганду. Социалистическая Лига легальна не в такой мере, как этого желали ее инициаторы, но она является открытой организацией. Она устраивает публичные митинги, открыто созывая своих членов, несмотря на ощущаемые ограничения. Как мне сообщают, она постепенно развивается и количественно и качественно. По последним известиям, число ее членов превышает 3000.

Империализм каждой страны должен быть сокрушен непосредственно самими же пролетариатами данной страны; последние должны бороться под руководством коммунистической партии, опирающейся на Коммунистический Интернационал. Иначе это было бы совершенно безнадежная задача в такой, например, стране, как Япония, которая живет под властью, правды, уже разлагающегося, но, все же, могущественного империализма, опирающегося на национальный и интернациональный капитализм.

С крушением японского империализма и капитализма социальная революция на Дальнем Востоке станет неизбежной. Как только Дальний Восток окажется в наших руках, английский империализм распадется на части, а американский империализм, после крушения английского, не сможет долго держаться.

Да здравствует Российская Советская Рабочая Республика!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует грядущая мировая Социальная Революция!

Сен КАТАЯМА.

Макаки.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ПОЛЬШЕ.

Впродолжение нескольких месяцев своего бесславного существования «рабоче-крестьянское» правительство социалиста Морачевского (ноябрь 1918 г.—январь 1919 г.) сумело осуществить два мероприятия: *во-первых*, оно разоружило рабочих в то самое время, когда улань и жандармы Пилсудского громили революционные пролетарские учреждения и издевались над рабочими и крестьянами, пытавшимися осуществить свободу стачек; *во-вторых*, расчистив таким образом путь для капиталистической контр-революции, оно придало ей единственно возможную в то время форму — демократическую, с одним, впрочем, ограничением: для лучшей защиты демократической контр-революции оно оставило своим преемникам в полной неприкосновенности царские варварские законы против политических преступлений, которыми польские суды пользуются против революционных рабочих столь усердно, что, несомненно, приводят в изумление даже многих царских жандармов. После этих подвигов, правительство Морачевского, не пытаясь даже оказать хоть малейшее сопротивление, уступило свое место открыто-буржуазному правительству г. Падеревского. Обеспечив, таким образом, порожество контр-революции внутри государства, лидеры П. П. С. приступили к новым подвигам, решив расчистить дорогу для контр-революции извне. Они первые начали громко кричать об угрожающем Польше «большевистском империализме», о большевистском «нашествии» на Литву и Белоруссию, о необходимости освободить эти страны из-под большевистского «ига». Это было, конечно, моральной подготовкой почвы для вооруженного нападения на советские республики Литвы и Белоруссии. И в то же самое время, когда лидеры П. П. С. убеждали польские рабочие массы в том, что при помощи иностранных штыков не следует добиваться освобождения пролетариата, улань и жандармы Пилсудского «освобождали» прудящиеся массы Литвы и Белоруссии от владения землей и фабриками, которое обеспечила за ними советская революция, и восстанавливали господство помещиков-зубров.

Социалистические вопли о большевистском империализме и благородные уверения, что рабочий класс в каждой стране сам сумеет без помощи иностранных штыков добиться своего освобождения, не помешали Коммунистической Партии Польши опубликовать в феврале 1919 г. резолюцию, констатирующую и подчеркивающую, что «долгом и правом рабочего класса каждой страны является оказание активной помощи рабочим других стран в революционной борь-

бе... и что, поэтому, вооруженная помощь российского пролетариата, если бы в ней нуждалась назревающая польская революция, не являлась бы нашествием или вытравлением империалистических тенденций, противоречащих существу социалистического правительства. Она не имела бы ничего общего со стремлениями к территориальным завоеваниям и с лозунгами национальных войн, а воплотила бы лозунги международной солидарности революционного пролетариата».

В Германии, как и в других странах, где капитал давно уже осознал свои империалистические задачи, история предназначила шейдемановцам роль агентов империализма и капиталистической войны. Роль шейдемановцев в Польше была другая. До войны и в период войны польская буржуазия поддерживала империалистические интересы соответствующих держав, разделивших между собою Польшу. Оказавшись неожиданно, в результате войны, в «независимом» государстве, в разрушенной стране без промышленности и торговли, польская буржуазия не могла потягивать себя создателем своего собственного империализма. Эта задача выпала на долю мелко-буржуазной интеллигенции, которая в традициях шляхетской Польши находила оправдание для агрессивных стремлений буржуазии, добивавшейся образования федерации Литвы, Украины и Белоруссии, в союзе с другими опидеившимися оп России странами от «Гельсингфорса до Тифлиса» под гегемонией Польши. Это прелождало самые смелые мечтания т. наз. «Национальной Демократии (партии эндков)». И так, судьба «социалистов» в Польше была еще более позорна: польским шейдемановцам пришлось играть роль первых поборников империализма, выковывающих его оружие и изобретающих для него лозунги. После «избавления» Литвы и Белоруссии от социальной революции и оставления этих стран на произвол демократов из бывшей царской армии, вроде генерала Листовского, Ивашкевича, Балаховича и др., лидером П. П. С. оставалось формулировать задачи «освобождения» Украины. Это было в конце 1919 г., когда советские республики, разгромив Деникина, целиком отпадали свои силы делу хозяйственного возрождения страны. Труд стал евангелием советских правительств, весь энтузиазм коммунистических партий России и Украины направлялся на борьбу с голодом и холодом, со штыком и пифом». Боевые армии были превращены в армии труда, с польского фронта армии были почти целиком переброшены на восток, на хозяйственный фронт. В то же время советские правительства в своих мирных пред-

ложениям опдаван польским помещикам столь обширные территории на востоке Польши, что этим удовлетворили далеко идущие амбиции национальных демократов. Советским республикам России и Украины казалось, что они таким образом обеспечат себе мир со сторонами Польши, и в эпоху надежды они принялись за мирную борьбу на хозяйственном фронте. Советские политики не знали, что в Польше власть принадлежала тогда не обесцеленному капиталу, во главе с национал-демократами, а особому авантюристскому бонапартизму в лице Пясудского, поддерживаемого мелкобуржуазной П. П. С., — бонапартизму, империалистические мечты которого шли еще дальше.

Эпоху именно момент лидеры П. П. С. сочли самым подходящим для того, чтобы начать новую кампанию лжи и клеветы против советских республик. Они обвиняли их в глазах эппи республик, спяраясь очернивших в глазах рабочих масс, подготавливая, таким образом, моральную почву для «освобождения» Украины. В то самое время, когда тайная дипломатия Пясудского заключала договор с Пелляурой и подготавливала вооруженное нашествие на Киев, вожди П. П. С. изображали в самых мрачных красках «порабощение» русских рабочих, законнивших в цепи армии труда, выгнавших на работы и пересбавлявших с фронта на фронт, по плану хозяйственной спратегии. Имеют ли армии труда что-нибудь общее с социализмом? Что в том, что уже Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте» требовали, между прочим, «трудовой повинности для всех» и «организации промышленных армий». Вожди П. П. С., вместе с Пясудским, именно тем и гордятся, что они являются создателями польского милитаризма (организации галицийских спредков, легионов); они прекрасно понимают необходимость воинской повинности и боевых армий в капиталистическом государстве. Именно для такой повинности и для такой армии, в интересах капитала, в целях установления господства польских помещиков в «освобожденных» спранах, они не щадят ни чести собственного парти, ни крови польского народа. Но трудовая повинность и армии труда — не является ли это насилем для «социализма» П. П. С.?

Вожди П. П. С. не успели еще пережить радости момента приветствия «победоносному» походу, возвратившемуся из Киева, как авантюристский украинский поход спил уже превращался в беспорядочное опспушение, и удавшиеся польские войско задержались только у самой Варшавы.

И вот опять стали раздаваться крики о большевистском нашествии, опять социал-патриоты стали убеждать массы, что Красная Армия русских рабочих и крестьян не имеет права нести на своих штыках социализм в чужую спрану. Опять стали проповедывать заповедь, что рабочий класс каждой

спраны обязан сам, без помощи чужих штыков, освободиться из-под капиталистического ярма.

Нужно признаться, что на этот раз не шались даже польские коммунисты — правда, в весьма незначительном количестве — которые до известной степени признали эту социал-патриотическую заповедь, несмотря на контр-революционный смысл, придававшийся ей лидерами П. П. С.

О том, что это утверждение, в их устах является вопиющим лицемерием, — свидетельствует вся их политика до и после мировой войны. В самом деле, нужно удивляться необлаженному цинизму наших социал-патриотов, которые считают самой большой своей заслугой, что они ожидали мировой войны, чтобы войти в ряды австро-германской армии и несли освобождение Польше на империалистических штыках Людендорфа, которые потом создавали свою Польшу при вооруженной помощи империалистической Франции, которые с энтузиазмом приветствовали «победоносного вождя», птывшегося пролетаря в жизнь их империалистическую программу федерации и освобожденного Украину при помощи польских штыков, и которые, наконец, после всего этого еще осмеливались выступить против того, чтобы Польша была освобождена при помощи советских штыков. Мы, впрочем, не задаемся целью опмечать цинизм социал-националистических политиков. Когда п.-п.-с-овцы, имея за собой прошлое: кейзеровских штыков, голосовали в сенате за союз с той Антантой, которая создавала провалочные заграждения вокруг Советской России, они нем самым доказали, что придают значение не «национальности штыков» или каким-либо отвлеченным заповедям, но единственно и исклочно численно союзу польских «социалистов» с международной контр-революцией, независимо от того, несут ли ее штыки Людендорфа или Фомы. Поэтому, если П. П. С. проповедают, что рабочий класс в каждой спране должен сам добиваться своего освобождения, то это формула, будучи сопоставлена с денсптацией социал-патриотов, может означать только одно: нельзя при помощи чужих революционных штыков опнимать землю и фабрики у капиталистов и юнкеров, но зато можно и должно при помощи чужих контр-революционных штыков восстанавливать господство капиталистов и юнкеров в каждой спране.

Непн ничего удивительного в том, что эта же формула с таким же цинизмом проповедывалась германскими шедеманонцами в момент, когда Красная Армия дошла до границы Восточной Пруссии и входила в польский коридор, вызывая энтузиазм у немецкого пролетариата и страх у немецких юнкеров. Но, по меньшей мере, удивительно, что в коммунистической печати и в коммунистической фракции германского рейхстага оказались поварицы, которые сочли нужным склониться перед этой формулой международного со-

циал-патриотизма. А между тем перед немецкими коммунистами стояла благородная задача, если бы они захотели разоблачить в этом случае лицемерие своих шефмановцев и спросить их публично, в печати и в рейхстаге: «Вы не желаете чужих штыков? Кто же, как не вы, благословил в начале войны кайзеровские штыки, уверяя германских рабочих, вовлеченных в международную войну, что они идут освобождать Польшу от чужеземного ига и Россию от царского гнета? Кто с благодарностью принимал услуги Фоша, помогавшего вашему Носке распрелять рабочих и душить германскую революцию? Если ваши империалистические штыки были пригодны для освобождения России, то русские советские штыки не менее пригодны для освобождения Германии из кровавых когтей таких палачей, как ваш Носке. «Немецкой рабочей, имеющей против себя ваши боевые отряды, великодушно выдрессированные пильсбрювскими офицерами, а позади себя — готовые к бою вооруженные банды Фоша, несомненно, встретил бы с энтузиазмом красные советские дивизии, если бы последние были вынуждены и могли выступить в пределы Германии. И он имел бы на это такое же право, какое имели демократические предки немецкой буржуазии, когда они с нетерпением ожидали и с энтузиазмом приветствовали батальоны Великой Французской Революции, чтобы при их помощи разрушить феодальное иго, или голландские демократы, призывавшие армию генерала Пишгрю, которая в 1794—5 г. и заняла Голландию.

И хотя армии Великой Французской Революции скоро перестали нести на своих штыках исключительно «мир хижинам, войну дворцам»; хотя эти были уже только армии Первой Империи, однако, даже герой романа Жеромского («Пожарица»), солдат наполеоновской армии, понял значение тогдашних французских штыков для опсталой Испании и, выслушав манифест Наполеона, отмечавший феодальное рабство, он воскликнул: «Нашей кровью, освобождаемой испанский народ, написана твоя конституция!» И не бессильная демократическая символика добродушных шляхетских патриотов, а меч Наполеона в Варшаве продиктовал в 1807 г. Польше первую статью конституции: «Le sergave est aboli» — «крепостное рабство отменяется!» Когда Советская Красная Армия перешла в прошлом году границы Польши, Пилсудский, правительство и сейм обещали польским рабочим и крестьянам золотые горы. Сейм приготовил на скорую руку иудейский закон о проведении в жизнь земельной реформы, подписанный ее врагом, проф. Буяком, тогдашним министром земледелия. Только после опаржения Красной Армии, когда польские капиталисты и юнкера очутились от страха, проф. Буяк (среди многих других) приобрел мужество подвергнуть критике то, что было создано в минуту страха. В своих «Критических замечаниях к нашей земельной ре-

форме» он пишет: «по иронии судьбы моя подпись значится под иудейским законом», который «далеко не соответствует моей принципиальной точке зрения». Солдаты же Советской Красной Армии могли бы воскликнуть: «Нашей кровью писан этот закон для безземельных и малоземельных, эти торжественные уверения об обеспечении семей добровольцев во время войны и обещания о предоставлении им работы после ее окончания. Пользуясь нашим поражением, вас, польские рабочие, позорно обманули; вследствие нашего поражения, вы, безземельные и малоземельные, не получили даже шех жалких подачек, которые сумели вам земельная реформа». Когда Пилсудский шел на Киев «освобождать» Украину, за ним шел сброд жандармов и окранных помещиков, а мужики с панских земель от них бежали в лес или же попадали под панскую паяу и кнут. Когда же Красная Армия повела контр-наступление и шла на Варшаву, от нее убежали польские капиталисты и помещики, мужики же становились господами земли. Потом опять «чудесная победа на Висле» привела к возвращению панов и к массовому расстрелу рабочих и крестьян.

Таким образом, «чужие» советские и «свои» капиталистические штыки должны были в сознании рабочего класса навсегда остаться символом революции и контр-революции, в сознании же имущих классов — символами «нападения» — и обороны в борьбе за священные права капиталистической собственности. В извращенном же социал-патристическом лицемерии империалистского вооруженных штыки Пилсудского, направленные против Советской Украины, являются воплощением права самоопределения народов, а пролетарские штыки, направленные против капиталистической Польши, являются отрицанием этого права.

Если бы то положение, что каждая страна должна произвести свою революцию исключительно собственными силами, не было отвлеченной метафизической фразой, лишённой всякого основания и исторической правды, — то оно должно было бы иметь и обратную силу, именно, что в каждой стране и контр-революция так же должна опираться исключительно на собственные силы местных контр-революционных классов. Но если бы в лагере контр-революции нашлся восток подобной полумитической истины, то его встретили бы смехом и презрением. Когда четверыхлетний Сейм осмелелся в конституции 3 мая 1791 г. несколько удачливо впархический строй феодально-шляхетского государства, польские магнаты, собравшись на Гарговицкую Конфедерацию, не колеблясь, обратились с просьбой к царице Екатерине, чтобы она предприняла нашествие на дорогое отечество. Французские же эмигранты собирались под защитой чужих штыков во всей феодальной Европе, призывая к нашествию на родину, находящуюся «в плену» у якобинцев. Не силами собственной буржуазии, а при помощи германских

штбиков, была задумана социальная революция в Финляндии и Латвии. Если на могиле Советской Венгрии свирепствует белый террор банд адмирала Хорши, то это спало возможным не благодаря одним только силам венгерской контр-революции, а лишь благодаря нашествию румынской армии, поддержанной союзниками.

Контр-революционная Польша Пилсудского была бы уже давно испровергнута польскими рабочими и крестьянами в вооруженном союзе с русской революцией, если бы она не получала вооруженной поддержки со стороны французского империализма, предназначавшего ей роль щепки на Полюке. И никто ни минуты не сомневается в том, что если бы сейчас на месте капиталистической Польши возникло польское пролетарское государство, Польша Советская Республика, Пилсудский и Дашинский в слячесном согласии с Романом Амвоським князьями бы у капиталистических правительств всего мира, умоляя их о вооруженном нашествии на пролетарскую Польшу, почто так же, как русские эс-эры, кадеты и монархисты князуче по всем королевским дворам и кабинетам, умоляя о подобном же нашествии на отечество русских революционных рабочих и крестьян.

При наличии несомненных исторических фактов, при наличии громадного исторического опыта, доказывающего неизбежную связь всякой великой революции с контр-революционными и революционными войнами, совершенно непонятно, как в голове хотя бы у одного коммуниста мог возникнуть этот нелепый принцип о самостоятельности и самостоятельности революции в каждой стране? Правда, в руках социал-напиритов эта фикция может быть удобным орудием лицемерия и обмана, но для революционеров она может быть только вредной фикцией. К чему велел в сфере политики этот изумительный принцип? Он великодушно разрешил Советским Республикам заходить в пределах собственных (известно, каких) границ оп нашествия капиталистических банд всего мира, но запрещает им переходить границы врага. Французские революционные буржуа никогда не принадлежали к такой странной породе фантастов, и с самого начала войны с феодальной европейской коалицией они предпочли занимать города вдоль Рейна, поины на Майнц, били контр-революцию в Германии и Бельгии не только вооруженной рукой, но и посылку опения на территории врага феодальные привилегии и повинности. Могли же польские, чехо-словацкие и др. военные банды, состоявшие на содержании у Антанты, произвести вооруженное присутствие на территории Советских Республик. Но когда Пилсудский, сваяи щепки, хотя и не всегда послушный, слуга парижской биржи и французского империализма на Востоке, организует на территории Польши контр-революционные банды потрошителей под руководством Выха-

лича, Перемьякина, Пешлюрия, чтобы вместе с ними броситься на Украину и Белоруссию, Советские республики должны спокойно ожидать, пока эти банды, по приказу Пилсудского, или его повелителей из французского генерального штаба, перейдут их границы, и лишь после этого Красной Армии будет неслыханно разрешено разбить эти бандитские шайки, и по под одним условием: чтобы она сама—Боже упаси—не перешла эниографических или других границ Польши.

Необходимо признать, что Коммунистическая Рабочая Партия Польши никогда не имела ничего общего с подобной рода мурашничеством и политическим пустополовием. Такого рода политическое нежелание может существовать только в умах мелкобуржуазных интеллигентов, которые, создавая себе фантастический мир, находясь в нем приятное убежище от проклятой действительности классовых войн, революции и контр-революции. Поэтому, Коммунистическая Партия Польши, вероятно, даже не предполагала возможным такой фиктивный принцип, предписывающий Советским Республикам сражаться с вооруженной международной контр-революцией только на своих собственных территориях; она с самого начала организации вооруженных советских сил учила польских рабочих вступить в них армию международной революции, а в создавшейся белой польской армии—своего врага. И то же самое она повторила на страницах своих газет и в своих листовках по время нашествия Пилсудского на Украину и контр-наступления Красной Армии в Польшу. Властиво-революционной, вооруженной борьбе со всемирным империализмом польские коммунисты никогда не признавали ни эниографических, ни каких-либо иных границ—точно так же, как не останавливались перед какими-либо границами международной контр-революция,—когда нужно было задвинуть советскую революцию в Россию или на Украину, в Эстонию или Латвию, в Баварию или Венгрии.

Но вселд за Красной Армией идеп социальная революция,—а разве можно на чужих штбиках нести в какую-либо страну социальную революцию?

Разумеется, можно—но таким же основаниям и вследствие той же необходимости, которая вынуждала армию Великой Французской Революции переходить границы и пострывать основы феодализма в Европе.

Скажем больше: теперь это можно сделать лучше, с гораздо большим успехом, чем это делала армия французских санкюотов. И—что гораздо важнее—при наличии соответствующих обстоятельств полки Красной Армии могут быть вынуждены пойти очень далеко и с совершенно абсолютным успехом.

В самом деле, Великую Революцию буржуазии отделили от Великой Революции пролетариата свыше ста лет развившийся международный капиталистический рынок, объединивший весь земной шар в один общий хозяйственный организм. Отсюда следует,

во-первых, что буржуазный мир, который может существовать только при условии накопления капитала во все более и более расширяющихся пределах международного рынка, не может равнодушно смотреть на громадные, по своим территориям, с многомиллионным народонаселением, богатые естественными сокровищами Советской Республики, прекратившие на своих территориях процесс накопления капитала. Он должен стремиться к испровержению советского строя. Капиталистический мир не может долго существовать рядом с большими пролетарскими республиками: или он, или они должны погибнуть. Благодаря героизму своего пролетариата, благодаря необыкновенной энергии и проицательной, быстро ориентирующейся политике своих вождей, Советские республики три года пропировстояли вооруженному и экономическому давлению всего капиталистического мира и, наконец, перенесли сверхчеловеческие страдания голода и холода, завоевали себе ныне относительный мир на внешних фронтах. Однако, капиталистический мир не может долго перетерпеть рядом с собой существование Советских Республик. Если революция европейского пролетариата не вырвет у него оружия из рук, он должен будет, в той или иной форме, нарушить мир. Тогда Красная Армия, бросив хозяйственный фронт, снова будет вынуждена отправиться в поход с оружием в руках, и от степени развития революции в европейских странах будет зависеть, где и когда она остановится.

Во-вторых, что касается международного положения и возможности успеха для Красной Армии, то последствия развития капитализма создали значительно лучшие условия для Великой Русской Революции по сравнению с Великой Французской Революцией. В конце 18 столетия Франция созрела для буржуазной революции, но для этого еще не созрела тогда вся остальная Европа. В особенности же Россия являлась тогда непоколебимой твердойней европейского феодализма. Этим объясняется недостаточность результатов французских революционных войн и сохранение остатков феодализма во многих развитых странах Европы вплоть до последней мировой империалистической войны. Ныне же, наоборот, во всей Европе положение уже созрело для социальной революции, между тем как Россия, с точки зрения развития техники и организации производственных сил, меньше всех других капиталистических стран созрела для пролетарского переворота. Этим объясняется, почему феодальная Европа могла послать свои полки против революционной Франции, не встречая сопротивления со стороны своего населения, тогда как активнейшее вмешательство европейских рабочих заставляло правительство капиталистических государств отказываться от помощи собственных армий против Советских Республик и довольствоваться лишь содержанием несмысленных армий в Польше или контр-революционных русских банд.

Но разве Чичерин в своих воззваниях по поводу шествия Пилсудского на Украину не заявлял международному пролетариату, что рабочий класс в каждой стране должен сам проводить свою революцию? Действительно, это заявлял Чичерин от имени советских правительств, то же самое публично говорили Ленин и Троцкий. Эти слова выражают горячее желание Советских Республик. Но они желают это не из пацифистских побуждений, которые, как сейчас, так и раньше, были им совершенно чужды, и не из тех побуждений, которыми руководствовались берлинская «Роте Фане» и коммунистическая фракция германского парламента, когда они, в виду приближения Красной Армии, сочили нужным успокаивать шейдемановцев и уверять, что германский рабочий класс не желает вооруженной советской помощи, ибо сам сумеет устроить свою революцию. — и это имея Фоша на Западе, его польских подручных на Востоке и пережив опыт венгерской революции?

Когда чешские и румынские войска бросились на Советскую Венгрию, чтобы задушить ее, Красная Армия не пришла ей на помощь. Вследствие ли того принципа, что венгерский пролетариат сам должен был защитить свою революцию? Конечно, нет! Скорее, наоборот. Успешная помощь Красной Армии не только спасла бы Советскую Венгрию, но и решила бы судьбу революции в Чехии и Румынии и послужила бы сигналом для европейской революции. Но, очевидно, Красная Армия была сама целиком поглощена тяжелой борьбой на внутреннем контр-революционном фронте и никакой помощи Венгрии оказать не могла. Истощенный, голодный, оборванный русский пролетариат всегда желал мира, чтобы иметь возможность приступить к хозяйственному труду и пользоваться плодами своей победы. Он всегда рассчитывал на скорый взрыв европейской революции, ибо сам нуждался в ее помощи. Ноты Чичерина, в которых говорилось, что рабочий класс каждой страны сам должен производить свою революцию, именно и представляют собою такой призыв о помощи, и в речах русского коммуниста не могут означать ничего другого. Зато в устах польского или немецкого коммуниста они могли служить только неожиданным аккомпаниментом к фальшивой музыке Ллойд Джорджа, притворявшегося морально возмущенным фактом перехода Красной Армией этнографических границ Польши.

Несомненно, правды были не эти коммунисты, а правды были, с своей точки зрения, Ллойд Джордж и все империалистические клки, опасавшиеся создания советского строя в Польше. Но не менее прав был германский пролетариат, когда он с энтузиазмом приветствовал поход советских армий, и имевший в виду совершенно другое, когда он с заботой ставил себе вопрос: остановится ли Красная Армия у границ Польши или Германии, или же она пойдет еще дальше? И не менее ответственными были энтузиасты

европейского пролетариата, его все возрастающее активное содействие, — выражавшееся в том, что он задерживал транспорт с оружием, предназначившимся для контр-революционной Польши, — его все возраставшее революционное брожение. Революция в Европе настолько назрела, что для ее возникновения может оказаться достаточным один гуд мёрной поступи советских бронеполюсов.

Вейганд, с одной стороны, и Врангель — с другой — спасли на этот раз польскую контр-революцию. Но если бы не необычайно скорый поход красивых войск на Варшву, а также не необычайно поспешное их отступление, эта война, которая все больше и больше революционизировала не только рабочих и крестьян, но только солдат, но даже все возраставшую численно часть П. П. С. и радикальную интеллигенцию, должна была бы привести к созданию Советской Польши, а это означало бы не только уничтожение влияния австрийского империализма в пределах Польши, но и падение его влияния на Востоке, воздвигнутую в виде белой Польши для защиты Версальского договора; это было бы смертельным ударом для него, который привел бы к европейской революции.

Польская крепость всемирной контр-революции уцелела и, несмотря на Рижский мир, не перестает быть военной угрозой для Советской Республики, а, следовательно, и для европейской революции. Ближайшее будущее покажет, падеши ли эта крепость под непосредственными ударами польского пролетариата, или в результате германской революции, или, наконец, в результате нового авантюристского похода Пилсудского на Советскую Украину.

Одно является несомненным: Пилсудский не отказался от плана «освобождения» Украины и Белоруссии. Об этом свидетельствуют отзывы поддерживающей его польской прессы и выступления стоящих за него членов сейма, которые вынуждены были голосовать за ратификацию Рижского мира, но при этом славно подчеркивали, что Польша не добилась еще осуществления своих целей на Востоке. Правда, после киевской катастрофы от Пилсудского отошло значительное большинство сейма, и польская буржуазия, которая считает империалистическую Францию своим покровителем и повелителем, вырвала из его рук «самостоятельность» и «независимость» в вопросах внешней политики и военных авантур и предписала ему подчиняться приказам Фоша. Пилсудский должен был поехать в Париж и передать

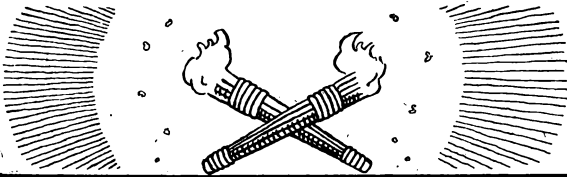
руководство польской внешней политикой и польской армией французскому генеральному штабу; но все это делал в польскую крепость французского империализма тем более опасной военной угрозой для Советской Республики. Прежде военные авантюры Пилсудского подготовлялись, в согласии с ним, вождями П. П. С., которые проплативровали традиционный идеал шляхты, идеал «Унии Польши, Литвы и Руси» в форме федерации Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, расширяя еще эту свою программу до пределов федерации, под гегемонией польского капитала, всех опделившихся от б. Российской Империи стран. Однако, польский капитал слишком слаб и органически слишком несопособен, чтобы разрешить себе, хотя бы только в мечтаниях, способ большой империалистической экспансии, какой способен проявить мелкобуржуазный империализм. Поэтому он предпочел покончить с этой франкистической «независимостью» Пилсудского в области военной политики. Однако, из того факта, что сейчас польской политикой ведают французский председатель кабинета министров, совершенно не вытекает, что политика эта, несмотря на всю разницу и ничтожество Польши, будет менее агрессивной, менее воинственной, ибо французский империализм, находящийся в безвыходном положении, является сейчас самым воинственным и авантюристским в мире. Если Фош, несмотря на катастрофическое состояние польских государственных финансов и французского бюджета, организует сейчас в Польше одну из самых больших армий, то эта громадная армия создается не только для того, чтобы парализовать Германию, но она предназначается также для очередной войны против русской революции. Военный авантюризм Пилсудского, руководимого авантюристской французской политикой, может быть вынужден отказать от планов «федерации», но не может стать менее авантюристским.

Советские Республики не должно будут пользоваться миром, и если европейская революция не поспешит им на помощь, Красная Армия снова будет вынуждена бросить оружие и взять в руки оружие.

Если же в Европе вспыхнет пролетарская революция — что тогда?

«Варя революция в 1848 — что будет для красных полков русских пролетариев символом к походу на Запад». *)

*) Из тезисов Ц. К. Ком. Рабоч. П. Польши, представленных II партийной Конференции.

БОРЬБА МЕЖДУ АМСТЕРДАМОМ И МОСКВОЙ В ШВЕДСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ.

В шведском профессиональном движении, как известно, при различных течениях: реформистов, синдикалистов и революционно настроенных рабочих профсоюзов. У синдикалистов собственная организация — S. A. C. (Центральная Организация шведских рабочих), реформисты возглавляют Шведскую Национальную Организацию, насчитывающую около 250.000 член. Независимо от Национальной Организации, но на реформистской же платформе стоят еще около 70.000 человек, из числа большей частью государственных служащих. Организация синдикалистов насчитывает в настоящий момент, согласно данным ее правления, до 30.000 член. Революционерами, принадлежавшими в большинстве своем к коммунистической партии, работа ведется *внутри* реформистских организаций. Но и среди членов S. A. C. много поварщиков, принадлежавших к коммунистической партии и сочувствовавших Московскому Красному Интернационалу Профсоюзов. Начало внутренней борьбы в шведском профессиональном движении относится к моменту всеобщей забастовки профсоюзов 1909 г. Эта забастовка если и не кончилась полным разгромом движения, как того добивались предприниматели, то и не принесла, во всяком случае, желанной победы. На фоне забастовки началась деятельная агитация против реформистских вождей: их обвиняли в измене, а также в отсутствии организаторских способностей, в том, что они загнали в тиски профессиональное движение, поставленное ими в полнейшую зависимость от партии правых социалистов, и т. п. Все обвинения основывались на неоспоримых доказательствах. Но оппозиция привела только к выделению различных элементов, объединившихся в S. A. C.

В годы, предшествовавшие всеобщей забастовке, шведский рабочий класс перенес цепь тяжестей своей борьбы в области политики. Слая вера в парламентаризм заставляла его надеяться на то, что предстоящие учреждения приведут к социализму. И вот, в течение 1910—1920 гг., достигались один за другим политические «успехи». Влияние рабочих возрастало как в парла-

менте, так и в отдельных общинах, но экономическое положение ухудшилось, особенно в первые годы войны. Необходимо отметить, что, согласно официальным данным, цена на жизненные припасы с середины 1914 г. по 1920 г. возросла на 170%, в то время как заработная плата повысилась в среднем на 104%. Таким образом уже в 1920 г., несмотря на политические «успехи», рабочие должны были констатировать решительное экономическое поражение. Уровень жизни понизился. Еще яснее скажется это в текущем году. В Швеции так же, как и в других странах, работодатели под предлогом кризиса, обычного при капитализме и обостренного к тому же мировой войной, выставили обширные требования касательно сокращения заработной платы. То обстоятельство, что заработки в период повышения цен возросли в гораздо меньшей степени, чем цены на жизненные припасы, и что заработная плата понизится *раньше*, чем упадут цены на продукты, не было принято во внимание. Рабочие должны были оказаться в худшем положении. Во всех отраслях промышленности требовали сокращения заработной платы на 20—50%. И реформистские вожди почти открыто поддерживали эти требования работодателей. Во всяком случае, со стороны реформистского движения не было сделано ни малейшей попытки к сопротивлению. Правда, руководители скандинавских организаций устроили в Стокгольме в январе этого года заседание, на котором обсуждался вопрос о солидарности скандинавских рабочих в их отношении к работодателям, но руководители шведской и датской национальных организаций первые нарушили эту солидарность. Это было, особенно в Швеции, настоящим дезертирством почти по всей линии. Подобные факты, а также частые обмены социал-патриотов в парламенте, постепенно в корне изменили взгляд рабочих на классовую борьбу. Что же касается политическую деятельность, то в некоторых кругах слая вера в парламентаризм сменилась совершенно отрицательным к нему отношением. Ко всему, касающемуся политики, рабочие относились вяло и с полным

равнодушием. Массы почти совершенно потеряли веру в соборенные силы.

Однако, в Швеции, как и в других странах, профессиональные организации численно возросли. Каждоюгодно спремались вступили в их ряды все новые и новые массы рабочих. Но это была только внешняя успех. Поводы к неудовлетворенности характером профсоюзов были все время налицо. И по мере того, как разгоралась борьба, эти поводы делались все более и более очевидными для широких кругов членов организации.

Бюрократизм реформистских вождей профсоюзов и их стремление использовать централизацию власти для воспрепятствования борьбе рабочих против понижения заработной платы, имели следствием пребывание со стороны этих последних децентрализации власти внутри профсоюзов, что совсем не совпадает с синдикалистским требованием о децентрализации самой организации. Новым фактом являлось также пребывание немедленного изменения организационных форм согласно производственному принципу, так как принцип построения профсоюзов по ремеслам привел к тому, что когда одна группа рабочих вела борьбу с предпринимателем, приходилось одновременно сражаться и с теми товарищами, которые, благодаря существующему организационному принципу, в лучшем случае держали себя так, как будто бы не имели никакого отношения к борьбе, а в худшем являлись организованными *штрейкбрехерами*. Втабуне уже мерзаво искры стремления перестроить все цеховые организации в единую классовую организацию, охватывающую всю страну. Существует стремление создать организацию в общегосударственном масштабе, разделив на производственные группы и на производственные секции и опирающиеся на существующие повсюду местные центральные профсоюзные объединения, а не на различные профессиональные и цеховые союзы.

Принцип, сковавший свободу движения профессиональных организаций, а именно принцип коллективных договоров с предпринимателями на известный срок, обязывающих для всех рабочих того или иного союза (так называемых государственных договоров), соблюдался до сих пор неукоснительно реформистскими вождями профсоюзов и привела к тому, что у рабочих были связаны руки в то время, когда требовалась свобода действия. Это имело следствием прекращение или прекращение договоров с предпринимателями и о замене их так называемыми свободными договорами или, по крайней мере, о введении тарифной оплаты труда, что придало бы рабочему движению большую свободу.

Вопрос организационного объединения в понимании право-социалистической партии, — в частности которой во время пребывания ее у власти создали условия, обязывающие их теперь быть *штрейкбрехерами*, — и про-

фессиональное движение были предметом больших споров. Профсоюзы примыкали до сих пор к местным организациям правых социалистов, и были для них таким образом хорошими довыми королями в смысле экономическом. Но энергично проведенная кампания, возглавлявшаяся, естественным, революционером из профсоюзов, привела к тому, что подоплека профсоюзов были лишены права вступать, в качестве организационных единиц, в какую-либо партию, и это имело следствием значительное кровопускание среди правых социалистов. Мимоходом надо упомянуть, что коммунистическая партия допускала всегда только индивидуальное присоединение к своей местной организации.

Наконец, и это самое важное, в результате взгляда на то, что экономические организации и экономическая борьба являются жизненным нервом всей классовой борьбы, было выдвинуто на первый план преобразование профсоюзов в революционные организации классовой борьбы.

Шведское профессиональное движение свято следовало до сих пор преданию германского движения, каким последнее было до революции. Деятельность профсоюзов рассматривалась, как палатив в борьбе рабочих, и казалось, что с передачей власти в буржуазном парламенте предшательства рабочих будет завоевано и царство небесное на земле. Втабуне профсоюзных организации вводила только защита интересов своих членов в рамках существующего капиталистического строя. К сожалению, своевременно не было выяснено, как это могло бы происходить в действительности, при сохранении капиталистического права собственности на орудия производства, на капитал и на ведение производственного процесса!

Исходя из того положения, что изменить реформистский характер проф. движения можно только путем организованного выступления, оппозиция уже зимой 1916—1917 г. сделала попытку сойтись в шесте. На паску 1917 г. образовалась так называемая Шведская Профессиональная Оппозиция, которая поставила задачей денонсировать в пределах реформистской Национальной Организации и реформистских профсоюзов для преобразования их в революционном духе. Программы были выработаны и разосланы, но по разным причинам результаты работы были либо ничтожны, либо отсутствовали вовсе. Причины к недовольству были все еще налицо, к 1917—1918 гг. недовольство даже усилилось и вместе с тем расширилось и стремление к реорганизации профессионального движения. Таким образом осенью 1918 г. возникла новая организация, в задачи которой входило также работа внутри реформистских организаций. Это была «Fackliga Propaganda Förbundet», т. е. Союз Профессиональной Пропанды. Но ее почину были созданы главным образом, политические клубы, действующие в различных местных группах

при профсоюзах и примыкающие к коммунистической партии. Но частично к ним присоединились и профсоюзы, так что организация насчитывает теперь около 7.000 членов.

Программа, принятая на съезде в марте этого года, составлена частью применительно к специальным условиям Швеции, но использованы также и революционные уроки, и прежде всего уроки русской революции. Так как эта программа может представлять интерес и для революционных деятелей профсоюзов других стран, то мы приводим ее здесь полностью. Она гласит:

«Принимая во внимание, что профессионально-экономическое движение, являясь освободительной борьбой пролетариата, должно вести борьбу не только в целях улучшения экономического и социального положения рабочего класса в пределах капиталистического строя, а также, что главной своей задачей оно ставит подготовку социалистического перенормата и намерено играть в нем руководящую роль, Союз Профсоюзной Пропаганды будет работать в согласии с программой и политикой коммунистической партии и руководствоваться постановлениями III Интернационала для превращения реформистского профессионального движения в движение революционной классовой борьбы, примкнув к Красному Интернационалу Профсоюзов. В этих целях им будет вестись:

1) Пропаганда по объединению всех членов профсоюзов, стоящих на революционно-социалистической точке зрения, при условии сохранения организационного единства прежнего профессионального движения;

2) Выработка таких уставов для каждого профсоюза, при которых организация стояла бы всегда на социалистически-революционной точке зрения классовой борьбы, с запретом отдельных профсоюзов и секций примыкать коллективно к определенной политической партии;

3) Восстановление и охрана свобод действий профессиональных организаций путем замены государственных договоров, равно как и вообще договоров, связывающих их на продолжительный срок нормами так называемых «общепринятых условий работы»;

4) Ликвидация в профессиональном движении всего, что мешает революционной борьбе профсоюзов, закрывая рабочим глаза на необходимость переустройства современного государства на коммунистических началах;

5) Усиление средств профессиональных организаций в целях увеличения возможности всеобщих забастовок, сочувствия применения обструкции, саботажа, действительного бойкота, системы регистрации и общественной кооперации с целью свержения капитализма;

6) Уничтожение всех цеховых и профессионально-организационных стеснительных порядков и создание национальных организаций согласно ясно очерченному производственному принципу; воссоединение местных

организаций на основах федеративных, но не упуская из виду всеобщего выступления рабочих для социальной борьбы, когда это будет признано необходимым;

7) Агитация в целях обмена всех стеснительных, как в государственных, так и в предприятиях частных лиц, форм, препятствующих солидарным выступлениям рабочих;

8) Разоблачение и опровержение всех идей и попыток проведения социализации при существовании капитализма, модно поддерживающих осуществление коммунистического государственного строя;

9) Борьба за действительный рабочий контроль над промышленностью, земледелием, кредитными учреждениями, путями сообщения и вообще над всей промышленной жизнью, равно как и подготовка к социализации промышленности теми промышленными советами, составленными из работающих в промышленности классов, которые вместе с рабочими являются фундаментом социалистического государственного строя;

10) Для проведения этой программы Союз Пропаганды выражает готовность к совместной работе со всеми теми организациями, экономическими и политическими, которые идут по пути революционной борьбы, на основе коммунистических принципов и признания диктатуры пролетариата, как перехода к коммунизму.

Программа дебатировалась во многих профсоюзах. Состоялись сотни собраний, на которых велся спор о революционизме и реформизме в профессиональном движении. И в профсоюзах росла оппозиция, выступившая за проведение программы. Уже на большом съезде союза рабочих металлообрабатывающей промышленности летом 1919 г. оппозиция составила большинство, которое хотя и было разнородным (оно состояло из левых и правых социалистов, относивших скептически к профессиональному движению и части социализма. Союз Молодежи, по сути, имелось все же к перевороту в революционном духе и провело в правление несколько своих жоаков. В том же году оппозиция добилась влияния в правлении типографских рабочих.

Много способствовало единодушию в борьбе против реформистского обшюиельства, что внутри Коммунистического Союза Молодежи и коммунистической партии созрело ясное сознание истинного значения реорганизации профессионального движения. На съезде союза молодежи в 1914 г. некоторые члены во время дебатов по поводу профессионального движения высказались в том смысле, что работа по радикальной реорганизации движения должна происходить в рамках прежнего движения, а именно в духе социализма, а не синдикализма. Тот же съезд внес в правила союза поправку, согласно которой каждый сочлен обязан принадлежать к своей профессиональной организации, где таковая имеется.

На съезде 1917 г., когда вопрос о профессиональном движении обсуждался всесторонне, была принята следующая резолюция:

«Разъясняя, что внепарламентские массовые действия являются в наши дни необходимым дополнением к парламентской деятельности в классовой борьбе, так как одного парламентаризма недостаточно, чтобы привести рабочий класс к победе, съезд постановляет обратиться к своим соотечественникам с призывом к своему содействию профессиональному движению в духе революционного социализма, тактика и методы борьбы которого должны расширяться все шире и резче, ввиду все растущего могущества и жестикосности капитализма.

«В настоящее время рабочим Швеции необходимо использовать во всем полноте все средства профессиональной борьбы. При этом должны быть прежде всего проведены требования о повышении заработной платы, причем прожиточный минимум не может оставаться тем, каким он был до войны; а также должен быть установлен 8-ми-часовой рабочий день и удовлетворены другие основные требования рабочих. Рабочий класс, кроме того, должен опираться в своих социалистических требованиях на свою профессионально-экономическую силу, так как общественными условиями текущего момента созданы для предьявления их вполне благоприятная почва».

На съезде 1919 г. было наконец постановлено, что «цели союза заключаются, между прочим, в том, «чтобы внести в профессиональное движение революционную тактику, не только в целях защиты повседневных интересов рабочих, но и в целях содействия борьбе за проведение социализма, а именно, за передачу производства в руки трудящихся».

В среде коммунистической партии также было всеми признано, что без преобразования профессиональных организаций никакой революционной деятельности невозможно. Положение коммунистического движения в Швеции несомненно было бы много благоприятнее, если бы работа оппозиции в среде профсоюзов была начата значительно раньше, вместо той односторонней политический работы, которая велась вплоть до 1919 года. Доказательством справедливости этого положения служат пример Норвегии, где наши товарищи еще с 1910—1911 г. г. повели систематическую оппозицию в среде профессиональных союзов, приближенно на тех же организационных началах, на каких ведется теперь эта работа в Швеции. В Норвегии революционеры заняли таким образом не только руководящее положение в право-социалистической партии, но, позднее, и во всей национальной организации. В Швеции же, как известно, оппозиция пришла в виду из партии правых социалистов и образовала новую партию единственного пути, которая была еще для нас открыта, если мы не хотим занять последних позиций в своем стремлении к революционизму. Если бы центр шведских па-

рдондас в области профессиональной, а не политической, но весьма вероятно, что и в Швеции результаты были бы те же, что имели место на право-социалистическом съезде 1917 г. В этом году на съезде коммунистической партии, после продолжительных переговоров ее вождями в Союзе Профессиональной Пролетариата, было принято следующее постановление, которое на будущее время должно было регулировать отношения между обоими организациями на основе, удовлетворяющих принципам коммунизма:

«Пришествию партийный съезд, как знаменательный признак усилившегося сплочения рабочего класса к обострению борьбы, к революционному повороту, все более наступающему в среде профессионального движения, к организации широких рабочих масс, мы констатируем, что, являясь с одной стороны следствием убежденности масс и необходимости сдержания капитализма, он является одновременно и доказательством того, что высшая коммунистическая партия о выработке методов борьбы с капитализмом и о социальной революции приобретает все большее признание.

«Широкое распространение революционных идей в профессиональных организациях является результатом весьма удачно проведенной, благодаря особым условиям и исторически, вращаему среди членов профессиональных организаций, агитации. На первом плане стоит поэтому создание особой организации пролетариата, которая должна вести работу внутри реформистских профессиональных организаций, и выработка специальной революционно-профессиональной программы».

«Съезд вполне присоединяется к Союзу Профсоюзной Пролетариата. Он рассматривает его, как самостоятельную организацию в ходе революционного развития организации, с целью привлечения профессионально организованных рабочих к революционному социалистическому сплочению и революционной борьбе. Для полного выяснения взаимоотношений между партией и союзом, съезду Союзу Пролетариата предлагается:

1) Признать решения III Пленума ЦК ЦИО совместно с программой партии в качестве руководящими для его работы.

2) Создать организационное ядро Союза в коммунистических клубах при каждом профсоюзе и изменить в обязанности каждого клуба присоединиться к соответствующим местной организации партии.

3) Предоставить упомянутой организации право посылать по одному представителю в различные местные клубы, а также в окружные организации и в рабочей комитет партии (делегатское собрание), а также посылать представителей в главное правление Союза Пролетариата; всех с правом участия в решающей голосов.

«Под условием принятия съездом Союз Пролетариата вышеупомянутых пунктов, партийный съезд постановляет: поручить буду-

шму правлению способствовать всемерно деятельности Союза Пропанганды, вменив в безусловную обязанность всем членам партии организовать в каждом профсоюзе коммунистический клуб при содействии местной организации партии или при Союзе Профсоюзной Пропанганды; кроме того, предоставив главному правлению Союза Пропанганды право, при обсуждении в рабочем комитете (делегатском собрании) партии вопросов, близко касающихся фабричного или профессионального движения, делегировать одного члена с правом запроса и решающего голоса».

Понятно, что это оппозиционное движение внутри профессиональных организаций вызвало новые ожесточенные нападки со стороны буржуазной и право-социалистической прессы. Но больше всего оно разозлило реформистских вождей. И от оборонцы бни переходят теперь к нападению. История началась с постановления международного съезда рабочих металлистов в Берне. Поддержка пришла от французских и немецких реформистов, борющихся у себя с приверженцами Москвы. Но на какое бы то ни было упрямство оппозиции реформисты все же не решились и до сих пор. Представители Национальной Организации на одном из своих заседаний в апреле месяце выступили с обвинением Союза Пропанганды в стремлении к расколу (к которому стремятся сами же реформисты) и, кроме того, сделали доклад по поводу постановления, принятого последним съездом, заканчивающийся такими словами:

«Так как делегатское собрание констатировало пеланую и враждебную позицию Союза Профсоюзной Пропанганды по отношению к Национальной Организации, являющейся выразительницей проф. движения, а равно и по обстоятельству, что Союз поставил своей задачей подчинение шведского профдвижения политическим директивам, ссылавшимся в Москве, делегатское собрание считает необходимым энергично потребовать от всех профсоюзов отказа в поддержке его деятельности».

Характерно то, что независимые, так называемые «внереформовцы», с удовольствием голосовали за это постановление.

Вскоре заговорило и представительство консервативного союза коммунальных рабочих, — союз объединяет городских рабочих, — открыто, на своем заседании в мае, объявившего войну в нижеследующем постановлении:

«Теперь с илочностью может быть установлено, что коммунистическая партия является отделением Московского Интернационала и, согласно инструкции последнего, обязана, помимо всего прочего, действовать так, чтобы внутренним руководством принципом каждого профсоюза был большевизм; этот принцип должен повести к мировой революции, которая завоеует власть рабочему классу и сделает возможным провозглашение его диктатуры. На этом основании согласно предписаниям, обуславливающим присоеди-

ние к названному Интернационалу, образована так называемая организационная ячейка — Союз Профсоюзной Пропанганды, задачей коего является организация коммунистических клубов в каждом профсоюзе, дабы таким образом распространять большевистское учение, завоевывая профсоюзы для коммунистической партии и для пропаганды синдикалистских методов борьбы».

«Так как мы вполне солидарны со всем социалистическим профессиональным движением в нашей стране, прибывающим чрез посредство Национальной Организации к Амстердамскому Интернационалу, столь неизвестному Интернационалу Московскому, и так как по своим принципам это социалистическое движение является по существу демократическим и не может согласиться с тем, что социальная революция должна проводиться силой, то наше представительство настоятельно заявляет о следующем:

1. Наш союз принципиально несогласен с коммунистической партией и с Союзом Профсоюзной Пропанганды ни в области политических целей, ни в методах борьбы».

2. Должна вестись сильная агитация и пропаганда против вышеуказанных партий и Союза, как в форме докладов во всех отделах, так и в виде газетных статей или другими тому подобными способами, которые будут выработаны правлением нашего союза».

Решительный бой должен был быть нанесен по расчетам приверженцев Амстердамского Интернационала на большом съезде союза железнодорожников в конце мая. Большая часть членов союза, особенно в северной Швеции, коллективно присоединилась к Союзу Пропанганды. В общем, среди железнодорожников заметно было большее недовольство действиями правления, державшего в своих руках дела всего союза. Поэтому реформисты сочли более выгодным казаться скромными в своих претребованиях. Съезду было предложено принять следующее постановление:

«В виду того, что некоторыми отделами союза были приняты решения о присоединении к Союзу Профсоюзной Пропанганды, съезд Шведского Союза Железнодорожников определенно заявляет, что принадлежность к Союзу Пропанганды, который создан с целью раскола в шведском рабочем движении, несовместимо с членством в союзе железнодорожников или с занятием какой либо должности на службе у этого союза».

«Съезд предлагает правлению союза разъяснить возможно шире всем организациям те отдаленные цели и задачи профессиональных организаций, указав на проводимую Союзом Пропанганды тенденцию к расколу в профсоюзах».

«Съезд придерживается также мнения, что органы союза должны выпустить издания, выражающие вышеуказанные взгляды».

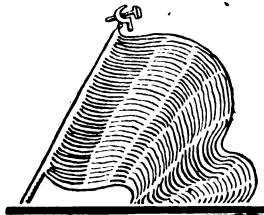
Вокруг доклада поднялись долгие дебаты, и наши товарищи ясно доказали, кто и что

является на самом деле причиной раскола в среде профсоюзов. Несмотря на все проинициативные реформистов, Съезд единогласно постановил запретить отделам присоединяться коллективно к Союзу Пропаганды; члены же союза, объединенные в ячейку или клуб, получили это право.

Такое положение в настоящее время. Приверженцы Амстердама готовятся к Съезду Национальной Организации; вышеуказанные решения являются, по всей вероятности, лишь прелюдией к более серьезной схватке. А между тем безработица усиливается. В конце мая в Швеции насчитывалось около 90.000 безработных и более 100.000 с ограниченными рабочим временем. Вспомоществования, выдававшиеся прежде государством и общинами безработным, прекращены благодаря распоряжениям, сделанным во время пребывания у власти право-социалистического правительства. Кассы профсоюзов начинают пустеть. Все указывает на то, что реформистское движение, вследствие своей тесной связи с капитализмом вместе с ним пошло в тулик, и реформисты и капиталисты одинаково не знают, каким путем из него выбраться. Таким образом, имеется много данных, указывающих на то, что нападение может окончиться чувствительным поражением. Как на многообещающий признак в этом смысле, можно указать на то обстоятельство, что недавно «Союз Лесных и Сельскохозяйственных Рабочих Швеции» высказался за присоединение к основным идеям Красного Интернационала Профсоюзов.

Несомненно, борьба, в которой шведское профессиональное движение может оказаться орудием уничтожения капитализма, будет весьма упорной. Реформисты обладают для этой борьбы целым арсеналом средств, которыми они беззастенчиво пользуются. В распоряжении оппозиции — революционный вера и сознание, что капитализм, а с ним и реформизм, приближается к своему концу. Следовательно, завоевание профессиональных организаций для революционного дела — вопрос только времени. И если Красный Интернационал Профсоюзов на своем Конгрессе сумеет внести гибкость в свои организационные формы, то тем самым он облегчит работу по радикальному преобразованию профессиональных организаций и нанесет смертельный удар наследникам Амстердамского II Интернационала, соединив профессионально организованные массы в единую армию мировой революции. Без завоевания профессиональных организаций для революционной борьбы, за власть советов и диктатуру пролетариата, вряд ли революция может победить. В настоящее время важнейшей задачей коммунистов является работа внутри профессиональных организаций, там, где находятся массы, там, где их доверие может быть завоевано самоотверженной и сознательной работой. В этом направлении и ведет свою работу Союз Профессиональной Пропаганды в Швеции.

Карл ЧИЛБУМ

ГРУЗИЯ ПОД ПЯТОЙ МЕНЬШЕВИКОВ.

Борьба между предательским демократизмом меньшевиков и истинно-революционным пролетарским демократизмом большевиков началась с самого момента зарождения этих двух течений в рабочем движении всей России, в состав которой входила тогда и Грузия. С 1903 года в продолжении всей революции 1905 года и после нее грузинские меньшевики, представлявшие значительную и влиятельную часть всероссийского меньшевизма, все время стремились во что бы то ни стало поскорее выбраться из подполья, сделаться терпимыми даже для самодержавия, и проповедывали полное сотрудничество с либеральной буржуазией («земская кампания», блок с кадетами, органическая законодательная работа в думах — в государственной и в городских, а равно в помещичье-дворянском земстве и т. п.). Находясь с нами в одной партии, они скорее походили на внупренних наших врагов, врагов выдержанной пролетарской линии в социализме и революции, чем на друзей — товарищей, ибо, как показывает вся практика и пресса меньшевиков за последние 17—18 лет, их полемика и агитация против кадетов никогда почти не были так злобны и враждебны, как против нас. И, конечно, никогда явные классовые враги пролетариата — кадеты и черносотенцы — не были так вредны и опасны для революции, как меньшевики вообще, и грузинские в особенности, так как они, в качестве социалистов, выступали в роли друзей рабочих и крестьян и, словно волки в овечьей шкуре, «громили» нас, как анархо-бланкистов, заговорщиков, не марксистов, а утопистов, «романтиков» революции, а не реалистов и пр. и пр. А в стране с громадным процентом крестьянства и мелкой буржуазии, каковой была Грузия и вообще вся Россия, они не могли не иметь больше успеха, чем мы, — «прямолинейные» и «непримиримые» социалисты — большевики, всегда стоявшие на классовой последовательно-революционной точке зрения. Вот почему, и в думский период (1906—1917), и в начале февральско-мартовской революции 1917 г. (до октября), они оказывались везде, даже и в рабоче-крестьянских советах, в большинстве.

Получить наследство царизма они, наряду с кадетами, стремились ценой всего — ценой отказа, конечно, от дальнейшего развития революции (ее углубления), отказа от программы-минимум... Но в целях поддержания доверия к себе и иллюзии о своей социальности и революционности в массах рабочих и крестьян, меньшевики всегда драпировались в ящик «революционных демократов», охраняющих завоевания революции против анархии пролетарской революции,

глашатаями которой будто бы с самого начала были мы — большевики...

И к революции они, конечно, никогда не «готовились». Их вождь Ной Жордания, — теперь вместе со своими сподвижниками, Церетелли, Чхендзе, Гегечкори, Чхенкели, Рамишвили и другими подобными же «героями» путешествующий по Европе, обивающий пороги англо-французских империалистов, даже, по видимому, подготовляющий интервенцию, — с облегчением вздохнул тогда-то, с наступлением столыпинской реакции, и объявил себя ликвидатором революции. Он был противником всякого подполья и нелегальной партии, а во время империалистической войны 1914—1918 г.г. был оборонцем в большей мере, чем покойный Г. В. Плеханов, учеником которого он, не имея на то никакого права, себя считает. Он вместе с другими меньшевиками Грузии прекрасно устраивался не только в Государственных Думах, но и в земских городских думах, и в помещичьем земстве... И всеми средствами, вплоть до провокации и предательства, меньшевики Грузии мешали революционной работе малых групп большевиков, уцелевших от военно-полевой юстиции и карательных экспедиций царских министров-палачей — Столыпина, Гурко, Горемыкина. Они сжигали наши прокламации, даже первомайские, отвергая пребывание 8-часового рабочего дня и демократической республики в России. Они не ждали революции и оказались непоготовленными к ней, когда она разразилась в Петрограде, Москве и в других городах России в февральско-мартовские дни 1917 года.

Но к одному они хорошо подготовились: при всякой ситуации они умели войти в доверие у масс рабочих и крестьян. В течение десяти лет (1907—1917 г.г.) они успели, и устно, и письменно, деморализовать крохотным реформизмом и оппортунизмом саму революционную угодку Царской России — Грузию, ее революционную Вату, ее революционно-крестьянскую Гурию, ее революционный рабочий Тифлис. Конечно, и ситуация — т. е. реакция, а после война, благоприятствовали их изудной работе, наряду с работой агентов реакции и буржуазии, которые так благосклонно всегда к ним относились.

Получив в Тифлисе телеграфное сообщение из Петрограда от своего думского агента Чхендзе о революции, Жордания и К^о, до того палец о палец не ударившие даже нас, а наоборот, и практически, и теоретически мешавшие ей, начали обрабатывать города и деревни Грузии (начиная и всего Кавказа, пока им не пришлось уйти в скорлупу «независимой Грузии»). Все эти блага свободы доста-

скую власть, начав коммунистическую революцию за диктатуру пролетариата.

В Тифлисе и других местностях Грузии (например, в гор. Гори и др.) национальные полки звали к себе не меньшевиков, а большевистских агитаторов и на больших собраниях выносили большевистские резолюции, пребуя окончания войны и объединения с Россией.

Один из таких национальных полков в Тифлисе арестовал на несколько часов самого Чрезвычайного Комиссара, меньшевика Чхенкели, пришедшего к ним агитировать за националистические теории и за подписание солдат им, меньшевикам, как наследникам русского самодержавия на Кавказе вообще и в Грузии в частности.

В Гори же целый полк, в полном вооружении, продемонстрировал по всему городу и разошелся по домам.

Вернувшиеся с разных мест России солдаты-фронтовики внесли в деревню свежую струю большевистской правды о новой Советской власти в России. В местечке Цхинвалах и далее, в Южной Осетии, считающейся частью Грузии, вспыхивали одни восстания за другими. То же было в Душетском уезде — расположенном по Военно-грузинской дороге через Казбек.

Так обстояло дело в Восточной Грузии.

В Западной Грузии народ восставал весь 18 и 19-й год, положительно почти во всех крупных селах, районах и абсолютно во всех уездах Кутаисской губернии. Так было в Имеретии, Сачхерах — Шораланского уезда, Багдашах — Кутаисского уезда, во всей Раче и, особенно, в Личхумском уезде, где революционная власть держалась целых три месяца, — все эти места были объяти пламенем восстания бедных крестьян, под руководством неоднократных рабочих и вооруженных фронтовиков, стремившихся захватить центры, т. е. города, как, например, Кутаис, Поти и др. То же самое было и в Мцхетли: в Сенакском и Зугдидском уездах происходили неоднократные массовые восстания в 18 и 19 годах... И на Черноморском побережье, с гор. Сухумом, т. е. в Абхазии, происходили неоднократно восстания, и некоторое время там держалась Советская власть... Не отстала от других и Аджария, т. е. Батумская область, несмотря на пребывание там турок и германцев, а потом англичан и французов — покровителей меньшевиков.

Дольше всех оставалась верна меньшевикам — когда-то (в дни японско-русской войны и революции 1905 г.) революционная — крестьянская Гурия, — откуда происходят почти все вожди грузинских меньшевиков, с Жордания на главе. Но в конце 1919 г. и в начале 1920 г. и прекрасная Гурия опошла от меньшевиков и восстала.

Так было в Западной Грузии.

Но мы забыли упомянуть еще о многократных выступлениях, имевших место за последние четыре года в разных местах Тифлисской губ. (Восточная Грузия) — Кхетни-

Телавском и Сигнахском уездах, а равно в Тифлисском, Борчалинском, Тонетском уездах Тифлисской губернии.

Словом, нет уголка в Грузии, где бы не вспыхивали восстания за восстаниями, когда массы рабочих и крестьян убеждались в живости меньшевистской политики — не рабочей и не крестьянской, а националистической — буржуазно-помещичьей политики, направленной против рабочих и крестьян. Трудящиеся массы Грузии увидели, какая неприглядная сущность скрывалась под гордым флагом национального самоопределения и национально-культурного возрождения славной древней Грузии, Пламенной Кохаиды, — под знаменем белого Георгия Победоносца.

Отказ от Брест-Литовского договора, разрыв с Россией, «самостоятельные» сношения с империалистами и турецким правительством и подчинение им всей страны — вот что раскрывало глаза рабочим и крестьянам всей Грузии... Буржуазно-помещичий национализм и империализм меньшевиков был разоблачен. Тем более, что меньшевики, на словах отрицавшие гражданскую войну, сами вели ее в союзе с империалистами против «своих» крестьян и рабочих.

Организовав против нас — большевиков — «рабочую», якобы красную гвардию, меньшевики, под влиянием своих хозяев империалистов, скоро переделали ее в «народную», а народа против которого гвардия выступала с тяжелой артиллерией и пулеметами, называл ее дворянской, белой и, тем самым, четко и верно определяла классовый характер борьбы грузинских меньшевиков против восставших революционных крестьян и рабочих.

Гражданская война в Грузии, с конца 1917 года по самый момент установления в ней Советского строя, т. е. до февраля — марта 1921 года, собственно говоря, никогда не прекращалась, в той или иной степени, в тех или иных местах, — разве только за крайние редкими исключениями необходимых коротких передышек. Как во всякой войне, так и здесь, были две стороны: одна — большинство крестьян и часть наиболее сознательных революционных городских рабочих — ввязавшись старым языком — боролась «за землю и волю, за лучшую долю», т. е. за Советскую власть, за объединение с российскими рабочими и крестьянами и через них со всем красным Коммунистическим Интернационалом. Другая сторона — буржуазно-помещичья, руководимая меньшевиками, всему этому противодействовала. Рабоче-крестьянская Грузия, после четырехлетней борьбы, наконец, в февральско-мартовские дни 1921 года достигла своей цели: победила меньшевиков и буржуазно-помещичью клику, утратившую Советскую власть у себя, в полном контакте и дружеском объединении с Р. С. Ф. С. Р. и Коминтерном.

В этот последний период, непосредственно предшествовавший перевороту в Грузии, меньшевики окончательно обанкро-

тились и в экономической области, и в политической. Народ особенно почтывал это после установления советского строя в Азербейджане и Армении в 1920 г.

И вот народ восстал в февральско-мартовские дни 1921 г., поднялся всюду, во всех концах Грузии: и у границ Армении, и со спорными Азербейджаном, и у пределов Северного Кавказа. На севере восстание шло в двух направлениях: с Кавказа — в Восточной Грузии (Гифалисская губерния) восстали горцы-грузины, — а со стороны Мамисонского перевала (Кушанская губерния) восстали Рача и Лечхумский уезд... Восстали Мингрелия, Абхазия, Аджария и даже Гурия. Вся страна покрылась ревкомками, и везде восстанием руководил Центральный Ревком Грузии, т. е., по существу, Коммунистическая Партия Грузии с Н. К. во главе. Там, где царили некогда недолгая война в течение шестидесяти лет, Красная Армия, призванная восставшими рабочими и крестьянами Грузии, оказалась победительницей в течение нескольких дней. Она входила в города и села без единого выстрела, за крайние редкими исключениями, как, например, в двух-трех местах, где отчаянные головорезы из грузинских князьков-помещиков, в равно кулаков-спекулянтов, связавших свою судьбу с судьбой грузинского меньшевизма, дрались с яростью в течение нескольких часов, хотя судьба их была предопределена заранее.

Да, Грузия стала советской, благодаря полнейшему банкротству экономической политики меньшевиков, благодаря их обману и измене интересам рабочих и крестьян, у которых, наконец, раскрылись глаза, конечно, под влиянием никогда не прекращавшейся пропаганды и агитации со стороны негалавной организации ячеек Компартии Грузии, так тесно исторически связанной с Р. К. П. Утверждение о «завоевании Грузии русской большевистской армией» противоречит всем фактам недавнего прошлого и признанию самих меньшевиков, сделанному за несколько недель до переворота.

Вот факты: Советская Россия сама охотно заключала договор с Грузией, как и с другими прибалтийскими государствами: Эстонией, Латвией и др., и совсем не в ее интересах было бы спешиться к оккупации новых областей, когда она так решительно обращалась к хозяйственному фронту и много раз доказывала свои миролюбивые намерения всем соседям, занятая гигантской работой по упрочению хозяйственного фронта, по переустройству страны, по созданию мирных отношений с Западом, откуда она могла получить необходимые ей товары.

Вот почему она послала миссию в Грузию не столько с политической целью, сколько с экономической, в целях урегулирования взаимоотношений и, в первую очередь, для установления обмена с Грузией и через нее, т. е. через Черное море, и с Востоком и с Западом.

Еще за несколько недель до катастрофы, постигшей грузинских меньшевиков, сам быв-

ший глава бывшего меньшевистского правительства Грузии — г. Ной Жордания — предвидел неизбежность переворота, о чем черным по белому писалось в меньшевистских и буржуазных газетах: «Торба», «Эршоба», «Гурия», «Сао» и др. Ишак, не может быть сомнения в том, что Красная Армия, находившаяся в пограничных с Грузией местах и призванная восставшими грузинскими рабочими и крестьянами, являлась не завоевательницей, а освободительницей: она была, главным образом, морально-политической опорой и вдохновительницей восставших рабочих и крестьян Грузии в февральско-мартовские дни текущего года. Она дала им уверенность, что именно теперь, после 4-летней борьбы, стоившей покою крови, их последнее выступление не окажется тщетным и закончится победой, т. е. установлением советского строя в Грузии и объединением ее с Россией и со всеми другими советскими республиками. Заподозрив Советскую Россию в стремлении к завоеванию или к оккупации могут только благовардаиские идеологи буржуазии, ведущей борьбу не на живот, а на смерть с нами — коммунистами.

Нарпосо поэтому господ Чхеидзе, Церепелели, Жордания и К^о, разезжая по Западной Европе и обивая пороги у Пилсудского и других лакеев Мишверана и Ллойд Джорджа, — сплывутся извращенные исторические факты и докажут, что они якобы создали идеальное демократическое царство, рай земной, где побывали даже их учителя, герои II Железного Интернационала, во главе с Каутским, Ренделем, мистрис Сноуден и др. Беда Жордания в ноябре и декабре 1920 г., накануне переворота в Грузии, сам в своих документах ставил все точки над «и» и создавался, что капитализм уже наступил, что выхода нет, если не будет изобретен какой-нибудь жизненный элексир или найден философский камень: тут ему мерещилось нечто вроде возврата к до-военному капитализму, или создания какого-то нового демократического капитализма...

Но ахания и аспрология отжили свое время. Грузинские меньшевики сами обрекли себя на гибель своей предадельской политикой по отношению к грузинским рабочим и крестьянам и к Советской России. Поэтому они и погибли так позорно!

Они не позаботились установить честные и искренние отношения к Советской России, миссия которой у них пребывала до последних дней переворота. Они вели самую изуверскую политику, обратив город Гифанс в гнездо благовардаисцев и контр-революционеров, враждебных Советской России... Они всеми силами спешили экономическую политику Советской России, и как подлые прагматичны политики, не исполняя ни одного из важных пунктов договора /— 12 мая 1920 года, заключенного с Советской Россией.

Они ограбили свою страну, вывезли опустошенную французскими пароходами все ценное, что еще оставалось в несчастной стране

после четырёхлетней вакханалии германопурецких и антантовских империалистов, объединённых с меньшевиками. Они вывезли даже: весь хинин, какой только имелся, особенно знаа, что отсутствие хинина в стране, где свирепствует малярия, обрекает несчастных крестьян и рабочих на неизбежные муки и страдания, на вырождение... Они вывезли всё золото из складов, кладовых частных и общегосударственных, все бриллианты и ценности из церквей и монастырей, — вывезли остатки хлеба, сахара, мануфактуры, словом, всё, что удалось захватить в своем «героическом бегстве из Тифлиса в Батум под благодетельную сень французских миноносцев. Рамишвили и Жордания, Гегечкори и Чхеидзе с награбленными богатствами грузинского народа, на французских пароходах и под охраною французских миноносцев, уехали в Константинополь, а оттуда в Западную Европу, чтобы вместе с другими все-российскими белогвардейцами и контр-революционерами, под руководством французских и иных империалистов, вести интервенционистскую агитацию, подготавливая новые войны против Советских Республик.

Грузинский народ провожал их проклятиями. В Батуме их оставила даже собственная их малярийная армия, ибо она ещё в Тифлисе состояла из 30.000 солдат, а по дороге к Батуму она все таяла и дошла туда в количестве не более 3.500; на каждом шагу целые полки переходили на сторону восставших или разбегались по домам. И вот из этих по трех тысяч пятьсот человек, на предложение г.г. Жордания, Гегечкори, Чхеидзе и К^о ехать с ними в Западную Европу, за что им обеспечивали на 5 лет жалованье и обмундирование, ответили согласием только 20 человек, не более и не менее!.. Остальные же вступили в борьбу на улицах Батума с кемалистами, вероломно всденными в город меньшевиками, очистили город от них, освободили из плена большевиков, избрав из них первый Ревком Батума и тем самым объявили Советскую власть ещё до приближения Красной Армии к Батуму.

Несмотря на многократно объявляющуюся Центральным Ревкомом Грузии полную амнистию всем политическим противникам за прошлое, гавари меньшевиков, так подло и позорно кончившие свою политическую карьеру, не решились остаться в стране,

боясь, очевидно, что гнев народа не пощадит их, несмотря на покровительство большевистских дестров... И они бежали с награбленным последним достоянием того самого народа, которому они столько лет качались в своей преданности и любви и который так подло обманывали.

А теперь с награбленным имуществом рабочих и крестьян Грузии они наслаждаются жизнью в Константинополе, Берлине, Риме, Париже, Лондоне, Брюсселе, Варшаве и др. центрах пребывания российских белогвардейцев, подобно им, занимаются интригами, мечтают об интервенции, даже выпускают «воззвания к пролетариям и рабочим организациям всего мира», а с заднего крыльца предлагают свои левейские услуги Ллойд Джорджу, Керзону, Миллерану, Бриану и др. империалистам, чтобы вместе с ними ковать новые козни против Советских Республик.

Но тщетны их надежды, напрасны их усилия... Рабоче-крестьянская Грузия, омывая кровью четырёхлетней кровавой гражданской войны со всеми обменщиками-меньшевиками Грузии и их покровителями, западно-европейскими разбойниками империалистами, никогда не вернется под их крылышко... И название «Бывшего Социалистического Правительствa Грузии», которое красуется под изданным Жордания и К^о воззванием в Лондоне, не спасет их от приговора истории, как не спасли подобные же уловки Керенского, Милюкова и кн. Львова в конце 1917 г.

А что делает Советская власть в Грузии? — с злорадством спрашивают меньшевики. Не легко, конечно, возродить ограбленную и разгромленную страну. Народ это прекрасно понимает и чувствует; он терпеливо пережидает неизносимые муки, убедившись на опыте, что «блага» буржуазной демократии сулят ему неизбежное рабство, подобное тому, под игом которого изнывала Индия.

Медленно, но неуклонно идет Советская Грузия по пути экономического возрождения, под твердым руководством Коммунистической Партии Грузии, входящей в мировую семью всех прудаящихся, сплотившуюся под красным знаменем Коммунистического Интернационала.

Миха ЦХАКАЯ.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПОСЛЕ III КОНГРЕССА.

После III Конгресса Коминтерна, Исполком имел 3 заседания, в Малое Бюро Исполкома (Президиум Исполкома)—11 заседаний. На первых заседаниях Исполком вынес важные постановления по проведению в жизнь решений конгресса и по реорганизации Исполкома. В то же время был вынесен целый ряд политических решений, имеющих большое значение для коммунистического движения.

Общие организационные вопросы.

На первом заседании Исполкома избрано Малое Бюро в составе следующих товарищей: Зиновьев, как выбранный Конгрессом председатель, Бухарин, Дженнори, Геккерт, Радек, Бела Кун и Суварин.

Секретарями избраны: Эмбер-Дроз, Кусинен и Ракоши.

Исполком избрал находящуюся на Западе Международную Контрольную Комиссию. Председательница этой комиссии: Кларис Цепкина. Члены: Кенеп (Германия), Сирола (Финляндия), Валацкий (Польша), Ворганд (Италия), Фриис (Норвегия), Вальян-Кутюрбе (Франция).

Международный Женский Секретариат избран в составе следующих товарищей: Цепкина, Коллонтай, Каспарова, Коляяр (Франция) и Герта Штурм (Германия).

Исполком постановил издавать «Международную Корреспонденцию для прессы», которая в начале будет выходить два раза в неделю на немецком, английском и французском языках. «Корреспонденция» будет иметь пока чисто информационный характер. Цель ее: информация коммунистической печати о политическом, профессиональном и кооперативном движении в разных странах, освещение общих политических вопросов и укрепление международной связи между партиями.

Для информации о работе ИККИ будут выходить два раза в месяц официальные бюллетени Исполкома, содержащие исключительно официальные документы. Журнал «Коммунистический Интернационал» будет заниматься освещением основных вопросов коммунистической теории и текущей политики.

Исполком, по соглашению с Главным Секретариатом Профинтерна, урегулировал, согласно постановлениям конгресса, взаимоотношения Коминтерна и Профинтерна.

Исполком Коминтерна будет представлять тремя членами на заседаниях Профинтерна, так же как и Профинтерн в Исполкоме Коминтерна.

В заседании от 26-го августа Малое Бюро постановило переименоваться в Президиум ИККИ.

Общие политические вопросы.

Исполком занимался подробнее всего тремя вопросами большой важности и крупного международного значения: вопросом о сближении между II и III/2 Интернационалами, Вашингтонской Конференцией и делом помощи голодающим Советской России.

По вопросу о сближении между II и III/2 Интернационалами Исполком обратился с воззванием к трудящимся всего мира, указывая, что единство рабочего класса не состоит в соглашении вождей, а может быть создано только путем революционных действий.

По вопросу об империалистской Вашингтонской Конференции, созванной для совещания о разоружении и для разрешения вопросов, связанных с господством на Тихом океане, Исполком принял опубликованные уже тезисы, как руководство для коммунистических партий. Он назначил особую комиссию, которая должна подготовить и созвать конференцию дальневосточных народов и коммунистических партий одновременно с конференцией Вашингтонских империалистов. Эта конференция будет первым политическим съездом трудящихся Дальнего Востока; ее значение будет не меньше, чем значение Вавинского Конгресса Народов Востока в прошлом году.

Конференция состоится в ноябре месяце и будет заниматься теми же вопросами, что и Вашингтонская Конференция. Намечено также издание сборника, посвященного вопросам Дальнего Востока.

По вопросу о помощи голодающим Советской России, Коминтерн вместе с Профинтерном выпустил при воззвании и принял целый ряд организационных мер: для организации агитации и пропаганды, для учета поступающих денежных сумм, для создания центрального органа в каждой стране, а также для привлечения кооперативов к делу помощи Исполкомом были даны особые инструкции. Для облегчения пропаганды, в Берлине создан международный центр, который по вопросу о помощи голодающим будет издавать специальную «корреспонденцию» для прессы. Этот орган будет снабжать 450 газет пропагандистским материалом. Через посредство этого органа происходил такой же разговор с Амстердамским Интернационалом Профсоюзов по вопросу о привлечении его к делу помощи.

Исполком призвал рабочих всего мира к отчислению однодневного заработка в пользу голодающих русских трудящихся, а также к тому, чтобы помочь рабочим организовывалась отделись от буржуазных правительств и от организации Крестно-Креста.

Исполком в особом воззвании обратил внимание рабочего класса Европы на опасность «голодного наступления» буржуазии, разоблачая скрывающиеся за буржуазной помощью контр-революционные намерения (о своей деятельности по вопросу о помощи голодающим Исполком выпускает отдельный отчет).

Деятельность Исполкома по вопросам, касающимся отдельных стран.

Со времени Конгресса Исполкому и Мадлому Бюро пришлось заниматься политическими и организационными вопросами почти по каждой секции. В данном отчете будут отмечены только самые важные из секций.

Германия.

В О. К. П. Г. главной проблемой было окончательное улажение ликвидированного на III конгрессе конфликта и определение новой политической линии. Исполком обратился с подробным и обстоятельным письмом к съезду Германской партии, указывая на необходимость расширения и углубления влияния партии на массы. На основании тщательного анализа политического положения, Исполком указал О. К. П. Г. на имеющиеся в дороговизне и новых германских налоговых законах тактические возможности, которые открывают широкий путь для приближения к массам и для пробуждения в них революционного духа. Исполком высказался против все еще проявляющихся в партии левых болезней левизны, весьма напоминающих отщепенство.

По делу К. Р. П. Г. Исполком, согласно постановлению III Конгресса, обратился с воззванием к членам этой партии, указывая ей еще раз на необходимость отказаться от политического сектанства и объединиться с массовой коммунистической партией германского рабочего класса, с О. К. П. Г. С этого времени, однако, эта маленькая партия еще более отделилась от марксистского коммунизма, и сектанство продолжало толкать ее все дальше и дальше в сторону контр-революции. Принимая во внимание эту новейшую стадию в развитии партии, Коминтерн формулировал свою точку зрения в следующем постановлении: «После окончания работ III Всемирного Конгресса Коминтерна, К. Р. П. Г. издала несколько официальных брошюр, в том числе брошюры Германа Гортера. Кроме того, она в своем органе «Коммунистическая Рабочая Газета» опубликовала ряд официальных статей, которые заставляют Исполком Коминтерна дополнить постановление III Всемирного Конгресса. В этих брошюрах и статьях вожди К. Р. П. Г. стали на контр-

революционную точку зрения, не только приблизившись к г.г. Ауфенбергу, Рюде и проч., исключенным из той же К. Р. П. Г., но даже превзойдя упомянутых литераторов в реакционности и дойдя до клеветнических нападок, в духе Дитмана.

III Мировой Конгресс ультивативно потребовал от К. Р. П. Г. объединения с О. К. П. Г. и подчинения Международной пролетарской дисциплине. Принимая во внимание эти новые факты, Исполком Коминтерна считает себя вынужденным дополнить эти условия. Исполком прерывает всякие сношения с теперешними руководителями К. Р. П. Г., с Гортером, Шредером и проч., отказывается повелевать своего представителя на созываемый 12-го октября съезд К. Р. П. Г. и считает всякое объединение с К. Р. П. Г. невозможным до тех пор, пока эта партия не выскажется открыто против контр-революционных идей, содержащихся в вышеупомянутых статьях и брошюрах.

Исполком Коминтерна убежден в том, что последнее выступление партийных вождей откроет глаза всем истинно революционным рабочим, которые остаются еще в рядах К. Р. П. Г. и заставит их окончательно порвать с этими предателями международно-пролетарской революции».

Англия.

5-го сентября в Кардифе открылся съезд Конгресса Профсоюзов Англии. В Англии после заключения перемирия не было еще столь значительного собрания представителей рабочих, как то, что имеет место теперь в Кардифе. Съезд собрался в исключительных условиях. В стране свирепствует небывалая безработица, которая увеличивается с каждым днем, выбрасывая на улицу все новые и новые десятки тысяч рабочих. Буржуазия всюду сокращает заработную плату, и рабочие даже в оборонительной борьбе терпят поражение за поражением. Сейчас пролетариат оказывается совершенно беспомощным перед всеобщим натиском буржуазии. Естественно, что в такое тяжелое время взоры всего пролетариата обращены на рабочие организации, от которых он ждет инициативы и боевого руководства.

До сих пор руководящие органы пролетариата, Всеобщая Федерация Трех-юнионов, Тройственный Союз, Рабочая Партия, Конгресс Профсоюзов, не были органами, объединяющими пролетариат для активных совместных выступлений. Рабочие выступали разрозненными, хотя и многочисленными группами, выступали в разное время и без всякой поддержки со стороны остального организованного в профсоюзы пролетариата, и буржуазия разбивала их порознь.

Все эти организации, носящие громкие названия, оказались совершенно не способными руководить пролетариатом в современной классовой борьбе. Как старые развалины, вступившие в борьбу с новейшим бро-

неносцем, они погибали одна за другой, не принимая ни малейшего вреда своему противнику. Так погиб Трансштеттский Союз, в Алабамонтская Всеобщая Федерация Тред-юнионов доживет свои последние дни. Что касается Рабочей Партии, то ничего, кроме вреда, она рабочему классу за последние годы не принесла. Она оказалась на высоте своего «призвания», когда речь шла о помощи буржуазии в ее грабительской войне против другой грабительской буржуазии, но она очутилась в самом хвосте той-же буржуазии, когда рабочие вступили в открытую, непосредственную борьбу со своими эксплуататорами. Достаточно проследить поведение Рабочей Партии в парламенте во время угольной забастовки в начале этого года, чтобы убедиться, насколько мы правы, говоря, что эта партия принесла пользу только буржуазии, а не пролетариату.

Что касается Конгресса Профсоюзов, то от сих пор эта организация, или скорее этот конгломерат организаций, совершенно не являлась объединяющей и руководящей организацией английского пролетариата. Конгресс собирался ежегодно, принимал груз резолюций, которые ни одну из организаций, представляемых в нем, равно ни к чему не обязывали и поэтому оставались только на бумаге. Во время борьбы железнодорожников и углекопов он не подавал признаков жизни, а теперь, когда буржуазия обрушилась всей своей тяжестью на рабочий класс, всюду сокращая его заработную плату, он оказывается совершенно неспособным защитить его.

Таким образом, несмотря на то, что в миа рабочих организаций в профсоюзы, английский пролетариат, как класс, совершенно не организован, совершенно лишен классовой организации, которая бы хотела и могла руководить этой самой многочисленной в мире армией пролетариата в борьбе с ее не только за окончательное уничтожение капиталистического строя, но даже за скудную заработную плату.

Независимо от съезда Конгресса Профсоюзов, Исполком Коминтерна обратился к английским рабочим с манифестом, объясняя причины их постоянных поражений, приведших их теперь к такому опшачному положению. Манифест исходил из того положения, что в Англии, в сущности, нет объединения рабочего движения, нет движения пролетариата в целом, а есть лишь движение отдельных групп рабочих, железнодорожников, углекопов, механиков, текстильщиков. Выступление той или иной группы рабочих не спланируется немедленно же критическим вопросом для всего пролетариата, требующим разрешения со стороны его руководящих органов. Манифест указывал на то обстоятельство, что от сих пор в Англии и не было такого постоянного руководящего, объединяющего и направляющего органа борьбы всего рабочего класса. Манифест не только критикует существующее фиктивное объединение

пролетариата, но дает также конструктивную программу, которая в данных условиях и при данном общем положении одна только способна вывести английский пролетариат из состояния того организационного хаоса, в котором он продолжал пребывать до сих пор. Манифест призывает рабочих к песному объединению, начиная от фабрично-заводских комитетов, местных Рабочих Советов (которые сейчас децентрализованы и потому совершенно бесполезны) и кончая генеральным штабом пруда. Манифест, далее, предостерегает английский пролетариат от увлечения организациями, носящими громкие названия и на деле поддерживающими и углубляющими старый хаос и децентрализм в рабочем движении.

Манифест в то-же время дает коммунистической партии Англии руководящую линию для ее ближайшей работы, которая должна заключаться в том, чтобы помочь пролетариату выйти из состояния дезорганизированности и хаоса и сплотиться в единую, мощную, действительную армию. В этой работе партии придется связаться с самыми широкими массами. Объединение английского пролетариата по всему фронту — вот ближайшая и самая насущная задача, на которую партия должна направить всю свою энергию. Это поможет ей выбраться, наконец, на широкую дорогу массовой партии.

Франция.

Коммунистическая Партия Франции представляет собою в настоящее время одну из самых важных секций Коминтерна. На III Всемирном Конгрессе эта партия была представлена 11-тью делегатами, которых прислали приверженцы двух течений внутри партии, в настоящее время уже объединенных. Французская делегация проявила полное единодушие по всем существенным вопросам, предложенным на обсуждение Конгресса. После Конгресса Исполкому пришлось принять несколько решений по делам Французской партии. Все эти решения приняты в полном согласии с представлениями партии. Никаких конфликтов, о которых пророчили лонгешисты, не произошло.

Исполком вынес постановление, согласно которому французский «Комитет III-го Интернационала» должен быть распущен в трехмесячный срок после Всемирного Конгресса. Известно, что этот Комитет был до сих пор органом, представляющим левую фракцию французской партии, ту фракцию, которая во время войны называлась «Центральной группой» и которая потом приняла название коммунистической фракции. Группа эта боролась неутомимо против социал-революции, вроде Редюдея, и прочих оппортунистических шина Лонге и, наконец, в декабре прошлого года на Турском Конгрессе завоевала подавляющее большинство в партии. После присоединения партии к III Интернационалу и после раскола, освободившего партию от ее

реакционных элементов, дальнейшее существование Комитета III Интернационала потеряло всякий смысл. До III Конгресса Комитет существовал, как орган внутреннего контроля, но после того, как французская партия приняла официальное участие в III Конгрессе, она не нуждается уже в контрольном органе, так как ее, подобно всем другим партиям, контролирует Исполком. Поэтому Исполком, по соглашению с товарищами Суваринным, Вальян-Кутюрбе и Лорю, представителями Комитета III Интернационала, и со всей остальной французской делегацией, заявила, что Комитет распускается; органы Комитета — «Коммунистический Бюллетень» и «Коммунистическая Библиотека» — будут переданы партии. Исполком предложил французской партии усилить контроль над печатью и запретить своим членам сотрудничество в газетах, не находящихся под контролем партии. Это постановление вызвано установившимся во Франции среди членов партии обыкновением помещать свои статьи в таких органах печати, которые принимают эти статьи только для того, чтобы поднять свой престиж и затем использовать его против коммунизма. Преобразование Социалистической Партии Франции в коммунистическую партию неизбежно должно привести к глубокому преобразованию в методах ее работы. Находящиеся в Москве французские товарищи согласились с Исполкомом в том, что необходимо осудить прежнюю практику и ввести более строгую дисциплину в среде французских коммунистов.

Исполком принял также резолюцию, окончательно ликвидирующую инцидент с Лафоном. Известно, что этот товарищ, депутат французского парламента, был в прошлом году выслан из России; эта мера была вызвана двусмысленным поведением Лафона, который проездом в Россию побывал в Польше и посетил там представителей Польской Социалистической Партии, с которыми он был в дружеских отношениях. Исполком находит, что поведение Лафона в прошлом году отражало лишь внутренние противоречия, характеризующие старую французскую партию, что поэтому тов. Лафон, который со времени Турского конгресса вел себя, как верный и дисциплинированный коммунист, должен в будущем считаться полноправным членом партии. Исполком поэтому обратился к Советскому правительству с просьбой об аннулировании постановления о высылке Лафона и объявил инцидент исчерпанным.

Италия.

Положение внутри Итальянской Социалистической Партии также привлекло к себе особенное внимание Исполкома. Коминтерн ни на минуту не отказывался от привлечения на свою сторону тех рабочих масс, которые после Ливорнского конгресса остались в Социалистической Партии Италии,

вследствие двусмысленного поведения партии, постановившей апеллировать к III Конгрессу против исключения ее из Коминтерна. III Конгресс ответил представителям партии подтверждением резолюции II Конгресса и преобразованием изгнания реформистов, ставя это изгнание предварительным условием принятия в Коминтерн. Итальянская делегация обязавшись сделать все возможное для того, чтобы партия подчинилась постановлениям конгресса. Со времени своего возвращения в Италию, итальянская делегация старается выполнить свое обещание. Но Серрати, руководивший всем ходом Ливорнского Конгресса, опять маневрирует против Коминтерна. Ввиду предсказанного в октябре в Милане конгресса партии, он добился от Центрального Комитета, чтобы вопрос о присоединении к Коминтерну не ставился на обсуждение в начале конгресса, как один из главных вопросов, а был поставлен в конце порядка дня конгресса, как вопрос второстепенный. Исполком обратился к итальянскому пролетариату с воззванием, указывающим на опасность со стороны реформистов и протестующим против двусмысленной политики Серрати. Серрати использовал это воззвание, по своему обыкновению, против Коминтерна и против вернувшейся из России делегации. Исполком не позволил втянуть себя в бесплодную полемичку с Серрати. Чтобы положить конец его демагогической кампании, Исполком послал телеграмму, точно определяющую его точку зрения в итальянском вопросе и напоминающую, что III конгресс ставил единственным условием приема — исключение реформистов. Если фракция максималистов выполнит это условие, то главное препятствие к приему Социалистической Партии Италии будет устранено. С другой стороны, Исполком отправил в Италию своего представителя для ведения переговоров о приеме С. П. И. в Коминтерн. Этот представитель будет стремиться привлечь внимание рабочих к вопросу о присоединении, так, чтобы этот вопрос был господствующим во всех прениях и в работах конгресса. Исполком следит с живейшим вниманием за развитием этого кризиса, будучи готов к вмешательству, в духе постановлений III Конгресса.

Чехо-Словакия.

Исполком предложил Коммунистической Партии Чехо-Словакии и пока еще организационно самостоятельной Немецкой Коммунистической Партии созвать до первого ноября объединенный конгресс и выбрать почетную комиссию для подготовки конгресса и в особенности для разрешения волнующих в связи со сложными национальными условиями сложных организационных вопросов, а также и для руководства процессом объединения и совместной работой. Выборы этой комиссии состоялись немедленно же. В комиссии представлены чеш-

ские, немецкие, венгерские, польские и мало-российские коммунисты Чехо-Словакии, по одному от каждой национальной группы.

Австрия.

Исполком и Малое Бюро занимались на нескольких заседаниях вопросом оздоровления австрийской партии. Конфликт, возникший в партии, как отзвук мартовских событий в Германии, был ликвидирован. Этот конфликт возник вследствие того, что редакция центрального органа партии, вопреки постановлению Ц. К., заявила о своей солидарности с направлением Лери. Так как редакция партийного органа в настоящее время заявила, что она стоит на точке зрения резолюции, принятой Конгрессом по вопросу о мартовских событиях, то конфликт ликвидирован.

Венгрия.

В загнанной в подполье и в эмиграцию Коммунистической Партии Венгрии, одновременно с ожиданием рабочего движения в самой стране, появились некоторые разногласия по организационным и тактическим вопросам, рассмотрим некоторые из них. Возникла эпита одной фракции весьма напоминала ликвидаторство, а у другой обнаруживался признаки революционной перешлифованности. Исполком назначил временно, до созыва партийной конференции, которая должна состояться при первой возможности, новья Ц. К., поставив перед ним задачи централизации коммунистических ячеек в Венгрии и организации эмигрантов. Комиссия, по согласию с обеими фракциями, наметила также тактическую линию для работы в Венгрии. Кроме того, Исполком постановил прекратить выпуск издаваемого К. П. В. на немецком языке журнала «Коммунизм».

Бельгия.

За несколько недель до III Конгресса оппозиция Бельгийской Рабочей Партии во главе с Жакмотом и Массаром после долгих колебаний отделилась от партии Вандерваде и образовала в Бельгии вторую коммунистическую партию такой же приблизительно численности, как и малейшая партия, руководимая Ван-Оверстратеном. Исполком принял временно эту вторую партию в Коминтерн, но предложил двум бельгийским партиям сдаться в двухмесячный срок со дня окончания III конгресса. Переговоры должен руководить представлявший Исполкома. Объединительный конгресс должен быть созван в течение сентября.

Испания.

Здесь создавалось положение, подобное бельгийскому, вследствие раскола, который отколол от Испанской реформистской партии больше трех тысяч рабочих и объединил их в Коммунистическую Рабочую Партию. Этот раскол привел к образованию второй

коммунистической партии в Испании, где уже существовала одна партия. Исполком принял временно Коммунистическую Рабочую Партию с совещательным голосом, но так же, как и в Бельгии, предложил обеим партиям объединиться. Объединительная комиссия, во главе которой находится председатель Исполкома, должна созвать конгресс в течение сентября.

Швейцария.

На конгрессе, состоявшемся в декабре прошлого года, левое крыло социал-демократической партии откололось и образовало К. П. Ш. Но правое крыло получило большинство только благодаря маневру Гримма, который поставил на голосование резолюцию о присоединении к Коминтерну при условии пересмотра 21 условия. Венская конференция была якобы только коллективной попыткой пересмотреть 21 условие и, если возможно, присоединиться к Коминтерну. Получив таким образом большинство на конгрессе партии, Центральный Комитет Партии заключил союз с венскими центристскими партиями, повел открытую борьбу против коммунизма, исключив оставшихся в партии спорников Коминтерна, и определенно стал на сторону русских меньшевиков против русской революции. Однако, рабочие, обманутые Бернской резолюцией, недовольные этой контр-революционной политикой, и в настоящее время, накануне Люцернского конгресса, который должен подтверждать присоединение социал-демократической партии к Венскому Интернационалу, образовалось новое левое крыло, которое проповедует присоединение к Вене и претребует присоединения к Москве. Для поддержки этой оппозиции Исполком обратился с воззванием к революционным рабочим социал-демократической партии, приветствуя их стремление разоблачить обмен Бернского конгресса и призывая их к объединению с Коммунистической Партией Швейцарии.

Финляндия.

В Коммунистической Партии Финляндии в течение последних двух лет обнаружилось тактические разногласия. Стремление к ликвидации этих разногласий встретило поддержку со стороны Президиума Коминтерна. Разногласия эти были отчасти выражены внутренними течением в развитии партии, которые хотели пойти путем от первоначальной точки зрения ультра-радикального коммунизма — через переходные уклонения как направо, так и налево — к революционному марксизму. С другой стороны, возникли разногласия об отношении партийного центра к той анархической оппозиции, которая в прошлом году развивалась в рядах финских революционных эмигрантов в России и привела к убийству нескольких руководящих партийных поверенцев.

Президиум Коминтерна через своего председателя тов. Зиновьева еще до III Конгресса фактически руководил Ц. К. К. П. Ф., и разными организационными мероприятиями подготавливал консолидацию партии. После конгресса Президиум представлен в Ц. К. К. П. Ф. тов. Радекю. Теперь есть основание надеяться, что общая подготовительная работа Коминтерна и руководящих финских товарищей приведет на ближайшем съезде К. П. Ф. к прочному объединению всех коммунистических сил Финляндии. Это видно уже из того, что тезисы к партийному съезду по всем важнейшим вопросам выработаны в полном единодушии обоими направлениями.

Южная Америка.

После переговоров с делегатами Коммунистической Партии Аргентины и рассмотрения всех данных о борьбе этой партии, Исполком принял ее в Коминтерн и предложил ей создать пропагандистский центр для поддержки и развития движения во всей Южной Америке. Эта, самая молодая из принятых в Коминтерн коммунистических партий, отделилась от социал-демократической партии еще в 1918 году. Она тогда приняла название «Интернациональная Социалистическая Партия». Под этим названием она вела энергичную агитацию сначала против войны и социал-патриотов, а потом за русскую революцию и против реформизма. Партия имеет ежедневную газету в Буэнос-Айресе и насчитывает 5 тысяч членов. Партия приняла постановление о присоединении к Коминтерну еще в мае 1919 года и носит название Коммунистической Партии с декабря 1920 года. Благодаря ее пропаганде, социалистические партии Уругвая и Чили тоже постановили присоединиться к Коминтерну. Мы решили воспользоваться возвращением аргентинского делегата на родину, чтобы завязать сношения с этими двумя партиями и предложить им представить все данные, относящиеся к их деятельности.

Австралия.

В виду того, что между существующими в Австралии двумя коммунистическими пар-

тиями нет принципиальных, программных или тактических разногласий, Исполком предложил им объединиться не позже конца января 1922 года. Объединение должно быть проведено на общей конференции обеих партий. Представительство австралийских коммунистов в Исполкоме до создания единой партии отменяется.

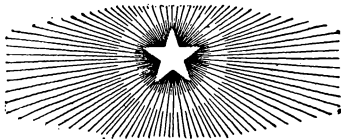
Ближний Восток.

Исполком назначил особую комиссию для реорганизации Турецкой Коммунистической Партии и для перерегистрации ее членов. Относительно Персии Исполком заявил, что он признает польку Иранскую Коммунистическую партию.

Еврейское рабочее движение.

Коммунистические элементы Всемирного Союза Еврейских Рабочих «Поалей-Цион» исключили недавно из своей среды центристские и социал-предательские элементы. Коммунистический «Поалей-Цион» обратился с просьбой о приеме в Коминтерн. Исполком постановил условием приема, чтобы Всемирный Союз Еврейских Рабочих «Поалей-Цион» объявил о своем роспуске и созвал для этой цели в пятимесячный срок партийный конгресс. В течение двух месяцев после конгресса постановление о роспуске должно быть проведено в жизнь и члены бывшего Всемирного Союза должны вступить в отдельные секции Коминтерна. Дальнейшими условиями приема являются: безоговорочное принятие тезисов II и III Конгрессов Коминтерна и радикальный разрыв с сионистскими тенденциями и теориями. Кроме того, еврейские товарищи должны высказаться против еврейских колониционных стремлений в Палестине, которые прежде всего имеют в виду интересы английского империализма.

По вопросу о приеме польского «Идишер Арбейтер Бунд» работала особая комиссия, на основании доклада которой Исполком предложил Бунду порвать с центристскими элементами.

УБИЙСТВО РУМЫНСКИХ КОММУНИСТОВ.

Заключенные в тюрьме Вакаренши коммунисты подготавливали бегство из тюрьмы. Получив об этом сведения, администрация тюрьмы поместил в камеры, где содержались коммунисты, своих агентов, которые должны были симулировать помощь в исполнении этого плана. Кроме того, с провокационной целью численность внутренней стражи была значительно сокращена; внешняя же сильно увеличена. В ночь, когда заключенным удалось войти за ограду крепости, стражей был открыт ружейный и пулеметный огонь, которым были убиты: член парламента *Борис Стефанов*; *Д. Фабиан*, бывший главный редактор газеты «Социализмъ»; *Вася (Василеску)*, заведывавший социалистическим (коммунистическим) издательством; *К. Попович*, секретарь Генеральной Комиссии Румынских Профсоюзов; *Штемберг* и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Constitution of the Socialist Labor Party of the United States of America adopted at the Eleventh National Convention New York, July, 1904, amended at the National Conventions New York 1908, '12, '16, '20.—30 стр. in 16'.

(Устав Социалистической Рабочей Партии Соединенных Штатов Америки, принятый Одиннадцатым Партийным Съездом в Нью-Йорке, в июле 1904 г., с поправками, принятыми партийными съездами в Нью-Йорке в 1908, 12, 16, 20 г.).

2. The S. L. P. and The S. P. — The Difference between the Socialist Party and the Socialist Labor Party.—Publ. by the Nat. Exec. Comm., S. L. P.—4 стр. больш. in 8'.

(С. Р. П. и С. П.—Различие между Социалистической Партией и Социалистической Рабочей Партией.—Издание Центрального Исполнительного Комитета С. Р. П.).

3. Socialist Party, Fusion, Compromise, and Political Trading.—Price 10 cents.—publsh. 1920, Nat. Exec. Comm. S. L. P. 45 Rose St., New York, N. Y. 16 стр. in 8'.

(Социалистическая Партия, слияние, компромисс и политическое торговательство).

4. The Mines to the Miner!—A Call to Action (Revised Edition)—Price 5 cents. 1919; 16 стр. in 8'.

(Рудники горнорабочим!—Призыв к действию.—Пересмотренное издание.—Цена 5 центов. 1919).

5. Railway Workers wake up!—A Call to Action.—Price 5 cents, 1921; 16 стр. in 8'.

(Рабочие железных дорог, проснитесь!—Призыв к действию.—Цена 5 центов.)

6. Unemployment—(Безработица) 4 стр. 8'.

7. Industrial Poisonage—Is that to be the Fruit of the War for Democracy?—4 стр. in 4'.

(Промышленное отравление.—Таковы ли должны быть плоды «войны за демократию?»).

8. The Labor Faker in Panic—(Снекаяция рабочего движения в панике).—4 стр. in 4'.

9. The Russian Soviet Republic of Workers and Peasants—Who and What are the Bolsheviks?—4 стр. in 4'.

(Российская Советская Республика Рабочих и Крестьян—Кто и что такое большевики?)

10. The Russian Soviets and The American Socialist Labor Party.—Price 10 cents. 1919.—29 стр. in 8'.

(Российские Советы и Американская Социалистическая Рабочая Партия.—Цена 10 центов).

Перечисленные издания Центрального Исполнительного Комитета Американской Социалистической Рабочей Партии освещают позицию ее в различных вопросах рабочего движения и вносят долю, правда, неполную, но в общем довольно живое представление об этой партии, которая и по теории своей и по исходным своим принципам социального пе-

реустройства стоит ближе всех других американских партий и организаций к русским большевикам». Сравнительный характеристике российской и американской большевизма посвящен брошюра «The Russian Soviets and The American Socialist Labor Party», подготавливающая признаний и т. Ленинки приоритет американцев в формулировке идеи советской власти. Эта идея была впервые выдвинута и развита в схеме индустриального юнкизма покойным Денизелом Делеоном, вождем Социалистической Рабочей Партии.

Со стороны партии знакомим нас устав ее. Краткий очерк истории ее за последние 25 лет дан в листовке, заглавие которой приведено выше под № 2. В этой же листовке изложена главная пружина расхождения, оплечающие революционную «Социалистическую Рабочую Партию» от реформистской «Социалистической Партии», образовавшейся в 1899 г. путем слияния отколовшейся от Соц. Раб. Партии группы оппортунистов с Деббсовской социал-демократией. Расхождение между этими партиями глубокое и по всем злободневным вопросам политической жизни (по вопросам о профсоюзах, о партийной прессе, о наделовом обложении, об автономии оплещенных штатов, о ближайших преобразованиях) и по основному вопросу о переустройстве общества. Разоблачению ложности политического торговательства, примененного «Социалистической Партией», особенно во время избирательных кампаний, посвящена брошюра, приведенная под № 3. Здесь дано документальное обоснование сделанной предсидателем Коминтерна характеристике Маркса Хилкита и ему подобных «вождей» рабочего класса, как изменников рабочему делу.

Брошюры, указанные под №№ 4 и 5, являются призывами к действию, обращенными к горнорабочим и железнодорожникам, и выдвигают лозунги: «Все оружие производства всему народу!» и «Долой рабство наемного труда!»

Тот же лозунг «Долой рабство наемного труда!» звучит и в агитационной листовке о безработице. Листовка № 7 выдвигает, ввиду тех последствий, к которым привело «война за демократию», необходимость мощнейшей политической и экономической организации рабочего класса «на открыто-революционной основе, с прямо поставленной целью уничтожения капиталистического строя. Листовка № 8 рисует условия, в которых приходится вести экономическую борьбу американским рабочим, еще терпящим в своих профсоюзах заведомо недобросовестных бюрократов. Письмо председателя союза горнорабочих об исключении из союза членов Социалистической Рабочей Партии свидетельствует о некоторой перемене к лучшему в этом отношении, так как бюрократия профессиональных союзов обеспокоена ростом революционных идей в рабочих массах, связывающихся в усиливающееся влияние на них Соц. Раб. Партии.

ПОМОЦЬ ГОЛОДАЮЩИМ!

СОДЕРЖАНИЕ 18-го НОМЕРА.

— 000 —

	СТР.		СТР.
Нашим читателям	4457	В. Пик. Партийный конфликт в Объединенной Коммунистической Партии Германии	4611
Г. Зиновьев. Новая тактика Коминтерна	4459	Б. Куп. От сектанства к контр-революции. (К вопросу о К. Р. П. Г.)	4621
III Конгресс Коммунистического Интернационала (речь Г. Зиновьева на открытии конгресса)	4479	Ардито Россо. Перспективы и уроки революционного кризиса в Италии	4643
И. Ленин. Тактика Р. К. П. (речь на III Конгрессе Коминтерна)	4489	М. Бородин. Забастовка английских углекопов и ее уроки	4663
А. Лозовский. Первый Международный Конгресс Революционных Профессиональных Союзов	4505	Л. Фрайна. Положение в Америке	4693
В. Войнич. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи	4527	В. Д. Хейнд. Детский труд и благотворительность в Америке	4707
И. Лекай. Итоги Второго Конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи	4531	Сен Катайма. Япония и грядущая социальная революция	4711
Л. Шацки. Коммунистические Союзы Молодежи и Коммунистические Партии	4540	Н. Советская Россия и революция в Польше	4723
Н. Ленин. Империализм и капитализм	4552	К. Чильбум. Борьба между Амстердамом и Москвой в шведском профессиональном движении	4735
К. Радек. Очерки мировой политики	4557	М. Цхакая. Грузия под пятой меньшевиков	4747
В. Милютин. О голоде в Советской России	4573	Деятельность Исполнительного Комитета после III Конгресса	4757
Е. Варга. Поворот в экономической политике Советской России	4585	Убийство руднянских коммунистов	4769
Ф. Г. Съезд Коммунистической Партии Германии	4603	Библиография	4771

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И:

III Конгресс Коминтерна. Представительница Женщин Востока произносит речь на Красной площади	4467
» » » Пленарное заседание Конгресса	между 4516—4517
» » » Группа делегатов-норвежцев	4556
» » » Пленарное заседание Конгресса	между 4580—4581
» » » Тов. Троцкий произносит речь на Красной площади	4669
» » » Группа делегатов-датчан	4619
» » » Группа членов Президиума Конгресса	между 4644—4645
» » » Тов. Радек произносит речь на Красной площади	4703
» » » Группа балканских и др. делегатов	между 4708—4709
» » » Тов. Троцкий произносит речь на Красной площади	4709

ОПЕЧАТКА: В статье В. Милютина: О голоде в Советской России, стр. 4573, 3-ья строка снизу:

печатано:

Маратская

следует читать:

Марийская.

— 000 —

Петроград, 8 октября 1921 г.

Ст. 4. Верховный орган Коммунистического Интернационала является всемирный конгресс всех партий и организаций, входящих в состав его. Всемирный конгресс собирается по праву не реже одного раза в год. Только всемирный конгресс имеет право изменять программу Коммунистического Интернационала. Всемирный конгресс обсуждает и решает наиболее важные программные и тактические вопросы, связанные с деятельностью Коммунистического Интернационала. Число решающих голосов для каждой партии и организации на всемирном конгрессе определяется особым постановлением конгресса.

Ст. 5. Всемирный конгресс избирает Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала, который является руководящим органом Коммунистического Интернационала в периоды между всемирными конгрессами Коммунистического Интернационала и который подготавливает только всемирному конгрессу.

Ст. 6. Местопребывание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала каждая раз определяется всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала.

Ст. 7. Экстренный всемирный конгресс Коммунистического Интернационала может быть созван либо по постановлению Исполнительного Комитета либо по требованию половины партий, входящих в состав Коммунистического Интернационала на последнем всемирном конгрессе.

Ст. 8. Главная часть работы в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала лежит на партии той страны, где по постановлению всемирного конгресса имеет местопребывание Исполнительный Комитет.

Партия этой страны вводит в Исполнительный Комитет пять своих представителей с решающим голосом. Кроме того, в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала входят по одному представителю с решающим голосом от 10—12 наиболее крупных коммунистических партий, список которых утверждается очередным всемирным конгрессом Коммунистического Интернационала. Остальные партии и организации, принятые в Коммунистический Интернационал, имеют право послать в Исполнительный Комитет по одному представителю с совещательным голосом.

Ст. 9. Исполнительный Комитет руководит всей работой Коммунистического Интернационала от съезда до съезда, издает не менее чем на четырех языках центральный орган Коммунистического Интернационала (журнал «Коммунистический Интернационал»), выступает с необходимыми воззваниями от имени Коммунистического Интернационала и берет обязательные для всех директивы всех тех партий и организаций, которые входят в Коммунистический Интернационал. Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала принадлежат право требовать от оформленных партий исключения групп и лиц нарушающих международную дисциплину, а также исключать из Коммунистического Интернационала такие партии, которые нарушают постановления всемирного конгресса. Эти партии имеют право апеллировать к всемирному конгрессу. В случаях необходимости Исполнительный Комитет организует в различных странах свои технические и иные вспомогательные бюро, целиком подчиненные Исполнительному Комитету. Представители Исполнительного Комитета выполняют свои политические задания в теснейшем кон-

такте с центральным комитетом коммунистической партии данной страны.

Ст. 10. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право принимать в свою среду с совещательным голосом представителей организаций и партий, не принятых в состав Коммунистического Интернационала, но входящих в организации, сочувствующими коммунизму и приближающимися к нему.

Ст. 11. Органы всех партий и организаций, входящих в Коммунистический Интернационал и числящихся в составе сочувствующих Коммунистическому Интернационалу, обязаны печатать все официальные постановления Коммунистического Интернационала и его Исполнительного Комитета.

Ст. 12. Общая социальная-политическая обстановка во всей Европе и Америке диктует коммунистам всего мира необходимость создавать негосударственные коммунистические организации параллельно с легальной организацией. Исполнительный Комитет обязан садиться за то, чтобы это было проведено в жизнь поскорее.

Ст. 13. По праву, все важнейшие политические сношения между отдельными партиями, входящими в Коммунистический Интернационал, ведутся через Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. В случаях спешных сношениях ведутся непосредственно, но одновременно об этом сообщается Исполнительному Комитету Коммунистического Интернационала.

Ст. 14. Профессиональные союзы, стоящие на почве коммунизма и объединяющиеся в международном масштабе под контролем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, образуют профессиональную секцию Коммунистического Интернационала. Коммунистические профессиональные союзы состояют своих представителей на всемирных конгрессах Коммунистического Интернационала через коммунистические партии данных стран. Секция профессиональных союзов Коммунистического Интернационала делегирует одного своего представителя в Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала с решающим голосом. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право послать в секцию профессиональных союзов Коммунистического Интернационала своего представителя с решающим голосом.

Ст. 15. Международный Союз Коммунистической Молодежи является подоправным членом Коммунистического Интернационала и подчинен его Исполнительному Комитету. В Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала делегируется один представитель Исполнительного Комитета Международного Союза Коммунистической Молодежи с решающим голосом. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала имеет право послать в исполнительный орган Международного Союза Коммунистической Молодежи своего представителя с решающим голосом.

Ст. 16. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала утверждает Международного Секретаря Коммунистического Женского движения и организует Женскую секцию Коммунистического Интернационала.

Ст. 17. При переезде из одной страны в другую, каждый член Коммунистического Интернационала встречает братскую поддержку со стороны местных членов III Интернационала.

28-я Государственная типография.
Петроград, Инженерный, 28.
